

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРЮКСКИЕ ЗОРЬ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2019

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ

В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2019 — 2(55)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Талант и гений, или две высшие формы развития субъекта интуитивно-художественного познания (К 220-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина)..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев, Олеся Янгол. Ночи Дианы: из книги «Побережье наших грез» (продолжение)..... 21

Борис Рябухин. Полые воды (роман)..... 30

Геннадий Маркин. Горькое воскресенье (глава из повести)..... 44

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Иванов. Северный ветер..... 53

Алексей Яшин. «Вот мчится тройка почтовая...»..... 68

Виктор Мельников. Попутчики..... 85

Василий Федосеев. Поэма предгрозы..... 93

Ольга Пашкевич. Лжепремия..... 104

Яков Шафран. «Великий» поэт..... 108

Михаил Спивак. Рассказы..... 111

Елизавета Волынская. История одной дружбы..... 117

Ольга и Наталья Артемовы. Обман..... 123

Федор Ошевнев. Шоколадный символ воли..... 127

Галина Зеленкина. Про девочку, которая не любила читать..... 130

Михаил Смирнов. Люди-птицы..... 134

Николай Макаров. Спецпропагандист..... 141

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин. Новые стихотворения..... 144

Валерий Савостьянов. Часовые Аджимушкая..... 148

Николай Тимохин. «Печаль непройденных дорог» (переводы сонетов Джона Китса)..... 157

Петр Свистунов. К 75-летию битвы под Москвой..... 161

Василий Домрачев. Думал — вечная тропа..... 166

Игорь Елисеев. Стихи о горах..... 170

Леонид Щербина. Стихотворения..... 173

Юрий Токарь. Новые стихи..... 177

Андрей Линник. Сонеты..... 179

Владимир Корнилов. «Весенние мелодии»..... 182

Людмила Козлова. Из книги «Странница войны»..... 185

Александр Конопля. Ночь перед Рождеством (к 210-летию Н. В. Гоголя).....	189
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ	
«Больной считает себя поэтом...» О творчестве Вениамина Блаженного (предисл. и сост. Анатолий Аврутин).....	191
Михаил Майоров. Чаадаевы, Непенены, Толстые — «сумасшедшая» гордость земли тульской (К 225-летию П. Я. Чаадаева).....	207
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Елена Оленич. Тульский областной художественный музей: от здания к зданию. Долгий путь домой (К 100-летию музея).....	213
Игорь Карлов. Мы верим твердо... ..	219
Райнгольд Шульц. Образцово-показательный объект.....	227
Валерий Румянцев. Литературная жизнь: триумф или коллапс?	232
Вадимир Трусков. Критика чистого чувства? (О романе А. А. Яшина «Женщина в человеке»).....	241
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	
(Материалы авторов и об авторах: Николай Макаров, Яков Шафран, Сергей Сенин, Евгений Скоблов, Владимир Резцов, Николай Тимохин, Борис Рябухин, Петр Алешкин, Юрий Бондарев, Николай Иванов, Иосиф Кобзон, Анатолий Аврутин, Владимир Корнилов, Белла Верникова, Ефим Гаммер, Людмила Козлова).....	245

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) —
 зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
 литературы Поволжья
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
 зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам.
 председателя Правления АРЛ
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск,
 Казахстан) — и.о. зав. отделом поэзии
 Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом
 критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный
 президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немага литературная»
 (Минск, Белоруссия)
 — «Общеписательская литературная газета»
 (Москва)
 — газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).
 См. также на сайте «Русское поле»:
<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте
 «Мегалит: евразийский журнальный портал»:
<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>
 Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори»
 публикуется в электронном виде на сайтах:
<http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>,
<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и
<http://priokskie.ruspole.info>

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха
 «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе
 русскоязычных литературных журналов и альма-
 нахов:
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg>

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и
 «Ковчега» в Фэйсбуке:
<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>
<https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts>

© «Приокские зори», 2019

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ТАЛАНТ И ГЕНИЙ, ИЛИ ДВЕ ВЫСШИЕ ФОРМЫ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА ИНТУИТИВНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

К 220-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

В настоящей «колонке» затрагивается тема дифференциации субъектов художественного познания. Это настолько сложный вопрос, что, не затрагивая общих оснований для характеристики такого разделения, определим лишь различие таланта и гения — двух высших форм развития субъекта познания. Следуя установившейся традиции, рассмотрим этот вопрос на примере пушкинского «Моцарта и Сальери». Определение Пушкина, как кажется, наиболее близко к истине. Попутно — и в контексте основной темы — коснемся специфического вопроса о музыке.

Гений и талант — нечто совершенно различающееся. Можно сказать: ступени лестницы, ведущие от питательной равнины усредненного интеллекта через подножие и склоны холма таланта к вершине гения, становятся все уже и уже, круче и круче, а самая верхняя ступенька таланта кончается... стеной, и только подпрыгнув, можно за ней увидеть пьедестал вершины; гении туда, — понимает подпрыгнувший по лестнице, — попадают другим путем. И никто в мире не укажет ему этот путь. И очень часто такой, остановленный стеной, талант впадает в безумие, тщетное безумие жреца Дельфийского оракула; и верно, кто не поймет душою это безумие отчаявшегося: чем больше тот думает, чем же он, умный и трудолюбивый, философ и аскет, хуже случаем избранной богами для аполлоновского излияния пещеры, тем больше его безумие и отчаяние. Но, с другой стороны, Греции нужен оракул, он — естественен, он — сокровенен, а похожие жрецы сидят около бесчисленных кумирен, чуть ли не у каждого придорожного камня?

С двоякого, неразрешимого предвзято и примитивно вопроса начинается каждая из избранного числа извечных тем искусства — миф. Миф о Гении и Таланте так же питает творчество мира, как и миф о Прометее, Эдипе, Одиссее. Как и другие, этот миф в своей тезе и антитезе несет основание трагедии.

На картине Врубеля «Моцарт и Сальери» (1884 г.) — сцена в трактире «Золотого льва». Моцарт, полуотвернувшись от фортепьяно, одной рукой опирается на стол; между пальцами ладони — бокал с отравленным вином. Ладонь второй руки на клавишах. Взгляд в никуда, но можно подумать, что и в пол; состояние невеселой, рассеянной задумчивости. Из тени, в затылок, в спину ему — выжидательный и напряженный взгляд Сальери. Картина написана ради лица Сальери: одно из выражений в мучительном ряду демонологии Врубеля. И Моцарта, и Врубеля погубили демоны, первого — очеловеченный, второго — демон безликого темного безумия. Наверное, художник облику Сальери придавал овеществленный, объективированный образ безрассудного безумия, губящего за чьи-то грехи (чьи? были ли они?).

Но от пушкинского Сальери у Врубеля только выражение лица (но и оно, ох, как спорно...), ибо врубелевский Сальери — парафраз Понтия Пилата: вытирающий руки салфеткой демонический отравитель. Но далеко стоит умелый софист Сальери от

прямодушного римлянина, настолько далеко, что чужд в нашем восприятии ему этот жест, даже как туманный символ.

«В конце 1791 года, когда останки Моцарта исчезли в общей могиле для бедняков на кладбище св. Марка...» — пишет Э. Эррио в «Жизни Бетховена», зная, что есть Сальери, больше искусный версификатор в музыке, чем композитор чуть выше среднего, как сейчас принято говорить, уровня, зная об их, если не дружеских, то приятельских отношениях, большинство было склонно поверить в предсмертные (на одре и ложе плачет истиной!) признания Сальери. Во всяком случае люди искусства, наиболее прямодушные и эмоционально-восприимчивые, по всей Европе вознегодовали. У музыкальных же исполнителей с того времени сложилась традиция не исполнять произведения Антонио Сальери. И долго держалась.

Во всяком случае все это стало неисчерпаемым источником догадок, одним из тех «хлебных» темных пятен истории, в частности, истории искусства, что кормят поколения и поколения литературоведов. Точно так же, как самого Сальери терзала мысль: правда ли Микеланджело убил своего натурщика, чтобы натуральнее передать конвульсии умирающего распятого Спасителя? По самым обширным материалам более склоняются к версии отравления. Хотя... сейчас историю так полюбили переписывать?

А во времена Пушкина эта история еще не была Историей, а свежей и потрясающей вестью пронеслась по цивилизованному миру от Парижа до Петербурга, и он не долго держал великолепную фабулу в запаснике, ибо спешил выразить еще одну мучительно вынашиваемую мысль.

Пушкин понимал, что он гений. Как и Моцарт, он понимал это слово просто, в истинном его смысле, не кокетничая (во всяком случае перед самим собой, все остальное маска). Он и не отказывался от собственной гениальности, как никто из смертных не отказывается от лучших даров природы: красоты, здоровья, ума, таланта, общечтимых качеств души. Услышав это, человек с умом, склонным к экстраполюрованию, сразу воскликнет: так, если гениальность — дар природы, то она и естественна в человеке, ее носителе. А значит, такой человек мало, ничтожно мало задумывается над природой, проявлением и существованием собственной гениальности, как мало думает здоровый, не больной человек о философии и конституции своего здоровья? Таким и был Моцарт. Но Пушкин-то вынашивал, обдумывал идею человека-гения... то есть свою идею: значит, речь идет уже о двух типах. Мы постараемся ниже показать, что гениальность не типизируется, а вполне естественный вопрос о рефлектирующем и нерефлектирующем гении сводится не к личностям, а к первооснове — роду искусства, роду гения.

*...Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две — три мысли.
Сегодня я их набросал. Хотелось
Твое услышать мнение...*

Так просто, не облекая в высокие слова, посреди смеха и игры бродячего «скрыпача», Моцарт говорит о посетившем его накануне вдохновении. Он и не думает скрывать, что является лишь органом, на котором играет Некто — вдохновитель божественных звуков. Моцарт не разъясняет, не анализирует свой творческий процесс: «И в голову пришли мне две-три мысли...» Но если бы он и захотел объяснить, то вряд ли смог это сделать, ибо музыка в этом смысле отличается ото всех других видов искусств. Первым это заметил и лучше всех объяснил Артур Шопенгауэр. В лю-

бой критике, даже в огульно отвергающей до единого все доводы его философии, выделяется последний раздел третьей книги первого тома основного труда Шопенгауэра, раздел о музыке. Повторяю, никто так хорошо не писал о музыке; здесь даже основная гипотеза о Воле шопенгауэровой философии не уводит от сущности изложения.

Он сразу выделяет искусство музыки в специфичное: «...все-таки одно изящное искусство не вошло в наше исследование и войти не должно было, так как в систематической связи нашего изложения для него не оказалось подходящего места: это — **музыка**. Она стоит совершенно особняком ото всех других. Мы не видим в ней подражания, воспроизведения какой-либо идеи, существ нашего мира; и тем не менее она — такое великое и прекрасное искусство, так могуче действует на душу человека и в ней так полно и глубоко им понимается, в качестве всеобщего языка, который своей внятностью превосходит даже язык наглядного мира, — что мы несомненно должны видеть в ней нечто большее, чем «*exeritium arithmeticae occultum nescientis numerare animi...*» («сокрытое арифметическое упражнение души, не умеющей себя вычислить») — слова Лейбница; выделено Шопенгауэром).

Музыка служит выражением сокровенной глубины человеческого существа. И только ли человеческого? А в определенной степени и более низшего; то есть музыка — это самый естественный, первоначальный род искусства, если она присуща общеживотному миру (понятно, это не слова Шопенгауэра, субъективный идеализм которого полагает весь животный мир нашим представлением; следовательно, по его понятиям, животное, воспринимающее музыку, — пресловутые сапоги всмятку).

Приведем объяснение, в котором Шопенгауэр определяет сущность музыки: «Музыка — это **непосредственная** объективация и отпечаток всей воли, подобно самому миру, подобно идеям, умноженное проявление которых составляет мир отдельных вещей. Музыка, следовательно, в противоположность другим искусствам, вовсе не отпечаток идей, а **отпечаток самой воли**, объективностью которой служат и идеи; вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств: ведь последние говорят только о тени, она же — о существе» (выделено Шопенгауэром). Здесь только следует метафизические термины «идея» и «воля» перевести в диалектические: идея, в данном случае, осмысленное логически и подсознательно основание искусства; волю же можно трактовать как саму сущность искусства.

То есть, если любое другое искусство для своего восприятия требует логического мышления, определенного тренинга, работы подсознания, то музыка воспринимается человеком **непосредственно**, комплексно и — безусловно — воспринимается им.

Это отличие музыки, но что она говорит человеку? — «...она раскрывает интимную историю воли, живописует всякое побуждение, всякое стремление, всякое движение ее, все то, что разум объединяет под широким и отрицательным понятием чувства и чего он не в силах уже воспринять в свои абстракции. Поэтому всегда и говорили, что музыка — язык чувства и страсти, как слова — язык разума...».

Музыка — изначальное, поэтому и простое в средствах искусство, как ни парадоксально звучит, это самое неразложимое, целостное искусство имеет своим носителем звуки, подчиняющиеся очень строго простейшей математике. Не зря же Сальери:

*Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию...*

Но это просто, все основополагающее просто, а арифметику и алгебру *материала* нельзя путать с *искусством*, построенном на этом материале. «Поверить алгеброй

гармонию» — не значит рефлексировать, ибо отношение физической теории тонов (учения о гармонии) к сущности музыкального искусства то же, что и отношение силы тяжести и сопротивления материалов к эстетическому эффекту архитектурного сооружения.

Мы вплотную подошли к ответу на первый поставленный вопрос: что есть музыкальное творчество? — *«Изобрести мелодию, раскрыть в ней все глубочайшие тайны человеческого хотения и ощущения, это — дело гения; здесь его творчество очевиднее, чем где бы то ни было: оно далеко от всякой рефлексии и сознательной преднамеренности и может быть названо вдохновением* (здесь и далее выделено нами — А. Я.) *...композитор раскрывает внутреннюю сущность мира и выражает глубочайшую мудрость — на языке, которого его разум не понимает, подобно тому, как сомнамбула в состоянии магнетизма дает откровения о вещах, о которых она наяву не имеет никакого понятия. Вот почему в композиторе больше, чем в каком-нибудь другом художнике, человек совершенно отделен и отличен от художника».* — Так говорит Шопенгауэр.

В этих словах нет никакой мистики; и как лучше можно определить процесс музыкального сочинительства? Итак, гений в музыке, композитор — не рефлексирующий гений, человек и художник — автономны друг от друга в композиторе. Это Пушкин точно подмечает словами Сальери:

*...бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О, Моцарт, Моцарт!*

Впрочем, Моцарт в трагедии пытается один раз описать процесс своего творчества, но эти несколько строк звучат дежурно, и Пушкин, скорее всего, чувствуя дух музыки, вставил эти строки *сознательно* для композиционной ровности и связности, более того, в момент их произнесения Моцарт играет, и слова необходимы для поддержания речевой динамики действия; беспомощно в параллель творению гения и очень общо звучат эти слова:

*Моцарт (говорит и играет):
Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка —
С красоткой или с другом — хоть с тобой
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак, иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.*

(Другое дело, что эти строки несут в себе знамение, провозвестие внезапной гибели Моцарта: «...или с другом — хоть с тобой...» {«с другом» — «с тобой» — «виденье гробовое»} — вот смысловая цепочка, но об этом позже).

«...Ибо музыка *«выражает вовсе не явление, а исключительно внутреннюю сущность, в себе всех явлений, самую волю. Она не выражает поэтому той или другой отдельной радости, той или другой печали, муки, ужаса, ликования, веселья или душевного покоя: нет, она выражает радость, печаль, муку, ужас, ликование, веселье, душевный покой вообще, как такие, сами в себе, до известной степени inabstracto,*

выражает их сущность, безо всякого придатка и без мотивов к ним. Тем не менее мы понимаем ее, в этой извлеченной квинтэссенции в совершенстве» (выделено Шопенгауэром). И продолжает: «Музыка всюду выражает только квинтэссенцию жизни и событий, но вовсе не самые события, различия которых поэтому не должны непременно влиять на нее... **Если, таким образом, музыка приспосабливается к словам и прилагивается к событиям, то она силится говорить на языке, который для нее не родной**» (выделено нами — А. Я.).

И еще одна фраза из Шопенгауэра: «...И вот когда в отдельном случае действительно... композитор сумел высказать на общем языке музыки те волевые движения, которые составляют зерно данного события, тогда мелодия песни, музыка оперы очень выразительны. Но эта найденная композитором аналогия непременно должна вытекать бессознательно для его разума, из непосредственного познания сущности мира и не должна быть сознательно-преднамеренным подражанием с помощью понятий».

Обращаем внимание на последнюю фразу: никто в мире не заставит меня поверить в подобное «сознательно-преднамеренное» подражание Моцарта при сочинении 40-й симфонии или зальцбургских концертов для скрипки с оркестром.

Цель этого пространного экскурса в философию музыки двояка: а) показать, что музыка — не рефлектирующее искусство, и тем самым ответить отрицательно на наличие «типов гения»; гений не табличен, не дробящаяся по каталогам вершина, а значит причину отличающихся взаимоотношений гения и таланта следует искать в разнообразии носителей таланта, но не гения; б) в трагедии Пушкина три действующих лица: Моцарт, Сальери и искусство. Искусство музыки, потому мы определили его специфику, что без знания ее характеры обоих действующих лиц могут быть поняты поверхностно... для этого нам и понадобилась «помощь» Шопенгауэра.

Опять возвратимся к самопониманию Пушкина; он действительно понимал силу своего дара, оценивал свою роль в русской литературе, ибо таланту, гениальному таланту, не свойственны заблуждения в собственной оценке, тем более ложная стыдливость, самоуничтожение. Прямое указание, авторское косвенное утверждение — характер Моцарта. Моцарту и в голову не приходит отрицать свою гениальность:

Сальери:

.....

Какая глубина!

Какая смелость и какая стройность!

Ты, Моцарт, бог, и сам того не замечаешь;

Я знаю, я.

Моцарт:

Ба! Право? может быть...

Но божество мое проголодалось.

Но это простодушное «неотрицание» отнюдь не тяжеловесное, обдуманное признание своих достоинств (где апофеоз: «я, божей милостью, майор!» — у Достоевского...), нет... это нечто предельно естественное, *врожденное сопутствие гения*. Человек-то и гордится тем, что досталось неимоверными усилиями, трудом и еще бог знает чем; все же естественно приданное не оценивается с многопудной значимостью. И верно сказал один из критиков: назови Сальери Моцарта бездарностью, тот согласится из вежливости и сострадания.

Итак, отношением Моцарта к определению и признанию собственной гениально-

сти Пушкин определяет и собственную позицию. Он понимал, кто он есть и абсолютно, и относительно тогдашних имен в русской литературе. И выразил это понимание, в соответствии с тогдашними канонами этики искусства, негативно, через образ героя произведения*.

Теперь на некоторое время от анализа отойдем в сторону синтеза, вернемся к *проблеме самовыражения* (творческого) *гения*.

Не касаясь спорных и поныне вопросов о сущности побуждения к художественному творчеству, что займет слишком много писчих листов и уведет нас в сторону, отметим по принципу фактического и исторического прецедента: всякий активный человек искусства, художественно одаренная натура, и подсознательно, и логически стремится к самовыражению природы своего таланта (причем нерелективное искусство выбирает подсознательный ассоциативный путь, рефлективное — сочетание всех художественных путей). Это подспудное стремление вытеснить, «выговориться» и облекается в форму произведения-самовыражения. Отсюда и не следует считать случайным появлением у каждого большого таланта произведения, исследующего *сущность* таланта, гения.

Моцарт у Пушкина также не случаен, как Ницше у Томаса Манна («Доктор Фаустус»), собственно Фауст — у Гёте, Иисус Христос — князь Мышкин — у Федора Достоевского, своеобразный гений Пьер Безухов — у Льва Толстого и еще более своеобразный *Очарованный странник* у Лескова.

Таким образом, если и считать зависть темой «Моцарта и Сальери», то это будет своего рода «рабочая тема», художественное же творческое основоположение трагедии — извечная тема мучительного, до конца никогда не доводимого самовыражения *сущности гения*.

В этом смысле для нас есть загадка (чувствую: в ней и ответ) слова:

*Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль?..*

Моцарт простодушен, но коль скоро Сальери (а тот пытается все время повернуть к этому) с трудом втягивает его в разговор о смысле гения — это основной вопрос, что мучит Сальери на протяжении всей пьесы — тот, словно опасаясь, уходит от разговора в словесном и в прямом смысле:

* Через 80 лет другой поэт, поэт очень русский и очень талантливый, уже в соответствии с другими канонами литературной этики решал эту задачу:

*Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсегоднооэкранен!
Я повсесердно утвержден!*

*.....
Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.*

(Игорь Северянин, «Эпилог»)

1) Моцарт:

*Ба! право? может быть...
Но божество мое проголодалось.
<И «уходит»>:*

*...схожу домой, сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.*

2) Моцарт:

*.....
Не правда ль?
<«уходит»>: Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду засну.
Прощай же!*

Это, конечно, совпадение, но есть совпадение и *совпадения*!

Что же следует? Следует то, что Пушкин беспрерывно сам себе задает вопрос о сущности гения. Это говорит о неотступной сверхидее «Моцарта и Сальери», но это же говорит и о том, что, может, он и хотел ответить трагедией, написанием ее на болезненно пульсирующий вопрос, но... или не почувствовал себя готовым, или вопрос этот временно отступил перед ним, а пьеса продолжалась по другому пути, и стала она одним большим вопросом. Оттого-то получила она вопросительный и безо всяких ухищрений оборванный конец. И только этим можно объяснить для внимательно-го взгляда просвечивающую двуидею трагедии. Но в целостном восприятии преобладает, побеждает идея мифа «Гений и Талант». Неисповедимы пути творчества, и произведение очень часто ускользает своим путем, отличным от авторского замысла. «Моцарт и Сальери» — образец такой «автономии», но только очень сложный образец.

Ниже приводятся две цитаты; как нам кажется, первая из них характеризует творческое состояние художника, старающегося воплотить в произведении свою мысль (сверхидея Пушкина в «Моцарте и Сальери»), вторая показывает, что произведение может в своей идее ускользнуть от первоначального замысла художника (так «Моцарт и Сальери» стал трагедией зависти):

«Всякий раз, когда творческая сила доминирует, человеческая жизнь направляется и формируется подсознательным против активной воли, и сознательное «я» уносится подземным потоком, будучи ни чем иным, как беспомощным наблюдателем событий. Произведение в итоге становится судьбой поэта и определяет его психическое развитие. Не Гёте создал Фауста, но Фауст создал Гёте...»

«Искусство — род врожденного стимула, который охватывает человеческое существо и делает его своим инструментом. Художник — это не личность, одаренная свободной волей, которая стремится к своим собственным целям, но тот, кто позволяет через себя искусству реализовать его цели; как человеческое существо он может иметь определенное расположение духа, волю и личные цели, но как художник он — человек в более высоком смысле, — он «коллективный человек», тот, кто выражает и формирует бессознательную психическую жизнь человечества» (К. Г. Юнг).

Многое соответствует истине.

«...Не Гёте создал Фауста, но Фауст создал Гёте». В этих словах зачаток совершенно своеобразной мысли, мысли об обратном воздействии, обратной связи художника и произведения как *воплощенной идеи*.

Если художник дает в произведении полярную расшифровку мифа, прямо выказывает свое отношение к герою — симпатии, к злодею — обличительную ненависть,

то получается обличительная сатира или нравоучительная драма. Но трагедия вырастает на почве мифа *при абсолютном понимании художником всех движущих качеств героя и антигероя*. Трагедия она потому и трагедия, что абсолютно все взвесивший и понимающий художник не может разрешить конфликт, ибо он и неразрешим, то есть трагедия обнажает первозданный скелет мифа, который потому и вечен в искусстве, что неразрешим до конца и бесконечен; в математике — постулаты, в искусстве — трагические мифы. И то, и другое — вечно, неразрешимо, недоказуемо в границах реальности, присущих им. Поэтому, чтобы выразить природу постулатов, изобретаются трансцендентные математики, а в искусстве предпринимается выход «по ту сторону добра и зла», в символизм, в спекулятивные философии; кое для кого достаточно и *deusauxmachina*. Иной мыслитель всю жизнь мучительно ищет то сокровенное слово, ту мысль, ту мораль и ту психологию, где бы разрешилась сфинксова загадка двутрагичности мифа. И, пожалуй, самым трагическим гением был здесь Фридрих Ницше; кончив поиски уже названного выше «добра и зла», начал он их с идеи патологического обличения, привносимого трагедией:

«Трагический миф» (выделено Ницше) надо понимать только как символическое выражение дионисовой мудрости аполлоновскими художественными средствами; он приводит мир явлений к тем границам, где последний отрицает сам себя и ищет снова убежища в недрах единой истинной реальности, и затем как бы поет вместе с Изольдой ее метафизическую лебединую песнь:

*В море блаженства
подвижных волнах,
в волне аромата
звучащих струнах,
в дыханье вселенной
летающих мирах —
упиться — забыться —
впасть в небытие —
счастье мое!»*

Если теперь к понятию «обратной связи» и «трагического мифа» в отношении «Моцарта и Сальери» добавим Пушкина с его реальным литературным окружением и все это попробуем представить пропущенным через фильтр творческого «Я» поэта? — Это не праздный и досужий вопрос; это просто очередной вопрос в нашем анализе пушкинской трагедии.

Опять возвращаемся к исходному. Пушкин понимал силу и исключительность своего таланта, гениального таланта. Но в его-то времена это было не общеизвестно, не общепринято бесспорно. (Да точно так же и Моцарта при жизни не все далеко почитали за гения.) Многие, ныне полузабытые имена поэтов пушкинской поры звучали тогда громче, чем имя полуопального поэта. Но самое главное — был Жуковский. Судьба, то ли к огорчению, то ли к счастью свела их в одно творческое время. В чем-то они были схожи (даже предки их обоих передали с восточной — одного с турецкой, другого с эфиопской — кровью и частичку самого духа Ориента, взбудоражив спокойное вырождение российских дворянских родов), в большем — различны: и в поэзии, и в жизни. Впрочем, судьба уже после уравнила их обоих; с течением времени, вплоть до наших дней, добавила недостаточному недостающее, отобрала излишнее. Скорее всего сложилась такая ситуация, когда в отношении Жуковского Пушкин, как это не дико сейчас звучит, порой испытывал *комплекс сальеризма*.

Сразу спешим дополнить: редко кого даже из гениев минует этот комплекс, и не-

обязательно, как и было в случае Пушкина, проявляться он должен прямо: в словах, в сатире, в откровенной зависти. Это чувство очень тонко, почти всегда подсознательно, стыдящийся их гений гонит прочь, но они вновь и вновь выступают, исподволь окутывают, подправляют совсем другие мысли и тайком, побоку остаются уже в нестираемых строчках. Должно быть понятно, как далек Пушкин от образа созданного им Сальери. Но проникли в пушкинские стихи, в строки трагедии невольные мысли: вдохновенный романтик Жуковский и тщательный, трудолюбивый гений Пушкина; ведь достаточно познакомиться с его черновыми вариантами стихов; например, 36 строкам окончательного текста «Воспоминания» предшествовало 126 строк чернового текста:

*«Уильным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой...»*

*«Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим **трудом**...»*

*«Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О, Моцарт, Моцарт!»*

Вот куда прорвались отгоняемые, как мухи, мысли! Таким образом, перед нами *двойное и двуединое* авторское самовыражение в образах Сальери и Моцарта: первое — чисто подсознательное, угнетаемое активной мыслью, второе — полнокровное, осмысленное и прочувствованное. И теперь сложность уже в третьей степени: хитроумнейшая, стоящая тысяч Макиавеллей, ассоциативная память художника хранит воспоминание о каждой, даже ничтожной мыслишке, и после приданного ей контрмысла, в момент творчества запечатлеваемая в произведении идея в основе следует логике автора, как судно слушается руля, тут же испытывая колебания в ту и другую сторону из-за противоречащей курсу силы ветра, но вступает третья, корректирующая вторую, алогическую мысль; в аналогии с судном — это чисто интуитивные поправки руля штурвальным. Если это понятно, то легко понять и поведение Сальери, который подсознательно, на протяжении всей трагедии, отгоняет мысль кощунственную и преступную.

То есть, если вторая, алогическая мысль автора находит удовлетворение в словесном уничтожении гения (практический человек устраняет физически, художник может убить и на бумаге, получив тот же эффект мщенья, устранения и пр.), то третья мысль, тоже алогическая, старается устранить мысль вторую, но при этом она не должна переходить в активную область логического мышления, ибо тогда все рухнет, и художник должен будет видеть в себе не гения, а низкого завистника, *патологического завистника*. Потому так и стеснена в средствах третья мысль. Вот она-то и проявляется в пьесе как самоизгнание преступной мысли у Сальери.

Только художник, раздваивающийся в противоречиях героев, понимает суть, сущность мифа. Поэтому признак автора гениального произведения, признак его гения — существование в единстве созидающего и отвергающего начал, ибо в этом диалектическом противостоянии есть движущая сила гениального художника. А понятый обобщенно, философски «комплекс сальеризма» — это и есть отвергающее в самом себе критическое начало.

Возможно, предложенная выше теория вызовет сомнения: дробление в бесконечно малом и уничтожение за малым основного, от чего отправлялись <?>. Но не напрасно ли в анализе, художественном анализе, пренебрегают истинами и догадками более высоких порядков, признавая лишь факты и факты, ну, положим, еще и умозаключения самого первого ранга, близкие к очевидности.

Нас не оставляет одно сомнение в методике оценок художественных творений и самой типологии мышления художника; дело вот в чем: некогда и крепко запомнилась прочитанная (или услышанная?) фраза: *легко, мол, представить процесс мышления некоего среднего человека, но как и подступиться-то к мысли Гегеля; как понять всю сложность его мышления?*.. И так далее.

Действительно, затруднительно понять, постигнуть технику творческого мышления Гегеля, Канта, да и Платона, и Аристотеля; куда как трудно их понять, например, по сравнению с логикой Бюхнера, Фрэнсиса Бэкона, да даже и хитроумного Бенедикта Спинозы.

Можно примерно догадываться о мыслях философов-поэтов: Ницше, Кьеркегора, русских — сплошь литературных философов: В. Ф. Одоевского, Розанова, Бердяева, Булгакова, Вяч. Иванова и др. Понятны и пантеисты буддистско-ведического толка во главе с Артуром Шопенгауэром.

Но помилуйте! — Если философы строят логические или логико-поэтические системы мировоззрения, то люди художественного творчества, уже имея этот запас (свой или заимствованный) умозаключений, производят облечение мыслительного скелета в формы образов, характеров, сложнейшими способами комбинируя, учитывая взаимные влияния, отрабатывая до тонкостей, до мельчайших нюансов любую идею и сопутствующую «идейку»! То есть, помимо логической работы философа, художник подключает и механизм подсознательного творчества! → Так почему же, трепетно относясь и не рискуя понапрасну проникать в мозг мыслителя *категориями*, так смело и с примитивными приемами вторгаться чуть не на тройках и с песнями в мастерскую мыслителя *образами*? И что печальнее всего — не желают этого понять, отбиваясь от всех попыток мыслить чуть поглубже «новогодними» статьями или благодушными дискуссиями авторитета и «переборщика».

Ведь в конце концов указание на психологический сальеризм у Пушкина не обедняет, а наоборот — *ad maiorem gloriam* — прибавляет!

Другое дело, когда гипертрофированный сальеризм проявляется у великого, к тому же хитроумнейшего европейца. Мы имеем в виду Бернарда Шоу. Здесь дело и более запутанно (им самим), и более ясно.

Заканчивая *intermezzo*, напомним о конечных причинах его введения в очерк о Пушкине: в таких тонких работах, как определение гения, таланта и их взаимоотношений, и подход должен быть более тонок, чем простое жонглирование «несомненными фактами». Этого мы и стараемся придерживаться в данной работе. С другой стороны, в настоящее время наблюдается монополяризация в критике и литературоведении, по крайней мере, внешняя, формальная, когда даже принципиальные разногласия решаются не в прямой полемике, не в непосредственном противопоставлении доводов, тех же фактов, а в умалчиваниях, в намеках, словом — в тайной дипломатии и в войнах силами флангов и инвалидных команд. С другой стороны, в литературоведении наблюдается и наблюдалась методика «исключающего подхода». В работе Льва Шестова о Шекспире, написанной как (знаменитое толстовское определение) «критика на критику критика» Георга Брандеса. Прочитав также ругаемый Шестовым капитальный трехтомный труд Георга Брандеса, расположенный (что тоже возмутило Шестова) на 1250 страницах, можно получить представление о классически-разнополярной критике, где на всякое *А* одного писателя находится уничтожающее *Б* другого. Здесь одно несомненно: четко выраженная авторская идея.

Сальери. Несомненный талант. Достаточно прослушать несколько отрывков из его симфонических и оперных сочинений: совершеннейшая техника композиторского мастерства, законченность оркестровок превосхищена лаконичностью и той самой алгебраической выверенностью музыкального построения произведения. И, слушая Сальери, понимаешь изначальный, не афоризированный еще смысл пушкинских строк в монологе «завистника» — Антонио Сальери:

*...Труден первый шаг
И скучен первый путь. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.*

Представлен путь таланта, представлен со всей краткостью и убедительностью, именно *путь таланта*, умный, логичный, продуманный путь, даже через «скучный» первый путь, через сознательное овладение ремеслом — подножием искусства. По концентрированной сдержанности эти строки — лучшие в смысловой поэзии Пушкина, а начиная с них чтение «Моцарта и Сальери», сразу постигаешь мучительную, трагедийную коллизию пьесы.

История и коварная людская молва сыграла после смерти Антонио Сальери с ним жестокую шутку. А ведь он был выдающимся композитором в свое время. И время-то было не временем безликих посредственностей, это было время (по определению Романа Роллана) *великих творческих эпох*. И имя Сальери называли в числе первых среди знаменитых композиторов, создателей венской школы музыкального искусства. Не только великий Моцарт был другом Антонио Сальери, но его другом был и Бетховен! Одно это заставляет презреть летучее мнение о подражательном характере музыки Сальери.

Но... другие «но». Следует помнить и о той легкости, с которой Сальери перешел от «пиччинистов» в лагерь сторонников и учеников Глюка. Но цитированные строки Пушкина из первого монолога Сальери слишком много говорят: Сальери был трудолюбивый, необыкновенно талантливый, умный, даже — мыслящий музыкант, композитор. Но Бог не одарил его избранной гениальностью. И как гений, Моцарт мог быть единственно выбран Пушкиным для придания художественно-поэтической формы обдумываемому им мифу о Гении и Таланте, так антитезой ему — не упрощенной, не схематичной, но сложной, противоречивой — мог быть тоже единственно взят трагический Антонио Сальери. Ибо только неординарная антитеза придает мифу глубокий, художественно воплощаемый трагизм:

*Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.*

Начало пьесы с антитезы. Начало классической греческой трагедии. Сопоставим с окончанием:

*Ты заснешь
Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?*

Начинается с пессимистического утверждения, а заканчивается вопросом, разрешимость которого не лежит в границах обычной человеческой этики, морали. Пушкин избрал (вольно или невольно, повинувшись художественному чутью) эту классическую схему трагедии-мифа: от вопроса-утверждения пессимистического начала к вопросу-загадке. Если взять самую великую трагедию античности, то увидим ту же, единственную в своей конструкции совершенства, схему начала и конца. (см. «Эдип в Колоне»).

Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма
— глубочайший пессимизм Сальери, и «правда» — высший мировой закон, который ему не преступить, хотя он и пытается его обойти «по ту сторону» человеческой морали, дерзнув преступить границы дозволенного той же всемирной «правдой». В трех строках начала трагедии заключено все ее содержание и читается ответ на последний вопрос трагического героя пьесы.

Талант сам по себе трагичен. Исток трагедии — в наделении человека талантом:

*Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке...*

Первая ипостась трагедии таланта: после начальных слез — ощущение искры божией, после сладостных моментов отрешения, еще в детстве — ранний же аскетизм, всесожжение во имя развития таланта. Но эта ипостась кончается радостью преодоления:

*Усильным напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! Никогда я зависти не знал...*

Это время упоения, время откровения, когда талант питает сам себя, не приходя в

соприкосновение с ортодоксальной человеческой психологией мышления; это время юности таланта, не человека, но обязательно Таланта. Юность таланта также безмятежна и самоуверенна, как и юность человека. В развитии монолога Сальери наступает момент, когда подсознательно сдерживающие шлюзы *основной мысли* больше не в силах противостоять напору основной, терзающей его мысли; ломается линия воспоминания о безмятежном, о *беззавистном*... Комом снежным нарастает, обрушивается, все захватывает, как зубная боль, терзающая мысль:

*Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущую бессильно?
Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.— О, небо!*

Но Сальери не булгаковский Рюхин из «Мастера и Маргариты» («*Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...*»)? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся,— стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»), разум его пытается направить зависть в логическое русло; логика же не может принести ответа Сальери, ибо мысль вновь и вновь начинает перебирать воспоминания собственной жизни, логически Сальери мыслит только до Вопроса:

*Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О, Моцарт, Моцарт!»*

Ярость зависти лишает Сальери и части ума: его преимущественного перед Моцартом ценза; в дурмане завладевшей им еще некогда мысли он интровертируется сам: ему настолько завистен гений Моцарта, что в слепой ревнивой ярости мнится всякая обида таланту Моцарта, как обида ему самому; в зависти своей он неосознанно, мысленно примеривает, присваивает гений Моцарта себе; вот иллюстрация, проныцательный пушкинский прием:

*<Моцарт приводит бродячего скрипача>.
Моцарт:
...а мне хотелось
Тебя неожиданной шуткой угостить.
.....
Сейчас. Я шел к тебе,
Нес кое-что тебе я показать;
Но проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрытку...
.....
Не вытерпел, привел я скрыпача,*

Чтоб угостить тебя его искусством.

Сальери:

И ты смеяться можешь?

Моцарт:

Ах, Сальери!

Ужель и сам ты не смеешься?

Сальери:

Нет.

Мне смешно, когда маляр негодный

Мне пачкает Мадонну Рафаэля,

Мне не смешно, когда фигляр презренный

Пародией бесчестит Алигьери.

Что ты мне принес?

<Моцарт рассказывает о мысли, пришедшей ему ночью, играет. Сальери негодует →>.

Сальери:

Ты с этим шел ко мне

И мог остановиться у трактира

И слушать скрипача слепого! — Боже!

Ты, Моцарт, недостойн сам себя.

Сальери становится в яркой зависти неразумным, он становится по стойке «смирно»: «кто не смеет благоговеть перед гением!» Сальери в мундире — откровенность мысли и апофеоз зависти. К сожалению, сколь часто в жизни Сальери облачаются в мундир... От «священного» благоговения легко маскироваться и чувству ограниченности, умственной тупости. → («Грубое притоптывание мужских каблучков и шарканье подошв напомнило ему, что он выше их всех по развитию». — Джеймс Джойс, «Мертвые»).

«Немногим меньше, чем через сто лет самый «яркий» яростный пессимист из образов русской литературы — доктор Арнольди говорил: «Быть может, он не меньше всех Толстых и Наполеонов хотел быть и мудрым, и большим, и сильным, а кто-то там родил его маленьким, бездарным и глупым!.. Конечно, не всем быть талантами и гениями, но зато кто же имеет право требовать от человека, чтобы он примирился со своей ничтожностью, удовлетворился своей грязной и темной целкой и забился в нее, чтобы оттуда издали с благоговением взирать на великих счастливых, творящих жизнь?.. Взирать и радоваться, что они так великолепны, когда он сам так ничтожен! Слишком уж много самопожертвования хотите от человека!..» (М. Арцыбашев «У последней черты»).

— Это низшая степень сальеризма: зависть таланту.

От Арцыбашева идет и экспрессионизм Пильняка, и энергетизм Андрея Платонова. Цветы Арцыбашева — пышные, ярчайшие цветы, растущие на гниющих зловонных трупах. Истина есть истина, но высказывается она чаще всего «по ту сторону» даже специфической литературной этики, то, что в философии называется «спекулятивной методикой». Опять же Арцыбашев: «А между тем миллионы пошляков, ничтожеств и бездарностей также необходимы для жизни, как и герои: не будь их тусклого, убогого и бессмысленного существования, не было бы и красоты!.. Из их трупишков герои и вожди складывают величавое здание!.. Они должны гнить, чтобы на их перегное ярче расцветали прекрасные цветы человеческого величия... И сколько

их, рожденных для унавоживания земли!.. Чем их вознаградить?.. Да, это правда,— жизнь громадна и прекрасна».

Вот где сближается, сравнивается мысль циничного Арнольди и изящного композитора Сальери: в зависти, в чувстве обделенности судьбой <сравни!>:

*Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить,— не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, оно погибнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! Чем скорей, тем лучше.*

Сальери, усмирив гнев зависти, с меттерниховской осторожностью, с макьявеллевской хитроумностью и прочими, прочими тщательными, логическими, в сущности же — аморальными качествами, подбирает ключи к яду. В цитированных пятнадцати <и ты, Брут, строки стал считать?..> строках Сальери делает последний шаг к «последнему» дару Изоры.

Знаете, кто короче еще передал мысли Сальери? → Конечно, Ницше:

«Народ представляет из себя обходной путь природы, по которому она достигает до шести, семи великих мужей.— Да, затем обходит и этих великих людей».

Как ломаются границы морали? Вот эта-то ломка почти явственно слышна на «звук» в окончании (второго) монолога Сальери, последняя вспышка сожаления по самому себе, и он решается преступить ее, нравственно (точнее — по ту сторону нравственности) подготовив себя к решительному шагу:

*Вот яд, последний дар моей Изоры.
Оснадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой,
И никогда на шепот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус.
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайдн сотворит
Великое — и наслажусь им...
Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага*

*Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры,
И я был прав! и наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь — пора! заветный дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.*

Вот это признание есть страшный в своей успокоенной логичности симбиоз макиавеллевской хитрости и ницшеанской теории *Uebersch'a*. И вот такой, созревший Сальери-*Uebersch* преступает нравственную границу; у него нет другого выхода, как отравить Моцарта. Так в сильных душевных переживаниях человек, преступивший мораль, спасает себя, призывая дремлющих дьяволов патопсихогенеза... И, конечно, снова Ницше:

«Опасный, страшный пункт достигнут, где жизнь бóльшая, более обширная, разнообразная разрывает границы старой морали. «Индивидуум» вынужден создавать себе собственные законы, прибегать к собственному искусству и к хитростям самосохранения, самовозвышения, самоизбавления».

Моцарт полон мрачных предчувствий.

Сцена в трактате «Золотого льва» («Серебряный олень» — в действительности был местом встреч венских музыкантов):

Моцарт (опуская незначащие реплики Сальери):

«Признаться,

Мой Requiem меня тревожит

.....

Мне день и ночь покоя не дает

Мой черный человек. За мною всюду,

Как тень, он гонится. Вот и теперь

Мне кажется, он с нами сам-третей

Сидит».

Этот «сам-третей» есть вскипевшая, перекипевшая и ставшая черной душа Сальери-отравителя.

Вся вторая и последняя сцена «Моцарта и Сальери», с точки зрения современного литературоведческого анализа, может рассматриваться как классическая (да будет возможным вторичное повторение определения) сцена излюбленного в произведениях экзистенциалистов диалога «жертва-палач». Жертву-Моцарта терзает черный человек, который сидит в душе собеседника, Сальери-палача.

Тот же, оттягивая исполнение скрепленного уже в душе приговора, говорит несущественные слова, так малосмысленные по сравнению с насыщенными диалогами и, главное, монологами Сальери в первой сцене трагедии; он несущественен, свершившийся Сальери-палач:

*И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».*

Как переменялся Сальери, приняв решение? Он почти благодушествует, а в оттягивании исполнения приговора он, палач, начинает испытывать невольный палаческий гедонизм, извращенное сладострастие держателя жертвы: хочу казнь, хочу... подожду.

Но Моцарт не доставляет ему и этого удовольствия. Бедный Сальери; он, Моцарт, дважды: сам — простодушно, но в восприятии Сальери, раненного ревностью и переосмыслением своего Я,— больно-пребольно, ударяет его:

Моцарт:

Да, Бомарше ведь был тебе приятель;

Ты для него «Тарара» сочинил,

Вещь славную. Там есть один мотив...

Я все твержу его, когда я счастлив...

Ла-ла-ла-ла... Ах, правда ли, Сальери,

(! 1-й удар:

пренебрежение)

(!!! Дополнение,

усиление удара.—

Чудится намек).

Что Бомарше кого-то отравил?

Сальери:

Не думаю: он слишком был смешон

Для ремесла такого.

(Сальери все еще держится в благодушии палача, он еще не осознал первого, невольного Моцартова удара, даже похвалает осуждением, снисхождением к «смешливости» Бомарше свою стойкость пришедшего логически, не «спешно» к своей идее *Uebermensch*'а).

Моцарт:

Он же гений,

Как ты да я. А гений и злодейство —

Две вещи несовместные. Не правда ль?

(!!! 2-й удар)

(Этого Сальери-палач перенести не может, но все же сохраняет спокойствие и бросает яд в стакан Моцарту, держа себя с чисто сократовским философизмом: →)

Сальери:

«Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта).

Ну, пей же»

Слишком много переосмыслил Сальери, чтобы в эту минуту «терять свое лицо»... Далее идут «темные» слова Моцарта:

«За твое

Здоровье, друг, за искренний союз,

Связующий Моцарта и Сальери,

Двух сыновей гармонии»

(пьет).

Сальери:

«Постой, постой!.. Ты выпил!.. Без меня?

(Моцарт идет к фортепиано и играет свой Requiem)»

Сальери и здесь уязвлен: даже в смертный миг, глотая смерть свою, Моцарт не в воле Сальери-палача. Тот не увидел мук, не услышал столь ожидаемых палачом молений к нему жертвы. Моцарт был один и одним остался, выпив яд, он Сам Себе иг-

рает *Requiem*. И тут без помощи Сальери. Тот же остается, как и во всю их жизнь, просто наблюдателем гения.

Остается Сальери одна радость: слезы освобождения, слезы души, сбросившей камень, тяжелый камень недоброго решения; с ним вроде бы и уходит отравляющая его жизнь зависть?..

Моцарт:

«... Ты плачешь?

Сальери:

Эти слезы

*Впервые лью: и больно, и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсек
Страдавший член! Друг Моцарт, эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу...»*

Сальери просит спешить, зачем? — Не затем ли, что только в этот миг, когда душа Моцарта прощается с миром, его собственным *Requiem*’ом, только в этот миг и спокоен будет Сальери, глупец — он-то, логик, умный рассудитель, философ собственной души! — Он уже начинает понимать, что и обойдя людскую мораль, он не смог избавиться от Зависти Таланта перед Гением, ибо он — *художник с натурой же художника*, а никакой не *Uebertensch*, который для него, Сальери, оказался лишь хрупким логическим построением.

Всеобщее отрицание и разрушение убивают художника, а Сальери слишком художник, чтобы уйти от собственного Я в мир легких решений...

Сальери:

«До свидания.

(один)

Ты заснешь

*Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?»*

Вопрос, эти последние слова представляются произносимыми Сальери в бормочущей интонации. Он пришел к тому, с чего начал. В этом трагедия его... Сальери лишь один миг чувствовал себя гением — когда пил яд Моцарт. То сложное состояние его души было и болезненным: та минута, когда талант жертвует многим человеческим, чтобы хоть на секунду, на минуту ощутить невероятно привлекающее его и иными путями не достижимое состояние гениального объективирования «Я — во гении». Трагедией искупается этот миг. И стоит ли он всей жизни?

В завершении добавим, что литературизованная манера изложения ряда вопросов настоящей работы несколько не отрицает ее философско-методологическую направленность. Кроме иллюстративности — это подчеркивает специфику излагаемой темы: на стыке вопросов философского познания и творческой интуиции.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия).

НОЧИ ДИАНЫ*
(из книги «Побережье наших грез»)

Наши постоянные авторы.

История вторая ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

2. Дорога

А потом они молча лежали на песке и слушали плеск волн. Ветер щекотал плечи и спину. Яна чувствовала, как по спине ползет муравей, но так хорошо было лежать на солнышке, что не могла она найти в себе сил, чтобы пошевелиться. А если засну? — думает она. Я засыпаю... Что Диана сделала со мной? Разве это я лежу сейчас на песке? Что-то изменилось во мне... Я не знаю, что, но мне нравится это.

— Что будем делать потом, Дианка? — спросила она не открывая глаз и осознавая, до чего странно звучит этот вопрос, произнесенный ею, более старшей, чем Диана, но в чем-то, и она это осознавала теперь, гораздо более младшей. — Что будем делать дальше?

— Мои импровизации тщательно продуманы, Янка. Мои сумасбродства под жестким контролем.

— Такое возможно? — Яна легла на бок и положила руку на согретое солнцем, теплое плечо Дианы.

— Ты же и сама это знаешь. Помнишь, ты рассказывала, как рисуешь акварелью. Ты говорила, что настоящая акварель любит полную свободу. Краски растекаются так, как им хочется.

— Да, так и есть.

— Но ты говорила, что, зная, что любит акварель, можно использовать ее особенности. Пусть она будет свободна, но там, куда ты ее направишь.

* Продолжение. Начало в № 4, 2018 «ПЗ».

— Да, это так.

— И точно так же делается жизнь. Ведь, если честно, Янка, жизнь гораздо интереснее всех акварелей и всех книг. Мне очень нравится сочинять истории, но гораздо интереснее сочинять саму жизнь. Я вот иногда думаю, люди читают книги, в которых авторы показывают, как чудесен окружающий нас мир, и многие из этих людей живут в этом прекрасном мире. Кто-то живет у моря, видя смену всех времен года, кто-то среди лесов, слыша в открытые окна, как шумят деревья, чувствуя, как роскошен аромат листвы после дождя. Кто-то живет среди гор, рек, полей с их туманами, снегами... Они живут среди красоты, осознают это, но...

— И в чем же вопрос? — полуобернулась к ней Яна.

— Но они снова тянутся читать книги, в которых говорится о красоте мира.

— Зачем читают?

— Да. Зачем. Почему бы просто не жить?

— Им чего-то не хватает. Чего-то такого, что дают им книги.

— Да. Такое чувство, что им чего-то не хватает. Но чего? У них есть все. Я знаю одного парня, у нас там, в Юрмале, который обожает диски со звуками природы. Зачем, спрашиваю я у него? Ведь звуки природы все время вокруг нас. Вон, дождь идет, гром гремит, море шумит. Зачем платить за это деньги?

— Многие считают, что счастливыми их сделает только то, что можно приобрести за деньги. Ты заплатил за это деньги и, следовательно, это представляет ценность. Все, что бесплатно — даже не дешевка, а нечто совершенно бесполезное. Но твой первый вопрос был совсем о другом. Чего не хватает людям и что они ищут в книге... Потом я тебе скажу, в чем тут дело.

— Ты уже знаешь?

— Да. Но давай потом. А то уже идти надо.

— Кажется, мы уже высохли,— Диана быстро поднялась, надела шорты и помогла подняться Яне.

— Дианка,— прижала руки к груди Яна.— Моя коляска! Я совсем забыла о ней.

— Заметила, что ты сейчас сказала! Если больной забыл о лекарстве, значит, он выздоравливает.

— Да, ты меня и вправду... Раскошегарила.

— Дай мне возможность, и я из тебя Афродиту слеплю... Ты у меня не то, что по земле пойдешь. Ты пойдешь по водам, аки по суху...

— Болтушка, пошли скорее посмотреть, стоит ли еще моя коляска. Очень удивлюсь, если стоит.

— На месте она. Можешь мне поверить. Тут народ культурный. Тут даже комары, заметила, какие вежливые. Ни один нас не укусил за это время.

— Просто на море их не бывает.

— Да вон, летит, и вон, еще... Тут же лес рядом. Полно их тут.

Дианка взяла Яну под руку, и они пошли назад, к выступающему в море мысу. У его оконечности все так же колышутся хаотичные, грозные валы. Даже не верится, что за поворотом, где они купались, было так тихо и безмятежно.

На берегу уже никого. И коляска Яны стояла на гребне дюны, среди высокой травы, раскачиваемой из стороны в сторону ветром.

— Садись, отдохни. А то ты набегалась,— предложила Диана, когда они поднялись к коляске и еще раз оглянулись на море.

Легкие, розовые облака летели по чистому небу. В синеве, на востоке, уже проступили предвечерние сумерки. И в этой плотной синеве ярко горели оранжевые стволы сосен с пышными ярко-зелеными кронами.

— Картина Гогена,— показала Яна на оранжевые сосны на фоне неба.

— А представляешь, как Сезанн это бы написал! А Ван Гог! Да... Куда ни повернись — Лувр и Третьяковка...

— Так и есть,— согласилась Яна.— Все, что сегодня происходит, лучше любого романа. Опиши это?.. У тебя получится хорошая книга.

— То, чем мы живем, будет ли интересно другим?

Диана молча покатила Яну по песчаной дороге. Над ними синее небо, яркая зелень сосен и стволы деревьев, озаренные заходящим солнцем. Казалось, расплавленное золото стекает со стволов и капает с ветвей — так вспыхивают на солнце мошкара и дикие пчелы.

Диана выкатила коляску на опустевшую автостоянку, и ее внимание тут же привлек пикап марки Jeep с работающим мотором.

— Эй-эй! — закричала она и, оставив Яну, выбежала наперерез разворачивающейся машине.

— Что же ты под колеса то лезешь! — высунулся из кабины водитель, но в голосе его прозвучали до того добродушные нотки, что Диана поняла — они спасены.

Был он круглолиц, с веселым прищуром карих глаз на смуглом лице с маленькими усиками.

— Не подбросите нас немного? Меня и мою сестру...

— Эх, годочков бы двадцать назад, подбросил бы вас с удовольствием,— усмехнулся он,— А сейчас — спина...

— Я в смысле — подвезти. Хотя бы до дороги на Юрмалу.

— Садитесь. Так и быть, подброшу... Прошвырну вас до трассы на Юрмалу. Мне все равно в ту сторону. Мы с внучкой еще дальше едем.

Заметив в окно Яну, он быстро смекнул, что к чему, вышел из машины и проворно закатил коляску в кузов пикапа. Диана тем временем помогла Яне сесть на переднее сиденье. В кабине машины, на заднем сиденье, пристегнутая к специальному детскому креслу, сидела девочка лет шести и ела булочку с маком. Это окончательно успокоило Диану, которой не хотелось нарваться на «приключения» с незнакомцем. Девочка придвинула к себе расстегнутый рюкзачок, наполненный игрушками, детскими книжками, печеньем, желевыми конфетами и многими другими, важными в путешествии вещами. Диана устроилась рядом с ней, подмигнула, отчего та ухмыльнулась и отвернулась к окну.

— Хорошая у вас машина,— заметила Диана.

— Да. Машина что надо, но она не моя, а зятя. У меня машина попроще.

Яна смотрела на деревья, мелькавшие за окном и, зная, что слева и справа за деревьями море, снова ощутила то чувство неустойчивости, которое почувствовала приближаясь к мысу. Ей снова казалось, что едет она по зыбкому настилу, проложенному в море. Море, она чувствовала, ощущала его за стенами леса.

Диана уже наладила контакт с маленькой попутчицей. Та показывает ей свои сокровища, которые нашла на берегу мыса. Янка вспомнила Дианкины детские письма, в которых та ей писала о своих морских находках. Они понимают друг друга с этой девочкой, подумала она. Такое чувство, что Диана, осталась тем же самым ребенком. И, слава Богу, что осталась. Самое ценное в каждом человеке — тот самый ребенок, что все еще теплится в нем. Это как крохотные горящие угольки в холодной золе, когда чуть разворошишь ее. Немного грустная аналогия, подумала она, но разве мир не грустный, если приглядеться к нему повнимательнее? Все так и есть. Угольки только и горят. И дают немного света.

Диана разглядывает деревянные «обмылки», как она их называет, ракушки, камешки и это для нее вовсе не игра. Это ей интересно. Какая же Диана... морская. Ес-

ли бы мне захотелось написать о Балтийском море, то рассказывать пришлось бы о Дианке. А если рассказывать о Дианке, то речь пойдет о море.

— Не дует? — водитель чуть приподнял стекло у двери возле Яны.

— Нет, все хорошо. Диана, как тебе?

— Нам тут замечательно. Янка, тут столько всего! Совсем другие ракушки, чем у нас. Ты заметила? — обратилась она к девочке, — сегодня даже медузы были.

— Нет, я не видела, — посмотрела на нее девочка голубыми, как небо, глазами.

— А мы купались, и видели. Но медузу домой не унесешь. Верно?

Девочка огорченно, с легким кивком, согласилась.

— А у тебя дома есть какие-нибудь зверюшки? — спросила у нее Диана.

— У меня два кота. Пичик и Барсик.

— Два кота!?!..

— Ну, сначала у нас был Барсик, но он однажды пропал. Целый месяц его не было! Мама с папой решили, что он совсем пропал, и взяли Пичика. А тут вдруг Барсик возвращается.

— История... Ну и как, они подружились?

— Не-а.

— Дерутся?

— Нет, не дерутся, но Пичик все время уходит со двора. Мои подружки, ну те, что рядом живут, говорят, что он у них во дворе спит. То у одной, то у другой во дворе спит. Или в сарае.

— Бедный Пичик! — заметила Диана и, коснувшись плеча Яны, шепнула, — эта история мне где-нибудь пригодится.

— Вот-вот, как раз то, что я тебе говорила, — абсолютно все когда-нибудь пригодится.

— Коты — они такие, — продолжила Диана разговор с девочкой. — У них свои разборки и понимают они друг друга без слов. Барсик, как только вернулся, ему сразу дал понять, мол, — «Чувак, будет хорошо, если ты сразу врубишься, кто тут хозяин. Поэт! Так что, вали от сюда. И мне не попадайся...»

Девчонка прыснула от смеха.

— Барсик, он такой и есть — хулиган и вор. Таскает из кухни то рыбу, то колбасу.

Яна полулежит, откинувшись на спинку кресла, и слушает их. Машина свернула на шоссе и быстро понеслась среди перелесков и холмистых полей. Озаренная оранжевым закатным солнцем дорога летит навстречу под колеса машины, мелькают за окнами сосновые стволы, яркая зелень берез, а потом снова тянутся длинные сосновые леса с густым подлеском и сгущающимися сумерками между стволами.

— Еще у нас есть поросенок, — послышался сзади голос девочки.

— Ха!.. Поросенок! Слышала, Янка? А как звать его?

— Никак. Просто поросенок, — девочка развела руками в стороны.

— Ты, наверное, кормишь его.

— Конечно. Он больше всего яблоки любит.

— Она даже катается на нем. Наша Инесса любит пошалить так же, как и Барсик, — заметил водитель, улынувшись уголком рта. — Расскажи, как ты его цветными фломастерами разрисовала.

В зеркальце Яна увидела, как Инесса улыбнулась, прикусив нижнюю губу. Она порылась в своем рюкзаке и протянула Диане большую перламутровую ракушку.

— На...

— Ой, спасибо! Ты мне даришь? Неужели такие есть в море? Никогда не видела.

— Нет, это у нас на реке я нашла.

— А что же это за река у тебя?

— Вента.

— У нас там красиво,— заметил водитель.— А вы, похоже, в Юрмале живете.

— Да, сегодня решили попутешествовать.

— У нас там много путешественников по реке сплавляются. На лодках, на катамаранах. Бывали на Венте?

— Я была однажды, а моя подруга не была ни разу. Да... Вента это классно!.. А что, вы нас туда подвезти можете?

— Подвезти, нет проблем, но куда же на ночь-то глядя? Что вы там увидите? Поздновато мы туда доберемся. Ведь нам еще ехать и ехать.

Водитель оглянулся на Диану, чтобы посмотреть, не шутит ли она.

— Это как раз то, что нам надо,— заметила Диана.— Я помню, там, в лесу, есть отель. Его еще «Бочкой» называют.

— Знаю «Бочку». Мы будем мимо проезжать.

— Вот, можете вы нас туда подвезти?.. Это было бы так здорово!

Водитель чуть помолчал.

— Если хотите, пожалуйста.

Яна некоторое время раздумывала, что же сказать Диане, после всего, что она сейчас услышала, но, к своему удивлению, ей ничего не захотелось говорить. Глядя на несущуюся на них дорогу, она думала: Диана, как поток, подхватила и понесла ее во что-то новое и такое странное. Но, Боже, как это здорово — нестись вперед и не знать, что будет дальше? Река с таким красивым названием — Вента, отель со странным названием «Бочка», надвигающаяся ночь, безрассудная Дианка... А может и правда, надо расслабиться, отдаться потоку. Сегодня такой день, каких еще не было у нее в жизни. И она вдруг поняла, что не хочет, чтобы заканчивался этот день, а, когда наступит ночь, то не хочется, чтобы заканчивалась и она.

— Сейчас, минутку, позвоню мужу,— сказала Диана и зажала кнопки.— Наши рыбачки там совсем зарыбачились, Янка. Сейчас мы им, родимым, напомним о себе!.. Впрочем, мы о них тоже сегодня забыли. Правда, Янка? Але-але!.. Привет! Как вы там? Скучаете? То-то! А мы с Янкой тут куролесим во всю. Сейчас вот с мыса возвращаемся.

— Это кто? С кем ты говоришь? — обернулась к ней Яна.

— Это Ник, потом Женьку тебе дам,— шепнула ей Диана.— Ночью тоже будете ловить? Вы там осторожно. Не ходи по кустам в темноте. Слышишь? Я там, в прошлый раз, змею видела... Мы? Так я же говорю, с мыса возвращаемся... Да... Слушай!.. Але-але! Ты слышишь меня? Что-то со связью... Ник, тут потрясающая возможность подвернулась. Такие замечательные люди попались, и они... ты слышишь меня?... и они могут нас подвести в тот отель — «Бочку». Помнишь? Это же потрясающе! Мы там остановимся, а завтра Янке Венту покажу. Ну, как, одобряешь? Во, я знала, что мы с тобой одной крови! Да... Слушай, там у берега, в кустах, глубокие ямы были. Помнишь? Ты там осторожно, не провались... Там есть еще кто-то на берегу? Ну, тогда хорошо. А мы, что... За нас не беспокойтесь. Сейчас доедем, сниму номер... Так я карточкой и расплачусь. Seriously? Хм!.. Совсем забыла. Мы тогда что, с карточки платили? Слушай, у тебя же планшет с собой. Перекинь мне сотню евроков на счет... Мне на следующей неделе аванс за книжку пришлют, так что все нормально... А Женька там далеко? Я Янке трубку даю, а потом из отеля позвоню... Ты не забудь денежку перекинуть. И будь осторожен!

— Диана, о каком это авансе ты говоришь? Ты ничего мне не рассказывала.

— А, это у нас с Ником шутка такая. Считаю, что репетирую то, что будет когда-нибудь в будущем... Бери, сейчас Женька подойдет.

Диана протянула Яне телефон, нагретый от ее руки, и та приложила его к уху...

А машина, сделав крутой вираж по кольцевой дороге, пошла на подъем, на мост, и они пронеслись над рекой, в которой отражались золотистые облака и темнеющее небо. Потом стремительный спуск с моста, и лес отодвинулся вдаль и долго тянулся голубой стеной далеко на горизонте, за холмистыми полями с клиньями перелесков, у которых виднелись хутора и иссушенные солнцем, побитые дождями пепельно-серые сараи.

— А вы приезжая, наверное? — обратился водитель к Яне.

— Да. Я из России.

— И как же там Россия живет?

— Трудно сказать. По разному люди живут. Вообще-то мы с мужем в последнее время живем в Англии, но это временно, у него там работа. У человека должен быть дом, но дома я себя пока нигде не ощущаю. Вот только когда к Диане приехала, почувствовала себя дома. Да... С ней я даже на этой дороге чувствую себя дома.

— Угадайте, а откуда я, — сказал водитель и улыбнулся Яне.

— А разве вы не латыш?

— А что, есть акцент?

— Едва-едва... Что-то промелькнуло.

— Вообще-то, я литовец. А где я родился, так это целая история. Мой отец, это перед войной было, работал в Латвии. Потом пришли русские. Однажды приехал к нему какой-то начальник и говорит, что несколько машин бревен ему надо. Отец отвечает, что без проблем, только разрешение на рубку надо. Ладно... Начальник тот попыхтел и уехал, а через какое-то время отца арестовали. И сослали в Сибирь. Казалось бы, все, хуже и не бывает. Вот она, погибель пришла. И что бы вы думали! Вообще, какие в жизни бывают повороты! Одним из начальников в этом лагере оказался его друг по школе. Представляете! Последние годы за одной партией сидели. Во как бывает в жизни!

— Да! — вздохнула Яна. — И что потом?

— Он и говорит отцу — помогу, мол, тебе. Не сразу, но помогу. И действительно, помог. Через год отец был уже на поселении и работал опять же лесником. Хороший лесник и там нужен. Прошло время, война уже кончилась, отца реабилитировали, он женился, а в сорок шестом году я и родился. Так что, сибиряк я. Места там у нас были потрясающие. Летом с ребятами в ночное ходил, коней пасли. Чудо как хорошо было! А случалось и одному остаться в ночном. Дадут с собой краюху хлеба да молока, вот и вся еда. Помню, филин меня крепко напугал. Я под телегой спал, ночь, тишина вокруг, а тут вдруг как захохочет кто-то надо мной... Это, я вам скажу, не шутка. Мне-то лет семь было.

— Суровая у вас жизнь была, — сказала Диана.

— Да как суровая... Я только потом понял, что суровая, а тогда все казалось нормальным. Другого я и не видел. Отец уже умер тогда, жил я с матерью. В школу километров пять идти надо было. А зимой, в мороз, это не шутка. Ходил, не болел ни разу. Это сейчас, чуть что, носами шмыгают. Может, и суровая жизнь была, но и закаляла она. Помню, было мне тогда лет шесть, послали меня в соседнее селение, а идти надо было километров десять, может, и больше. Иду, это летом было, жарко, долго полем идти пришлось, все жду, когда до леса доберусь, чтобы хоть какая-то тень. И слышу вдруг стук копыт позади. Смотрю, всадник. Подскакал, чуть коня осадил, остановился рядом со мной. Видит же, что пацан на дороге, а в оба конца до жилья очень далеко, и спрашивает

— Ты откуда, парень? Куда идешь?

— Я сказал ему, откуда я и куда иду.

— А!.. — проговорил он и покачал головой. — Ну-ну...

Коня пришпорил и поскакал дальше. Я тоже дальше пошел. Слава богу, не тронул, все хорошо. А потом только, спустя годы, удивился, как же ему не пришло в голову меня подвезти. Ведь видел же, как далеко мне идти, совсем еще пацаненку. Да... Такие вот, дела.

— А потом сюда вернулись.

— Ну, как — «вернулся»? Родина моя не здесь, получается. Просто жизнь так снова повернулась, что оказался я здесь. Жизнь, я вам скажу, это такой водоворот!

— Много было и несправедливости, и горя. У очень многих.

— Да, но нельзя жить какими-то обидами. Надо жить дальше. Что было, то было. История, это такой я вам скажу ураган. Нельзя судить о каких-то событиях или людских поступках, не понимая времени, когда это происходило. Я однажды это очень хорошо увидел в реальной жизни. Могу рассказать.

— Да, интересно. Расскажите,— придвинулась к ним сзади Диана и чуть коснулась плеча Яны.

— Пару лет назад был тут у нас сильный ветер. Считай ураган, у меня, вон, с крыши жесть сорвало. Так вот, еду я на машине, вокруг все бушует, деревья гнутся, и быстро летят в небе облака. С востока летят на запад, так как ветер как раз оттуда — с востока. Вижу, вдруг, ворона летит, вернее, не летит, а несет ее ветром, как темную тряпку — с востока на запад, по ветру. Еду я дальше, а это, кстати, осенью было. И вижу вдруг: клин птиц летит, может, гуси, не знаю. И летит он с востока на запад. Понимаете? Им же на юг положено лететь, но несет их ветром на запад... Вот я и подумал потом, представьте, прошло время и какие-то другие гуси, другие поколения начинают судить тех гусей — как же так! Нарушили все вековые наши законы! На юг надо было лететь, так нет, на запад летели! Судить их! Наказать!.. Посмотрел бы я в тот день на этих судильщиков. Вообще бы никуда не летели, забились бы куда-нибудь и не рыпались. Нет, нельзя никого судить, живя в другие времена. Много чего было, но и много чего будет в нашем новом веке. Люди умнее не стали... Ладно... Хватит об этом. Как там Инесса, спит, небось?

Совсем стемнело. Девочка на заднем сиденье и вправду заснула, полуобернувшись к окну. По ее щеке и волосам пробегали блики света от проносящихся придорожных реклам — красные, желтые, голубые. Две цепочки фонарей тянулись вдаль, словно драгоценные ожерелья, украшенные сверкающими огнями на фоне черного неба.

— И все же,— произнесла Диана,— не встретить ваш папа того своего друга, может, и не ехала бы сейчас Инесса с мыса, а может, и машины этой бы не было сейчас на дороге.

— Все это так, но... знаете, как говорят — «чему быть, того не миновать». Если нам сегодня было суждено ехать по этой дороге, то все силы неба трудились над этим.

— Судьба? — спросила Диана.

— Да, судьба. И от нее не ушел никто из тех, кто подвергал сомнению ее существование. Если мы чего-то очень хотим и прилагаем все силы, чтобы добиться этого, то не может не сбыться.

— И это сбудется, даже если мы не будем предпринимать никаких усилий для достижения этого.

— То, что мы прикладываем усилия, тоже — часть нашей судьбы.

— Как все сложно,— проговорила Диана.— Но мы едем по этой дороге. И, слава Богу!

Машина свернула с трассы к заправке, и они остановились.

— Давай выйдем,— предложила Диана, когда водитель стал заправлять машину,— ноги разомнем. Мы уже скоро приедем. Как ты, не замучила я тебя?

— Что ты, Диана, я с тобой только и делаю, что отдыхаю. Давай выйдем.

Ночь была звездной, дул прохладный ветер. Диана взяла Яну под руку и повела к входу. За заправкой виднелась в темноте цепочка фур, водители которых готовились к ночевке. Оттуда доносилась музыка, голоса людей. Между машинами бегала белая собачонка и радостно лаяла. А на самой заправке, в небольшом торговом зале, люди из подъехавших машин, покупали напитки, сэндвичи, дети гоняли по залу и выбирали сладости.

Диана зашла купить кофе и сэндвичи, а Яна осталась снаружи. Она радостно вдыхала свежий ночной воздух, чувствовала запах крепкого кофе и соблазнительный аромат печеных булочек. Напротив нее, через дорогу, простиралось поле, залитое ночной тьмой, только поблескивала волнуемая ветром трава на обочине, да горело несколько огоньков во тьме — красный, желтый, голубой и снова желтый. Она смотрела на темное небо над полем, и ей казалось, что оно время от времени вспыхивает, словно зарница или далекая молния вдали, и она видит лишь слабый их отблеск.

Появилась Диана с пакетом.

— Я купила нам по сэндвичу и кофе. Давай подкрепимся. А где наш друг?

— Кто?.. А... Тоже пошел, наверное, купить что-то.

— Ну и отлично. Давай тут на багажнике и расположимся. Не устала стоять? Можно и внутри.

— Нет, здесь хорошо. Мне нравится здесь. Мы с Женей стараемся, конечно, выбираться, но так, ночью на заправке, я еще не ужинала.

— Знала, что тебе понравится. Бери этот с курицей, а этот с тунцом.

Подъехали еще две машины, и шумная компания ребят зашла в торговый зал заправки. Дверь осталась открытой, и музыка зазвучала еще громче, уносясь к далеким огням во тьме.

Сэндвич с тунцом показался Яне очень вкусным, а кофе был без сахара. Эх, Дианка, все то она знает, все ее вкусы и привычки. А теперь еще и эту ночь подстроила. Ведь подстроила же она ее. Нет, Диана вовсе не писатель, а что-то совсем другое под видом писателя. Слишком уж она любит реальную жизнь, чтобы ставить выше нее что-либо еще. Если бы Диане удалось написать что-то для нее очень важное и сокровенное, то она, наверняка, перестала бы писать. Да вон, и сама она сказала, что пишет лишь для того, чтобы читали Лескова... Глупенькая!.. Не скоро его станут читать. Хотя кто-то ведь и читает. Не все так плохо.

По трассе проносились редкие машины. Толпа парней с большими пакетами снова загрузилась в машины и, ухая музыкой в салонах автомобилей, укатила по шоссе, куда-то туда, где сходились две цепочки огней по краям дороги.

— Хорошо здесь! — вдохнула в себя ночной воздух Яна и, улыбнувшись, добавила. — Ты показала мне ночь.

— Да, — отправляя в рот последний кусочек сэндвича, согласилась Диана. — Я тебе много чего еще покажу. Ты только не сопротивляйся. Я сейчас нахожусь в межроманье. Глядишь, и идея какая-нибудь появится.

— Ты вот говоришь, что сейчас находишься в «межроманье», так возьми и напиши обо всем, что сегодня было.

— Нужна же какая-то идея, мысль. А что сегодня, собственно, было?

— Было все, что нужно для того, чтобы человек был счастлив.

— Ну, тогда у каждого человека всегда есть все для того, чтобы он был счастлив. А для этого нужно совсем немного, а что именно, это будет наш с тобой секрет.

Показался водитель машины. Дианка быстро скомкала пакеты и, подойдя к входу в торговый зал, выбросила в урну.

Машина снова набрала скорость. Яна откинулась на спинку сиденья и, зажмурив

глаза, смотрела на огоньки за окнами, любовалась тем, как играют лучи, кружатся, сливаются в цветной калейдоскоп.

— Ну вот,— сказал водитель,— почти приехали. Эту «Бочку» ты имела в виду?

— Да-да, это она. Яна смотри, сейчас тут темно, но отель стоит на горе. Тут кругом сосны и чудесный воздух. Завтра ты все рассмотришь... Вы знаете,— обернулась Диана к водителю, доставая кошелек,— давайте я поучаствую в бензинчике, сейчас он не дешевый.

— Брось это дело. Мне по пути. Да и ребенка заняла, а то умучила бы меня Инесса вопросами.

— Спасибо вам, что довезли! И рассказали столько интересного.

Яна вылезла из машины и, держась за прохладный металл капота, впервые почувствовала, каким длинным был сегодняшний день. Боже, сколько всего было! Обычно ведь дни так быстро летят, а сегодня, кажется, что время перестало существовать и есть просто «сейчас», есть «этот миг». А то, что стемнело, и наступила ночь, и дорога была такой длинной, то ко времени это не имеет никакого отношения. Это похоже на смену декорации, чтобы было интереснее, чтобы отделить одно ощущение от другого. Эта ночь просто иллюзия, подарок бытия и существует здесь и для них. А где-то в этот миг светит солнце и длится для кого-то долгий летний день. Но ведь так и есть. Прямо в этот миг, где-то сейчас полдень, и людям под жарким солнцем трудно представить, что стоит сейчас кто-то, подрагивая, на прохладном ветру, в ночи, на лесистом холме, у незнакомого отеля.

Яна огляделась. Отель был очень большой, и полукруглым верхом напоминал гигантскую бочку. Да, они на высоте, Яна чувствовала это. Она слышала, как шумят на ветру высокие ели, ощущала их аромат, и едва видела, как в пяти шагах от нее начинался крутой лесистый спуск. Деревья погружались в этот обрыв, исчезали во тьме, становились тьмой.

Зато отель на горе сияет перед ней огнями окон. Что же будет дальше? Что еще придумает Дианка? Это становится интересно. Дианка колдунья, маленькая ведьмочка. Она рисует эту ночь, ворожит, выдумывает ее, но в то же время, ведь все реально до щекощущего чувства в груди, когда вдыхаешь прохладный воздух, слышишь гул вершин деревьев и угадываешь их в ночи только лишь потому, что они закрывают собой звезды.

(Продолжение следует)

Борис Рябухин
(г. Москва)

ПОЛЫЕ ВОДЫ
роман

Президент Академии российской литературы. Поэт, драматург, прозаик, критик, переводчик, вырос в Астрахани, окончил технический ВУЗ и ВГИК. С 1966 г. переехал в Москву. Работал в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Юности», «Художественной литературе». Член Союза журналистов (1973), Союза писателей СССР и России (1986), Академии российской литературы (2013). Автор 30 книг. Лауреат Литературной премии имени Николая Тихонова (1999). Награжден в конкурсе на лучшую книгу года Московской городской организации Союза писателей России медалью «Литературный Олимп» (2013) и литературной премией «Серебряный крест» (2014). Удостоен первой премии в конкурсе «О казаках замолвим слово» (2014).

Глава первая
ПОД ОТЧИМ КРОВОМ

«Я, твоя мать, Чернова Полина Алексеевна, родилась 16 октября 1917 года...» — начала свой дневник воспоминаний постаревшая мать Бориса Семеновича.

Прожила учительница Полина Алексеевна жизнь и не знала, что справляла свой день рождения, как и многие ее сверстники, не в тот день, когда родилась. Потому что даты рождения в документах были указаны по старому стилю, а жили по новому стилю. На тринадцать дней разница. Бабушкам легче, потому что бабушки, по православному веру, справляли не дни рождения, а дни своих именин. Но и именины исчислялись по новому стилю. Вот в такой лжи с самого рождения и жили люди. «Бедные люди», как назвал свою повесть Федор Михайлович Достоевский. Но они не знали, что они «бедные люди».

Итак, родилась Поля под оружейную канонаду в городе Астрахани. Родилась недоношенным семимесячным ребенком, очень болезненным. Вес ее был всего четыре фунта (весила — килограмм шестьсот грамм), а ногтей по малости еще не было. Бабушка Полина такую крошку «допекала» — согревала, выхаживала. И выходила.

Позже сын Полины Боря все фантазировал, будто в момент рождения своей матери Поли он тоже начал свою, можно сказать, «утробную жизнь». И по этой фантазии ему будто прибавлялось еще материнских лет столько, сколько прошло от рождения Поли до рождения Бори. И столько же прибавлялось, наверное, лишений и радостей. Ведь все откликнулось ему и в «утробе» матери Полины. Выдумщик!

Бабушка говорила маленькой Поле: «Гремели выстрелы, и ты закричала, как будто испугалась этих выстрелов, когда родилась».

Затем Полю увезли в село Петропавловку. Это — родина ее пращуров по мате-

ринской линии. В свидетельстве о рождении, в «метриках», а потом и в паспорте записано, что Поля родилась в селе Петропавловка Астраханской области. А бабушка вспоминала, что Поля родилась в Астрахани. Провалы памяти?

Бабушка у Полиной матери — Аксины — Пелагея Александровна Подлипалина, по мужу Константинова, с малых лет работала у купцов — рыбопромышленников Филимоновых. Их, Филимоновых, было три брата. Они держали свои рыбные промыслы. Жадные скорпионы, как все промышленники.

Большая семья была у Пелагеи Александровны. Очень бедная, безлошадная. В живых остались Аксины, Натуся и Варя.

Промышленники Филимоновы из них сосватали прислугу Аксины Подлипалину за Василия Константинова. Этот дедушка маленькой Поли был каким-то отпрыском Филимоновых, но бедным, болезненным. Он рано умер, поэтому Поля его никогда не видела.

А свою бабушку — тезку Поля хорошо помнила уже старую, «но не очень». Она любила внучку Полю сильно, как себя, и жалела больше всех ее сестер и своих дочерей. И Поля в ответ тоже очень ее любила — и сохранила о ней самые светлые воспоминания. Тогда в маленьком домике бабушки Поли жили ее дети Андрюша, Шуранька, Оля и семья Аксины.

Все работали на Филимоновых. Шуранька и Оля нянчили детей, мыли полы, доили коров, выполняли всю черновую работу — а ее было невпроворот. У одного брата Михаила Филимонова была жена из Астрахани, некрасивая Екатерина Степановна. Она полюбила Аксины и взяла ее в свой дом гувернанткой. У Аксины не было образования, но воспитание нужное она впитала, глядя на грамотную и «воспитанную» Екатерину Степановну. Хозяйка была не такая жадная, как все Филимоновы. И Поля считала, что ее мать Аксины была у Екатерины Степановны как подруга.

Аксины гордилась, что служила в привилегированной семье. А ведь все ее счастье — прислуживать «у блюда». Подавать кушанья, сервировать стол, чего были лишены другие ее родичи. Много с Екатериной Степановной они стряпали, благо, что все продукты доставлялись Филимоновым корзинами. Например, пекли торт Наполеон из 19 яиц, по рецепту. Не как Поля в молодости — из двух яиц, и то считала — вкусно. Иногда хозяйка дарила Аксины на праздник золотые вещицы — то кольцо, то браслет, то серьги. Это Поля в своих рассказах, конечно, преувеличивала. Тоже хотелось похвалиться.

Бедная Поля берегла капли гордости. Поэтому и подчеркивала, что ее мать Аксины была не в полойках, а у блюда. Разве не от этого слова — ублюдки? Позже справную прислужницу Аксины купцы Филимоновы держали за экономку. Но недолго. Потому что, когда Аксины исполнилось 16 лет, купцы Филимоновы сосватали Аксины Васильевну Константинову за своего исправного плотника Чернова Алексея Тимофеевича. Хотя он ненавидел этих купчиков. Заразил его тогдашний революционный дух, а вернее жажда воли и самостоятельности.

Чернов с юности был хорошим плотником, и у промысловиков Филимоновых работал по плотницкой части. Когда Аксины вышла замуж за Алексея Тимофеевича, шла Первая мировая война, как ее называли, германская война.

«Отца взяли на фронт,— вспоминала Полина,— мама ездила к нему. После этого родилась и я».

Вот тут, наверное, и начались сплетни «доброжелательных» соседей о том, что Поля — чужая в семье. Хотя она и похожа на сестер, особенно на свою младшую сестру — Ладу, но есть и отличие...

Ранние годы Полина помнит смутно, как и все в пожилом возрасте. Нянчили ее

тетки и бабушка. Тетя Шура (Шуранька) и тетя Оля были еще девушками. Хотя были они не очень красивыми, но ходили гулять с ребятами. А Поля, маленькая, почему-то всегда тащилась за Шуранькой. Никак та не могла от нее увильнуть, когда нужно идти на свидание. Поля всегда бегала за ней «хвостиком», как собачка. Видимо, для нее не было ближе людей.

Как-то раз Шуранька ее обманула и убежала. Поля спохватилась, а нянька уже далеко. Как бедняжка Поля бежала за ней, как страшно кричала, как будто навек расставалась. Откуда ни возьмись, появился отец. Схватил Полю в охапку и принес домой. Не успокоил, а дал подзатыльник и посадил в чулан к крысам, которых она очень боялась. Сколько она просидела там, в чулане, неизвестно, но молчала, потому что отца боялась больше крыс.

Еще был памятный случай, когда Оля и Шуранька со всеми девчатами на бахче справляли праздник — семишник, а маленькую Полю заставили пугать грачей. Но ей тоже хотелось посмотреть, как готовят из солодового корня (в деревне говорили — солодский корень) какой-то напиток. И вместо грачей она подсматривала за девчатами. На беду, в это время налетела на бахчу туча грачей, и все арбузы поклевали. Откуда ни возьмись, появилась бабушка Поля. И давай грачей всех клеванными арбузами шугать.

После нагоняя за плохую охрану арбузов маленькая Поля дома рассказывала: «А бабушка их айбузами, айбузами, так гоняла, так гоняла!..».

Бабушка Поля была вдовой, рано потеряла мужа Василия. Перебивалась, как могла, пока ее дочь Аксинья была не замужем. Держала маленькую бакалейную лавочку. Годы были трудные для всех, а для бедных людей — тем более.

Пелагея Александровна торговала панером. Делала его из кислого сепарированного молока, откидывала после закваски в марле, и получался ком. Этот творог клали под жом, а затем резали ножиком. Он, как брынза, только маслянистый и не соленый. Маленькую Полю бабушка иногда брала с собой в Астрахань, сторожить корзинки с панером. Везла его на базар на пароходе «Ласточка». В Астрахани на берегу, как на ярмарке, торговали всем: рыбой, молоком, арбузами, фруктами и овощами. Весь берег был усеян чалками сухой воблы, как снегом. Тут варили и рубец (потроха, коровий желудок). Очень вкусная похлебка, Поля ее очень любила.

Раз бабушка Поля куда-то отошла, а полицейский подошел и закричал:

— Что вы тут расселись? Чьи корзинки?

Караульщица пяти лет испугалась — и в рев. Подбежала бабушка Поля, и успокоила внучку.

В Астрахани, в тесной комнате коммунальной квартиры, жила бабушкина сестра тетя Натуся Подлипалина с дочерью, тоже Натусей. Бабушка Поля с внучкой Полей там и останавливались, когда приезжали из Петропавловки со своим панером.

«Это были светлые дни в моем детстве,— вспоминала Полина с задумчивой улыбкой.— Ехать на пароходе — одна прелесть. До сих пор люблю Волгу и пароходы. А дома вновь начинаются будни».

Сын Полины Боря долго помнил дом этой «бабушки старенькой», как ее называл. И видел во сне ее старый дом на три окна.

Вообще-то первой в семье Аксиньи была дочь Елизавета, а Полина родилась через год за ней. Росла Лизавета, как ее звали, болезненной, много раз заражалась тифом, впоследствии стала эпилептиком. Она окончила четыре класса, и ее отдали в Астрахань учиться дальше. Так что с ранних лет она не жила с семьей. Наверное, ей и голодать приходилось, и самостоятельность ронять. Полина, вспоминая это, качала головой. Лизавета стала нечиста на руку, но крала у своих, а не у чужих. Но разве это

оправдание воровства? Отец сильно ее бил. Полине было жалко сестру. Она заступалась за нее, а за это ей самой попадало от отца. Тогда начинался кошмар. Елизавета убегала из дома. Отец ведь бил больно, он был очень здоровый, крупный и сильный.

Но Лизавета так и осталась вороватой до конца жизни.

Полина в детстве часто уходила из дома к бабушке Поле. Тогда уже Алексей Тимофеевич построил свой большой дом. И семья Аксины Васильевны перешла в него от бабушки Пелагеи. Но Полина старый дом очень любила и часто туда рвалась ночевать, когда ее мать брала заботу за очередным ребенком на себя. Дети в доме прибавлялись быстро, и Полина их нянчила. Следующей родилась Таечка — но рано умерла. В старом доме бабушка «старенькая» сама не съест, а кусочек спрячет в карман для Поли. А когда Поля придет к ней — она этот гостинец сунет Полине в руку.

Семья Аксины Васильевны увеличивалась с каждым годом, и в доме бабушки Поли уже не уместилась. Их четверо, да у Аксины шесть человек. И бабушка Поля решила отделить Аксины. Это вынудило Алексея Тимофеевича искать выход. Он купил старую лавку и строительного лесу. И сам, с глупым парнем-помощником, построил большой дом, на одной улице с бабушкиным домиком. Дом-красавец, на пять комнат: две спальни, зал, кухня, столовая, большой коридор с чуланом. На три пролета все застеклил, выкрасил. Весь обшил снаружи. И Аксины с семьей перешли жить в новый дом. Он стоял в Петропавловке высоко, так что маленькая Поля ходила под ним пешком. Высоко потому, что боялись весенних разливов Волги.

Поля уже училась в 3 классе. Ее отец Алексей Тимофеевич Чернов занимался заготовкой скота, все время куда-то уезжал, скупал скот, работал в конторе «Заготскот». Алексей Тимофеевич был горячий и своенравный. Хотелось ему быть лучше всех. О воспитании детей он не пекся. Все это было в обязанности его жены Аксины — родить и воспитывать. Поля в доме из детей была старшей, потому что Лиза училась в Астрахани на счетовода. А Поля была обязана помогать Аксины во всем, первая помощница матери. Она была исполнительна, не по силам трудолюбива, безотказная угодница. Носила воду для всей семьи на коромысле, хотя тогда у нее ведра на коромысле доставали до земли. Правда, когда отец бывал дома — а это было редко, — он брал два ведра в одну руку и два — в другую, и быстро натаскивал воды в дом впрок. Воду брали прямо из Волги, так как жили на ее берегу, но сравнительно на порядочном расстоянии от воды, в центре большой улицы в Петропавловке.

Купаться со всей ватагой ребятишек Поля не могла, так как все время у нее на руках был ребенок, младенец, сестра или братик. Ночью она тоже кого-нибудь укачивала, а иногда и сама залезала в зыбку к ребенку. Спала в одной комнате вместе с матерью и отцом, они — на кровати, а она — на большом сундуке.

Село Петропавловку по весне часто заливала полая вода. Даже в высоком новом доме вода доходила до планки порога, а у некоторых сельчан — вода в половодье была даже в печках. И мужики говорили: «Полоя вода — это подлая вода».

Раз Поля с Андрюшей — братом Аксины — и отцом из-за половодья поселились на подволоке (чердаке). И маленькая Поля у них была поварихой, готовила в жарнике кашу. Бабушка прислала с гор (с холмов), куда скотину переправляли в полую воду, масло — целый большой чугун. Мужчины просили Полю больше класть масла в кашу, и все масло быстро съели, за что им влетело от бабушки Поли. Она очень ругала сына Андрюшу: «Расстрели тебя горой!» И сказала: «Полоя вода — это беда».

Как-то все собрались на подволоке и увидели смешную картину. Вода подняла у кого-то лабаз, выдернув четыре стойки. И он поплыл по улице. А на верху лабаза оказались четыре курицы и петух. И несло их по течению мимо Черновых, а петух распевал: «Куре-ку-ку!». Поля с родными на чердаке смеялись, хотя что смешного —

ведь беда. И достать уплывающих птиц нельзя. Хоть изредка люди ездили тогда по улицам села на лодках.

Но и в такую беду бывало весело, на подволоке играл граммофон.

Полина помнила домашний старый граммофон. Даже потом ее маленький сын Боря надевал на голову трубу-тюльпан от этого граммофона. А когда заводили толстую тяжелую пластинку, заглядывал под столик граммофона и спрашивал: «Где же прячется Шаляпин?»

Алексей Тимофеевич дружил с хозяином городского кинотеатра «Модерн», от него привез из Астрахани много толстых тяжелых пластинок с ариями из опер в исполнении Собинова, Лемешева, Виноградова и Шаляпина.

Как вечером заиграет у Черновых под крышей граммофон — сельчане на лодках подплывают к окнам, вся улица занята лодками. «У меня осталась в памяти эта прекрасная картина, — светло вспоминала Полина. — До сих пор помню разлив и залитые водой деревья — коблы, так у нас назывались ивы. Не пропадали эти деревья от половодья». А люди и скотина тонули.

Алексей Тимофеевич был очень строгий. Полина детским сердцем чувствовала его неприязнь к ней, сама не понимая почему. Так до старости и осталась слишком ранимой, а порой обижалась по-пустому.

Семья Аксиньи «не выходила из пяти человек», по выражению Полины. Дети рождались — погодки, то есть почти каждый год, или через год. Всего у Аксиньи было одиннадцать детей: Елизавета, Полина, Таисия (умерла четырех—пяти лет), Калерия (умерла 22-х лет), Василий (умер трех лет), Настя, Лариса, Лада, Коленька (умер младенцем)... Даже Полина не всех помнила. В общем, была Аксинья «матерью-героиней». Правда, такого звания тогда не было. И всех должен был обеспечить едой и теплом их отец. И обеспечивал. У семьи в это время было десять коров. «Барыня» сама их доила, а нанятый работник ухаживал за скотом. Была у отца и пара лошадей-рысаков, и много другой живности. Он любил быструю езду. Один раз от такой гонки под ним пал рысак, так как у него оказалось два сердца. Его съели татары (корсаки), жившие на острове на Волге, напротив Петропавловки.

С Филимоновыми Черновы продолжали общаться. Богатые приходили даже в гости к Черновым в новый дом. А дети ходили на праздники к Филимоновым. Как-то Поля с меньшей сестрой Калерией пришли на Рождество колядовать к Николаю Филимонову. Он тогда был уже офицером. Хозяин насыпал перед собой целую кучу мелких денег. Девчата славили перед иконами, и он дал им из этой кучи три копейки «с конем» на двоих. Калерия тихонько спросила: «Как мы с тобой будем делить?»

В новом доме семья жила недолго. И богатство быстро уплыло.

Как-то весной 1929 года отец ездил в верховья Волги, к родной сестре в село Золотуха, торговать рыбой. Продал рыбу — наловил воблу... И вдруг узнал, что уже началась коллективизация. «Были перегибы, — как после писали, — уклончиво рассказывала Полина, правду говорить было в то время опасно. Алексей с Аксиньей решили скот и дом срочно продать, и всей родней их двух семей переехать в Астрахань. Так и сделали. В городе купили на всех двухэтажный дом на улице Спартаковской.

Наверное, решили, что в городе легче затеряться «кулакам», по сравнению с селом.

А маленькая Поля пока осталась с бабушкой Полиной в Петропавловке, вдвоем. «Это было блаженство! — вспоминала она. — Хоть один год почувствовала, что я маленький ребенок, и меня кто-то замечает. Спала на печке. Тепло, и запах приятный».

Утром бабушка Поля вставала рано. Все приготовит — и кричит: «Полина, вставай, а то опоздаешь в школу».

Накормит внуку блинами. И она бежит в школу. Поля вынуждена была повторно ходить в четвертый класс сельской школы, так как при быстром переезде родители не успели устроить ее в пятый класс в Астрахани. Училась Поля хорошо, даже очень хорошо. И, окончив четыре класса в селе Петропавловка, получила аттестат, который был заполнен золотыми буквами. Все пятерки по всем предметам.

В доме на Спартаковской улице жили две семьи вместе. Семья Черновых с детьми, и бабушка Поля с дочерьми Шурой и Олей с их мужьями, и сыном Андрюшей. Правда, характеры у Шуры и Оли были с Аксиньей противоположные. Шура как что — так в драку. А Аксинья была добрая, рассудительная, трудолюбивая, умная. Хорошо стряпала, всегда была приветлива, и всех угощала.

Долго две семьи в этом доме не ужились. Потому что Андрюша женился — и все рассорились. Видя это, Алексей Тимофеевич в 1932 году купил для своей семьи отдельно одноэтажный дом на Пушкинской улице, за Ямгурчевским мостом. Дом на две половины, на шесть комнат. Большой двор и сарай. И семья переехала на Пушкинскую улицу. А бабушка Поля с дочерьми и семьей сына Андрюши остались жить в доме на Спартаковской улице. Алексей Чернов отдал этот дом Андрюше, брату Аксиньи, и бабушке Поле, своей свекрови..

Слава Богу, что отцу удалось купить этот собственный дом. Тогда еще у отца была хорошая работа. Алексей Тимофеевич был плотником, строил астраханскую купальню на Волге.

В юности Боря написал даже стихи об этой купальне деда.

*Убаюкан вечер зноем.
Волга черный бархат стелет.
То сазан плеснет волною,
То акацией повеет.
Промурлычут самоходки.
Смех прорвется из купальни.
Шевелятся тихо лодки
Судаками на кукане.*

Поле нравился новый дом на Пушкинской улице, поэтому эту улицу она очень любила и помнила всю жизнь. Потому что первые детские впечатления — самые дорогие и памятные в жизни человека.

Поля училась в школе рядом с домом, на Мелком Кутуме. Училась тоже на все пятерки. Только с русским языком у нее были нелады. Во-первых, она говорила на «о». И девчонки в Астрахани ее учили не окать, и вместо «о» говорить «а». Во-вторых, учительница по русскому языку была картавая. «Дети, идите в квас!» — передразнивала она бывшую учительницу.

В Астрахани Поля начала нянчить сестру Ладу, ей был один год. Носила ее на руках, а она все время кричала. А потом стала вовсе злой озорницей.

Однажды пошла Поля со своей матерью Аксиньей в кинотеатр «Художественный». Там показывали картину «Отверженные» по роману Гюго. Где-то в середине картины Полина поняла, что жизнь Казетты очень похожа на ее собственную, и ей стало до слез жалко и Казетту, и себя. Она сначала потихоньку заплакала, а в конце картины стала уже рыдать вслух.

«Оказывается, я уже подросла, и осознала все свое детство,— вспоминала Полина.— И нервишки не выдержали. Даже маме было неудобно из-за моих слез».

Аксинья вначале уговаривала дочь, сама давясь от слез, но Полина закатывалась от плача. Тогда Аксинья стала ругать ее, что она ее срамит. И пригрозила, что их сейчас выведут из кинозала. Полина сразу перестала плакать. По дороге домой Поля пыталась рассказать матери, что на нее нашло, но все выразить не могла, потому что была еще маленькой. Только сказала: «Я похожа на Казетту!...»

Чем же Поля похожа на Казетту? На такой утробной почве зародился и род Полины.

Когда отец приезжал домой, он Полину не замечал, доброго слова от него она никогда не слышала. Не ласкал ее. Хорошо еще, что не бил.

Она считала себя в семье чужой. Почему так считала, не знала. Слышала разные сплетни, но им старалась не верить. Только когда, став постарше, выучила наизусть почти всю поэму Пушкина «Евгений Онегин», в рассказах о детстве цитировала такие его строчки о Татьяне Лариной: «Она в семье своей родной/ Казалась девочкой чужой».

Даже еще в Петропавловке дядька говорил: «Ты не ихняя. Они все рыжие, а ты черная».

Может, это была шутка? И правда, Полина была темноволосая, а все ее сестры — рыжие. Вот маленькая Полина и принимала эту шутку всерьез и обижалась на сельчан.

Осталось в ее детской памяти и то, что отец из своих поездок привозил подарки всем дюжинами, посуду — ящиками. Всем, только не Поле.

И все же Полина не хотела верить в какие-то тайны своего рождения. Не могла она обидеть Аксинью. Ее матери было некогда от забот по большой семье. И Полина все свое детство была занята ее детьми, нянчила, качала их по ночам, носила днем на руках. Вот Поле и показалось, что она живет в родном доме как Золушка.

А однажды она слышала, качая зыбку, как мать ее Аксинья ночью шептала отцу: «Давай Полине купим пальтишко». И он, вроде, не возражал. А Полине почему-то стало обидно, почему мать просила, да еще шепотом? Боялась, что муж не разрешит?

Отца Полина сторонилась. Когда, например, отец привозил домой черную икру, она за столом не могла ее есть, как другие дети. Или из-за болезни, или из-за боязни, что ей не положено, как будто икра чужая.

Полина считала, что отец никогда ее не любил. Даже за столом, бывало, когда она сидит вместе со всеми, так отец обязательно ее шпигует, и по голове долбит за все проделки сестер. Дети напроказничают — он ее толкает: «Не делай, Поля, так, как они!» А их не наказывал за проступки. Поля от страха сжималась, и кусок у нее застревал в горле. Она не оправдывалась, не огрызалась. Только заплачет и забьется в уголок.

Аксинье, конечно, было не до любви к Полине, когда всю жизнь приходилось ей растить и кормить весь выводок.

Полина считала, что мать любила ее по-своему. Аксинья жалела Полю на свой лад, и говорила друзьям: «Да ее и бить нельзя. Она сожмется в комок и молча плачет. А всех остальных попробуй, ударь...»

Поля вообще старалась не показываться отцу на глаза. Вот почему и всколыхнул ее душу фильм «Отверженные».

Можно было согласиться, что Алексей Тимофеевич действительно не любил свою дочь Полину. Но это не так. Он обращался с ней, как с другом, как взрослой, потому что очень ценил ее за все, что она делала в семье. Это потом поняла Полина

Поэтому, уезжая в час беды, отец сказал именно Полине: «Помогай матери. На тебя вся надежда. Я приеду, тебе шелковое платье куплю».

«Всю жизнь я шелковые платья носила после, но не его, а свои. Так как рано стала сама зарабатывать», — обиженно отвечала не раз Полина на скупые слова любви своего отца.

Глава вторая БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ

Понимала ли Полина, в каких условиях жила? Политических репрессий в стране она боялась с детства. И старалась о них не говорить. Держала язык за зубами. Часто повторяла пословицу: «Ешь пирог с грибами, и держи язык за зубами».

Ведь эта беда всегда была рядом. Она знала правду о квартирантах бабушки Поли ленинградцах Кьянских, муже с женой. Знала, что об этом нельзя было говорить. Потому что они приехали в ссыльный город Астрахань из Ленинграда после убийства Кирова. Когда, по словам Аксины, «всех виновных и не виноватых высылали из Ленинграда». Она пожалела и приютила их еще и потому, что отец Кьянского был священником.

О таких вещах Поля рассказывала сыну Боре осторожно, когда он уже учился в институте. И мог «держат язык за зубами». Сын вообще раньше и не подозревал, в какой опасности жила его мать Полина. А она не подавала даже виду. Вот она — защитная реакция материнского организма. Люди же стараются не говорить и думать о смерти, пока она не придет. Тоже защита.

А Кьянские потом вернулись в Ленинград, оставаясь друзьями астраханской семьи. Потом и они выручили Полину в трудную минуту.

Только семья Полины стала жить лучше, как в 1933—1934 годах начался голод в Поволжье. В Астрахани тоже был голодомор. На шесть ртов заработка у плотника Алексея не хватало, и начались муки. А в 1933 году еще вспыхнула Финская война. Все со страхом говорили о «Линии Маннергейма», где финны с немцами вместе укрепились намертво.

Полина окончила семь классов хорошо. Ей исполнилось 14 лет. Куда идти дальше? Пыталась в медицинский рабфак попасть, но ее не приняли. Малолетка, а в медицинский рабфак принимали в 18 лет.

Тогда Полина поступила в Педагогический рабфак на вечернее отделение, потому что на дневное отделение опоздала подать документы. Стала учиться «пигалица» со взрослыми. А днем работала в детском саду, или где придется. На работу маленькую тоже не брали.

Она училась на отлично, и поэтому ее перевели с вечернего отделения на дневное.

А уже с 1933 года Полина и ее семья стали почти нищие. Беда свалилась на их головы.

«Отец был доверчивый, всем помогал, все раздавал, — объясняла позже взрослому сыну Полина. — Ты, наверно, не знаешь, за что попали под пятьдесят восьмую статью мой отец и мой дядя Андрюша?» И рассказала правду.

Ее отец Алексей Тимофеевич тогда работал экспедитором. Рисковым он был человеком. И дорисковал. В 1934 году его забирает НКВД. Кошмар! Попал под 58-ю статью, под расстрел. И осталась без отца и без средств семья — шесть детей. И жена Аксины нигде не работала.

Полуграмотная Аксины на суд не ходила. Пошла — одна грамотная дочь — Полина. Все остальные Черновы — мал мала меньше. Полина все это с ужасом пережила, как засудили отца. Пришла, рассказала Аксины. Как выяснилось, было групповое хищение зерна, а отвечать за воровство набрали «мелких сошек».

Даже не верится. Как же все случилось?

На Пушкинской улице, за сетчатым забором жил рядом с Черновыми сосед Коростылев. Он много лет работал в конторе «Заготзерно». Они воровали, тащили — возами. Жена у него была барыга «высшей гильдии».

Полина даже помнила, как однажды, когда она была во дворе, Коростылев крикнул отцу:

— Дядя Леня, подойди к забору.

Отец подошел.

— Чего?

Тот начал уговаривать отца:

— Дядя Леня, помоги мне в село продать муку.

— Ну...

— У вас есть знакомые в селе Оля, чтобы принять обоз с зерном?

Отец кивнул:

— Есть.

— Поговори...

Отец не сразу, но согласился помочь. Они же — барыги. Но семью надо кормить.

Да еще попросил дядю Андрея, чтобы он проследил, посчитал, сколько подвод в обозе. Парень тоже в нужде, он тогда работал в хлебной лавке, очень был добросовестный, ночами клеил талоны для сдачи. Дядя Андрей запер свою лавку, и стоял у ворот конторы — считал выезжающие подводы.

В этом хищении замешаны были даже работники НКВД.

И вот вывезли из Астрахани обоз с зерном. А кто-то «стукнул» в Москву. Хлеб по карточкам выдавали, а тут увезли целый обоз.

А после подтвердилось, что зерно, действительно, ворованное, документы на него — фиктивные. Вот и забрали всех. Истинных виновников отделили и увезли в другую тюрьму на этой же Пушкинской улице, а потом организовали им побег из тюрьмы. А в центральную тюрьму собрали мелких исполнителей, «стрелочников». Из них десять человек приговорили к расстрелу, а других к 10 годам тюрьмы. Многие тогда погибли, даже не зная толком, за что.

Алексея Чернова тоже приговорили к расстрелу по 58 статье. Акси́нья от горя — сама не своя. Пошла к знакомым искать помощи. Ее привели к юристу Молодцову. Он написал прошение Крупской о помиловании. Много пришлось занимать денег, чтобы написать это прошение, в котором Акси́нья просила о помиловании Чернова Алексея Тимофеевича, потому что в семье остались голодные дети, «сама я седьмая».

А как случилась с Черновым беда — все его дружки отошли сразу в сторону.

Беда — заразная болезнь. Особенно в годы репрессий. Вот и сторонятся люди от таких «врагов народа», как от прокаженных. А что осуждать, когда в Библии, в первом псалме Давида, говорится: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей...»? А уж как преломили эти библейские заповеди блюстители советского порядка, не снилось и древнему царю Давиду. Поэтому обезлюдел дом Алексея Тимофеевича Чернова в час беды.

Однажды, когда Полина бежала по улице после занятий в рабфаке, который был при Пе́динституте на Семнадцатой пристани, на набережной Волги, вдруг услышала голос:

— Поля! Полина!..

Она остановилась, не понимая, кто ее может звать. А это — отец! Он, такого большого роста, забрался на окно под потолком тюрьмы. И машет ей руками за стеклом окна. А до этого был ведь в подвале — в камере-одиночке.

— Скажи маме, меня подняли вверх,— прокричал отец со слезами в голосе.

Слава тебе, Господи! Полина летела домой — обрадовать маму.

Аксинье уже сообщили, что расстреляли весовщика, возчика (а у него 14 детей). Как в насмешку, после расстрела пришло ему помилование. А отцу с Андреем помилование успело придти — расстрел заменили на 10 лет тюрьмы. Все же Молодцов сделал хорошо свое дело, радовалась Полина. Но напрасно.

Итак, в 1934 году Алексея Тимофеевича с Андрюшей сослали в Сибирь.

Только в пожилом возрасте Полина Алексеевна узнала, что еще мог уцелеть репрессированный в 1934 году. Потому что если бы его по 58 статье отправили в Сибирь в 1937 году, то обязательно бы расстреляли.

Аксинья осталась одна с большой семьей. Поле — 14 лет, Лизе — на два года больше, Насте — 5 лет, Калерии — 8 лет, Ларисе — 6 лет, Ладе — 4 года, Коленке — 1 год. Самой — 38 лет. Вот такое семейство — и ни одного работника. Полина — самая старшая из шести детей. Потому что Лиза вскоре уехала из дома и вышла замуж, и привезла мальчика Леню — одного года.

Что такое «десять лет без права переписки»? Это — конец заключенному. А Аксинья нашла сил надеяться, что муж вернется. Рассказывая о смене приговора, Полина и не знала об этой фикции помилования. И причем здесь иезуитское милосердие Крупской? В 1934 году как раз набирали каторжников в только что сформировавшийся Дальстрой. Алексей Чернов попал в этот страшный ГУЛАГ. Чего уж потом он смог найти для своего спасения, сам Бог знает. Хорошо умел коптить рыбу для тюремного начальства? В семью с Колымы он так и не вернулся. Но выжил. А дядя Андрей — пропал. Был слух, что Андрей вздумал бежать за границу на каком-то судне. Больше ничего о нем не известно. Полина о политической статье никогда не говорила, боялась властей. Может быть, она вначале даже и не понимала, что отец был в ГУЛАГе. Но потом ей не раз строго напоминали об этом.

Да все в семье знали, только скрывали. Ведь Черновы писали в НКВД письма с просьбой сообщить, жив ли отец. Пробовали посылать ему посылки. А когда прошло десять лет тюремного срока в 1944 году, на очередной запрос семье сообщили, что Чернов Алексей Тимофеевич умер.

Но пронырливая сестра Полины Настя после окончания мединститута распределилась на работу в Магаданскую область. Поехала туда работать врачом. И нашла отца в колымском поселке Ола. Почти такое же название сибирского поселка, как село Оля под Астраханью, куда Чернов «помог» направить украденный обоз зерна. Пять километров нес на руках репрессированный отец свою бесстрашную дочь, чуть не замерзшую, пешком до поселка, где она работала врачом. Потому что транспорт туда не ходит. Но это было потом.

А в начале его колымского срока, Аксинья, узнав о помиловании, сказала только: «Десять лет можно прожить. А вот если он там заработает большой срок... Ведь горячий характер!.. И забудет нас — тяжело нам с детьми придется».

Так и пришлось. Семья осталась без отца-кормильца навсегда. И самое ужасное — теперь она считалась «семьей врага народа». Потому что отца выслали в Сибирь по 58-й статье — политической.

И судью, который приговаривал к расстрелу и невиновных, после признали тоже «врагом народа».

Отца рядом больше не было. Вся тяжесть жизни пала на плечи Аксиньи. Хорошо, что она не растерялась. Пускала квартирантов в половину дома. Это большая поддержка. Продавала молоко от своей коровы, пока Поля училась. Жизнь семьи в горе стала еще тяжелей не только материально, но и морально.

В рабфаке Поля подружилась с комсомолкой, которая иногда приходила к ней домой, и видела, сколько в семье детей и какая бедность. И вот, когда Алексея Чернова осудили и отправили в Сибирь, Полину, как дочь «врага народа», хотели исключить из комсомола и отчислить из рабфака. Эта подруга хорошо ее защитила, рассказав на собрании, в какой нищете она живет, и как помогает в учебе своим сокурсникам.

В детстве сын Боря спрашивал у Полины, где его дедушка. Захотел написать деду письмо в Сибирь, где он так долго был в командировке. А Полина предложила послать с письмом Борину тетрадку по русскому языку, с пятерками за выполнение домашних заданий. Некоторые упражнения пришлось переписывать, так как были ошибки, и за них учительница ставила четверку. Совестьливый Боря переживал, когда мать подделывала подпись учительницы под пятеркой в переписанной тетрадке. Ему было стыдно перед дедушкой за подлог.

А потом, уже в юности, горько плакал, когда при переезде на другую квартиру вдруг нашел эту «посланную» дедушке тетрадку. Никуда ее не отсылали, а спрятали от глаз подальше. Жалко было ему и себя, и мать, и деда.

Только после перемен в стране Боря стал понимать, как матери и всем Черновым было страшно жить, и страшно врать, что другой страны не знали, «где так вольно дышит человек!»

По-другому представилась прожитая жизнь и самой Полине. Но это было потом.

Елизавета опять уехала на Кавказ и вышла замуж за болгарина Дмитрия Тодорова, который участвовал в революционных событиях в России, и, наверное, в Болгарии. Но он пропал без вести. Елизавета его так и не нашла. Видимо, был репрессирован. А, может, тоже, как Елизавета — «гастролер». Что их в Болгарии мало было? Кроме того, и в Болгарии тогда многих репрессировали, по своим причинам.

Тогда Елизавета вернулась в Астрахань, и привезла сына Леню, 1935 года рождения, который потом жил все время в семье Черновых, до 22 лет, пока не женился. Гастролер Елизавета часто уезжала из дома то на учебу, то на работу. А когда отца сослали в Сибирь, и жизнь повернулась круто, она стала открыто воровать и продавать из дома все, что подвернется. У таких людей совесть не существует, им просто нужно, поэтому они крадут.

Аксинье по всякому приходилось крутиться в жизни, чтобы накормить семь голодных ртов. Но она нашла в себе силы — жить и давать жизнь детям.

Это раньше у семьи были калмыцкие коровы, они давали от двух до пяти литров молока. А теперь была только одна корова, голодная, много молока не давала. Кормить ее было нечем. Полина с Аксиньей ходили за кормом на Вторую Астрахань пешком, так как с сеном на трамвае не поедешь. А когда удавалось купить мешки с дробинкой, то сами таскивали их с подводы и таскали в сарай на своем горбу.

— Молодость! — хвалилась Полина перед сыном Борей. — Это я делала, когда приходила домой с учебы в рабфаке. Продавала с матерью молоко на базаре, на Больших Исадах. Но боялась, что меня увидят там сокурсницы. А мне было уже шестнадцать лет, — вытирала Полина слезы. — Стыдно!

В оправдание слез, Полина ссылалась на диагноз врача-глазника, что у нее испорчен слезливый нерв. А сама давно поняла, что очень часто плакала от несчастливой жизни.

Полина иногда торговала и яблоками: покупала их корзинами, а продавала по кучкам, в которых по несколько яблок. Торговала вместе с сестрой Калерией ирисками. На полученные от торговли гроши семья жила до окончания учебы Полины.

Однажды один из навещавших семью товарищей осужденного отца — Гора предложил Аксинье продать ее тощую корову.

— Я поеду в Холмогоры за коровой, куплю и вам черную с белыми пятнами корову, она молочная, — обещал он.

Так и сделал — помог корову поменять. Аксинья старую корову продала, а Гора привез новую корову, с большим выменем. Она за раз давала целое ведро молока. Вскоре корова отелилась и принесла телочку.

«Мы все хвалимся, а люди злые, — думала Полина. — Верь или не верь, но наше молоко отняла одна завистливая молочница».

Она жила на другой улице — Туркестанской, рядом. Как-то младшая сестра Полины — Лада похвалилась, по-детски, этой женщине, что корова у Аксиньи дает большое ведро молока. Соседка не поверила, и пришла убедиться. Аксинья при ней подоила корову. Набралось полное ведро, да еще осталось пососать теленку. Позавидовав, соседка рукой обвела вымя коровы, погладила. А Полина стояла около двери сарая и видела этот жест. Что-то он ей не понравился.

А ночью корова тревожно замычала: «Му... му!». Полина разбудила маму и с керосиновым фонарем они пошли в сарай. Только открыли дверь — корова как выскочит, и вприпрыжку, как лягушка, побежала по большому двору. Аксинья ее хотела успокоить, а безумная корова подняла ее на рога. Полина как закричит от страха. Корову Аксинья сбросила на землю, и опять стала бегать. Спрятавшись за дверь от ревущей коровы, они еле дождались рассвета. И чуть свет Аксинья побежала до знакомого ветеринарного врача. Он быстро пришел. И увидев буйство коровы, посоветовал: «Ищите мужчин. Ее нужно немедленно везти на бойню, а то будет поздно. Ей молоко бросилось в голову — и она сходит с ума. Пока жива, ее мясо можно есть. Получите деньги, а то потеряете корову за так».

Черновы поплакали и простились с коровой. Попеняли — вот какой стервой оказалась молочница! Оставила семью без коровы навсегда, отняла у детей молоко.

Осиротела телочка. Полина ее кормила вначале молоком из рожка, пока она не стала есть все. Но сена не на что было купить, и Аксинья вынуждена была отдать ее пастуху. Он договорился с ней, что будет пасти телочку со стадом коров.

Полина повела телочку в село Три Протока под Астраханью. Телочка успела привыкнуть к Полине, поэтому хорошо шла за ней на веревочке. А за городом было в это время так красиво, кругом зеленая трава. Пастух пустил телочку пощипать траву, а Полина села на берегу у реки отдохнуть с дороги и любовалась природой. Но нужда засиживаться не давала, нужно было возвращаться домой. Полина встала и потихоньку пошла. Но телочка, как будто следила за ней, бросила щипать траву, и пустилась бежать за Полиной и кричать «Ма-а!..» Догнала хозяйку и ткнулась мордой в ее руку. Пришлось телочку завязать и привести опять к пастуху. Телочка продолжила щипать траву. Полина еще немного посидела. Но уже спускался вечер, нужно за светом придти домой. Путь не близкий — три километра. Только уходить — телочка за ней бежит, и кричит еще сильнее: «Ма...у!..» Тогда пастух привязал ее к забору. А Полина побежала скорее домой, и долго слышала по пути, как телочка жалобно кричала.

Вскоре пастух сказал, что телочка, вроде, привыкла ходить в стаде, но до зимы не дожила. «Упала и вся раздулась, — наверное, что-то ядовитое съела, — объяснял он Аксинье. — Хотите, я вас отведу туда, где она упала?»

Но Полина не пошла. Плакала с Аксиньей, так было жалко телочку. Может, без матери-коровы телочка не знала, как себя вести в стаде и что есть. В общем, остались Черновы и без коровы, и без телочки.

В те годы семья Аксиньи жила невыносимо плохо.

Надо сказать, если люди тогда даже не видели, до чего живут-то плохо, то можно представить степень такой жизни, которую они признавали невыносимой. Нищее ее семейство.

Есть семейная легенда, которая наглядно показывала, как жила семья Чернышевых. У Аксины всегда были кошки. И вот одна из них — долгожительница — сидела на подоконник раскрытого настежь окна мордой на улицу и долго-долго держала навтыжку лапу, как нищенка, просящая подаяния.

Два года они и жили на подаяние. Только не ходили с протянутой рукой. Добрые знакомые люди иногда помогали, но порой и у них нечего было подать. Помогали соседи Кудрявцевы, делом, советом, иногда деньгами взаймы. Помогали родственники. Помогала и бабушка старенькая Поля, которая потом в старости сошла с ума. Начался родовой мор. У Аксины умер малютка Коленька. Напал менингит на сестру Лорочку. Ей было восемь лет, когда она умерла. У тети Оли умер мальчик Юрочка, а у Шураньки умер сын Мишенька. Затем все заболели корью.

Помогали Черновым и бедные сестры Аксины — Шура и Оля. Они жили на Спартаковской улице в подаренном Черновым Алексеем Тимофеевичем доме, с мужьями. Но когда Алексея Тимофеевича и двоюродного дядю Андрея забрали в тюрьму, этот дом конфисковали, все имущество описали. Жена Андрея уехала в Саратов, к своей родне. Тетя Оля и тетя Шура стали квартирантами в собственном доме, платили государству за квартиру. И жили не богаче семьи Аксины.

Муж тети Оли — Лева Силов много пострадал в период коллективизации, из-за «перегибов», отсидел свой срок в тюрьме. Его выпустили, а потом опять хотели арестовать. Может быть, по доносу новых квартирантов в их доме. Больной Лева скрывался от властей.

Из-за него тогда Полина и попала на допрос в НКВД.

Вот как это было. Однажды она пришла домой из рабфака, а следователь из НКВД подждал ее во дворе. Привел в отделение НКВД на Красной набережной. Тормошил целую ночь. Пистолетом размахивал.

— Знаешь Леонида Силова?

— Знаю. Это муж моей родной тети Ольги.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Я его давно не видела.

— А где тетка твоя сейчас?

— Наверное, у нас дома. Вы не дали мне после занятий зайти домой, поэтому точно не знаю.

— Боишься пистолета? — размахивал следователь наганом перед носом упрямой Полины, и она невольно отводила голову в сторону. — А врать советской власти не боишься? Покрываешь недобитого кулака? Все равно мы его найдем.

— Может, он в больнице? — сказала Полина. — У него же туберкулез легких.

Так и не сказала энкеведешнику, где прятался дядя Лева. А вышла из НКВД — сама не своя, руки-ноги трясутся.

В годы войны квартиру у Оли с Шурой обокрали, а потом «почистили» и квартиранты, которые жили наверху, на втором этаже дома. И тетки бросили квартиру и уехали из Астрахани, Шура — на Сахалин, на заработки, а Оля с Левой — на трудовой фронт, в обоз. Нервотрепка сказала на дяде Леве. Да еще потом на фронте он сильно простывал. Так что все легкие испепелил.

В то время, когда сослали в Сибирь мужа, у Аксины не было ни копейки денег в кармане, ни образования. Одна половая тряпка в руках.

И пошла Аксиныа работать уборщицей, мыть Народный дом. Платили уборщицам 30 рублей в месяц. А так как в семье привыкли делать все хорошо, то Аксиныа быстро вышла из строя, стало плохо с сердцем. Девочка еле-еле привела ее, больную, домой. Аксиныа только два месяца проработала.

Полина уговаривала ее бросить работу. Дома все голодные. Некому даже кулеш сварить. Кулешом Полина называла суп из стакана молока с тыквой, которую она с сестрой Надей набрала поздней осенью с чужих брошенных огородов.

«Все едоки — работников нет», — вздыхала больная Аксиныа.

Больше она не работала уборщицей, а крутилась дома, комбинировала, экономила — нужда научила. Пользовалась Аксиныа ломбардом, сдавала туда мужнину лисью шубу на подкладке и другую хорошую его одежду, а затем перезакладывала. Хотя эти вещи удалось спасти у соседей от конфискации.

Продолжала Аксиныа пускать на квартиру жильцов, в три комнаты. А сами Чернышевы спали в проходной комнате на одной кровати валетом вчетвером. Долго во второй половине дома жила семья Беляковых. Это помогало жить. Хотя больших денег не приносило.

Иногда Аксиныа стирала белье для знакомых господ. Была у нее давняя знакомая немка, гадалка, которая ходила на базар с огромным зембилем, приносила уйму продуктов, и все толстела с каждым годом. Аксиныа стирала для нее белье за гроши. Однажды эта толстая немка попросила помыть полы в ее доме. Пока Аксиныа мыла пол в четырех комнатах, хозяйка сидела за столом, и ела душистую жирную селедку, «залом». У голодной Аксины от ароматного запаха даже слюнки потекли. Немка расплатилась с Аксиной и предложила ей выпить с устатку рюмку водки, но закусить селедки не дала. Так это обидело Аксины, что она шла и давилась слезами обиды на проклятую голодную жизнь. От водки и переживаний она охмелела. Пришла домой и рыдала, и билась в истерике, кричала, проклиная немку матом: «Полный зембиль еды, а она кусочек селедки пожалела дать! Залом для прачки, вишь ли, дорогой!» И мат-перемат! Полина тоже расплакалась, — первый раз слышала, чтобы Аксиныа ругалась матом. Еле ее успокоила, уложив на кровать, уговаривая: «Тише, Боря слышит и боится...».

В общем, семья Аксины кое-как выживала. Если бы отца не сослали, Полине с Аксиной не пришлось бы так перебиваться в нищете и унижении.

(Продолжение следует)

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ГОРЬКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ
(глава из повести «Звезда над копром»)

Заместитель главного редактора, заведующий отделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член Союза писателей России.

Январь 1953 года выдался суровым. Сразу после рождественских дней наступили крещенские морозы и зима залютовала с новой силой. Деревенские избы с заиндевелыми крышами и причудливыми морозными узорами на окнах дышали печными трубами и словно парили в сладковато-горьком печном дыму. Днем на морозе звенел над окрестными полями воздух, а ночью в садах трещали деревья.

У Петровых в избе было тепло. Матвей Кузьмич печь растопил еще затемно, пока все спали, и теперь только поддерживал в ней огонь, периодически вороша кочергой дышащие жаром угольные камни. Сноха Татьяна собиралась в Тулу в областную тюрьму, чтобы передать мужу передачу. Проснувшиеся внуки Колька и Васька сидели здесь на табуретах и, протирая еще сонные глаза, смотрели, как мать собирает сумку.

— Ты там в сумке-то еще раз погляди повнимательней и проверь, все ли там на месте? А то кабы чего не забыла, — в который раз уже Матвей Кузьмич предупредил Татьяну. Не дождавшись, пока сноха исполнит его просьбу, сам раскрыл сумку и начал проверять содержимое в ней, перекладывая с места на место аккуратно уложенные Татьяной продукты и папиросы.

— Отец, опять ты в сумке все вверх дном перевернул, — вздохнула Татьяна. — Я уже несколько раз все перепроверила, все разложила, а ты опять все перевернул, — с сожалением произнесла она. Матвей Кузьмич побряхтел, повздыхал, а затем подошел к печке, открыл заслонку, взял кочергу, присел на колени и вновь начал ворошить в горниле уголь.

— Обязательно узнай там, почему его не выпускают до сих пор? Десять лет прошло еще в прошлом году, а его все нету?! Уже лишний год пересидел! — вставая с колен и закрывая печную заслонку, сказал он. — До тюремного начальства сходи, у них узнай, в чем дело. Попроси их, пускай скажут Мирону, что у нас дома все хорошо, а то тоже, небось, сидит там и переживает за нас. Пускай скажут ему, что мы его ждем домой, уже соскучились по нему. Авось не трудно будет сказать-то, язык-то, небось, не отвалится от того, что скажут, — начал приказывать Матвей Кузьмич снохе.

— Схожу, — кивнула Татьяна головой.

— Мам, ты гостинчика нам привези из Тулы, — попросил ее Колька.

— Какого-нибудь пряничка, — уточнил Васька.

Татьяна улыбнулась, поцеловала сыновей в макушку, погладила им головы.

— Хорошо, сделаю все, о чем вы меня все просите, а вы тут деда слушаетесь и

кушайте здесь без меня, а то никакого гостинчика не получите,— предупредила она сыновей.

— Ну, ступай с Богом! — Матвей Кузьмич наложил на Татьяну крестное знамение, и она вышла из дома.

На улице, несмотря на яркое солнце, холодный воздух ударил ей в лицо, а ресницы и брови вмиг покрылись инеем.

Автобус на Тулу был переполнен, и Татьяна с трудом втиснулась в салон. Стоять было неудобно и тесно, к тому же мешала хозяйственная сумка, которую она держала в руках. Был воскресный день, и в Кочаках на остановке сошло много народа в церковь, в основном — старушки, а после Ясной Поляны Татьяне даже удалось сесть на освободившееся сиденье. В Тулу приехала спустя час, и направилась к зданию тюрьмы. К двери, за которой принимали передачи, вела огромная очередь, чтобы передать своим родным продукты или вещи, люди простаивали часами. Татьяна стала в конце очереди за худенькой, маленькой и согбенной женщиной, одетой в коричневое старое поношенное пальто и валенки. На голове ее был повязан темно-синий платок. Рядом на снегу стояла сумка.

— Вы последняя? — спросила она у женщины.

Та обернулась к Татьяне. Лицо ее было худое и, несмотря на мороз, бледное. Из-под платка на Татьяну взглянули выцветшие старушечьи глаза с каким-то грустным и затравленным взглядом.

— Я, — ответила женщина и потупила взгляд.

В очереди в основном стояли женщины, изредка среди платков и шалей, то тут, то там, мелькали мужские шапки. Несмотря на женское преимущество, в очереди было тихо. Никто ни с кем не разговаривал, а если и разговаривали, то вполголоса, несмело и редко. Рядом с ними — высокий каменный забор с тяжелыми железными массивными воротами, старинное трехэтажное кирпичное здание тюрьмы с маленькими решетчатыми окнами в стенах, за которыми томились их родные и близкие люди. Все это психологически давило на стоявших в очереди людей. И это давление угнетало, пугало, сковывало волю и, несмотря на общую беду, отстраняло их друг от друга и не располагало к разговорам.

Спустя четверть часа за спиной Татьяны уже выросла очередь, а через полчаса, она вытянулась почти до центральной улицы города. Стоять было холодно и, чтобы согреться, многие начинали приплясывать или похлопывать себя руками по бокам.

— Как думаете, долго сегодня простоим? — вполголоса спросила Татьяна стоявшую впереди себя женщину, скорее не для ответа на свой вопрос, а чтобы затеять разговор, за которым, как известно, и время быстрее бежит.

— Наверно, долго, — тихо ответила та.

— Меня Татьяной зовут, а вас как? — вновь обратилась к ней Татьяна, увидев, что женщина опять замолчала.

— Зинаидою, — ответила та.

— Издалека ли вы, Зинаида, приехали?

— Из Черепети.

— А я из Шахтерска. Мужа моего еще в начале войны посадили, сначала в Крапивне держали, а потом сказали, что сюда в Тулу перевели, вот и приезжаю сюда уже не один год.

— Много ему еще сидеть-то? — спросила Зинаида.

— Уже год, как должен был вернуться, но почему-то не отпускают его, — Татьяна пожала плечами. — Я сюда приезжала в прошлом году в январе, справлялась о нем, мне сказали: ждите, скоро придет, но пока еще почему-то не пришел. Сейчас передачку буду отдавать, опять за него спрошу.

— Может, сослали куда? Бывает так, что отсидит человек свой срок, а его вместо того, чтобы домой отпустить, ссылают куда-нибудь,— высказала предположение Зинаида.

От услышанного Татьяна забеспокоилась. У нее вдруг заболело под ложечкой, запульсировала в висках кровь, заныло сердце, а в душу вкрались тревожные нотки.

— А что пишет-то? — после недолгого молчания, спросила Зинаида.

— Его посадили без права переписки,— грустно вздохнув, ответила Татьяна.— Обвинили его в предательстве, а какой же он предатель? Кого он предал? Никого. Знамо дело и вправду кого-то предал, а то ведь душа его невиноватая. Сосед на него донес, вот и арестовали его,— Татьяна заплакала.

Она редко проявляла свои чувства на людях, старалась скрыть свои слезы от детей и от свекра, чтобы не расстраивать их. Но сегодня, здесь, при посторонних людях она дала им волю. Все те невыплаканные за долгие годы слезы, которые она накопила и носила в себе, сейчас выплеснула наружу и выбросила их вон из своего сердца.

— Успокойся, милая. Разве ты одна в таком положении оказалась?! Вон сколько нас, баб, тут в очереди стоит, посмотри,— Зинаида указала рукой на очередь.— И у всех мужики в таком-то положении находятся, как и твой муж. Да разве теперь кому-то что-то докажешь?! Вернется мужинек твой, вернется. Ты только верь в это и надейся,— начала успокаивать Татьяну Зинаида.

— Не трогайте ее, пусть поплачет. Видно, что давно не плакала. Слезы-то, вон, видите, у нее потоком льются, а слезы они душу очищают, лечат они душу-то, особенно нашу — женскую,— вступила в разговор стоявшая перед Зинаидой молодая женщина. На вид ей было не более тридцати лет. Одета она была в темное пальто с искусственным воротником, поверх головы повязана шаль, из-под нее выбивались локоны темных волос. На ногах черные из толстого сукна чулки, обута она была в зимние сапожки. Ее худое лицо было румяно, в голубых ясных глазах застыл смелый, даже какой-то вызывающий взгляд.— Меня Оксаной зовут. Я с родителями жила в Ефремовском районе. Отец мой был председателем колхоза, а мама работала в сельской школе учительницей. Когда началась война, отца на фронт не взяли, председателей колхозов не брали, они должны были обеспечивать хлебом воюющую армию. Как только нашу деревню оккупировали, немцы собрали всех жителей и приказали выбирать себе старосту, и все выбрали отца. А что он мог сделать, отказаться? За отказ его бы расстреляли, вот и пришлось ему быть старостой. Когда пришли наши, отца арестовали и расстреляли, маму, как жену изменника родины, посадили в лагерь, а нас с младшим братом отправили в детский дом.

— А маму-то вашу за что посадили? — удивилась Татьяна. Она уже стала успокаиваться и вытирала платком заплаканные глаза.

— Посадили, как жену изменника родины. Она сидела в лагере в Казахстане...

— В Алжире,— перебила Оксану Зинаида.

— В Алжире? — удивилась Татьяна.

— Алжир — это Акмолинский лагерь жен изменников родины. Моя свекровь там сидела,— ответила ей Зинаида.

— Да, все верно — в Алжире. Тот лагерь так сокращенно называется,— пояснила Оксана, после чего продолжила: — Там же в лагере мама и умерла. Я в детском доме окончила школу и приехала сюда в Тулу, работаю сейчас на заводе. И брат мой после детского дома тоже приехал сюда и поступил учиться в ФЗУ, но связался со шпаной, начал воровать, его и поймали. Теперь здесь сидит, суда ждет. Вот привезла ему поест, может быть примут,— проговорила она и замолчала.— А вашу свекровь за что в лагерь посадили? — спросила она у Зинаиды.

— Ее муж, свекор мой, до войны в райкоме истопником работал, топил печку. На

войну-то его не взяли, он безногим был, еще в гражданскую войну ногу потерял, вместо нее у него деревянный костыль был. Когда к нам пришли немцы, то велел ему и дальше продолжать печку топить, он и топил. А как наши город освободили, так его и забрали. Сказали, что на немца работал, мол, обогревал его. Свекра расстреляли, и свекровь вскоре забрали, сказали ей, что она жена изменника родины. А Коля мой на войне был, а когда пришел с войны стал добиваться, чтобы мать освободили. Пришел в райком, где свекор работал, и стал просить их о помощи. Но ему отказали, и тогда он разозлился и высказал им, что, мол, фашисты парня-партизана у нас в городе повесили, а его родных за него не тронули. А наша родная власть за отца и мать посадила. И сказал им, что наша власть хуже фашистской получается. Вот его за эти слова и посадили. Восемь лет дали. Был в лагере, а теперь вот сюда в тюрьму перевели. Как письмо-то от него получила, так сразу и приехала, передачу вот привезла,— Зинаида указала на стоявшую рядом с ней на снегу сумку.

— Ты хоть от своего письма получаешь, а от моего ни слуху, ни духу,— вздохнула Татьяна.

Долго еще женщины рассказывали друг дружке о своих бедах, о выпавших на их долю испытаниях. Плакали по-бабьи, а облегчив слезами души свои, замолчали, каждая о своем задумалась. «Вот так и меня, как тех женщин, тоже могли бы посадить в тюрьму. Я же тоже являюсь женой изменника родины,— начала мысленно рассуждать Татьяна.— А почему же Мирона моего домой не отпускают? А вдруг он что-то совершил и ему добавили срок или, как Зинаида сказала, его куда-нибудь выслали? А вдруг и меня тоже посадят?! Вот сегодня, например, подойду передачу отдавать, а меня возьмут и арестуют?! И домой не приеду сегодня, и никто не будет знать, что со мной случилось?! Ни свекор, ни дети! Дети!!! А как же дети-то мои без меня жить будут, когда меня посадят?! — Татьяну охватил ужас. Она уже даже мысленно решила уехать домой, как вдруг опомнилась.— Да что это я? Что за чушь я какую-то несу?! Что за околесицу горожу? Мирон мой сидит там мучается, наверное, голодный, ждет меня, а я тут незнамо что горожу! Никто меня не посадит. Не за что. Если было бы за что, уже посадили бы. А те женщины, о которых Зинаида с Оксаной говорили, может быть, что-то сделали не так, что-то сказали не то, вот их и посадили»,— начала успокаивать себя Татьяна.

— Примут сегодня передачку-то? — прервала ее рассуждения стоявшая за ней женщина примерно одного возраста с Татьяной. Одета она была в бардовое чуть ниже колен пальто с темно-серым меховым воротником, на голове была надета черная, пошитая под шляпку зимняя шапочка, на ногах были надеты коричневые легкие чулки, обута она была в черные кожаные остроносые полусапожки. На руках надеты черные лайковые перчатки.— А то я недавно приходила и у меня передачку не приняли.

— А почему же не приняли-то? — спросила у нее Зинаида.

— Не знаю. Не приняли и все, ничего не объясняя,— ответила женщина, и после ее слов вновь все замолчали.

— Не холодно вам в таких тоненьких чулочках на морозе стоять? — спросила у нее Оксана, глядя на ее тонкие чулки, и во взгляде ее сквозила зависть.

— Немного холодновато,— улыбаясь, ответила женщина.— Но ничего, не замерзну. Я здесь недалеко живу, вот передам передачу, приду домой и согреюсь.— Ее темные глаза на слегка полном и румянном от морозца лице ровным счетом не выражали никакого сочувствия, как это было заметно у большинства ожидавших своей очереди женщин. Даже наоборот, в них отражался любопытный взгляд на стоявших людей, их сумки, плетеные корзины и даже мешки.

— А у вас здесь тоже кто-то из близких сидит? — спросила у нее Татьяна.

— Муж,— кивнула головой женщина.— Мы с ним на войне познакомились. Я на войне связисткой была при штабе, а он штабной офицер, вот там и познакомились. После войны нас не демобилизовали, а оставили служить в Германии. Муж был начальником продовольственной службы полка, а я телефонисткой, и только в сорок восьмом нас с ним демобилизовали. Он не стал возвращаться к своей семье, а приехал со мной сюда в Тулу, на мою родину. Я устроилась работать телефонисткой на телефонную станцию, а Виктору предложили стать завмагом, он человек образованный, да и опыт большой имел в этом деле. Жили мы с ним не бедно. Дачу за городом собирались построить, и вдруг под самый Новый год ревизия нашла у него крупную недостачу. Чтобы эту недостачу покрыть, нужны были большие деньги, у нас таких денег не было. Вот сидит теперь здесь за хищение, уже скоро суд будет.

— А где же семья-то его? — спросила Зинаида.

— На Урале.

— И детишки есть?

— Да, есть и детишки,— ответила женщина.— Да какие они теперь уже детишки? Уже, наверное, все взрослые люди. А у меня вот детей нету. И никогда не будет,— с грустью в голосе проговорила она. А затем вздохнула и отвела взгляд в сторону.

— Прячесь глазищи-то свои бесстыжие! — вдруг громко произнесла стоявшая за ней старуха.

От громкого голоса женщина вздрогнула, оглянулась назад и взглянула на старуху. Маленькая и толстая, похожая на куклу-неваляшку, одетая по-крестьянски в фуфайку, валенки и платок, она буравила женщину злым взглядом серых выцветших глаз на округлом, словно опухшем лице.— Бесстыжая, семью разрушила, детей без отца оставила. Все беды от таких, как ты! Раздавила бы, как гадюку! — лицо старухи то ли от мороза, то ли от гнева было красным, глаза слезились, и нельзя было понять — это слезы боли за оставшихся без отца детей, слезы ненависти к виновной в том женщине, или это слезы, выступившие от яркого, искрящегося от солнечных лучей, снега.— Поэтому Бог тебе и детей не дает, из-за твоего бесстыдства. И мужик твой — человек не порядочный, раз семью бросил. Да и хапуга, видать, хороший, раз недостачу нашли. Воровал, наверно, много, тебе все тащил. Вон разодета-то как, как барыня! — не унималась старуха.

— Что вы обо мне знаете, чтобы судить меня? — женщина смотрела на старуху пронизательным взглядом, лицо ее побелело.— В то время, пока вы там у себя в деревне под немца стелились, я воевала. Я, между прочим, на фронт добровольно пошла, а детей я не имею от того, что меня на войне ранило осколком в живот, а не от того, о чем вы подумали. А если я человека встретила хорошего и полюбила его, то в чем моя вина? Или вы сами никогда не любили? — она достала из сумочки портсигар, взяла папиросу и, чиркнув спичкой, закурила, нервно затягиваясь табачным дымом.

«Женщина, ну что вы и в самом деле напали на нее?», «Что она вам плохого сделала?», «Прекратите ее обзывать!», «Как вам не стыдно?», — стали раздаваться голоса, и старуха замолчала, лишь изредка бросая злобный взгляд в сторону совестивших ее людей, при этом нервно жуя губами и прищуривая глаза.

Так за разговорами незаметно подошла Татьяна очередь, и она вслед за Оксаной и Зинаидой, вошла в комнату свиданий и приема передач. В комнате было многолюдно и шумно. У дальней стены стоял длинный стол, за которым сидела женщина в военной форме и задавала вопросы подходившим к ней посетителям, а услышав ответ, начинала перелистывать толстый журнал, выискивая нужную ей фамилию. На вид ей было чуть больше сорока лет. Ее собранные на затылке и заколотые шпильками черные волосы тронула седина, а ярко накрашенные губы и искусственно наведенный румянец на лице не скрывали болезненной бледноты.

— Следующий! Фамилия, имя, отчество и год рождения заключенного, его адрес? — спрашивала она громким охрипшим голосом.

— Фролов, Анатолий Павлович, 1920 года рождения, родился в Черепети,— быстро, почти скороговоркой, ответила Зинаида.

Женщина раскрыла журнал на нужной ей странице и начала водить пальцем по листу.

— Есть такой,— ответила она.— Передачу привезли?

— Да, продуктов и папирос.

— Не больше пяти килограммов.

— А поболее-то нельзя? — спросила Зинаида, заглядывая женщине в глаза просящим взглядом.

— Больше нельзя,— ответила та.— Проходите к весам,— она указала пальцем в сторону мужчины в военной форме, от которого уже уходила Оксана.

— Кладите продукты на весы,— приказал тот. На вид ему было около пятидесяти лет, он был высокого роста и среднего телосложения. Под синей форменной фуражкой седые волосы. Через левую его щеку пролегал шрам.— Все, пять килограммов, остальное забирайте назад.

— А поболее-то нельзя? — вновь спросила Зинаида.

— Нет, нельзя,— ответил мужчина, внимательно рассматривая Зинаиду черными с прищуром глазами.— Валя, где у нас Фролов содержится? — спросил он у женщины. Та начала листать толстый журнал со списком арестантов.

— Фролов Анатолий Павлович, двадцатого года рождения, Черепеть, в тридцатой камере,— ответила она ему и тот, собрав с весов содержимое, сложил в специальный мешок, написав на нем цифру 30. Затем отложил мешок в сторону.

— Следующий! — громко сказала женщина, и Татьяна не без волнения подошла к ней.

— Фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства арестованного?

— Петров, Мирон Матвеевич, 1907 года, деревня Озерки Шахтерского района,— ответила Татьяна.

Женщина вновь начала перелистывать журнал арестантов.

— У нас такого нет,— сказала она после долгого перелистывания журнала.

— Как нет? — Татьяна растерялась от такого ответа.

— Нет такого,— вновь подтвердила женщина.— Давно здесь находится? — спросила она.

— Давно. Его в январе сорок второго года осудили. Сначала в крапивенской тюрьме держали, а потом уже сюда в тульскую тюрьму перевели.

— А когда в последний раз приезжали сюда? — вновь спросила женщина, не переставая листать страницы журнала.

— В прошлом году в январе. Спрашивала, когда его отпустят домой, десять лет-то уже прошло, но мне сказали, что пока здесь сидит. Здесь тогда не вы были, а другая женщина, и мужчина тоже другой был, которые мне говорили,— пояснила Татьяна. Она разволновалась, мысли в голове стали путаться, мешая сосредоточиться, а голос задрожал.

— Я вас поняла, подождите минуточку,— распорядилась женщина и повернулась к сослуживцу.— Вась, подай мне журнал выбывших, он вон там в том дальнем сейфе лежит,— она указала рукой на сейф. Мужчина подал журнал.— Так, так, будем искать здесь,— проговорила она вполголоса и, раскрыв журнал на нужной ей странице, начала водить пальцем.— Петров, Петров... ага, вот, нашла. Петров Мирон Матвеевич, одна тысяча девятьсот седьмого года рождения, деревня Озерки, Шахтерского района, Тульской области, осужден в январе сорок второго года особым совещанием

по пятьдесят восьмой статье на срок десять лет без права переписки. Все правильно? — спросила она.

— Да, да, это муж мой. Где он? Почему он уже лишний год сидит? Его что, куда-то сослали? — взволнованно начала спрашивать Татьяна.

Женщина замолчала. Лицо ее неожиданно покраснело, она отвернулась от Татьяны и взглянула на своего коллегу. Тот молчал. Шрам на его лице побагровел, веко правого глаза задергалось.

— А вам никакие извещения не присылали? — спросил он у Татьяны.

— Нет, ничего нам не присылали, — ответила она. — Так где же он, муж мой? Его что, сослали куда-то? — Татьяна разволновалась пуще прежнего. — Или ему новый срок дали? Почему вы молчите? — почти крикнула она, устремив взгляд на мужчину, тот отвернулся. Татьяна перевела взгляд на женщину.

— Помер он, — ответила та.

— Как помер?! — не поняла Татьяна.

— Как, как? Как люди помирают, так и он помер. Жил, жил, а потом раз и нет человека, — ответила женщина. — Уже три года как от чахотки помер. Вы присядьте вон там на лавочку, — женщина указала рукой на стоявшую вдоль стены длинную скамейку, — мы вам сейчас справку выдадим о смерти, раз вы ничего не получали, — сказала она.

Татьяна ощутила, как на нее вдруг напало какое-то нехорошее состояние. Как оно, это состояние, окружило ее, начало до онемения, до бесчувствия выкручивать руки и ноги, стало сдавливать в висках голову, огнем выжигать в груди, душить ее и швырять в глаза мелкие мошки. Много мошек, десятки, сотни, тысячи мошек. Они закружились вихрем вокруг нее, а вместе с ними закружилось и все вокруг — стены, потолок, пол, стол для приема передач, люди, и как это нехорошее состояние больно ударило ее и прижало спиной к чему-то холодному, мокрому и грязному... В себя она пришла на улице. Куда ее, потерявшую сознание, подняли с пола и вынесли на свежий морозный воздух находившиеся в комнате люди. Расстегнули ей пальто, ворот, натерли снегом грудь, шею, лицо и руки. Вышедший к ней тюремный врач, небольшого роста худощавый мужчина пожилого возраста, поднес к ее лицу пропитанную нашатырным спиртом вату, протер ею виски, дал выпить воды.

— Ну, как вы себя чувствуете? Вам лучше? — спросил он, внимательно смотря на Татьяну из-под толстых стекол роговых очков. Из-под его шапки-папахи выбивались пряди седых волос.

— А может быть, это не он умер? Может быть, это какой-нибудь другой Петров умер? — стала спрашивать у доктора Татьяна, крепко схватив рукой за его брошенное поверх белого халата пальто.

— Как вы себя чувствуете? — вновь спросил доктор, но Татьяна молчала, продолжая удерживать его за рукав пальто. — Помогите завести ее в помещение, — попросил он у стоявших у двери людей.

Несколько человек приподняли Татьяну и провели в комнату, усадили на скамейку.

— Как вас зовут? — задал вопрос доктор.

— Татьяною.

— Откуда вы приехали? — вновь спросил он.

— Из Шахтерска.

— А вы знаете, где сейчас находитесь?

— Да, знаю.

— Где? — задал доктор наводящий вопрос, видя, что Татьяна замолчала.

— Я приехала в тюрьму, мужу передачку передать, — ответила она.

Доктор вопросительно взглянул на стоявшую рядом женщину-надзирательницу.

— Да, она все правильно говорит,— подтвердила та слова Татьяны.

— Ну, я больше никаких для нее опасений не вижу. Она адекватно воспринимает действительность,— сказал доктор и хотел уйти, но Татьяна вновь вцепилась руками в его пальто.

— Может быть, это ошибка какая? Может быть, он жив? Почему же в прошлом году у меня передачку взяли для него? Почему? — стала спрашивать она и по ее щекам потекли слезы.

— Поезжай домой, милая,— проговорил доктор, и, осторожно освободив из Татьянинных рук свое пальто, поспешно ушел.

Татьяна не помнила, как ей вручили справку о смерти мужа, как она садилась в автобус и как ехала домой. По Озеркам она шла медленно, волоча за собой сумку. Платок сбился с ее головы, пальто было расстегнуто. Встречавшиеся ей на пути деревенские жители с удивлением и с тревогой смотрели на нее, о чем-то спрашивали, пытались застегнуть пальто и поправляли ей платок, но она никого перед собой не видела и ничего не слышала.

Матвей Кузьмич сидел на табурете и смотрел в окно, внуки гуляли на улице. Татьяну он увидел, когда она подходила к дому. Он сразу заметил произошедшие с ней изменения. Расстегнутое и перепачканное грязью пальто, съехавший на бок платок, из-под которого выбились растрепанные волосы, почти волочащаяся по снегу не опустошенная от продуктов сумка, испугали его, внесли в его разум нехорошие мысли, в сердце беспокойство, а в душу леденящий страх. Он постарался отогнать от себя нехорошие мысли, выгнать страшные предчувствия, но они, словно змей, опутывали его и все сильнее и сильнее сковывали руки и ноги. Как Татьяна входила в калитку, он не увидел, услышал лишь привычный скрип петель. С трудом поднялся Матвей с табурета и еще труднее ему дались шаги, когда он направился к двери встречать Татьяну. Он уже слышал, как она поднималась по порожкам, а он все никак не мог дойти до двери. Он словно тащил за собой налившиеся свинцом ноги, и каждый его шаг доставался ему с огромным трудом. Каждый его шаг с болью отзывался в сердце, большим церковным колоколом звонил в голове, отнимал у него последнюю надежду. Каждый его шаг отнимал у него годы жизни. Он не расслышал, как Татьяна постучала в дверь, а скорее сам машинально отодвинул засов. Сноху он не узнал. Это была не Татьяна. Это была чужая, страшная, с пустыми глазницами вместо глаз и с отсутствующим взглядом женщина. Его страшные опасения оправдались, в дом входила не Татьяна, в дом входила — смерть.

— Что? — тихо спросил Матвей, глядя на сноху.— Что там? Почему сумка полная? Ты что, передачку не передала? — начал спрашивать он каким-то чужим, вмиг осипшим голосом. Его губы дрожали, он с трудом стоял на ногах. Татьяна молчала. Она долго не могла снять с себя платок не слушающимися руками. Наконец, она стянула его с головы и бросила на пол.

— Что?! — вновь спросил Матвей Кузьмич и, схватив Татьяну за ворот пальто, начал трясти ее.— Что?! Говори! — крикнул он в голос.

Татьяна заплакала и, словно стеснясь своих слез, уткнула лицо свекру в жакетку. Матвей Кузьмич все понял. Откуда-то из глубины души, мешая дышать, к его горлу подкатился ком, в сердце засадило, в голове зашумело. Он прижал к себе сноху и затряс головой. Плакал Матвей тихо, без криков и воплей, лишь при вздохе, когда он хватал сухим ртом воздух, в легких слышался какой-то страшный посвист, да при выдохе едва слышался исходивший из души стон. При каждом потрясании головой его седые волосы спадали на лоб, но он этого не замечал, слезы ему застилали глаза, стекали по впалым щекам, солью оседали на усах.

— Крепись, Татьянушка, крепись, милая, что же теперь поделаешь? На все Божья воля,— каким-то чужим, срывающимся голосом сквозь душившие его слезы произнес он и провел рукой по Татьяниным волосам. И та дала волю своим чувствам — зарыдала в голос, заохала, запричитала и медленно сползла на пол, подергивая при этом плечами. Матвей Кузьмич опустился рядом с нею на колени, прижал к себе.

Они плакали долго, а когда выплакались, замолчали опустошенные от навалившегося на них горя.

— Вставай, Татьянушка,— тихим голосом произнес Матвей Кузьмич, поднимаясь с пола и помогая подняться Татьяне.— Вставай, а то сейчас дети с улицы придут, напугаешь их,— проговорил он и вновь смахнул с глаз наворачнувшуюся слезу.

Татьяна поднималась медленно. Вздыхала при каждом движении, всхлипывала, вытирала рукой мокрые от слез глаза.

Вскоре пришли и Васька с Колькой. Увидев приехавшую мать, они бросились к ней в объятия.

— Мам, ты нам никакого гостинчика не купила? — спросил Васька.

— Нет, не купила,— ответила она и, прижав к себе детей, вновь заплакала. Матвей потряс ее по плечу, давая таким образом понять, чтобы она при детях сдерживала свои чувства.

— Дед, а почему мама плакала? — спросил у Матвея Кузьмича Колька после того, когда Татьяна ушла в комнату и закрыла за собой дверь.

— У нее голова болит,— ответил тот.— Пусть мама немного поспит,— сказал он.

— У нее тогда голова пройдет? — спросил Колька.

— Когда поспит, тогда пройдет,— кивнул Матвей Кузьмич головой.

— А почему она нам гостинчика не купила?

— Некогда было, автобус уезжал, а она боялась на него опоздать,— вновь соврал дед внукам.

— А когда она в магазин пойдет, купит нам гостинчика? — спросил Колька.

— Купит. Ну, хватит вам мне докучать. Идите, поиграйте во что-нибудь,— приказал он внукам.

— А можно мы опять на улицу пойдем?

— Можно, только далеко не убегайте,— приказал он.

После того, как внуки ушли, Матвей Кузьмич осторожно подошел к двери комнаты, в которую ушла Татьяна и, приложив ухо, прислушался. За дверью было тихо. «Кабы чего не начередила над собою»,— тревожно подумал он.

— Татьянушка, ты спишь, ай нет? — негромко спросил он.

— Нет, не сплю. Я скоро выйду,— ответила из-за двери Татьяна.

Постояв еще немного у двери, Матвей Кузьмич ушел на кухню и присел на табурет. Спустя некоторое время из комнаты вышла Татьяна.

— Надо жить, Татьянушка, надо жить, голубушка. То, что случилось, на то воля Божья, а нам надо с этим горем смириться и жить дальше, так как жили до этого.

— Как же жить-то теперь, когда знаешь о таком горе? — вздохнув, спросила Татьяна.

— Бога просить надо, чтобы терпения дал. Я — старый уже, а тебе надо жить и ребятишек поднимать. Изведешь себя горем, детишки твои никому будут не нужны,— тихо произнес Матвей Кузьмич, глядя на сноху.

— Да, надо жить,— согласилась та, отворачивая от свекра опухшее от слез лицо. Затем повязала на голову косынку, убрала под нее волосы, надела фартук и подошла к печи, — позови ребят с улицы, ужинать будем,— сказала она.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Иванов
(г. Москва)

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР
(новелла)

Окончил Московское Суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году был направлен в Афганистан. В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. В октябре 1993 года, отказавшись публиковать материалы в поддержку обстрела Верховного Совета, был снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооруженных Сил. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками, освобожден через 4 месяца в результате спецоперации. Награды: Орден «За службу Родине в ВС СССР» III степени; Медаль «За отвагу»; Знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть»; Лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград».

Председатель Союза писателей России.

1

Мы были Белкой, Арбалетом и Метелицей. Хотя я просил для себя позывной «Поэт».

— Только не это! Нет и еще раз нет! — вскинул руки к потолку штабной палатки командир. Дремавшая на проводе лампочка, получив по затылку, отскочила за центральный стояк и завилась вокруг него удавом. Опасаясь гнева хозяина, юркнуло в «буржуйку» и пламя, до этого зажигательным танцором бросавшее огненные ленты в приоткрытую дверцу. — Романтики, едрена вошь! Воевать надо, а не стихи складывать. У меня вас, поэтов, уже семеро по блок-постам, как по лавкам.

Сел на свою личную скамейку — коротенькую, на два ведра, неизвестно из какого подворья экспропрированную для военных нужд. Удав с выпуклым электрическим глазом начал разматываться в обратную сторону, высвечивая на стенах триколор России, флаги Луганской и Донецкой республик. Вытянулся из топки и острый ирокез танцора: тут все успокоилось? Крышкой по лбу не получу?

«Получиш-ш-шь, получиш-ш-шь», — зашипела на плите вода из погнутого чайника.

— «Я — поэт, зовусь я Цветик. От меня вам всем приветик», — процитировал командир строки из Незнайки. Но ему хорошо, у него позывной «Печенег» — красиво, непонятно, но гордо. А тут точно вклеит какого-нибудь «Цветика»!

— Вон, за окном метет — будешь Метелицей.

Позывные вместо имен — повсеместный атрибут войны на Донбассе. Причем, с обеих сторон: никто до конца не верил в окончательную победу, а потому воюющие не себя оберегали, а возможные репрессии к родным и близким. Мстительна гражданская война, ох, коварна!

На плите шипело, подразумевая угощение, но делиться кипятком Печенег не стал, кивнул на полот:

— Жди машину, поедешь на пятнадцатый блок-пост.

Не Чапаев! А чайку хотелось. Хотя бы «женатого» — с вторично использованным после Печенег пакетиком. И даже на «покойника» согласен — уже остывающего...

За палаткой текла своя жизнь.

— Взво-о-од! Правое плечо вперед!

Одна из самых несуразных команд в армии, кстати: чтобы повернуть строй налево, говорят про правое плечо. А именно слева самая желанная для любого солдата палатка — столовая, где меня перед встречей с командиром пытались откормить гречневой кашей с «белым медведем» — дрожащим куском вареного сала. Бррррр... Вот стоящую колом гречку и запить бы горячим чайком!

— Взво-о-од! Запе-вай!

— *Облака-а-а - белогривые лоша-адки-и-и...*

Блеск! Самая позорная строевая песня, которую заставляет петь командир своих подчиненных за какие-то провинности. Значит, даже «белого медведя» новобранцам видать не скоро.

— *Облака-а-а, что вы мчитесь без оглядки-и-и?*

На земле без оглядки куролесила моя прародительница — метель. Прячась от ее желания наместить вокруг моих ног сугробы, передвинулся за штабную палатку, прикрытую от обстрела связанными между собой автомобильными шинами. Там текла своя жизнь: пятеро ополченцев, выбрасывая вперед руки и приседая, упоенно перекрикивали лошадок и ветер:

— Жо-па, жо-па, жо-па!

— Повторяю для бестолковых, — ходил перед своей порцией провинившихся бородатый казак в папахе. — При ранении последовательность действий именно по «жо-пе»: Жгут, Обезболивающее, Перевязка, Автомобиль для эвакуации. И никак иначе!

— Жо-па, — подтвердила вприсядку группа.

Ничего не изменилось в армии со времен Петра Первого: вот тебе три мужика, сделай из них одного солдата...

А ведь еще утром я рыбачил на русском берегу Северского Донца, торкая над лункой палочкой с привязанной веревкой. Так сказали друзья в Москве, указав точку на карте: рыбачишь и ждешь. Ровно в полдень с другой стороны появится такой же «рыбачок», махнет рукой. Осторожненько по льду к нему — и ты уже на войне.

Но на саму войну сразу не пускали. Сопровождающий, от холода и для конспирации укутанный шарфом по солнцезащитные очки, не ответив ни на один мой вопрос, привел в учебный центр. Здесь и шла сортировка добровольцев из России, нареченных «северным ветром». Кто вообще не служил — те вприсядку напоминали у казака одну из частей человеческого тела. Прошедших армию распределяли на второстепенные блок-посты, высвобождая бойцов для передовых траншей. Мои солдатские познания Печенег удовлетворили, раз не стал держать на сборном пункте.

— Кого везти на пятнадцатый? — послышался сиплый голос, тут же разорванный надрывным кашлем.

Меня искал шупленький, подстать собственному голоску, старик-возница с автоматом вместо кнута и рулоном рубероида на плече. Снаряженный в дорогу старенький БТР, присыпаемый снегом, дремал в колее. Головы на попутчика не повернул, и стараясь не будить «самодвижущийся металлолом» раньше времени, я влез в стильное чрево через боковую дверцу: да, люк «героя», да, не для мужественного сэлфи, но на войне желательно ездить подальше от водителя, которого при засадах подрывают или расстреливают первым...

— Взво-о-од! Бегом...

Даже по команде «бегом» надо сделать все наоборот: замереть, согнув руки в локтях и наклонившись вперед. Армия — она и впрямь очень смешная, если наблюдать за ней со стороны.

— ...Арш!

А вот теперь бегом.

Нам тоже, пусть и с рывка, словно отрывая примерзшие к насту сани, вперед.

Но-о, милая!

2

На «Пятнашке» шли похороны.

— Кого? — замер придавленный рулоном возница. Не согнуться в три погибели ему помогал автомат, которым, как посохом, старик опирался на землю.

— Ольга Сергеевна, — чуть отклонившись назад, шепотом пояснил оказавшийся рядом рыжий боец с родимым пятном на левой скуле. Если не бриться, оно и не видно было бы...

Окоченевшая на морозе Ольга Сергеевна лежала перед вырытой могилой на окровавленной плащ-палатке. Вспомнилось по прежней службе: кровь отмывается только холодной водой, горячая здесь не помощник...

— Короче, растяжка. Задела вчера, — прошептал боец и дернул плечом на минное поле перед водонапорной башней справа. Мины — это плохо. По солдатской классификации ПМН — «противопехотная мина нажимная» переводится не иначе, как «Принеси Мою Нogu», а для изысканных гурманов черного юмора — «Пораскинь Мозгами Невзначай». Все это и впрямь смешно, пока не касается тебя лично... — Ползла всю ночь. Но когда пробито легкое...

Стоявшая рядом женщина-толстущечка зыркнула синими глазами — помолчите! Был бы в руках поварской черпак, точно стукнула бы по головам.

— Товсь! — скомандовал стоявший у изголовья Ольги Сергеевны капитан с летной планшеткой через плечо.

Вообще-то на боевых позициях с офицеров снимается любая атрибутика, выдающая в нем командира. Да и прощальные салюты отдаются при уже оформленной могилке, а не заранее...

— Огонь!

Щелчки курков. Без выстрелов. Режим тишины? Лишь зародился, буравчиком вонзаясь в сердце, чей-то тонкий надрывный вой. Так скрипочки ведут свое соло в оркестре...

В перерывах между беззвучными салютами капитан и простился первым с Ольгой Сергеевной, смахнув ей со лба напавший снежок. Направился к зарытому в землю металлическому кунгу с табличкой каракулями: «Собственник «Небо».

Летчик? Потому не знает сухопутных порядков?

По пути кивнул мне: заходи, попьем чайку с дороги, представишься. Чай — это единственно желаемое. На секунду лишь задержался у пожарного щита с белой надписью теми же каракулями: «Место для хранения ваших смартфонов», к которому гвоздями «сотка» были прибиты три мобильных телефона и планшет. Сурово тут со связью! Зато наглядно.

Укрыться в тепле с Чапаевым не успели: со стороны неубранного поля подсолнечника, оказавшегося нейтральной полосой, бежал боец. Сами подсолнухи, — черные от мороза, остекленевшие после недавнего ледяного дождя, напоминали немцев под Москвой, виденных на военных фотографиях.

Подбежавший разведчик вытащил из вязаной цветастой варежки записку на тетрадном листке. Пока командир разбирался в слабосильных карандашных строчках, косил глаза на растущую могилу, к которой полз, скуля, собачонка.

— Не надо, Затвор, не надо, — пытался отпихнуть щенка боец с родимым пятном.

Но пес лез под лопаты, пытаясь отбросить кривыми лапками комья глины со слюдяными вкраплениями застывшего в них мороза. Там, под землей, словно в засыпанной угольной шахте, лежала его мамка — Ольга Сергеевна, жившая на «Пятнашке» с начала войны, родившая его под кроватью командира «Небо». Боролся с все увеличивающимся завалом, был на одной ноте, умоляя людей помочь ему, но они, наоборот, оттягивали его от могилы, торопливо махая лопатами. Повариха вместо креста приспособила на холмик найденное среди кухонных дровишек перекрестие от выбитой оконной рамы. Интересно, а собаку можно отпевать по церковному чину? Тоже ведь живая душа...

Летчик разобрал, наконец, записку:

— «Верните Андрейку. Иначе вам хана. Клод Ван Дамм».

«Что за Андрейка?» — вывернул я голову. Сорока так выставляет вперед глаз, чтобы лучше видеть, а я — ухо в готовности расслышать ответ: хотелось быстрее освоить специфику донбасской войны.

— Наркоша с той стороны. Младший брат командира. Наглоется «колес» и шарается по подсолнечнику. Где он сейчас? — спросил командир у разведчика.

— Бросился то ли обниматься, то ли врукопашную. Но упал, да еще челюстью прямо на собственную коленку, — поведал тот, посмотрев почему-то на свой увеличенный варежкой кулак.

— Андрейку перевязать и вернуть, он единственный порядочный среди этого зычья. «Белка», а ты больше туда ни ногой. Понял? Зэки на той стороне, — пояснил мне и увел, наконец, в кунг для более детального знакомства под долгожданное чаепитие.

3

Плохо зимой на войне. Стыло и неповоротливо. Время тягучее, без роду и племени, никому не подчиняющееся и уставшее от самого себя. Одна отрада, что противника жмет тот же мороз и засыпает тот же снег. Молить погоду о снисхождении бесполезно, ей каждого слушать — с ума сойдешь выбирать главного на земле, потому она глуха, слепа, никому ничего не должна. Может, где-то в южных городах женские каблучки уже и выстукивали весну, но в нашем секторе обстрела мела поземка.

Мы с Затвором греем и развлекаем друг друга. Щенку то ли понравились не виданные им за свою короткую жизнь куриные окорочка, забытые мной на дне рюкзака и скормленные ему на поминальном обеде, то ли сумел отметить, что я единственный, кто не причастен к похоронам его мамки, — не отходит ни на шаг.

Выделенным капитаном куском рубероида заделал щели в окопе, и ветер-калмык теперь лишь воет над головой, да сечет пургой высунувшийся за бруствер длинный

нос «Утеса». Ножки пулемета привалены мешками с песком, чтобы не прыгал лягушкой при стрельбе. Траншея изгибается в зависимости от корней деревьев, земля окопа морщинистая, седая от снежка.

Плохо на войне и от бездействия. Прямого противостояния нет, лишь время от времени зыбье пытается по-жабьи прыгнуть вперед, отвоевая кусочки территорий. Но на каждый такой прыжок есть свой «Утес» с 750 выстрелами в минуту, способными перемалывать «жаб» вместе с укрытием в труху.

Рукопашных нет тем более, подсолнуховые рейды Андрейки не в счет. Война сосредоточилась на обмене артиллерийскими выстрелами: ты мне, я — тебе. Затем перерыв на обед. Вместо компота три снаряда сюда, тройная «ответка» — туда. Пехоте радость: пустые ящики из-под снарядов — это и шкафчики, и стол, и растопка для «буржуйки», и лежаки.

Не спит только «Небо».

— Проиграет тот, кто расслабится первым! — науськивает он перед каждым дежурством. — Мы здесь поставлены причинять добро и наносить пользу.

Формулировка придумана для международных наблюдателей ОБСЕ, призванных фиксировать обстрелы мирных домов. Прекрасное знание русского, а не украинского языка косвенно указывало их принадлежность к трем-пяти разведкам мира, но подобный ответ одного из ополченцев чуть не свел с ума этих «миротворцев», попытавшихся понять русскую логику.

Сам «Небо» мужик не вредный, отлетавший на «вертушках» треть жизни и спящий в отставку в Киеве из-за нехватки в армии вертолетов. — Ваше бессмертие находится у каждого из вас в районе копчика. Его слушайте.

Копчику хочется тепла и уюта, но кресло, притащенное в наш узкий, словно балкончик, окоп, само промерзло минимум до майских праздников, и приходится отставивать смену на ногах, подставив под них пустой ящик из-под патронов. В Чечне за подобные удобства, расслабляющие часовых, взгребли бы по первое число, ибо хуже либерального командира на войне только вшивый повар, но «Небо» умеет находить золотую середину между порядком и человеческим отношением к окопникам.

Позиционная война и убаюкивает, тащит в воспоминания.

*Лавочки парочки
Заняли с вечера.
Парню без девочки
Делать здесь нечего...*

Стишки. Стишата. Рифмы в столбик. Внукам для гордости, что дед — поэт. При этом настоящий поэт Николай Дмитриев говорил, что кроме отчества мы должны оставить своим детям еще и Отечество.

Затвор вскидывает голову. Вороны с голубями, как по расписанию, прилетели на обед? Парадокс времени: птицы мира на Донбассе есть, а самого мира нет. А вот орлы, говорят, лет десять после войны не селятся на тех местах, где шли бои. Но у них есть выбор. У людей — нет!

По траншее, стирая плечами изморозь с траншейных щек, протискивается Арбалет. Родимое пятно прикрылось трехдневной щетиной, а вот глаза блестят. Торжествует, издали протягивая термос:

— Наконец-то и у нас в России кто-то умный отыскался.

Мы и впрямь иронично усмехаемся, когда сердобольные земляки вместо свитеров присылают с «гуманитаркой» белые рубашки с коротким рукавом. Белка, прыгающий ныне по подсолнечнику, лишь однажды нашел в пакетах цветные женские варежки. Похихикал, но не отдал их даже поварихе Маше.

Арбалет отвинтил крышку. Вырвавшийся из разгоряченной, тесной колбы кипяток в охотку расправил плечи, но тут же присел, скукожился на обжигающем холоде. Обрадовался моим ладоням, обнявшим крышку, заластился над ними оскудевшим парком. Только какое от моих посиневших пальцев тепло, они сами последнее отберут.

— Нету? — Арбалет порыскал взглядом по нейтралке. «Немцы», боясь надломиться в своих стеклянных скафандрах, не шевелились. А должны были: Белке заступать на пост через пять минут. Скорее всего, Арбалет не ради чая явился, а прикрыть друга.

— Куда ходит-то?

— Тебе адрес с номером квартиры? — Арбалет почесал рыжую щетину. Добавил мне кипяточку — только молчи. Белка никогда прежде не опаздывал из самоволки. Только вот с такой регулярностью, да по одному и тому же маршруту в разведку не ходят. Даже «Небо» в небе вряд ли летал по одной и той же траектории.

Калмык лениво подметал наст перед траншеей, нерадивой хозяйкой загоняя припорхнувший снежок в углы. Берет пример с дорожников, у которых весной приходит дедушка Апрель и сам убирает сугробы?

Но сначала пусть прискачет Белка.

Арбалет долго вглядывался, как секундная стрелка не хуже реальной белки прыгает с деления на деление. По тому, как вздохнул, стало ясно: 12 часов пополудни. Смена. Пусто. Пора становиться на хвост.

— Не лезь! — отпихнул Арбалет подсунувшегося под руку Затвора. Вчера грустно признался, поглаживая подушечками пальцев лоб щенку: а ведь это он мины устанавливал, на которых подорвалась Ольга Сергеевна. Там есть один зигзаг, который он оставил на случай собственного прохода, но откуда его было знать собаке...

Под прикрытием щенка еще раз глянул на часы. Но что изменится за пятнадцать секунд? Закурил, отпил из термоса, но помечтал о другом:

— Короче, сейчас бы молочка с булочкой да на печку с дурочкой.

Скорее всего, он соотнес присказку с Белкой, где-то заплутавшего в тылу врага. Это Россия всегда славилась своими блудилищами — тайными лабиринтами под домами, по которым купцам-помещикам можно было уйти в случае, если крепостные начинали бузу и жгли усадьбы. Так и звали: терраса — гульбище, тайные ходы — блудилище. А где в шахтерском крае среди подсолнечника-то заплутать?

— Та-ак, командир к нам нежданчиком.

По-футбольному чеканя коленками сдвинутую вперед планшетку, к нам шел «Небо». У последнего изгиба траншеи углядел забытую на бруствере, наполненную снегом сковородку. С ней, как с чугунной булавой, надвинулся на нас, пытающихся не хуже щенка втиснуться в щели.

— Курим и ждем, когда вас меньше станет? Что в одно ухо влетает, в другое вылетает?

— Пуля снайпера,— Арбалет моментально обул голову в каску.

— Я вижу, мои приказы тоже. Белка отдыхает?

Затвор утвердительно гавкнул. «Небо» прилег рядом с пулеметом, поверх припорошенного ствола осмотрел нейтралку. На застывшем за его спиной автомате удобно устроился и надетый на шомпол дверной ключик. Дом командира в самом начале войны накрыло «градом», и это все, что осталось у него от прежней жизни.

Ключик дремал не долго, качнулся:

— Не слышу ответа.

Затвор вновь попытался защитить нас, но я зажал собачий нос: если хочешь, чтобы хвост не прищемили, то не дразни начальство. Часы перед глазами давали уже

минус двенадцать минут отсутствия Белки. Но если что, я готов простоять дополнительную смену. «Я тоже могу раньше своей выйти»,— сделал невинной рыжую мордашу Арбалет. Нас, добровольцев из России, на блок-посту как раз троица, «Небо» и свел нас в одном окопе, чтобы держались вместе. Мы и держимся.

Да только что наши молчаливые уверения ключику на шомполе. Замер подозрительно.

— На осинке не растут апельсинки,— вдруг пропел капитан, на последней ноте двинув локтем под дых «Утесу». Пулемет, несмотря на приваленные к ножкам мешки, подпрыгнул, и длинная, идеально ровная снежная грядка на загровке ствола рассыпалась.— Я ведь приказал ему туда больше не соваться. Или командира уже ни в грош, ни в полушку?

Больше всего об исчезнувшем сменщике знал, конечно, Арбалет, они почти год вместе воюют. Но водит глазами по стылому небу, рисует восьмой цвет в радуге. Командир безошибочно поворачивается к нему, лихо заламывает каску набекрень покруче берет. ВДВ! «Никто, кроме нас!» Только сделал это, чтобы схватить Арбалета за ухо как распоследнего разгильдяя из стройбата:

— Что, за смертью без очереди хотите пролезть? Где?

— К сыну пошел,— ляпнул несусветную чушь Арбалет и дернулся, освобождаясь от боли. Слетевшая каска завалила термос с недопитым чаем. Перепугавшийся Затвор, силясь зацепиться ногтями за мерзлые стенки и крышку термоса, сполз на дно траншеи и по-дембельски мудро замер, поджав хвост. Не удержавшаяся на бруствере крышка термоса наделась ему на голову каской, но, в отличие от Арбалета, он смахнул ее лапой.

*...Парню без девочки
Делать здесь нечего.
Делать здесь нечего
В каждой аллее.
Холодом этим встреченный —
Ушел побыстрее.*

— Врастаешь в землю тут! — указал мне свободной рукой «Небо» место для будущего памятника погибшим, но не сдавшим «Пятнашку» ополченцам — где-то рядом с Затвором и крышкой из-под термоса.— Готовность номер один. А ты за мной,— выпустил, наконец, на волю красное ухо Арбалета.

Погнал коленями планшетку обратно в штаб.

— Гав,— подпрыгнул Затвор, стараясь вернуться на бруствер.

На бруствере опасно, друг милый. Иди на руки. Где-то там еще и крышка затерялась, но ей ценность без чая нулевая. Лучше продует налетевший на пулеметную ленту снежок. Переукрепим пулеметные ножки. Смотри, Затворище, они такие же, как у тебя — в раскоряку. Но от них-то как раз и зависит устойчивость и кучность стрельбы, друг мой. Ты если чего не знаешь, спрашивай. Вот снег, например, со ствола испаряется только во время стрельбы. А «немцы» не шевелятся. Хорошо это или плохо? Бушлат уже не греет, опять холодок по спине. Где индивидуальный пакет!? Куда денется, если привязан к прикладу бледно-розовым жгутом. И не забывать уроки казака: сначала жгут, потом обезболивающее, потом только перевязка... Авто нет, какое может быть авто, друг сердечный. Чего дрожишь? Нам нельзя падать раньше выстрела. Дай Бог, возница хоть и чахленький БТР, но подгонит. Да и командир должен понимать: если с Белкой и впрямь что-то случилось, нас одних в окопе оставлять нельзя. Мы здесь на направлении главного удара, потому как «северный

ветер». Печенег сказал — надежный по силе и направлению. Так что врага пропустить нельзя. Но и помирать, честно говоря, желания никакого. Подождут памятники?

— Гав,— согласился Затвор, лизнув меня в нос.

Тогда к бою!

4

— Я устала лепить тебя из воздуха.

— Но ты же видишь, как я кручусь!

— Крутись дальше. Но — без меня!

Сказала без надрыва, заламывания рук в тайной надежде, что начну отговаривать. Как вообще терпела меня рядом? Или потому, что водились деньги?

Догадка показалась гнусенькой, недостойной Леры и наших с ней отношений, и я усмехнулся пришедшей на ум глупости. На деле же получилось, что ухмылка досталась как бы самой Лере на ее слова. С облегчением, теперь уже полностью оправдывая себя, она встала из-за любимого углового столика любимого арт-кафе «Бардак» на Маросейке и подняла бокал. Но не мне на прощание, а навстречу толпящимся у барной стойки друзьям: я снова с вами!

Вы уходили, но вы обернулись.

Где же судьбою мы разминувшись?

Где не совпало наше дыханье...

Сочиняю. Не обернулась. Зато у стойки заговорили обо мне в третьем лице, демонстративно вычеркнув из времени и пространства:

— Как всякий мент, он имел склонность и слабость ничего не делать.

Я сжал рюмку, но признал: в чем-то они правы. Десять лет топтаться на станции метро «Кропоткинская» — работа и впрямь вроде не мужская. Но это если не знать, что на самом деле держишь под контролем подступы к Храму Христа Спасителя, сортируя лица обитателей подземки на предмет выявления террористов. Самый большой наплыв пассажиров случился в дни, когда привезли с Афона для поклонения Пояс Богородицы. Тогда Лера и подошла ко мне с просьбой помочь ей с друзьями сократить двадцатичасовую очередь. Красота и стать девушки сразили, а полномочий хватило продвинуть новых знакомых всего за 4 часа.

— В «Бардаке» быть героем легче, чем в окопах.

Водки в рюмке на два глотка. Четное число — поминальное. Но про окопы тоже почти правда. Новые знакомцы только что вернулись из Киева со стойким убеждением, что на Донбассе с доверчивой красавицей Украиной не зная сна, еды и отдыха воюют исключительно все до одного спецназовца Главного разведуправления России вкупе с чеченцами, бурятами, псковскими десантниками, водолазами Северного флота, амурскими тиграми, белыми медведями с Новой Земли, а по выходным едва ли не сам Путин обстреливает мирную украинскую армию. Я же, намекая на причину нашего знакомства, назвал Донбасс Поясом Богородицы, защищающим Крым и Россию от стрел на картах, рисуемых в Брюсселе и Вашингтоне. И что имеющие совесть вообще-то должны ехать на Донбасс, а не на киевский майдан.

Водка вошла все же в один глоток. Повторяя Леру, поднял пустую рюмку бывшим знакомцам: а я без вас. Я с Поясом Богородицы, который самому так и не удалось увидеть в Храме: как раз за использование служебного положения в личных целях, а по сути помощь Лере, был переведен на самую отдаленную от центра, открытую, продуваемую всеми ветрами, бестолковую, тесную станцию «Выхино».

Как легко меняется судьба, когда сам в этом участвуешь!

Затвор вскинул нос. Вернувшийся Арбалет потянулся к термосу, по весу определил в нем количество чая в ноль целых хрен десятых. Не жалея копчик, опустился в кресло. Пересадил каску с головы на колено, хлопнул по ней, как друга по плечу.

— Короче, получил по полной.

— Про какого сына ты ляпнул?

— Почему ляпнул... Пацан у него там, на той стороне.

Посчитал ответ исчерпывающим, но молчать было тягостно, и он продолжил:

— Короче, Серега жил здесь до войны. Накануне майдана развелся и уехал к себе на Урал. Как тут все началось, вернулся. Ходил на свиданки.

Ну вот. А я думал и впрямь — герой-разведчик, оберегает нейтральную полосу.

— Я сметаюсь за ним,— Арбалет хлопнул «друга» теперь уже по башке. Повторя командира, навалился на бруствер, вгляделся в подсолнечник.

— «Небо» в курсе?

— Если только ты скажешь.

Не скажу. Но лезть головой в петлю...

— Короче. Серега мне кровь перелил после ранения,— он дернул плечом, посчитав данный аргумент для принятия любых решений и потому не подлежащим обсуждению.— А дорогу я знаю. Однажды вместе ходили. Так что постоишь еще одну смену и за меня.

Я, оказывается, мало чего знаю об обитателях «Пятнашки». Точнее, совсем ничего. Две недели пребывания на блок-посту — не срок. Срок — это когда переливают кровь и называют друг друга по имени вместо позывного...

Под немигающим взглядом Затвора Арбалет переоделся «в снег» — извлеченный из пустого патронного ящика-подставки маскхалат. Подергал контуженным плечом. Чует проблемы вместо копчика? Хорошо, что плечо левое,— на правом, никого не пуская, хозяйничает автомат, для маскировки перебинтованный по самую мушку.

— Я бы все же... Не к теще на блины...

Запнулся. Белка как раз к теще и ушел. Но что-то же должно остановить Максима!

Арбалет — Максим. Родом из небольшого городка Карачев, пустившем корни между Орлом и Брянском. Убеждает, что именно в тех местах Илья Муромец по пути в Киев сразился с Соловьем Разбойником. На том месте даже планировали памятник поставить. И не Богатырю, естественно, а Соловью. Это ныне такое поветрие — стесняться говорить о главном. В Воронеже изваяли Белого Бима с Черным Ухом, а не Гавриила Тропольского, эту собачью историю написавшего. Так что не стоит обольщаться насчет памятника и здесь. Если и поставят, то не ополченцам. И даже не Затвору. В лучшем случае водрузят на постамент пулемет с завязанным в узел стволом. Гуманно, символично, только вот мудрые китайцы учат, что последней войны не бывает.

Пока идеально ровный, готовый к бою заиндевелый ствол «Утеса» прикрывал Максима, по-пластунски уютившего наст. Несмотря на комплекцию, у него горбатится только «мародерка» — карман на спине, в который я сунул две из трех выделенных мне гранат. Оказывается, это достаточно — отдавать боеприпасы перед боем другому. Влип, конечно. Себе-то можно в этом признаться. Из Чечни выполз словно в игольное ушко, казалось бы, хватит испытывать судьбу, но подвернулась Лера... Только бы все обошлось, потому что через недельку все равно надо возвращаться в Москву. Сдавал резюме в службу безопасности Госзнака: охранять чужие денежки, раз своих нет. Вдруг там что-то прояснилось, а меня найти не могут...

Арбалет тем временем растворился среди «немцев», и щенок обеспокоенно поглядел на меня: а ты не исчезнешь? Не исчезну. Мне еще надо приехать в любимый

Лерой «Бардак» и завершить вечеринку. Можно в камуфляже. Зайти, заказать порцию водки. И подарить ей розу. Железную. Белка обещал дать адресок в Донецке, где какой-то кузнец выковывает их из осколков снарядов, падающих на город. На самых крупных укрытиях пишут «Все лучшее — детям». Где моя артиллерия?

Оставшаяся в единственном числе «лимонка» лежала бедной родственницей на бруствере. Давай-ка, катись поближе, голуба. Да ложись в сковородку, чтобы не затерялась — не зря же ее командир от снега очищал. И какая же ты удобная для ладони. Bravo конструктору. Как пасхальное яичко. А Пасха в этом году ранняя, апрельская. Под нее — уже крайний срок, нужно вернуться в Москву. Родителям сказал, что поехал охранять сочинские олимпийские объекты. Именно до Пасхи. Тогда казалось, что она далеко. А у «немцев» тишина. Гнетущая. Каска лезет на глаза, от ее тяжести отваливается башка, но на войне, чтобы не протянуть ноги, берегут именно голову. А она советует заранее загнать патрон в патронник.

— Гав,— сообщил Затвор о новом госте.

Картошкой-синеглазкой, а по сути, бильярдным шаром, постучав круглыми боками по бортам траншеи, вкатилась в лузу моего окопа Маша.

— Где он?

Симпатия повара на блок-постах высчитывается по упитанности того или иного бойца. Через Максима перепало с кухни и нам, даже Затвор, несмотря на грозный вид Маши, завилал хвостом.

— Где?

Припала к брустверу. Несмотря на сопротивление, напялил ей оставленную Максимом каску. Росточка поварихе не хватило даже с ней, приподнялась на цыпочки оглядеть подсолнечник. Стоит, милый. Никуда не делся. Делись ребята...

— Дураки вы, мужики. Какие же дураки!

Неправда ее. Мы еще хуже. Отец, готовясь к походу за продуктами, всегда вздыхал: нас на рынок ведут как баранов, назад возвращаемся груженными ишаками.

Маша вжалась в мерзлую землю с желанием сидеть в лунке до возвращения Максима. Но и меня по голове не погладят за посторонних на посту. А главное, одного себя защищать легче, чем кого-то еще, к тому же бестолкового, как не окученная картошка.

— «Небо» будет первым знать обо всем,— пошел на обман.

Повар, словно в фильме при обратной перемотке, выкатилась из лузы, принялась биться о те же траншейные борта на изгибах. Затвор вновь заглянул мне в глаза: у нас все в порядке?

— Домой! — махнул ему, указывая на повариху.— Домой, фу! Пошел.

Щенок для очистки совести потоптался на месте будущего памятника, но в итоге, не гавкнув даже «спасибо», заячьими прыжками пустился догонять попутчика с исходящими от ее бушлата и рук вкусными запахами.

Через мгновение он уже несея обратно, боясь попасть под ноги разбегающихся по траншее бойцов: капитан поднял «Пятнашку» по тревоге — причинять добро и наносить пользу.

5

— Сироты мы сироты. Только я без отца и матери, а вы без мозгов и совести.

«Небо» рыскает окулярами бинокля по нейтралке. Белки и Арбалета нет даже в семикратном увеличении, потому все вдвухается лишь в мои уши. Терплю за троих.

— Вернутся — самолично расстреляю! — передал им будущую кару летчик и погнал планшетку дальше по траншее, утыканной касками бойцов.

А меня осенило: зря он прибывал мобильники на пожарный щит. По крайней мере, по геолокации телефона можно было бы установить место нахождения Максима. Хотя нет, не факт. Выкупившая у нас в районе бывшие колхозные поля фирма «Мираторг» вживила завезенным австралийским коровам чипы в уши, чтобы оператор мог по компьютеру отслеживать буренок на пастбище. Заприметили, что одна с самого утра топчется на одном месте. Послали пастуха проверить, а у того лошадь на дыбы: лежит в травушке-муравушке отрубленная коровья голова с чипом в ухе, а самой австралийки-то и нет. Уволокли давным-давно цыгане тушку через ограждение...

Дергаю головой: не те истории вспоминаются. У ребят ничего не должно случиться. Хотя уже темнеет. Перевалить, перепозти через ночь! Хоть по-пластунски, хоть строевым по плацу вместе с белогривыми лошадами.

Под бушлат,— ну сколько можно, вновь просочился холод, и пришлось плечами разгонять стадо мурашек, бизонами топчущихся по позвоночнику. От стылости, конечно, лучше всего спасает горячая еда, но перед боем только идиот побежит к повару, даже если это синеглазая Машенька: солдату лучше, если при возможном ранении в живот тот будет пуст. Войной дирижирует физиология. Хотя, если не кашу, то чайку с лимончиком глотнуть не помешало бы. Как-никак, а пять часов на ногах. Уже пять. А когда-то двенадцать минут казались вечностью. Лере не прижиться в таких условиях, ей, неумной, через каждые полчаса требовалось куда-то бежать. Плохо, что стихи не пишутся. Даже про нее. Отдельные строчки, как проталинки, еще отогреваются от мороза, но весеннего полноводья нет. Или года к суровой прозе клонят?

А с ребятами, конечно, беда. Странно лишь, что ни выстрелов, ни взрывов не прозвучало. Оправдание одно: мужики заприметили у укров что-то важное и высматривают, не выдавая себя.

...Я высмотрел Арбалета часа через два, когда совсем стемнело и пошел снежок. Монокль ночного видения, разжижающий темноту до бледного лунного пейзажа, ухватил некое шевеление у водонапорной башни. Пять-семь белых всплесков оторвались от немецкой шеренги подсолнечника и мелкой зыбью лизнули наст минного поля. Показалось или все же диверсионная группа? Но они что, не знают о минах? На что надеются?

Надеялись на Арбалета!

Его вытолкали вперед, сбили с ног, но он с усилием встал снова. На груди по всему маскхалату шли темные пятна — при зеленом искажении света это могла быть только кровь. Максим же, словно надеясь, что мы видим его, сделал легкий успокоительный жест рукой. Левой. Когда-то прострелянной. Сейчас безжизненно свисала правая, которой удобно было выхватывать гранаты из «мародерки». Промчалось, никуда не девшись, стадо бизонов, впившись острыми копытцами между лопаток: а если бы не увидел разведку? Если бы Арбалет не встал? А не сдрейфи я сам и не рыскай во все глаза в поисках опасности — и поминай как звали?

На войне не бойся бояться!

— Сюда! Сюда! — позвал я громким шепотом в обе стороны хоть кого-нибудь. Прибор ночного видения только у меня, потому что я главная, выдвинутая вперед, огневая сила.

Подскочил сам «Небо», без усталости гоняющий планшетку по изрезанному траншеями футбольному полю. Вместо того, чтобы выхватить из кармашка судейский свисток, выудил собственный монокль, что мгновенно превратило его из футболиста в театрального зрителя, поглощенного разворачивающимся на сцене действием.

— Он повел их на минное поле! — примерил капитан на себя еще и роль комментатора. И? Что дальше? Почему замолчал? Я бы первым выгнал его из окопной

радиостудии, потому что слушателю важнее следить за происходящим событием, чем вслушиваться в тишину.

Не надеясь больше на репортаж, припал к своему окуляру. Резкость упала, усиливающийся снежок заретушировал картинку, но позволил рассмотреть, как к ногам Арбалета снежные хомяки-суслики привязывали веревку. И едва Максим вновь попытался встать, ее дернули, заставив пленника воткнуться лицом в снег. Хотят проползти по безопасному зигзагу, который знает только проводник?

— Сидишь тут,— приказал летчик мне и рванулся на правый фланг, к тайному проходу в минном поле. За ним вслед, виляя хвостиком, заскользила по траншее солдатская ниточка, нанизывая на себя бусинки-каска.

Не доверяет? Я своим «Утесом» перемолочу этих сусликов в труху. И до лампочки, жрали они кашу перед этим или только о чае с лимоном думали. Одни шнурки из снега торчат будут.

Но Максим, Максим! Как же попался? Ведь не Белка же сдал, не выдержав пыток! Лично я не хочу пыток! Потому гранаты надо носить не на спине, а...

Перепугал до смерти, ткнувшись в ноги, Затвор. Получив пинка, заскулил: ты что, не знаешь, как страшно потеряться, остаться одному во всей этой суматохе? Знаю, дружище. Но там Арбалет ползет зигзагом. Вместе с врагом, который перестреляет нас, как собак. Извини за сравнение, но тебя тоже вряд ли пощадят. Но если хочешь на бруствер, то поднимайся быстрее. А то ведь зыбь не замирает, движется еле уловимым перекатом, плотно сливаясь с усиливающимся снегопадом. Даже мне глаза не гарантируют, какой бугорок закрепился за Максом. А вдруг там еще и Белка? Или жена его? И что делать капитану в этой ситуации? Даст команду на открытие огня? По своим? Нет большей подлости на войне, чем укрываться живым щитом. Мечта уголовников. Чем потом гордиться будут? Как и какую историю изучать? Кто войдет в герои украинских книг? Интересно, а Андрейка-наркоша среди наступающих? Или командир родственников бережет?

Вдавился в резиновый ободок монокла, приближая минное поле. И зря настраивал резкость: в ту же секунду в глаз, в самый его зрачок полоснул огонь, заставив отпрянуть от окуляра. Боясь отстать от вспышки, оказаться второстепенным, третьесортным, вернулся улетевший было в небо грохот разрыва, за ним братом-близнецом — второй. Кто? Только не Арбалет! Потому что если подрыв, то он — не предатель. Он не пополз зигзагом! Он завел зыбь на минное поле.

Вернул себя в зеленую Луну, торопливо отыскал два дымящихся кратера. От их рваных краев отползали раненые инопланетяне, и когда подумал, что самое безопасное место для них — это как раз воронка, а не чистое поле, под одним из лунатиков прогремел третий взрыв.

Зашелся лаем Затвор, мешая угадывать Максима. Получил в бок, но не отстал, перешел на визг. Вторя ему, у водонапорной башни залилась непрерывным лаем стрельба. Все же прорыв. Опасность там!

Рванул пулемет бежать на подмогу. «Утес» с неохотой, цепляясь ножками за мешки, но поддался, однако в тот же миг оцепенел я сам: прямо на нас с Затвором из темноты метели неслись, легко преодолев под отвлекающий маневр на минном поле уже половину нейтралки, нацики. Бежали молча, до последнего стремясь не привлекать внимания — белые от маскхалатов, пушистые от снега при молчаливой поддержке черных фашистов. И эта их психическая атака, их жабий прыжок, их близость парализовали мою волю, оставив лишь возможность смотреть на свою скорую черно-белую пушистую смерть.

Сорвав на первой же ноте голос, зашелся силным лаем перед нашей общей с ним гибелью Затвор, родившийся на войне и потому самый опытный и преданный боец

«Пятнашки». Дернул зубами за локоть — делай же что-нибудь, у меня ведь нет рук, как у тебя, чтобы стрелять! Благо патрон, поставленный первым погибнуть, сгореть в адском пламени порохового заряда, готов потянуть за собой в бой всю ленту. Мне оставалась лишь самая малость — нажать на гашетку.

С усилием, но нажал. И, почувствовав отдачу в пальцах, очнулся. И косил врага непрерывной очередью так долго, что задымился, как в бане от жара, заиндевевший ствол «Утеса». Не выдержав суматошной тряски, вырвались из-под приваленных мешков его ножки циркулем.

Но слишком близко подбежали нацики, мне не хватало секунд перезарядить ленту и собрать их под одну пулеметную очередь. Схватил со сковородки и бросил перед собой ладное «пасхальное яичко». С Пасхой, православные, да только неверные! Думаете, рано? А вдруг я вас больше не увижу?!

6

За ранеными сквозь снегопад чихающий от дешевого топлива «бэтр» пробился лишь к утру. Еще более надрывно кашляющий возница нес на плече моток проволоки: бойцы давно предлагали взять электричество со столбов, проходящих невдалеке.

Самого капитана вывели из штабного кунга как невесту — под руки. Лишенный при развале Союза возможности летать, «Небо» получил теперь автоматную очередь и по ногам — чтобы еще и не ходить? И книжек читать не надо, в одном человеке вместились целая эпоха. Более всего командир жалеет, что в суматохе боя соскочил с шомпола и потерялся ключик от дома. Попытались всей «Пятнашкой» просеивать сквозь пальцы снег в траншее, да только на осинке не растут апельсинки, как приговаривает сам капитан. Остается надежда лишь на дедушку Апрель, который растопит снега. Хотя он, конечно, — юноша, ошиблись с метриками дорожники...

В список на отправку внесена и моя фамилия. Плечо, хотя и задетое пулей по касательной, не давало уснуть всю ночь, и преодолевать ее помогал Затвор. Засыпал он, конечно, по-детски бессчетное количество раз, но вскидывался по-солдатски мгновенно, едва я делал неосторожное движение.

Маша крутилась над носилками с Арбалетом. «Принести ногу» ему при подрыве оказалось некому, и вместо жгута он перетянул остатки ступни оторванным от маскхалата рукавом. Потерявшего сознание, замерзающего, его под прикрытием лавины огня всей «Пятнашки» вытащил по зигзагу капитан, на последних метрах сам схватив автоматную очередь. Мой «Утес» прикрыл бы его более надежно, но «Небо», летчик «Небо» просчитывал возможный прорыв по земле в моем секторе и не тронул меня с места. Поберег «Пятнашку», а сам пополз под свинцовый дождь с дырявым зонтиком. Все же знатно учили в советских военных училищах будущих офицеров.

Про Белку Максим ничего не знает. Может случиться и так, что его исчезновение останется тайной на веки вечные. Война это допускает — пропадающих без вести. Страшно представить, что могло случиться с нашим попавшим в плен уральцем. Если жив — сил тебе выстоять в застенках мирной красавицы Украины. Самого Макса сдал веселый беззаботный Андрейка, поведавший «Клод Ван Дамму» о своих встречах в подсолнухах. Не желая судьбы Белки, предложил провести разведгруппу через минное поле...

Кроме мотка проволоки, возница привез трех сменщиков. В новом командире по точечкам въевшейся в лицо угольной пыли угадывался бывший шахтер. Сменив одного из «свадебных» пажей, он сам повел, как к ЗАГСу, капитана «Небо» к бронетранспортеру, выпытывая на ходу условия службы. Два новых, озирающихся по сторонам, бойца топтались на месте, обнюхиваемые Затвором и поземкой. Возможно,

они были как раз из тех разгильдяев, кто тренировался в лагере у Печенега: бурятские кавалерийские водолазы спецназа ГРУ Космических войск Российской армии. Но даже этого звания им недостаточно, чтобы заменить нашу троицу у «Утеса». Тяжеловато придется мужикам без нас, как ни крути.

— Быстрее, чтобы по колее обратно пробиться,— прокричал и для провожающих, и для отъезжающих возница. Главный на войне не командир, а тот, кто привозит вести.

— Пять минуток! — гражданским голосом попробовал взять руководство блокпостом в свои руки шахтер, уговаривая двигаться быстрее. Не Чапаев и даже не «Небо». Кого определит в расчет на направление главного удара?

Я оглянулся на лагерь. Провожающих почти нет, все на постах или отсыпается после смены. Метель притулила самодельный крест на могиле Ольги Сергеевны, и через эту разорванную взрывом раму рассмотрел заметаемые на нейтральной полосе бугорки-трупы. Окошки на войне одинаковы для всех и открываются в обе стороны: с чем заглянул в него, то отражение и получишь. С моей солдатской точки зрения яичницу из сковородки я приготовил для «жаб» отменную. Наелись досыта. Потому как не надо заглядывать к повару в кухню, если он не просил об этом! Трупы на вес золота, ими можно будет поторговаться за Белку. Война — не только физиология, она еще и игра, торговля...

Оберегая руку, тащу свой рюкзак к БТР волоком. Что не успел, так это расспросить Белку про донецкого кузнеца с его розами из осколков. Только зачем это теперь мне: я ничего не собираюсь доказывать ни Лере, ни ее друзьям. И в «Бардак» не пойду. И дел-то в Москве у меня с гулькиным нос — побывать для очистки совести в Госзнаке, чтобы получить почти гарантированный отказ, да съездить к родителям. Хотя с таким плечом показываться нежелательно, на сочинских курортах руку можно сломать или вывихнуть, но не подстрелить.

Ветер-калмык сек лица, от нейтральной полосы веяло предгрозовым затишьем. Время потарапливали двое — Шахтер и возница. Может, еще и «Небо» с «Арбалетом» мечтали побыстрее попасть под опеку врачей. Мне полегче, касательная заживет, как на Затворе. Он и провожает меня до брони. Чужая скорая расставание, запросился на руки. Вскарабкался по живой, как матросик по канату, лизнул в лицо: ты ведь еще вернешься? Как мне одному без вас, которые пришли с северным ветром, а теперь исчезаете один за другим? Обхватил меня кривыми лапками: стрелять ими не умею, а признаться в любви могу. Но даже такой слабой ласковой силы хватило, чтобы причинить боль плечу, и подавляю стон, боясь напугать малыша еще больше.

Возница, запихивая свой надрывный кашель в люк механика-водителя, кивает — трогаем.

— Иду,— хлопнул, словно по крупу, я по броне «бэтра». Тот легко задрожал в ответ, фыркнул: тоже готов!

Ну что. Вот и конец моему пребыванию в параллельном с Москвой мире, в который после Чечни даже во сне не планировал возвращаться. И убеждаешься в тысячный раз, что от тебя совершенно не зависят события, происходящие в мире. Есть ты или нет, а снег будет падать. И пули отольют для стрельбы, а не хранения пороха. И Затвора тоже кто-то подкормит. О тебе говорю, дружище. Хочешь со мной в Москву? Покажу златоглавую, а то одни окопы да траншеи в биографии...

Примеряюсь к скобе на броне. Люки «героев» заняты тяжелыми ранеными, придется лезть в верхний, словно специально сотворенный для тренировки снайперов в их стрельбе по живым мишеням. Но авось дважды в одну воронку снаряд не попадет, хватит вчерашнего ранения. Да и чеченская контузия имеет свой счет. После нее я не стал возвращаться в свою роту, дослуживал в Подмоскovie. Никто не упрекнул, да и

не за что, контузия в десятки раз опаснее пулевого ранения, потому что неизвестно, когда и как проявится. Но сержант Васька Васильев, сам обгоревший, но вытолкнувший меня из подорванного БТР, вернулся и через полгода погиб. Чего лукавить: потом часто думал-сопоставлял: а служи я рядом, сумел бы что-то изменить в раскладе его судьбы? Виновен или нет в его гибели? Прятался ли потом в московской подземке от самого себя или просто отмаливал грехи, устраиваясь на службу у Храма Христа Спасителя,— не знаю, и старался не акцентировать на этом свое внимание. Нет, конечно, просто случайное совпадение. Как и Лера с друзьями совершенно ни при чем в моем решении ехать в Луганск. По большому счету, я просто опосредованно вернулся в Чечню через десять лет. Судя по ранениям, войны меня не любят, выталкивают из себя как инородное тело, но ведь именно мой «Утес» сорвал вчера жабий прыжок врага. Может, та давняя контузия сберегла меня для того, чтобы сегодня оказался в нужное время в нужном месте. Пусть и по приказу «Небо», который, как и Васька Васильев, нужен для того, чтобы вытащить кого-то из боя. Войне не жить без героев, без них у нее нет дыхания, она мгновенно захлебывается, не получая развития под пятой более сильного и алчного противника. На Донбассе ополченцы зачехлили парадные знамена Украины, и «северный ветер» сыграл в этом не последнюю скрипку.

А сейчас... сейчас о моей судьбе за меня думает Госзнак. Хотя как думает? Большие деньги чужим людям охранять не доверяют, так что итог предрешен. Это мы с какой-то легкой глупостью доверяем другим свои души, мысли, принятие решений. Чтобы снова спускаться в подземку и отмаливать грехи? Как же я соскучился по самому себе!

БТР подгазовал, набирая обороты, и вместо того, чтобы влезать на броню, хлопая дряхлую механическую лошадку:

— Пошел!

Для подтверждения машу вознице, хотя у БТР нет боковых зеркал: без меня!

Глупость, конечно, несусветная, детский взрыв эмоций. Завтра, скорее всего, пожалую о содеянном, но не состоит ли Вселенная из наших же поступков?

Боясь передумать, вновь потеряться между войной и миром, отталкиваюсь от брони. Устроившемуся на груди Затвору непонятны мои резкие движения, он любопытной варварой выворачивает шею: что опять изменилось в этом мире? На этот раз я сам целую его в черную кляксу носа и, несмотря на боль, прижимаю к груди.

*Откуда я родом, вы не спросили.
Я — северный ветер. Я — из России...*

Алексей Яшин
(г. Тула)

«ВОТ МЧИТСЯ ТРОЙКА ПОЧТОВАЯ...»*

В каждой избушке свои игрушки.

Из русского фольклора

Помню, в детстве я видел деревянный храм, построенный в пивной бутылке. Это поразило мое воображение, и тогда я не спрашивал себя за чем? Татлин идет противоположным путем: стеклянную бутылку для всемирного совнаркома он хочет вделать в спиральный железобетонный храм.

Л. Д. Троцкий «Литература и революция», 1923

♦ Доказав — сами себе — путем сложных арифметических действий, что лучше «новогодние каникулы» сделать длиннее, нежели дать для разминки трудовому и прочему народу целых три дня выходных перед звоном курантов и оливье на закуску, в этом году ответственные за календарь в стране последнюю декабрьскую субботу постановили считать рабочей. Именно поэтому доцент с военно-технического факультета Николай Андреянович шел по свежеснеженному снежку к своему приятелю профессору Игорю Васильевичу Скородумову** на биологический факультет именно в эту субботу — за два дня до окончания года столетия Ленинского комсомола... «А причем здесь, собственно говоря, наш славный шестиорденоносный комсомол?» —

* Глава из новой книги «Житие наше оцифрованное», которую автор сейчас готовит к изданию.

** Наши постоянные персонажи; см.: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставками: Роман-новеллино. — М.: Московский Парнас, 2014. 327 с.; Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино. — М.: Московский Парнас, 2017. — 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru — раздел «Библиотека главного редактора»).

тоже сам себе задал вопрос размышлявший на неторопком ходу по приятно похрустывающему снежку, еще не раскатанному до ледяной скользкости на территории университетского студгородка ошалевшей к окончанию семестра учащейся молодежью, доцент кафедры ракетостроения. А тренированная память тотчас выдала и ответ на такую ассоциацию: во вчерашних вечерних местных теленовостях, загодя поздравляя народ с Новым годом, почтенный зампред областной думы, особенно напирая на все возрастающие успехи губернии в капиталистическом строительстве, в частности же по линии новомодной, только что «спущенной сверху», цифровой экономики.

Николай Андреянович, вне всякого сомнения, все эти «песни народностей», как у одесских литературных классиков, пропустил бы мимо ушей, если бы не собственно фигура зампреда. Был тот из обкомовского комсомольского начальства, а сорок лет назад, в чине второго, то есть по идеологии, секретаря вручал молодому еще инженеру Николаю — без обязательного Андреяновича — знаки лауреата комсомольской премии за разработку с сотоварищи «изделия». Понятно какого, без расшифровки в лауреатском дипломе, оборонпромовского. По окончании процедуры, вальяжный секретарь произнес прочувствованный спич, в котором напирал принятым набором слов на скорое явление коммунизма и всемирную погибель «гнусного, изжившего себя частнособственнического капитализма — зловонной плесени на лице нашей прекрасной планеты, все более и более открывающей свои просторы для возделывания нив и пашен освобожденного от гнета и эксплуатации вольного труда!»

...Как тогда сообразил молодой инженер-изобретатель Николай <без обязательного Андреяновича>, причиной оригинального синтаксиса и литературного «штиля» спича являлась не утренняя похмельительная стопка коньяка, но природное — от сохи прашуров — косноязычие комсомольского выдвиженца на высокий обкомовский пост... И во вчерашних теленовостях след такого качества речи присутствовал. Точно также проживший сорок лет в инонациональной среде человек так до конца не может избавиться от акцента: родной аул или кишлак крепко держится за язык. Было по всему видно, что зампред только усилием воли удерживается от произнесения стародавних обкомовских клише навроде совкового «партии и правительства».

Опять же вспомнив об опохмельительной стопке, Николай Андреянович инстинктивно дотронулся левой рукой до борта пальто в том месте, где во внутреннем кармане покоилась плоская коньячная посуда — для гостевого статуса. В предварительном телефонном разговоре пару часов назад Игорь Васильевич на вопрос приятеля, намекнувшего шифровальным словом «тара» на цель прихода, ответил так же шифровально в том смысле, что «бдительность украшает строителя капитализма, но турецкая гора Арарат по-прежнему красуется на гербе свободолубивой республики Армении». Николай же Андреянович тотчас перевел шифровку на разговорный язык: дескать, дагестанский коньяк в последнее время очень уж стали бодяжить турецким, почти техническим, спиртом, поэтому можешь прихватить бутылек армянского московского рóзлива. Он, конечно, тоже не на коньячном спирту, но все же способнее к введению в организм. И у меня тоже найдется чем «догнать». Закуску не покупай — только что свой кабинетный мини-холодильник затарил. Что же касается бдительности, то по уже сложившейся традиции профессиональные факультетские доносчицы-вестовщицы из числа незамужних доцентш и лаборанток в предпраздничный день тоже устраивают себе отдых, мечтают в своем кругу подружек о свободных и богатых мужиках с достойной потенцией, стараются, тоже усилием воли, не приняохиваться к мужикам-преподам...

Как и положено в шифровальном деле, перевод намного словоохотливее оригинального текста.

Проходя мимо центральной городской библиотеки — уже в видимости корпуса

биофака, что через дорогу,— Николай Андреянович по давней привычке притормозил у левого от входной двери «витринного» окна, на внутренней поверхности которого вывешивались плакатики-объявления о текущих мероприятиях библиотеки. Самый красочно оформленный извещал о проведении в рождественские каникулы викторины к девяностолетию первой публикации «Тихого Дона». Сверху иллюстрации: Аксинья с ведром и Гришка с георгиевскими крестами, с чубом из-под фуражки. Ниже же вопросы-тесты викторины с пояснением: кто больше наберет в сумме *правильных цифр*,— тому честь и хвала. Внимательно прочитал тесты и дошел до последнего: «В каком жанре написан роман «Тихий Дон»? Варианты ответов: детектив, эпopeя, очерк». Остальные вопросы были подстава, что огорчило даже оптимиста Николая Андреяновича: «Цифры, цифры, цифры... заменить цифирью остатки мышления и той же литературной грамотности... увы, уже полной безграмотности; мд-а-а, детектив «Тихий Дон»! — бормотал доцент, пережидая на обочине мчащийся нескончаемый поток машин,— не зря же друг мой ситный Игорь Васильевич, большой мастер на сочинение всяких едких и вредных словечек — как потомок ядовитых на прозвища калужских крестьян-старообрядцев, по его же признанию,— еще летом выдал новый перл: *цифрозаменение...*» Поймав себя на том, что к его озвученным рассуждениям начинают недоуменно (вот, мол, препод, что-то бормочет, а мобилы или шнура с микрофоном у рта не держит?) прислушиваться тож собирающиеся перебежать дорогу студенты, Николай Андреянович стиснул зубы и губы, суровым взглядом окинув недорослей.

Опасливо перейдя дорогу, когда потоки авто в обе стороны застыли в образовавшейся пробке, доцент с досадой вновь затормозил — уже на другой обочине: переждать приближающийся трамвай. И тотчас очередную ассоциацию выдало его натренированное на такие кунштюки подосознание: живо представилась морозная неделя, нагрянувшая на среднерусские просторы в первой половине декабря. Николай Андреянович засиделся в гостях у профессора Скородумова, благо и тема беседы — об умственной деградации молодых поколений с преимущественно «компьютерным» мышлением, и повод — годовщина сталинской конституции, требовали обстоятельного обсуждения и сопутствующей сервировки стола...

♦ Словом, вышли приятели из корпуса с намерением завершить разговор в не длительной прогулке по бодрящему умеренному морозцу — в направлении своих семейных очагов: почти весь недолгий маршрут по пути.

Однако, человек предполагает, а бог располагает: именно в этот день годовщины достопамятной конституции русский бог-мороз, явно недовольный глобализмом вообще, а инсинуациями-спекуляциями по части глобального потепления в особенности, к вечеру шарахнул градусом как следует — десятым сталинским ударом! От духмяного тепла уютного профессорского кабинета идти в наступившей темноте по ощутимому морозу желание прогулки мигом исчезло, поэтому, не дебатировав, свернули по выходу из корпуса к ближней, в сотне метров, трамвайной остановке, на которой уже топтались согревающие пяток человек: два мужика, столько же студенток и женщина постарше. Пристроившись к ожидающим, приятели обреченно приуготовались мерзнуть неопределенное время, поневоле прислушиваясь к диалогу между слегка нетрезвым, потому и мыслящим здраво, мужчиной и женщиной, что постарше. Последняя все причитала: дескать, на что нам власти городские даны, если трамваи раз в час идут. Да старье еще из советских времен, да неотопливаемые. На это мужик резонировал, что власти хотя и ворье первостатейное, но здесь они вовсе не виновны. «Посмотри,— он указал на дорогу вдоль трамвайной линии, сплошняком забитую легковушками,— сам народ, из последних сил прикопавших на машину, совершенно ему ненужную, но чтобы как у соседа Петьки она в наличии имелась, разрушил весь

общественный транспорт в стране! Все на авто свои пересели, половину дня в пробках стоят, а для кого же властям трамваи через каждые пять-десять минут пускать? Для нас что ли — казне в убыток!» — и грамотно мыслящий оратор ленинским жестом обвел рукой жалкую кучку мерзнувших ожидальцев...

Здесь обе студентки, доселе без конца елозившие мерзнувшими пальчиками по экранам своих смартфонных гаджиков, радостно в голос сообщили: «Вышел, вышел с конечного кольца!» Мужик-правдоруб хмыкнул: «Вот и вся недолга. Через четверть часа и мы удостоимся!» И женщина, ругавшая власть, обрадовалась: «Вот и хорошо! Надо и мне свой старый мобильник на такой, со слежением за трамваями, заменить с полочки. А то все ждешь, ждешь, мерзнешь... здесь же посмотрела на экран — все видно: идет или застрял где». Мужик расхохотался, а женщина обиделась: «Чего это я не так сказала?» — «Все, уважаемая, все правильно сказала: пусть трамваи раз в час-два ходят, а может и вовсе на линии в сугробах нечищенных застряли. Зато хреновина эта, извиняюсь, душу теплом согреет: теперь знаешь, что ждать тебе трамвай до морковкиных заговений! И спокойно станет. Это и есть новомодная цифровая экономика по-русски, точнее по-российски...»

Женщина, уловив негатив в отношении к официальному словосочетанию, тотчас насторожилась и молча отвернулась от смутьяна. Их сестра подкожной генетической памятью мигом соображает: какой год на дворе стоит!

...Пропустив трамвай, Николай Андреянович зашагал по тротуару вдоль стены корпуса биофака ко входу, у самого которого он отпрянул от вывалившей толпы студентов-двоечников, до самого последнего учебного дня года тянувших с зачетами, отработками и прочими задолженностями, накопившимися за семестр. Кому удалось их спихнуть — сейчас ржали сивыми мериными и кобылицами, не удостоенные же преподаского ободрения хмурились: парни молча, девицы — с разговорным матерком.

Пропуская счастливых и неудачников, Николай Андреянович, отошедший на край тротуара, опять же по ассоциации с девичьим матом припомнил недельной давности утреннюю радиопередачу — из кухонного динамика, за завтраком, — посвященную актуальной во все времена теме русского мата и его роли в развитии национальной культуры. Почетным гостем передачи был назван доктор новомодных культурологических наук, профессор, член многих советов и обществ и пр. и пр. Судя по хамоватому голосу, человек достаточно молодой. Уже после первых его слов, как то принято сейчас в таких передачах, — обязательного плевка в советское прошлое, что-де «в советское время мат являлся индивидуальным протестом человека против тирании и тоталитаризма...», Николай Андреянович, чтобы не спугнуть утренний аппетит, хотел было выдернуть шнур громкоговорителя из розетки, но чуть попридержал гневливую руку: культурологический профессор и «многочлен» перешел к происхождению мата на Руси. Николай Андреянович от смеха поперхнулся утренней яишенкой с деревенским (с базара) салом, когда услышал от культграмотея, что-де мат исходит от языческой Руси, как словесная символика плодородия... и прочей чуши — не славных язычников, конечно, но современных профессорских недоумков. А тот же перешел к оригинальному решению болезненного для современной литературы вопроса: как в печатном тексте сохранить матерно-фольклорное богатство русского языка и одновременно соблюсти требование недавно принятого думцами закона о неупотреблении на бумаге нецензурных слов и междометий. Решение было в духе новейших веяний и склонении мышления людей к *цифре*, а именно: негласно, явочным порядком, «одна бабка на рынке говорила», привязать каждое матерное слово к порядковому числу: 1, 2, 3... Оною же цифру и ставить в нужном месте в печатном тексте. «В духе цифровой экономики», — заметил культуртрегер.

...Чтобы не сойти временно с ума, доесть яичницу и запить ее чаем с лимоном,

Николай Андреянович выдернул-таки штепсель (как доктор Моргулис в песне Высоцкого) из радиотрансляционной розетки. Аппетит мгновенно восстановился.

Про происхождение же мата он еще в инженерной молодости, будучи в командировке в Челябинске в Конструкторском бюро при знаменитом танковом (официально тракторном) заводе, что с пятью боевыми орденами на фронте административного здания, доподлинно узнал от соседа по гостиничному номеру. Был тот татарин, коих много проживает между Волгой и Уральскими горами и далее в Сибирь, профессором-филологом; за холостяцким ужином под домашние еще бутерброды и бутылку местной, вполне недурственной на вкус и последствие, водки он и прочитал соседу-инженеру лекцию о происхождении русской нецензурины.

Возник мат на Руси, под названием Улуса Джучиева входившей в состав Золотой орды. Причем, уточнил профессор, только после убийства князя Михаила Тверского в Сарае и восшествия на престол хана Узбека, поверставшего своих подданных, включая русских, в магометанство. До этого ордынские ханы-язычники с уважением относились к православию, то есть грабили церкви и монастыри наравне с городами и селами Улуса Джучиева — не выделяя их гневом и милостью. В Сарае же в ханском совете русский епископ заседал на почетном месте — одесную хана. И вообще, начальники орды склонялись к принятию православия, потому татарские воины-нукеры, баскаки и их челядь на (русских) «местах» имена Христа, Богородицы, небесных ангелом и архангелов всеу произносить остерегались.

Однако после исламизации орды те же самые нукеры и баскаки совершили в отношении к православию разворот на 180°: к случаю и без случая богохульствовали, что называется «ниже пояса», в отношении священных для православных имен. Причем эти, присовокупляемые к именам, существительные и глаголы, произносимые татарами, понятно дело, на родном языке, являлись для этого языка и вообще для тюркского наречия совершенно цензурными... Филологический профессор для обстоятельности произнес их по-татарски и разъяснил инженеру Николаю, тотчас уловившему фонетическое созвучие с родным матом, смысловое значение; ничего бранного: все бытовое и даже близкое к высоким чувствованиям...

Но русские-то мужики татарской мове не обучены, ориентировались на злобные интонации чем-то недовольных баскаков и рядовых нукеров. Потому соединенные синтаксически со священными для них именами тюркские глаголы и существительные понимали как неодобрительные, богопротивные. И сами, тоже разозлясь, порой употребляли богохульные словосочетания, тут же крестясь и каясь перед Господним оком всевидящим... «Так и возник феномен русского мата, дорогой Николай», — закончил свой ликбез командированный из Казани профессор — на межрегиональную филологическую конференцию — и, на правах старшего по возрасту и званию, наполнив стаканы на треть, предложил тост за дружбу советских народов, каковой и закусил с чувством бутербродом с лично посолненным, с чесночком, салом; как он похвастался Николаю. В дружеской беседе, еще без Андреяновича.

...Войдя в холл корпуса, Николай Андреянович дружелюбно поздоровался с давно знакомыми ему вахтершами, поздравил «с наступающим» и вручил загодя припасенные сувенирные шоколадки-медали. То, что уже третий месяц во всех корпусах на пост заступают две, а не одна, как ранее имело место быть, почтенные возрастом охранницы, в основном из вышедших на пенсию лаборанток и «преподш» без ученых степеней и званий, никого не удивляло: в целях кампании по борьбе с международным терроризмом. Надо полагать, служба безопасности университета также перешла на цифровой стандарт мышления: одна вахтерша — это (усреднено) шестьдесят лет возраста, а две — сто двадцать в сумме и в бдительности.

— Давненько вас не видели, почитай месяц без малого к *нашему* профессору не

заходили. Да оно и понятно, Игорь-то Васильевич каждый день с озабоченным видом по разу, по два куда-то все уходит. Видать, чем-то важным весь декабрь занят. И сегодня выходил, только-только возвратился. А сейчас у себя, милости просим!

Поднимаясь на третий этаж, Николай Андреянович все размышлял, прикидывая туда-сюда: чем это всему предпочитающий свой уютный кабинет приятель его озаботился, да еще по несколько раз на день выходящий на мороз и прочую непогоду? Может какие хлопоты с редактируемым им журналом *«Феномены разума. XXI век»*? Или седина в бороду — завел интрижку с той незамужней, привлекательной доцентшей молочно-восковой спелости, которую в день их празднования сталинской конституции зазывал к себе в кабинет и угощал коньячком под икрыные бутерброды? Ха-ха! Тоже ведь способ противостоять эпидемии цифрофрении на наших суконно-цинковых, бюрократических просторах. Но как знать... не чурающиеся мужского внимания дамочки фертильного возраста иногда озабоченно поглядывают в некие заветные календарики, теперь виртуальные, на экранах гэджиков, с разноцветно обозначенными цифрами...

♦ Хотя в последний рабочий день года корпус почти опустел от студюзусов и преподав, но дверь в кабинет профессора Скородумова была, явно по привычке, машинально, хозяином заперта на замок. Как сам Игорь Васильевич всем охотно пояснял, по той причине, что нынешние студенты без начатков воспитания и соображения, не говоря уже об условных «иностранцах» — от горных арыков, кишлаков и аулов бывших союзных республик, без доклада лезут в первую попавшуюся дверь с самыми диковинными просьбами: «А-а гдэ сейчас Александр Маркович?» или совсем ошарашивают заслуженного профессора требованием выдать два куска мела и девятнадцать (не двадцать!) листов чистой бумаги.

Не реагировал по той же причине двойной профессор и на постукивания в дверь, откликаясь только на кодовое: цифру «73» азбукой Морзе (в школьной и институтской молодости являлся радиолюбителем-коротковолновиком), что на международном жаргоне таковых спортсменов значило «С наилучшими пожеланиями», а сочетание точек и тире подходило под монотонную мелодию: «Дай-дай закурить, я на речку шла!»

Николай Андреянович воспроизвел речевку костяшкой указательного пальца по двери, был впущен, но тут же, с порога, поразился необычному виду обычно жизнерадостного, собранного, подтянутого, хотя и с некоторой барской окладистостью, профессора. С волевым выражением лица, сочетаемым с ленинским прищуром глаз; дескать, мы, батенька, другим путем пойдем против заразы цифрофрении...

Сейчас же, вяло пожав руку гостю, разлаписто вернулся к рабочему столу, мешкотно и кривобоко плюхнулся в кресла. Выражение же его лица тотчас вызвало у Николая Андреяновича малоприятное воспоминание о визитах в стоматологическую поликлинику пару лет назад, когда он всерьез занялся зубами...

Молча, страдальчески глядя сквозь разоблачающегося от уличной одежды приятеля, Игорь Васильевич даже на извлеченную гостем из внутреннего кармана пальто плоскую коньячную бутылку никакого видимого внимания не обратил.

— Что с вами, герр профессор? — не удержался Николай Андреянович, видя, что хозяин не только не делает попытки сервировать «гостевую» тумбу — впритык к рабочему столу, но и имеет внешность полного отрешения от мирской суеты, предновогодней в том числе.

— Знаешь, Андреяныч, я сейчас немного отойду. Ты же пока из холодильника достань что надо; тарелки, вилки и стопки тоже знаешь где.

— Да что случилось-то, Васильич? Как будто черти на тебе трое суток горох молотили, а? Неприятности дома или с журналом твоим что приключилось? И почти месяц — со дня сталинской конституции — не звонишь? На-ка, дерябнем по разгон-

ной за уходящий год! Хотя бы футбол мы с тобой не смотрим, а детям-внукам нашим пятерик лишний предпенсионный набросили за здорово живешь... Но все одно, традицию соблюдаем.

...То ли перед Новым годом «армянский» московской фабрикации разбили слегка настоящим коньячным спиртом, а может и акцент гостя на то, что достопамятный год уже уходит в прошлое, но Игорь Васильевич, порозовев кожей лица, пришел в осмысленное состояние, распрямился в своем кресле и наконец-то заговорил:

— Андреяныч, против лома нет приема, потому перед тобой полностью подавленная жертва цифрозамещения. После почти месячной борьбы сегодня признал полное и безоговорочное поражение. Разливай вдогонку — заиграть обиду — по второй! Я же тебя посвящу, так сказать, в этюды о цифрозамещении в суконно-цинковых тонах. Почти как у Конан-Дойля; там тона багровыми были.

Как прекрасно знаешь, в наступающем году у моего журнала юбилей: полтора десятка лет изданию стукнет! Правда, в конце года...

— И отпразднуем это богоугодное дело...

— Притормози, Андреяныч, с поздравлениями, а послушай про наболевшее. Когда журнал создавался, зараза эта интернетовская с ее почтой-«мылом» еще не опутали своей сетью весь мир, тем более сознание людей. Потому в переписке с авторами и читателями в основном использовал старинчатую «бумажную» почту. И посейчас использую, тем более, постоянные авторы, зная мое пристрастие в эпистолярной части к рукописанию «именным», настоящим паркером, подаренном мне по случаю своей защиты самым умным в моей практике аспирантом Володькой, и сами стараются подыгрывать: «от руки» мне пишут. Особенно авторы, стремящиеся опубликоваться вне очереди редакционного портфеля... Опять же я номера журналов и свои книги посылаю; мне аналогичное шлют.

Короче говоря, первые год-два пользовался университетской почтовой экспедицией, как когда-то такие службы приема-доставки именовали. Потом мне это претить стало: по принятому еще со стародавних времен порядку все приходящие мне отправления в канцелярии вскрывали, после чего передавали с посыльными факультетской секретарше, а от нее уже я получал. Мало того, что эта цепочка по времени могла и на месяц затянуться, а то и просто письмо или бандероль терялись при неспешной передаче через халатные руки. Главное, личную корреспонденцию, зачастую весьма откровенную в части политкорректности, толерантности и верноподданничества, если равнодушные ко всему на свете канцелярские бабенки пенсионного и близко к нему возраста вряд ли читали, тем более рукописную, то востроглазая факультетская секретарша от скуки рабочего дня уж обязательно сверху вниз и по диагонали по строчкам пробегала. О самом интересном из почерпнутого докладывала декану, а то и просто зачитывала ожидающим приема начальником доцентшам-вестовщицам. Те же все разносили по факультету и многочисленным — с преобладающим женским составом — службам административного главного корпуса.

Словом, Андреяныч, как на такой счет говорили древние римляне, *motiva moralia non sufficientia non obligant, sed motiva sufficientia obligant* — недостаточные моральные мотивы не обязывают, мотивы же достаточные обязывают. Потому к окончанию второго года издания журнала завел я в ближайшем почтовом отделении свой абонентский ящик. Дешево и сердито: за год платишь поменьше тышечки, заходишь раз в неделю, своим ключиком открываешь ячейку, забираешь накопившуюся почту — и никаких тебе сквалыжных очередей, квитанций и прочего удовольствия общественных мест. Через пару минут уходишь и — гуляй не хочу! Никакой тебе перлюстрации...

— Лихо ты, Васильич, на латыни стрекочешь. Сразу видно заслуженного профессора, хватившего подряд пару стопок. А если по-военному, ближе к делу?

— Ближе некуда. Поболее десяти лет забот с почтой не ведал. Главное, не забыть ближе к концу года там же на почте заполнить в трех экземплярах бланки продления аренды абонентского ящика и внести оплату. И здесь все без очереди, в десяток минут укладывается. Вот и сейчас, без году неделя, на другой день после отмеченной нами с тобой сталинской конституции зашел за почтой и заодно осведомился насчет бланков — не торопясь у себя заполнить и в следующий визит занести. Что-то меня проинтуичило почтой за месяц до окончания срока поинтересоваться. ...Вот ты меня, Андреяныч, по своей военно-технической дисциплинированности и краткости изъяснения все торопишь, а как раз во вроде бы малосущественных мелочах и суть произошедшего со мной заключена.

♦ — Избранное мною почтовое отделение крохотное, рассчитанное на обслуживание пары-тройки кварталов пятиэтажек-хрущев. Из числа тех, где, как говорится, услуга своих клиентов в лицо знает. Так оно и было с десяток лет: пожилые почтарки дорабатывали до пенсии, до пополнения потомства внуков; опять же проживают в этих самых окрестных кварталах. Вот и не менялся их состав: год от года все те же лица, добрые и улыбочатые к постоянным клиентам, в число которых и я под разговорным именем «профессор» через год моего абонирования прочно вошел.

Но пару лет назад как-то в одночасье весь личный состав улыбочатых пожилых почтарок подал в отставку, говоря, Андреяныч, твоим военно-уставным наречием. То ли к подоспевшей пенсии урожай внуков случился, а может суеверно напугал их появившийся компьютер для регистрации почтовых операций, за который усадили самую «продвинутую» товарку, некогда учившуюся в радиотехникуме... Кто знает, что случилось, какое поветрие вмиг сдуло всю домашность маленького почтового отделения? Я вот точно не знаю — быть крестным новонародившихся внучат почтарок зван не был. Тем более, сейчас в фаворе никонианское православие, нас с тобой, Андреяныч, как потомков «двуеперстников», поостерегутся в кумовья звать. Ладно, к делу все же перейду.

Взамен уволившихся сотрудниц стали присылать молодых девиц, как я сообразил, явно из числа стажерок ихнего, почтового пэтэу, или как там сейчас называется на американо-европейский лад: колледж, лицей, может и похлещет чего. Начали эти малоудачницы в жизни, бюстами и ногами не вышедшие в жены или содержанки успешных молодых дельцов и папиков, соответственно, беспрерывно сменять друг друга. Скорее всего, поумнев за время короткой практики на малоденежной и хлопотной почтовой докуке, девицы, окончив пэтэу, пристраивались продавщицами на рынках и в супермаркетах.

С девицами этими дела прежнего домашне-уютного почтового заведения пришли в полное ничтожество. Понятная бестолковость практиканш все более усиливалась еженедельными новыми инструкциями от главпочтамта о переходе, причем, скорейшем, на полную компьютеризацию в обработке всех видов корреспонденции: от простых писем в новомодных удлинненных *a la Europa & America* конвертах до ценных бандеролей и посылок. Как на грех, поувольнялись по причине пенсионного возраста и удивительно низкой зарплаты все почтальонши-разносчицы. Замены им не предвиделось: прокатившаяся — с телевизионными показами и комментариями — серия столичных коррупционных скандалов в почтовом ведомстве, резко сменившаяся похвалами работы ононого, ясно показала: слишком самонадеянно ждать прибавки жалования рядовым почтаркам (мужиков сюда и на аркане не затащишь — работать за прожиточный минимум).

Прекрасно зная, что более двух-трех месяцев стажировки они в этом бедламе не задержатся, юные пэтэушницы в своей почтовой жизни руководствовались русским фольклором, а именно: умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего! То

есть, окончательно запутавшись в противоречивых инструкциях и безоговорочной компьютеризации почтовых дел, к тому же умея на этих самых компьютерах только «Одноклассники» почитать, опять же при полном отсутствии наличия разносных почтальонш... и вообще — будь она, безденежная жизнь без надежд на замужество за начинающим миллионером (хотя бы и в рублях) проклята! — пэтэушные девицы скоренько вывели свое почтовое заведение за рамки работающего. Хотя бы верхнее начальство, учитывая их несмысленность и отсутствие старшего, опытного наставника, и разгрузило их до минимума: оставив только едино выдачу отправлений, упразднило «до лучших времен» прием корреспонденции, подписку, выдачу пенсий и оплату «коммуналки». Тем не менее всякого входящего в такое выхолощенное почтовое заведение от одного взгляда охватывала тихая паника: за барьером-прилавком, отделявшем посетителей от служебной части, беспорядочное нагромождение неразобранных посылок, тарных пластиковых ящиков, набитых письмами и бандеролями. То же самое наблюдалось через внутренний проем и в дальней комнате, пышно именуемой «помещением первичной обработки корреспонденции». Благо пэтэушные почтарки в возрасте девичьей гибкости, турнюры, бедра и бюсты только в угловатой наметке; иначе как бы они лавировали между угрожающими свалиться на них «красноярскими столбами» пудовых посылок, висевшихся до потолка?

Юные почтарки растерянно огибают эти «столбы», роются в ящиках с письмами и бандеролями, отчаявшись разыскать нужное по идентификационным номерам, что переписаны ими со смартфонов выстроившихся в длинную очередь студентов-иностранцев: ближневосточных арабов, мелкорослых вьетнамков и шриланкийцев с Цейлона, высоченных камерунских негров, робких посланцев бывших среднеазиатских советских республик — все из ближних университетских общежитий. Тем сложнее почтаркам из недавних школьных двоечниц найти в этих авгиевых конюшнях требуемое, заказанное «импортными» студентами в китайском гиганте интернет-торговли «Али Баба», что все надписи на бандеролях и посылках на английском с добавлением иероглифов.

Пара-тройка окрестных бабок, зашедших по совковой еще привычке прикупить поздравительных новогодних открыток, потерянно толкуются в уголку, оглушенные гортанной нерусской речью веселящихся разноцветных ликами ребят...

Но вот очередь перед окошком выдачи дошла до затесавшейся в иноземный ряд русской молодухи, тож завлеченной рекламой и интернетом в сети «Али Бабы». Протягивает она листок бумаги с загодя записанным полудесятком номеров бандеролей с китайским ширпотребом, горделиво окидывая взглядом почтарок и — боковым зрением — азиатских студентов: дескать, и мы не лыком шиты, не на блошином рынке китайскую мягкую рухлядь покупаем, а цивилизованно по «инту» заказываем! Операторша передает бумажку стажерке и переводит затравленный взгляд на следующего клиента.

...Не подумай, Андреяныч, что я в очереди этой долготерпеливой и разноязычной стою и вынужденно ко всему приглядываюсь и прислушиваюсь! Нет, я в сторонке жду, когда столь же молодая, все же решившая после окончания пэтэу здесь остаться, начальница почтового отделения выйдет из служебной комнаты, ибо по части продления аренды ячейки только к ней и можно обратиться. Потому и слушаю легкую перебранку этой самой молодухи с персоналом.

Удалилась стажерка с бумажкой в руке в дальнейшее помещение и удивительно быстро, всего лишь минут через шесть-восемь, вынесла одну бандероль, на вид упаковки — с чем-то мягким и легким. Отдала ее молодухе вместе с бумажкой. Далее, Андреяныч, для аутентичности передам ее диалог с операторшей — постарше возрастом и опытом работы:

— А где еще четыре?

— Не знаю, откуда вы эти номера списали.

— Как откуда? С компьютера, конечно. Там же сообщение: все пять бандеролей уже в нашем городе. А значит и на вашей почте.

— Так может *по городу* до нас еще не дошли?

— Как не дошли? Это сообщение двухнедельной давности. Просто я в отъезде была, поэтому только сегодня пришла.

— Вовремя, женщина, надо приходиться. И почему это решили, что ваши бандероли должны отслеживаться по интернету?

— Когда и куда мне идти — мое дело. А по правилам *вашей* же почты все бандероли и посылки стоимостью больше десяти долларов на всем пути следования отслеживаются.

— Вот что, женщина, видите сколько всего у нас скопилось? Со временем разберем. Получите свои бандероли китайские.

— Так вы извещения по моему адресу доставите?

— А кому доставлять-то? У нас уже давно все почтальонши-разносчицы поувольнялись... от такой зарплаты и жизни. Заходите, интересуйтесь...

Здесь в интересную беседу вступил уса́тый мужик лет сорока, стоявший в конце очереди. Поскольку был он слегка выпивши, то уже успел рассказать мне, что пришел получить посылку от брательника из Тамбова с сушеные подлещиками, мол, уважает их под пиво.

— Слышь, барышня? Не отвлекай почтовых тружеников от работы. Намедни получил письмо от московской тетки, брезгует она вашим интернетом, так эти двести верст «шло» почти месяц! А тут Китай... ты бы лучше и быстрее сама туда смоталась за барахлишком. Если самолетом боишься, то на поезде «Москва — Пекин» неделю туда и столько же обратно — вот и вся недолга! И нехрена будет все по интернету-то отслеживать. Где этот «нет» и где мы? Зимой дороги в городе не чистят, только китайскими опять же химикатами травят. Опять же почтальонши все поувольнялись...

— Я давно, Андреяныч, подозревал, что наши студиозусы из иностранцев азиатских только на зачетах и экзаменах придираются, дескать, плохо по-русски понимаем. Все они прекрасно, особенно в бытовом плане, маракуют. Иначе чего бы им над словами мужика с подлещиками всей очередью гоготать! Но и молодуха явно не душой оказалась, не выказала обычной в такой ситуации бабской остервенелости, рассмеялась сама над собой, помянула все интернет-магазин с почтой впридачу и добавила уходя: «Буду теперь на рынке покупать. Ближе чем в Пекин ездить!»

...В июле этого лета, когда вся жизнь замирает, в том числе в части корреспонденции, я почти три недели не заходил на почту: все одно мой абонентский ящик пуст — как голова школьника и студента в это время от излишка знаний и нравоучительных установок. Когда же отправился перед самым началом августа, то, подойдя к пятиэтажке с угловым входом на почту, даже испугался: неужели отделение связи, к которому так привык, ликвидировали... например, по программе столь модной сейчас «оптимизации», а помещение городские власти сдали в аренду процветающей частной мини-клинике, естественно, диагностической, ибо лечение менее доходно, да и площадь бывшего маленького почтового отделения не позволяет койко-места разместить. Мысль же такая потому в голову вспорхнула, что вместо обшарпанной двери из древесно-стружечной плиты и протертого за полвека и даже поболее до арматурных прутьев крыльцо с двумя ступеньками передо мной предстала стеклянная евродверь с лаково отсвечивающей «под орех» обвязкой. Заново отлитое крыльцо обложено фигурной керамической плиткой и по всем угловым изгибам подковано, словно норовистый конь, профилем из нержавеющей стали. И хотя всего лишь две ступеньки

как были, так и остались, но с обеих сторон этого крыльца и порожка установлены перильца. Для ощущения же полного восторга — слева изогнутый, до стены метра четыре, после поворота на крыльцо еще полтора-два, пандус из рифленой стали. Естественно, с обоюдосторонними перилами.

Все же увидев на двери знакомое название, с робостью вступил в храм службы-правопреемницы ямской гоньбы, далее почтовых перекладных троек с императорским гербом, затем сталинского Наркомпочтеля* и брежневского Минсвязи, работавших не по дням, а по часам... А заведя за служебным барьером давешних юных почтарок, одетых в униформу с иголки: синяя юбка, белая кофточка и красная косынка вокруг прелестной загорелой шейки, вовсе решил, что вернулись времена Псурцева.**

Но здесь же обреченно поник головой, увидев все те же «красноярские столбы» неразобранных посылок, раскиданные по полу и по столам ящики с бандеролями и письмами, а главное — полнейшее отчаяние в подведенных глазках униформированных почтальотниц. Два красочных плаката украсили стены обок входной двери: один — к футбольному чемпионату, другой настойчиво призывал в полной мере обращаться к услугам почтовой связи *on line*. Одни фасады...

♦ — Как уже говорил, Андреяныч, пошел я на почту заполнить бланки и заплатить за абонентский ящик сразу после предыдущей нашей встречи в начале декабря, который вместе с уходящим годом мы с тобой сейчас и провожаем. Что-то меня подтолкнуло не тянуть до конца месяца. В точку попал!

То ли очередная партия пэтэушных стажерок совсем никудышная попалась, ни замуж, ни в универсамовские продавщицы негодная, а скорее всего затянувшийся уже на начало третьей пятилетки кризис по всем делам уравнивал в скромной зарплате почтарок с продавщицами, но, как бы там ни было, все они остались трудиться на обновленной фасадом почте. Это меня приятно поразило: стабильный коллектив — залог надежды на возможное наведение порядка.

Поздравил я их, уже хорошо запомнившихся миловидными — а кто из девиц в шестнадцать лет хотя бы на «троечку» не миловиден даже без косметики? — с первым серьезным зимним морозцем. Заулыбались, а здесь и начальник отделения, молодая, но исхитрившаяся сразу после окончания пэтэу выйти замуж, вышла из служебного отсека. Тоже уже запомнив меня, поздоровалась. Сказав нехитрый комплимент о розах-морозах, попросил тройку бланков для продления «абонентки» на следующий год. Лариса, так зовут начальницу, по причине совсем недавнего медового месяца пребывавшая первую половину каждого трудодня в опасливо-блаженной рассеянности (в соцсетях хулиганили: все аптеки торгуют не *настоящей*, а *китайской* противозачаткой из мела и витамина «С»), с минуту изображала розовым личиком мыслительные воспоминания, после чего радостно сообщила, что с этого года абонирование открывается и продлевается только на главпочтамте.

Вернулся я к себе в корпус безмерно огорченный; это ведь полдня потратить: туда-сюда через полгорода ехать и там в бестолковой суете искать нужную службу и прочее. А я ведь сугубо кабинетный человек! Учитывая молодость и медовомесячное блаженство юной начальницы, решил предварительно проверить достоверность ее слов. В лаборантской кафедры — как-то случайно видел его там — взял толстый, неряшливый том городского справочника «Желтые страницы», нашел нужную страницу с телефонами почтамта. Сделав с полдесятка звонков по номерам «методом тыка», выяснил: к кому обращаться по абонентским делам. Позвонил, представился

* Народный комиссариат почты и телеграфа.

** Во времена Брежнева бессменный министр связи, доведший работу своего ведомство до достижения совершенства.

профессором, узнал имя-отчество обладательницы молодежного контрольного без курительной хрипотцы, хотя и она придает женскому голосу этаким чувственным окрас, разъяснил свою догадку. Марина Витальевна, хотя и крохотная, но все же начальница, дозволительно усмехнулась — в адрес почтарок — и разъяснила: «Девушки в *вашем* отделении молодые, не совсем верно информировали. Действительно, по новым правилам с окончания этого года и на следующий оформление и оплата абонирования проводится *on line* через главпочтамт, но — для юридических лиц. Физических же лиц, каковым вы, профессор, по вашим словам являетесь, по-прежнему обслуживают почтовые отделения *на местах*. На такой случай мы разослали по ним новую программу компьютерного оформления — для отказа от устаревших заявлений на бумаге. Там же и оплату внесете. Только захватите с собой паспорт и документы, дающие вам право на льготы, с учетом которых за календарный год с вас возьмут пятьсот пятьдесят семь рублей. Если девочки что не поймут — дайте им мой телефон».

Сердечно поблагодарил обладательницу контрольного без никотиновой хрипотцы. Заодно игривая память услужливо вывела в мое активное сознание образы прежних знакомых девушек-женщин с таким тембром голоса: получалось, что все они подтянутые, на вид даже слегка суховатые шатенки со стрижкой, в интимных контактах порывисты... Здесь я свои аналитические рассуждения волевым усилием прервал. Как мало надо человеку для довольства жизнью? Вот разъяснила мне, разложила все по полочкам телефонная Марина Витальевна — и легко на душе, даже этак игриво стало! Завтра, мол, сходу на *свою* почту и все за десять минут улажу. Тем более, что уже не от руки бланки в трех экземплярах заполнять на неудобной служебной стойке-барьере. А почтарка сама все на «компе» пощелкает по клавиатуре. ... Даже загодя, чтобы не беспокоить тружениц бывшего Наркомпочтеля поиском сдачи, отсчитал и в левый карман пальто уложил эти магические пятьсот пятьдесят семь рублей. Жизнь прекрасна и удивительна, господа присяжные заседатели!

...Радость потому и ценится, что она слишком быстротечна. И в моей душе не долго волнующе играла сладостная музыка горних сфер, уступив — природе не терпит пустоты, говоря словами мудрого Лейбница — место «хрустальным бубнам печали» — по Гарсиа Лорке. Назавтра и началось мое почти месячное хождение по мукам «оцифрованной почты». Долго и мучительно-нудно, Адреяныч, подробно рассказывать, до курантов с оливье времени не хватит. Потому до предельной краткости все скомкаю: все прошедшие четыре недели, что я регулярно, словно устроился по совместительству на полставки, ходил на почту. Уже и не говорю — ночью во снах эти хождения дублировало подсознание, приукрашивая до изумительного невероятия вроде бы обыденные, хотя и несуразные, хлопоты ходатая по заранее обреченному на неуспех делу.

Словом, первую неделю, каждодневно поутру, я убеждал еще не отошедшую от нирваны медового месяца начальницу, что программа *on line* по обслуживанию физических лиц (при этом для полной наглядности я по-пионерски указывал большим пальцем правой руки на самого себя) в части абонентских ящиков существует. Та садилась перед компьютером, нажимала буквы на клавиатуре, потом в полном отчаянии вздыхала полной (где-то ближе в третьему размеру после медового месяца...) грудью и... молчала. Марине Витальевне звонить она робела. Закончилась неделя тем, что я набрал на мобильнике номер обладательницы замечательного контрольного, назвал себя и передал гэджик начальнице. Та выслушала, с убитым видом согласилась и опять скорбно замолчала.

Следующая неделя не отличалась от предыдущей: начальница искала в «компе» таинственную программу. Не находила. На третьей седмице вроде как нашлась. Обрадованная и измученная моими (по почтовой части) домогательствами, начальница ввела-таки в программу данные моего паспорта и «льготных» документов, распеча-

тала в трех экземплярах и протянула мне со словами: «Оплатите в Сбербанке». Уже ко всему настороженный, внимательно прочитал и пришел в ужас: с меня за год абонирования причиталось 5801 рубль 62 копейки. Даже обрадовавшаяся было начальница (как выяснилось, я являлся единственным физлицом в отделении по части абонирования, един как перст назойливый...) согласилась: это многовато. «Зайдите через пару дней. Будем уточнять». Через два дня на третий распечатка выдала сумму в 271 рубль 00 копеек. Я еще более засомневался. К тому же на отпечатанном договоре не значились реквизиты оплаты, что явно свидетельствовало об оплате наличными здесь же в отделении. Оставив оба вопроса (сумма + место оплаты) снова горестно замолчавшей, как будто увидевшей две полоски на известном тесте (а погулять еще хочется год-другой...), начальнице, я ушел до следующей, четвертой по счету, недели. И до сегодняшнего, предпраздничного дня распечатки выдавали самые странные, то высокие, то явно заниженные, цифры, но никак не желала программа пропечатать искомое пятьсот пятьдесят семь рублей... без копеек. Единственное, с чем горестно согласилась начальница, что платить мне следует не в банке, а здесь, на месте. Но она не знала: по какой документной форме оформить мою оплату и как совместить компьютеризацию почтовой услуги с бумажной квитанцией... без четко обозначенной этой самой формы?

Вчера она же обещала клятвенно, оставив иные дела на потом, окончательно *«разобраться с вами в этом году»*. Сегодня же с утра, хмуро поздоровавшись, объявила, что компьютер еще вчера «заглохло». — Приходите в следующем году; мы с третьего января начинаем работать».

Стиснув зубы, я невидяще оглядел примолкших почтарок и бледной тенью выскользнул через приотворенную евродверь.

♦ — Да-а, Васильич, дела-а... Я тоже порой думаю: а может проще следует жить, как все люди, смотреть по «ящику» футбол, вечером — Вову Соловьева и Малахова, купить задешево поддержанную *б/у* — 4 «иномарку» калужской отверточной сборки, бросить цыбульки смолить, избегать застолий в «Наливайке» и, извиняюсь, вот в этом кабинете...

— Заодно на манную вегетарианскую кашу перейди и заставь себя поверить в благо экономических реформ и неуклонный рост материального благосостояния! Эк тебя, Андреяныч, с двух-то стопок шибануло в благонамеренность!

— Нет, утрирую, конечно. Просто досадно за тебя стало: архизаслуженный профессор как жертва цифрозамещения... Разливай на правах хозяина. Заиграем, как говорится, обиду... Вот хорошо-то пошла!

— Закусывай, Андреяныч, бутербродами с икоркой. И рыбку красную вниманием не обдели. Не эконошь, не у себя ведь на кухне, ха-ха-ха!

— Ну и хорошо, герр профессор. Вижу, с юморком тебе и ровное, предновогоднее настроение вернулось. Тем более, история обратного хода не имеет, а на пути ее в будущее постоянно все усвершенствуется...

— Несомненно, Андреяныч, совершенствуется, но только в сторону *расчеловечивания* — термин нашего выдающегося философа-социолога Зиновьева. Бывший же человек разумный все больше погружается в виртуальную реальность, в *on line* пресловутую. Это наше поколение еще осознает цифрозамещение болезненным, все более и более вспухающим, наростом. Своего рода наше донкихотство, этакая безнадега, фантастическая ностальгия по недавнему еще прошлому. Почему фантастическая? — Да по той простой причине, что это прошлое, которое все продолжает по инерции нам казаться «протянутым» в настоящее, уже пройдено историей, то бишь социальной эволюцией, поэтому все наше с тобой и вообще со счетным числом людей сопротивление тому же цифрозамещению есть сражение с ветряными мельницами. Мы цепляемся за обломки того, что отброшено ходом истории, чего вернуть

нельзя. И не только вернуть, но даже в личной повседневной жизни невозможно для себя же самого отстоять. Как на подводной лодке, идущей на глубине погружения, нет способа отъединиться от коллектива, от команды... если только в гальюне? Но это на считанные минуты. Там с газеткой не посидишь!

— Выходит, уважаемый профессор, всякий отторгающий себя от оцифровывания и виртуального бытия следует учению Толстого: начни с себя самоусовершенствование? Из окон твоей квартиры, Васильич, виден памятник Льву Николаевичу. Не он ли «магнетически» навевает всякие антитолерантные, явно некорректные мысли о болезненной сущности оцифровывания человеки наших дней? Ха-ха, смеюсь, конечно.

— А можно и без смеха. Значит — навевает. На то и ставят памятники. Каждой эпохе — свои монументы. Вот сейчас, в наше время активного цифрозамещения и всякой *толерастии*, повадились по городам и весям с холерически-эпидемическим усердием где ни попадя раскидывать пародии на скульптуру, герои которой — от черепахек-ниндзя до уродцев, якобы обозначающих литературных героев книг. Судя по всему, штампуют их по компьютерным программам в пресловутом «3-D».

...Нет, Андреяныч, толстовство есть то же самое донкихотство. Кстати говоря, всеобщий отрицатель современной ему цивилизации и, как сейчас принято говорить, успехов науки и технологий, Лев Николаевич редко ошибался в части прогнозов — от их исторического корня. Не помню название одного из его «нигилистических» очерков, но совершенно справедливо и провидчески, на примере изобретения Иоганна Геннсфляйша Гутенберга, показал: всякое усреднение в обиходе людей по части доступности чего-либо неизбежно ведет к опрощению этого «чего-либо». Сказал же просто, что книгопечатание явило миру и цивилизации самое мощное средство усреднения человечества в невежестве! Это я своими словами, по памяти, передаю. Но ведь так и есть, дорогой мой. Неофитов и дилетантов дает ознакомительно-поверхностное восприятие запечатленной в книгах мудрости. И выдающийся наш поэт, современник Льва Николаевича, еще раньше в точку попал: «Мысль изреченная есть ложь».

А оцифровывание человеки в наши дни, создающее гидру «компьютерного мышления», при абсолютном уравнивании умственных проявлений еще и ставит таковым самую низкую планку...

— Как у твоих почтарок?

— К счастью, Андреяныч, они не мои: ни в каком качестве. Разумеется, не с Толстого началось предвидение превращения человечества в усредненный по цифровому мышлению человеки. Все идет уже от первых, ранних греческих философов — эпических теокосмогонистов и атомистов. Кстати говоря, Томас Мор в своей «Утопии», сам того не ведая, а может гениально предвидя за четыреста лет до нас — не зря состоял в должностях председателя палаты общины и лорда-канцлера! — описывая принятые у утопийцев развлекательные и поучительные игры, отмечал особо: азартные, навроде костей, им неизвестны, а в массовом употреблении родственное принятым у нас <то есть в Англии, в Европе> шахматам *сражение чисел*. Суть такой игры состоит в объединении усилий пороков, пронумерованных *цифрами*, борющихся с таким же образом *оцифрованными* добродетелями. В такой игре весьма доходчиво показывается спор пороков в своей «компании» и, напротив, единство и согласие в достижении выигрыша пронумерованных добродетелей...

— Ха-ха-ха, надо же! Ну и лорд, ну и канцлер сукин, извиняюсь перед предшественником научного социализма, сын! Прямо как у Ильфа — Петрова в «Золотом теленке» ребусник старик Синицкий сочиняет для газеты алгеброид, в котором сложными арифметическими операциями доказывается преимущество советской власти по отношению ко всем другим властям. Наверное, по такому же подобию сражения

чисел и мыслится новомодная «цифровая экономика»: преимущество рубля над всеми иными валютами. Но это пусть Владимир Соловьев или кто иной из пиар-телеведущих трудовому народу разъясняет. По магистральной же теме нашего разговора дозволю, герр профессор, поинтересоваться: почему во всех западных странах, промышленных восточных тож, глобалистские штучки навроде оцифровывания всего и вся, различных вольнолюбивых толерастий как-то ровно и гладко, без надрывов и сбоев протекают, а у нас все по Черномырдину: «Хотели как лучше, получилось как всегда!» То есть, хотя и доцент, но не совсем дурак, в общих чертах все понимаю, но ты умеешь в строгую логику понятий и фактов привести...

— Логика, Андреяныч, здесь сверхпроста, не выходит за рамки Евклидовой и Аристотелевой... впрочем, на заданный тобою вопрос уже ответил почти столетие тому назад такой авторитетный человек как Лев Давидович Троцкий!

— Васильич, с какого перепугу ты в троцкисты записался?

— Я по моему характеру отродясь никуда не «записывался» и не «примыкал». Просто на днях дома искал одну книжку, точнее философские сочинения Ламетри, а как ты прекрасно знаешь, это все одно, что отыскать иголку в стоге сена, на моих-то стеллажах в три ряда... Ламетри так и не нашел, после новогодних каникул проще взять в университетской библиотеке, зато попался томик Троцкого — купил еще в самом начале девяностых, да как-то запамятовал про него в бурных перипетиях тех «лихих» лет. А сейчас с неподдельным интересом знакомлюсь. То есть надо отличать Троцкого, как «иудушку» по ленинскому определению и автора теории перманентной революции, и Льва Давидовича — образованного гуманитария, знатока искусства и литературы, высококлассного публициста, причем не только политического. А в части ответа на твой вопрос — его фраза, тотчас запавшая в память: «*Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику*».

То есть не следует стыдиться, «догонять и перегонять» — начиная с Петра Первого мы все силимся, отказавшись от самобытной, полуазиатской автаркии, поспеть за Европой, которая в движении социальной эволюции, увы — и это есть сугубая реальность истории, — обогнала нас если не на тысячелетие, то уж на три-четыре века точно. Я не про науку и технику говорю, здесь дело поправимое: Советский Союз с «ледоколом» Сталиным — Троцкий бы не сдюжил! — за считанные десятилетия, включая Великую Отечественную, догнал и в чем-то перегнал Запад. И *абсолютно перегнал* уже на столетия в эксперименте Истории по созданию социально ориентированного общества-государства! Но у нас не было традиции эллинского и римского мира, а главное — не присутствовал феномен Возрождения, который, с одной стороны, явился знаком «предбуржуазья», но с другой — аккумулировал в себе все предбывшее из истории цивилизации и культуры, начиная с их европейского корня — Средиземноморья. И этот-то «аккумулятор» дал мощный заряд энергии небывалого взлета общей культуры, искусства, философии, естествознания... словом, всего того, что составляет непреложный духовный и мыслительный остов эволюции социума и отдельного человека — дал на весь период взлета, стабилизации, трансформации в глобализм европейской буржуазной общественно-экономической формации. Догоняющей же России История на весь период возникновения и развития этой формации «щедро» отпустила точное число лет: от 1861 по 1917 год. Понятно, что нынешнее *status quo* нашей страны никакого отношения к «капитализму» не имеет: после исторического эксперимента социально ориентированного СССР бывшую 1/6 части земной суши мгновенно поглотил омут глобализации. А это уже иная ипостась: глобализм суть высшая стадия империализма и тягостный переход к уже *всемирному* социуму. Здесь провидчески правым оказался как раз Карл Маркс! Другое дело, что этот «всемирный коммунизм» заставил бы современного нам человека ужаснуться:

полное социальное и иное равенство роботов, винтиков виртуальной в своей основе глобалистской машины-молоха. И это равенство прежде всего в полном подавлении индивидуального мышления — роботу оно не требуется. Словом, «фюрер за нас думает», то есть виртуальный Великий Глобализатор! Кстати, «золотых унитазов», которые наши основоположники коммунистического учения прямо взяли из упомянутой «Утопии», там тоже не будет: все золото, исчерпав исторически роль денежного базиса, пойдет на микросхемы-процессоры суперкомпьютеров...

— Осади, осади, Васильич! Не вскакивай, выпивши, на любимого конька! Поводья растеряешь, понесет тебя! Ты ведь сейчас не передовицу для очередного номера своих «Феноменов разума» выговариваешь. А в отношении слов твоего нового друга Льва Давидовича о «сокращенном европейском учебнике» и только что произнесенного комментария понимаю так: потому у нас все «по-черномырдински», с ног на голову и наоборот, бюрократически суконно-цинково, задом наперед... словом, открывай словарь Даля или трехтомник Афанасьева и все нелестные для русского характера пословицы-эпитеты оттуда черпай без усталости! — именно потому, что в европейской традиции имеется основательный базис, позволяющий ровно, последовательно, не перескакивая через века и десятилетия, даже через считанные годы, двигаться в неумолимом эволюционном прогрессе, а у нас — вынужденное торопыжество. Это как две пушки: безоткатная с ровной скоростью снаряд за снарядом выплевывает, а которая с откатом торопится угнаться за такой подружкой, но принцип действия у нее такой, что очередной выстрел должен дожидаться возврата стола на исходник! Вот отсюда — я уже не о пушке говорю — и анекдоты, являющиеся былью, о современном нашем оцифровывании. Постоянно нас попридерживает реверс-ностальгическое цеплянье за «прекрасное прошлое»... которое и было таковым, но ход Истории все человечество метлой глобализации подгоняет.

— Сразу, Андреяныч, видно матерого оружейного и ракетного конструктора! Пример же с откатной пушкой просто великолепен: несколько слов — и все ясно-понятно... не хуже, извиняй великодушно, чем у Троцкого. Отсюда и загадка для народа: что такое «цифровая экономика» и зачем она нужна; объемы нефти и газа и так счетчики на трубопроводах выщелкивают исправно: они не китайские, но солидных американских и европейских фирм. Я же эту загадку на своей шкуре в почтовом отделении только что апробировал, потому сам себе глупых вопросов не задаю. Давай, мой друг, отойдем от дел наших скорбных хотя бы на часок-другой. Наполняй! За уходящий год! Ничего о нем доброго в голову не приходит, но — прожит и то хорошо. Будь здоров!

* * *

*От автора. Не то чтобы являюсь кондовым реалистом, но при написании своих вольнолюбивых сочинений на заданную тему постоянно держу в голове то ли свой афоризм, а может и прочитанное <неакцентированно> некогда в умной книжке: ни одна фантазия не создаст такого монстра, которого порой нам ненавязчиво подкидывает самая обыденная жизнь. Это не своеобразное *tentatio Dei* (искушение Бога, лат.), дескать, «мир наш полон радостных чудес, зеленеет лес...» и так далее из давней оптимистичной песенки.*

...Тем более, «в реалисте вера не от чуда рождается,— писал Достоевский,— а чудо от веры». И такие чудо-монстры, как гласит наука психология, создаваемые фантазиями досужих людей — скучающих по замужеству перерзлых барышень или собственно литераторов фантастического жанра,— живут исключительно на субъектах и объектах реальной жизни, но только в трансформированном виде: гипер- или гипо- масштабированных. То есть выше себя не прыгнешь (даже спортсмены по части прыжков в высоту, например, легендарный советский Брумель, и то

делают это с использованием шеста...), не дано человеческому разуму придумать нечто, не имеющегося в объектах или законах материальной основы. Это с огорчением признают даже субъективные философы-идеалисты, тот же Шопенгауэр, наиболее далекие от диалектики и материализма.

Сказанное только что — не каскад красноречия, обычно охватывающего сочинителей на указанную, см. выше, тему ближе к завершению своего *opus'a*. Нет, это только пояснение к личной авторской манере: самые невероятные и занимательные сюжеты брать все из той же архиреальной жизни. Самое интересное, давно за собой замеченное: если «вставишь» в сюжет, тем более в фабулу, откровенную фантазию, то и чувствуешь себя во время написания *opus'a* и долго-долго после его опубликования несколько неуютно. Все мерещится: отыскался-таки читатель, а может и целых два, моего сочинения, оторвался от телека с футболом и сериалами, от зарабатывания деньжонок на замену автомобиля более престижным в их дворе, и на пропитание если останется что, взял в руки журнальчик или книжку, нимало дивясь, что есть еще досужие сочинители, главное — сам не разучился читать что-либо помимо рекламы <на авто> и двух-трехстрочных e-mail'ов, и осилил, хотя с трудом, мудроватый рассказик. И все мне мнится: вот читает, морща от непривычных умственных усилий лоб, некто Н. или М., потягивает пиво, хрустит чипсами и в душе ехидничает, дескать, и я, кабы имел свободное время, не хуже бы нафантазировал... нет, сочинитель безгонорарный, ты мне, труженику ООО «Русский банан», правду-матку жизненную выдай на гора!

...Вот в таком опасении избегаю беспочвенных фантазий разыгравшегося вдохновения, но беру исключительно эту самую, востребованную <виртуальным> читателем правду-матку. Так и эпизод с перипетиями моего героя профессора Игоря Васильевича не с потолка взял, но услышал под самое окончание минувшего <футбольно-пенсионного> года от своего знакомого, по роду своего увлечения коллекционированием... впрочем, не важно чего, не популяризовавшего в наше «предпринимательское» время свой домашний адрес, а потому абонирующего почтовый ящик. Посочувствовал ему, пожелал в наступающем году все же одолеть почтовую цифрофрению. Уже в новом году опять же случайно встретил коллекционера в преддверии весны. «Ну как,— спрашиваю его,— одолел тружеников Наркомпочтеля?» — «Куда там,— обреченно махнул рукой,— уже и начальница почтового отделения забеременела, впрочем, от законного мужа, и неоновую вывеску над евродверью этого заведения соорудили, а со мною воз и ныне там. Все программа компьютерная продолжает выдавать несуразные цифры. С Мариной Витальевной с почтамта заочно почти что подружались, подолгу телефонные беседы ведем. Она меня жалеет, все сокрушается: терпите, мол, Борис Семенович, либо мы ц и ф р у п о б е д и м, либо, по нашему обычаю, завершится горячка кампании, вернемся к бумажным бланкам. Вся-то недолга! Голос у Витальевны очень уж чувственный... эх, мне бы лет двадцать скинуть! На майские праздники слетаю в Израиль, навещу в Ашдоде дочь, внучат потетешкаю. Заодно на тамошнюю почту наведуясь, поинтересуюсь ихними делами с поголовным переходом на ц и ф р у. Может что подскажу Марине Витальевне». — «А как же сейчас свои письма, бандероли и посылки получаете, дражайший Борис Семенович?» — «Да чего проще! Я намекнул свежеебеременной начальнице почты, что племянница моя — опытная врачиха-акушерка в областном роддоме, а та алаверды «в долг» разрешила пользоваться абонентской ячейкой. «До окончательного решения вопроса», — как она сказала».

Господа-товарищи! До чего же весело во все времена жить на Руси!

Виктор Мельников

(г. Коломна, Московская область)

ПОПУТЧИКИ

Виктор Семенович Мельников родился в казахском селе Казанка, много ездил по стране. Около двадцати лет прожил в Риге. Работал в газетах. Снисходительно-комплиментарное напутствие посчастливилось получить от маститого мастера прозы — Николая Задорнова. Романтика Старой Риги оказала большое влияние на творческое развитие. Но пришло время по известным причинам в августе 1991 года расстаться с Латвией...

Подмосковная Коломна стала для него «милым пределом». В этом городе он не только написал лучшие свои произведения — ему удалось основать издание «Коломенского альманаха», настоящего творческого Дома для писателей, поэтов, художников, публицистов Коломны. Вышло уже двадцать томов журнала, и коломенский ежегодник давно снискал заслуженную славу в литературном мире России.

В его активе двенадцать книг прозы и поэзии. Его произведения печатаются во многих российских журналах; член Союза писателей России, главный редактор литературно-художественного издания «Коломенский альманах». Председатель творческого объединения профессиональных писателей Коломны.

Август шлепал босыми ногами по асфальту вокзального перрона. Близилась календарная осень, но жаркое лето и не думало уступать холодам. Станция «Голутвин», как всегда, была похожа на растревоженный муравейник. Людские ручейки двигались по эстакадам и линиям перронов, водоворотами закручивались у дверей небольшого вокзала. Голос с характерной диспетчерской интонацией раздавался из динамиков, грохотали мимо товарные составы, шипя, раскрывались и закрывались двери электричек; в общем, царил обычная привокзальная суматоха.

Зуев уже сидел в вагоне электрички и наблюдал из окна за людьми. Судя по седой голове, ему перевалило уже за шестьдесят. Но вот так прямо назвать его стариком было нельзя. Иван Николаевич, скорее всего, выглядел мужчиной красивого старения. Высокие скулы и заметная линия острого подбородка только молодили его. Он был одет в элегантный замшевый пиджак, претенциозные выцветшие брюки и никак не выглядел мужчиной старческих лет.

Вдруг внезапная картина за окном хлестнула его по глазам, наполнила короткой и острой болью. На перроне стояла Ирина — живая и красивая, и ветер трепетал в ее вьющихся светлых волосах и складках легкого платья. Но вот девушка обернулась, солнечный блик скользнул по ее лицу — и это уже была не Ирина. Она и не могла ею быть, потому что его Ирина умерла много лет назад.

Зуев вытер неожиданную испарину на лице и глубоко вздохнул, стараясь успокоить тревожно пульсирующее сердце. «С чего это? — пронеслось в голове. — Как можно так обознаться?! Столько времени прошло... И где твоя юность?»

Поезд тронулся.

Электричка отправлялась в Москву.

В Коломне пятигорский экспресс не останавливался, так что Зуеву еще раз предстояло проехать знакомым путем.

Когда электричка подошла к Казанскому вокзалу, его пятигорский поезд уже стоял на своем пути. В купе он был пока единственным. В окно вагона уже заглядывал вечер. Солнце устало провожало уезжающих. Платформа, легко вздохнув, отдыхала от летней жары. И уже чувствовалось, что не за горами то время, когда небо затянется серой шалью и на землю ляжет долгая-долгая зима.

Купе заполнилось как-то разом. Соседи поднимали нижние полки, укладывали чемоданы и сумки. Все обошлось без споров и обид. Хотя, на первый взгляд, вещей было столько, что, казалось, их не уложить и в целом вагоне. Все рассовали, убрали, на виду остались только пакеты с продуктами. От них запахло копченостями, душистыми яблоками и сладкими подмосковными грушами.

Начали знакомиться. Место на верхней полке на половине Зуева досталось молодому военному. Выглядел он почти юношей. Если бы не военная форма с лейтенантскими погонами, ему вряд ли можно было бы дать больше двадцати лет.

Напротив расположились две женщины. Одна — молодая, с кудрявыми рыжими волосами, в джинсовых брюках. Другая — деловая и в возрасте. Но выглядела неплохо. Лицо смуглое, без морщин, красивое. За привлекательной внешностью угадывался решительный характер.

Молодого лейтенанта звали Андреем, рыженькую с кудряшками — Зоей, а вторая женщина представилась Анастасией.

Зуев любил такие путешествия, такие встречи, когда в считанные часы незнакомые вроде люди становились близкими и даже родными. Поезд летит в даль далекую, сквозь время, сквозь бесконечные русские просторы, а в нем, в этом поезде, складывается свой мир — под присмотром рачительной проводницы, которая должна забрать билеты и выдать постельное белье, да и чаем напоить. Сегодня она что-то запаздывала. Зоя выглянула в коридор, посмотрела в обе стороны и сказала:

— Нет никого.

— Титан, наверно, разогревает,— предположила опытная Анастасия.

— На службу едешь, сынок? — поинтересовался у своего соседа Иван Николаевич.

— Да нет, по личным делам,— уклончиво ответил лейтенант.

— Наверное, за невестой? — попытался угадать Зуев.— А потом куда-нибудь вместе на Камчатку?

— Женат я уже,— улыбнулся военный и показал старику правую руку с обручальным кольцом.— Дома она. Скоро наследника мне родит.

— Ну и правильно,— одобрил Зуев и улыбнулся.— Такое дело — чем раньше, тем лучше.

Он хотел еще что-то сказать, но в купе вошла проводница.

— Вот вам, мои залетные, свежее белье,— заворковала с порога хозяйка вагона, улыбнулась всем широкой улыбкой и ловко бросила два пакета около мужчин, два других — около женщин.— Платить за него не надо: оплата входит в стоимость билета. Теперь посмотрим ваши билетики...

А поезд уже миновал Коломну, вырвался за город и летел серой стрелой мимо старых заводских кварталов. Уже мелькнула стрельчатая готика Голутвина монастыря, сверкнула под мостом широкая Ока, Щурово миновало с его «византийским» храмом, а впереди уже показалось таинственное Чернореченское лесничество, когда-то воспетое самим Куприным...

Иван Николаевич философски произнес:

— Надо же, жили до этого, друг друга не знали,— и вот вместе едем, в одном вагоне. Может, пройдет время, и каждый еще не раз вспомнит этот наш «круиз». Я вот, например, с пацанских лет люблю путешествовать. Мне в вагон что заскочить, что выскочить — без разницы.

— А я часто езжу по этой дороге, но ни разу ни с кем не пришлось встретиться по второму кругу. Это сколько же народа едет! — заметила Зоя.

— Челночница, что ли? — поинтересовалась Анастасия.

— Да какая там челночница?! — возмутилась молодка.— Еду домой, к маме, за ребенком. Он все лето у нее. А теперь вот надо в школу готовить. Как будем жить? — вздохнула Зоя.— Мы ведь со Стасиком вдвоем. Отец от нас ушел в другую семью. Как бизнес завел, денежки появились,— так мы стали ему больше не нужны.

— Что, совсем не помогает? — удивилась Анастасия.

— Да помогает... — тихо отозвалась женщина.— Но это такие крохи...

И повлажнили ее глаза...

Сменялись вечерние пейзажи за окном, постукивали на стыках колеса, а в купе звучала обычная история. Денег еле на еду хватает, а надо еще ребенка в школу собирать, и с работы не уйдешь, а работа — укладчицей, и в тридцать лет уже руки болят, и непонятно, как до пенсии дожить...

Но только зашел разговор о пенсии, Анастасия не выдержала и разразилась по адресу как правительства в целом, так и отдельно взятых министров такими сложными и непечатными выражениями, что даже Зуев с молодым человеком смутились.

— Ты-то молодая,— говорила она, сцепив подрагивающие пальцы.— А мне вот, к примеру, что делать? Не в пенсии дело — на нее, знамо дело, не проживешь: все равно придется горбатиться, пока можешь. Но все же была хоть какая-то подачка от государства, так и ее эти... отобрали!

— А я вот что хотел сказать,— вмешался в разговор Зуев.— Конечно, какую ни возьми историю — везде виноват мужчина. Но это не совсем так. Тут вопрос в психологии. Здесь дело больше не в том, что все мужчины подлецы, просто мы не любим жить спокойно и тихо.

Анастасия не выдержала и, как вихрь, налетела на него:

— Ну ладно: женщину ты разлюбил, а ребенок в чем виноват? Да если бы и мы так поступали, человечество давно бы вымерло. Слабаки вы по жизни, вот что я скажу!

Но тут из коридора послышался голос проводницы. Она разносила чай.

— А не пора ли и нам стол собрать? — встрепнулся Иван Николаевич, уже пожалев, что вступил в разговор.— А ну, пойдем, командир, на рекогносцировку,— и они вдвоем с Андреем вышли в коридор.

Стол накрыли такой, что хоть свадьбу справляй! Копченая курочка, с десяток яиц, помидоры, огурцы, аккуратно нарезанный карбонад, дюжина домашних пирожков... Многое даже не поместилось на крохотном пространстве стола. Андрей включил местное радио. И по купе полилась знакомая музыка. Зоя вспомнила:

— Так это, кажись, из фильма «Русское поле». Там еще Мордюкова играла!

— Золотой фильм! — согласился Зуев.— Какое время было! — вздохнул он.— Ведь почему тогда легче жилось? Да потому, что родину любили! А сейчас кругом одно предательство и нищета...

А за окном, словно в подтверждение его слов, расстилались некошенные поля, навевая непонятную грусть.

Под музыку еда пошла бойчее. Скоро от курочки остались только косточки. Одним стаканом чая тоже не ограничились: бегали за кипятком по несколько раз.

А из динамика все звучали и звучали новые мелодии. Все оживились, когда запела Пугачева:

*За окном сентябрь
Провода качает,
За окном с утра
Серый дождь стеной.*

Анастасия немного поуспокоилась, и за горячим чаем как-то сам собой сложился ее рассказ о другом сентябре, почти таком же, как нынешний, только много лет назад.

Она только-только вышла замуж. Было, вроде, все хорошо. Быстро забеременела. А тут вдруг у мужа появилась сумасбродная идея: переехать жить к его родителям на Украину, в Донецкую область.

— Богдан, да как же так? — расплакалась жена. — У нас все тут устроено: квартира, работа, да и мне скоро рожать. — Она сложила руки под животом. — Какой тут переезд? И как я там одна буду? Языка вашего даже не знаю.

— Почему одна? — продолжал он ее уговаривать. — Мы вдвоем. Да и поедем не в чужие края, а к моим родителям. И какой «язык» ты еще придумала? Донецк — это же русский край. Да и украинским не стоит смущаться. Пару недель поживешь — и лучше меня на мове разговлять будешь!

Богдан нервно ходил по комнате. Ему явно не нравилось, что жена не соглашалась с ним. Но от своего намерения не отступал. «Уговорю! — думал он. — Куда она, беременная, денется?»

Но Анастасия продолжала настаивать на своем. Ей казалось сейчас, что она не только за себя сражается, но и за того маленького человечка, который уже зародился внутри и который обязательно потом у нее спросит: «Мама, а зачем ты так поступила?»

— Я понимаю, — соглашалась она с ним: — Украина твоя родина, но и я тоже не без родины живу! — выкрикнула она. — Ведь это большой грех — оставлять свою землю. Здесь у меня все! И могила моей мамы, между прочим. Мне ее тоже бросить? Без меня же все здесь зарастет травой!

Слово за слово — и поругались они: глупо, нелепо, на пустом месте.

И он ушел. Беспорядочно покидал в чемодан свои вещи и, хлопнув дверью, вышел из дома. Только в прихожей остановился и крикнул напоследок:

— Дура!

Рожала Анастасия действительно одна. Сына назвала Сергеем. Богдан больше не появился. Ни через год, ни через пять лет — никогда. Поступил работать на отцовскую шахту, начал новую жизнь, женился на другой, дочка появилась.

— Тяжело это простить, — поглядывая в окно, тихо сказал Зуев.

— Да некого прощать, Иван Николаевич... — с каким-то надрывом отозвалась Анастасия. — В четырнадцатом году отдыхали они на пляже, а тут украинский самолет... Ну и покрыло всю семью — всех троих разом. Не послушался он тогда меня... а я ведь чувствовала: ничего хорошего из этого переезда не получится. И как в воду глядела...

Тишина повисла в купе, только слышно было, как позвякивают стаканы в подстаканниках.

— Ну а вы, Иван Николаевич? Далеко ли едете? Небось, к внукам в гости? — спросила Анастасия, смахивая молчание, словно паутину.

— К дочери, — с какой-то важностью уточнил Зуев. — Никогда ее не видел. Даже не знал, что она у меня есть.

— Вот тебе и новость, — удивилась Зоя. — Как это — «ни разу не видел»?

— Да вот так, — грустно усмехнулся мужчина. — Позвонили с телевидения, ска-

зали, что меня разыскивает дочь. Как меня нашли — ума не приложу! Проверили — все подтвердилось. Вот и еду сейчас к ней. Вроде вины моей нет, а все равно как-то не по себе.

— Как это «вины моей нет»? — возмутилась Анастасия, больше всех нахлебавшаяся горя на своем бабьем веку. — Бросил семью, а теперь...

— Да погодите вы мерить всех своим аршином! — возмутился Зуев. — Не женат я был! Служил в тех местах. Дружили с ней... Она в общежитии жила. Тоже, как и я, детдомовская. Думали, отслужу — вместе жить будем. А получилось по-другому... Когда до дембеля оставалось несколько месяцев, приехали к нам в часть «покупатели» из Сибири, с «ящика». Искали квалифицированные кадры для работы на режимном предприятии. Жилье обещали... Я и согласился. Ирине, конечно, все рассказал. Ну, мы и решили: как только квартиру получу, так сразу же вернусь за ней. Ни про какого ребенка она мне не говорила. Ну, а там, в Сибири, все завертелось, закружилось... Сибирские девчата бедовые. И опомниться не успел, как женился. Виноват, конечно: Иринке даже открытки ни разу не написал. Думал: ну что, жена она мне, что ли? Но долго в Сибири я, конечно, не задержался. Я ведь парень головастый был: заметили, послали учиться в московский вуз. А когда закончил — направили меня работать в Подмосковье. Тамара, моя жена, к тому времени родила мне трех пацанов. Дом построили. Сад вырастили, парней на ноги поставили. И тут такой звонок из прошлого... Собрали мы семейный совет, обговорили все и порешили: надо ехать...

— И сколько лет вашей дочери? — поинтересовалась Зоя.

— Да как тебе, наверное... — смерив взглядом женщину, ответил Зуев.

— А Ирина одна живет?

— Нет у меня больше Ирины... Умерла она, — мрачно ответил собеседник.

— Ну, хорошо, что так все закончилось, — вздохнула Зоя. — А то умер бы и не узнал про родную дочь.

— Да какая она ему родная! — резко возразила Анастасия. — Из роддома не забирал, на руках не носил, в школу не водил... Да что там говорить: даже не помогал. Эх, вы, мужики!

Анастасия была прямолинейна.

Лишь один Андрей заступился за старика:

— Ну, ладно вам, чего вы накинудились на человека! Он вам душу раскрыл, а вы его в самое больное место...

Долго ехали молча. Зуев был сосредоточен и отрешен. А за окном внезапно пошел дождь, в небе заворочались грозы. Людское молчание и звуки грома словно соперничали друг с другом.

Иван Николаевич сидел, пряча глаза. Откровенный разговор словно перевернул все у него в душе. Он заново передумывал жизнь... Какая-то невидимая граница оказалась пройденной. Это раньше всегда радовался тому, что Бог столько времени даровал ему для жизни. А сейчас вдруг впервые подумал: а жив ли он вообще? Может, его сердце перестало биться еще тогда, когда он обманул свою Иришку? И любил ли он вообще свою жену? Может, все в его жизни было пустотой? Куда-то бежал, чего-то накапливал, а самого главного не достиг... Без любви — это разве жизнь? Ему ли сегодня светит солнце, идет зимой снег, расцветает весной душистыми шапками сирень?..

Сердце стучало тяжело. Жаль было Ирину, жаль было и жену Тамару, которая ни в чем не виновата. Как он посмотрит в глаза дочери, что скажет ей в свое оправдание? И вообще, нужно ли было ему ехать?

Он стиснул зубы, накинуд на плечи пиджак и вышел в коридор. Здесь шла своя жизнь. По коридору вагона бегали дети, и Зуев, стоя у холодного окна, иногда оглядывался на их радостную суету. Один мальчик остановился около Ивана Николаевича и спросил:

— Дедушка, а ты что такой грустный? Тебя кто-нибудь обидел?

— Да нет, внучок... Никто не обидел. Это дождь за окном виноват. Потому и на душе так.

Вдруг дверь соседнего купе открылась и оттуда выглянула красивая женщина.

— Васек, ты чего к людям пристаешь? — И, обратившись к Зуеву, спросила: — Он вас замучил, наверно, своими вопросами?

— Напротив,— ответил Иван Николаевич.— Он пытается исцелить меня от меланхолии.

— Не печальтесь. Все у вас будет хорошо! Пошли, сынок.

Юный незнакомец широко улыбнулся Зуеву и отправился вслед за матерью.

От улыбки ребенка на душе полегчало. Иван Николаевич вернулся в купе и услышал веселый голос Андрея.

— Чаю хочется. Вам принести кипяточка?

— Не откажусь.

Парень вернулся с чаем. Анастасия не удержалась и полюбопытствовала у него:

— Ну, а ты к кому едешь, Андрей? Если это только не военная тайна.

— Да какая там тайна? На родину к деду еду,— признался лейтенант.— Вот везу книгу Лермонтова в его родную библиотеку.

— И всего делов? — удивился Зуев.

— Это на первый взгляд кажется, что это маленькое дело, а на самом деле оно огромное, как человеческая жизнь,— интригуяюще ответил ему Андрей.

Все повернулись к парню одновременно с интересом и недоумением.

Лейтенант задумался и начал свой рассказ негромко, словно вглядываясь в глубины памяти.

— Мой дед был на войне с самых ее первых дней. Многое он мне про нее рассказал, особенно в связи с книжкой, которая прошла с ним всю войну. Слушая его воспоминания, я уже тогда думал: вырасту и обязательно стану военным!

Деда призвали в армию перед самой войной. Когда собирали вещмешок, кто-то из домочадцев положил... томик Лермонтова. Было бы это в войну, никто бы этого не сделал. Какие там книги! А тут мирное время...

Занесло его из родного Пятигорска на Дальний Восток. Там и застал начало Великой Отечественной... А попал он в знаменитую 32-ю дивизию Полосухина. И непостоянная это была часть — отлично укомплектованная, обстрелянная. Она очень хорошо показала себя под Халхин-Голом. С тех пор Сталин и держал ее на Востоке: на случай нового вторжения японцев.

Но когда стало ясно, что Япония на Союз не двинется, Ставка решила перебросить дивизию на Западный фронт.

Когда война грянула, деду было столько же лет, сколько мне сейчас. Я вот все думаю — что он чувствовал тогда, в солдатской теплушке, в поезде, который мчался по бескрайней стране...

Отправили их под Ленинград. Рослые сибиряки в полушубках должны были деблокировать осажденный Питер. И вооружены они были не в пример остальным частям. Достаточно сказать, что у них на вооружении было восемьсот с лишним автоматов, а тогда это оружие было редкостью в наших частях.

Но в октябре сорок первого под Москвой стало совсем плохо... Немцы совершили страшный прорыв, остатки советских войск дрались в так называемых «вяземских котлах», а дорога на столицу оказалась почти без прикрытия.

И дивизию полковника Полосухина, пятнадцать тысяч сибиряков, перебросили под Можайск, в самое пекло. Там еще народ был: и курсанты, и добровольцы. Но

беда оказалась в том, что силы пришлось «размазывать» по всему фронту в 50 километров, а это даже для полнокровной полосухинской дивизии много. Но делать нечего: вгрызлись в землю и приготовились к жестокой драке. И символично, что фронт прошел по Бородинскому полю, тому, на котором Кутузов встречал Наполеона по дороге на Можайск. Удивительно все совпало: и место оборонительных сооружений, и даже штаб Полосухина расположился как раз в том месте, где когда-то командовал сам Кутузов.

Даже французы были в составе немецких войск — пара батальонов в летнем обмундировании...

Говорят, что наше командование раздало по воинским частям русские знамена 1812 года, которые не успели вывезти из Бородинского музея. Многие сошлось вновь на Бородинском поле, и с обеих сторон понимали, что обратного пути нет.

Так началась страшная мясорубка. Ряд за рядом покрывали русскую землю солдаты французского легиона. Русские и французы стояли насмерть. Немцы перли со всей дури, не только потому, что бесноватые командиры гнали их вперед, но и от того, что чувствовали: еще один удачный прорыв — и Москва покорится. А наши ребята вцепились в родную землю и не отступали ни на шаг. И если совсем недавно артиллеристы батареи Раевского, дивизии Лихачева, Неверовского, Коновницына казались далекими тенями, то в эти шесть дней они как будто вернулись в Бородино...

Все поле было завалено трупами убитых и замерзших, и с нашей стороны картина рисовалась не лучше. Дед мой, глядя на трупы, разорванные в кровавые ошметки, есть даже не мог. А прошло уже несколько дней, и он еле держался на ногах. Спас его пожилой старшина, сибирский охотник, который взял своего рода шефство над парнем.

Запомнилось, когда однажды на полевую кухню привезли макароны, смерзшиеся от холода. И старшина заставлял моего деда сделать глоток водки из фронтовых стаграмм, и после каждого глотка совал ему в зубы кусок этих чертовых макарон...

Страшное дело — война. Звучит банально, особенно для тех, кто не нюхал пороха. А когда человек напрямую сталкивается с кровавой грязью, он начинает понимать, что значат эти слова. Дед рассказывал, как кричали на поле боя раненые французы и немцы. А потом переставали кричать, потому что вытащить их не было никакой возможности, и они просто замерзали, там, у Бородина.

Общее дело сближает людей; есть такое понятие — фронтовая дружба. Но война ведь такая штука: сегодня у тебя есть друг, а завтра... Старый охотник, который его опекал, в бою был постоянно рядом: палил из противотанкового ружья, а дед из автомата лупил по немецкой пехоте. И вот: раздался взрыв. Искореженный ПТУР отлетел в сторону, а старшине осколком полголовы снесло, так, что кровь и частицы мозга забрызгали деду лицо.

А он... А что он? Утерся варежкой и продолжал стрелять.

Почти неделю грохотал этот ад. Дорогой ценой было заплачено за эти шесть дней. Но жертвы того стоили. Из-за таких боев и Москва устояла.

Так вот, когда немцы дрогнули и отступили с поля боя, части 32-й дивизии отвели с передовой, и полосухинцы, что называется, переводили дух, дед, вытащив из вещмешка, раскрыл книгу Лермонтова, и в тесноте, при свете печурки, читал своим товарищам по взводу «Бородино».

«Да, были люди в наше время... Богатыри...»

Бойцы поднимали головы и прислушивались к словам. Раненые просили: «Почитай еще. Ведь это про нас...».

Несколько раз пришлось ему читать эти строки: снова и снова. А потом и другие стихи пошли. И тогда бойцы стали просить: «Слушай, браток, вырви мне одну страничку... Мне от этих стихов на душе теплее станет. Война ведь еще длинная... Не скоро ей конец будет...».

И незаметно том Лермонтова «похудел».

Но дед, вырывая странички из книги и вручая тому, кто остался жив, приговаривал: «После войны обязательно верни в мою библиотеку. И не вздумай помереть!»

И каждый эту страничку клал в карман гимнастерки, где бережно хранил фотографии матери, жены, детей...

А деду осталась потрепанная книга в потертой синей обложке, вот эта, которую сейчас держу в руке. И вроде как талисманом она ему стала. Был покалечен, но остался жив. Ранение было тяжелым: пол-лопатки разорвало осколком от мины. Вначале один госпиталь, затем другой, комиссовали по ранению... Но книгу удалось сохранить. Берег ее всю жизнь. Только отвезти в библиотеку, как планировал, как-то не получалось. В Пятигорск не вернулся: уехал на родину голубоглазой медсестрички, которая его полуживого вынесла с поля боя. А на родину съездить здоровья, да и времени не хватило...

И только перед самой смертью дед поручил это мне. Мы созвонились с той библиотекой. И оказалось, что из этой книги к ним поступило семь страничек! Семь полсухинцев выжили; в память о них эти страницы в музей передали. Не хватало только самой обложки с печатью библиотеки. И вот я теперь везу эту книжку...

— Выходит, ты как будто из того батальона будешь? — задумчиво сказал Зуев, когда лейтенант закончил свой рассказ. — Вроде, как их наследник?

— Выходит, так, — согласился Андрей. — Честно сказать, мне тот Бородинский бой временами снится — будто я сам в том дедовском окопе сижу...

Ночь летела за окнами.

Все притихли, и никому не хотелось продолжать разговор. Да вроде все уже и сказано.

Жаркое летнее солнце насквозь пронизывало вокзал Пятигорска, перед его стеклянными стенами высились стройные ели, на площади ждали пассажиров автобусы и маршрутки. Анастасия и Зоя прощались со своими попутчиками с улыбкой, в которой чувствовалась горчинка грусти — о том, что они уже никогда не встретятся с теми, с кем свела их нежданная судьба.

Прощаясь, Зуев вдруг почувствовал нежданную нежность к парню и по-отечески обнял его. Тот улыбнулся, козырнул спутникам и отправился своей дорогой. Распрощались и остальные трое... Зуев остался один, оглядываясь по сторонам.

И тут внезапная картина обожгла его вторично: у начала платформы стояла его Ирина. Да нет, конечно! Ирина дочь, Татьяна, стояла и вглядывалась в него, и ветерок играл складками ее платья и прядями светлых волос. А рядом с ней кружился белобрысый мальчуган, точь-в-точь похожий на него, Зуева, каким он был много лет назад. Что-то зашипало в глазах у Ивана Николаевича...

Тут Татьяна наклонилась к мальчишке и с улыбкой показала на Зуева. И внук, что-то крикнув, стремглав побежал к деду. И теплая волна воздуха толкнула Ивана в самое сердце.

Василий Федосеев
(г. Саранск, Мордовия)

ПОЭМА ПРЕДГРОЗЬЯ

Автор нескольких поэтических сборников: «Я еще буду в жизни», «Нас называли «камикадзе», «Русь зоревая», «Хлебозары», книга поэм «Земля за шеломенем». Первая часть трилогии «Плутовка», книга Памяти «Чернобыль и Мордовия: грани касания», книга рассказов и очерков «Дан приказ: ему — в Чернобыль». Произведения также публиковались в периодике, коллективных сборниках. Редактор-составитель антологии «Русская поэзия Мордовии» (2012 г.). Редактор-составитель альманахов писателей Мордовии «Ради жизни» (2005 г.), «Отчий дом» (2006 г.), «Корни» (2007, 2008 г.), «Память сильнее времени» (2015 г.).

Солнечная Звездочка, Чачома Тешкс* ему говорила, когда ей было столько лет, сколько пальцев на обеих ладонях: — Я пойду по берегу речки, поклонюсь Ведь-аве**, пусть даст мне красный камешек, ты мне его растолчешь, я выпью с ведь-пря*** и у нас будет сыночек. И сколько мне красных камешков растолчешь, столько у нас будет сыночков. А сколько белых камешков — столько дочек.

Он был Желудь, сын Дубового Кряжа, чуть постарше ее. Они вместе искали красные камешки, но попадались всякие другие, серые, голубые и черные, а красных не было.

Отец Желудя сквозь пальцы смотрел на их игры: пусть мать, Ветка, разбирается. И улыбался лишь.

Отец Родинки, Свирепый Бык, тоже следил за дружбой двух детей. Он сказал Дубовому Кряжу сердито, видно, не умел улыбаться:

— Два коня и два поля отдашь выкупом за дочку, что с Желудем гуляет. За меньшее не получите.

— Пусть подрастут хотя бы,— все так же добро улыбался Кряж,— а то вырастут и разлетятся.

— Все равно отдашь,— скрипел зубами и отводил глаза в сторону Бык.— А не то у меня родная сестра за болгарским сотником. Лишь кликну!

И накликал...

1

Инязор**** Дубовый Кряж сражался словно сам Нишке-паз*****, спустившийся на землю. Он не упал и тогда, когда сзади болгарский воин вогнал ему под левое

* Чачома тешкс (здесь и далее: морд.) — Солнечная звезда. Зд. родинка.

** Ведь-ава — богиня воды.

*** Ведь-пря — рассветная целебная вода родника.

**** Ине — большой, великий, зор — хозяин. Зд. великий вождь, князь.

***** Нишке-паз — Верховное божество древней мордвы.

плечо со всего маху копье свое остроконечное. Руки лишь раскинул Дубовый Кряж, будто пытался обнять битву. В одной руке меч, в другой — легкий щит. Булгарские воины попробовали вырвать меч из правой руки инязора, не хватило сил, отрубили правую руку. Затем левую. Богатырь развернулся вправо, влево, поливая врагов своей кровью, а когда земля встала на дыбы и нахлынула вмиг ночь, он провалился в эту темноту, не вскрикнул. Лишь шумно выдохнул.

Когда Нишке-паз в буре и гневе выворачивает с корнем дерева, дубы падают с грохотом, звеня листвою, но без стога. Они никогда не оставляют после себя корневых побегов. Выживет желудь, значит, через время будет новое дерево. Не выживет желудь, не прорастет — через время от дуба ничего не останется. Ни следа. Да если и проклюнется из желудя росток, то пока из мизинца вырастет великан, не всякий человек дождется.

Крепок был мараля*, да видно прогневил чем-то своего бога, потому и его не пожалел, не защитил Нишке-паз. Пал Дубовый Кряж от рук булгарских воинов. Многие в той битве пали. И дядька Селезень, и дядька Кулак, и Сосна, и Клык, и другие мужи из племени Дубового Кряжа. Многие были изранены, без сил остались на бранном поле кровью истекать.

Ринулись тогда булгары на Ошпанду** — огороженное земляным валом и крепким высоким частоколом селение Дубового Кряжа — вырвать ростки Кряжа, обрубить корни, растоптать желуди, чтобы никто после не смог отомстить, не стоял бы перед ними страх мщения. Но успели уйти женщины из городища, сокрылись вместе с детьми и подростками в Черном Урмане. В самом глухом лесу приокском. Не сунулись туда булгарские воины, отступились, побоялись местных богов и побоялись лесных урочищ. Очень легко там засады устраивать. Не зря местные племена и жители общин назывались лесными людьми. Лес для них был и домом, и кормильцем, и особенно защитой. И городище жечь не стали булгары, словно приготавили его для кого-то. После поняли, для кого. Для него. Для Быка Свирепого.

И поныне Желудь, вспомнив тот набег булгарский, в бессилии кулаки сжимает. Отмстить хочет.

Прибыли после булгарские посланцы, обещая помилование, но потребовали утопить отвагу отцовскую в Оке-реке. Отдать мечи и доспехи отцов, подобранные сыновьями на поле той кровавой сечи, чтобы не брались снова лесные люди за оружие, чтобы дань платили пушниной да зерном, что умели-таки они выращивать на отвоеванных у леса полях.

Инязором кликнули Быка Свирепого. Кликнули те, свои, с кем пришел, да булгарские посланцы. Городищенские молчали. Некому было супротивничать. Дети и жены на этот сход не были допущены. Калеки, воины Дубового Кряжа, — не в счет.

...Что-то из оружия пришлось отдать булгарину, то, что не успели вытащить и спрятать с поля боя. Многие ушли дальше в лес от булгар. Многие, прятавшиеся в лесах, начали возвращаться в Ошпанду. Не захотели бросить насиженные и намоленные места, места обжитые и где были похоронены косточки родичей. И куда могли вернуться, а иногда возвращались из половецкого и булгарского плена родные или одноплемenniки. И куда должны были возвращаться прятавшиеся по лесам.

Платили дань. Копили силы. Зверя ловили силками, брали на рогатину.

Мужики называли себя *морденс*, жены — *ава*.

Хорошее место было у Оки-реки, где Ошпанда — городище их находилось. Приходили сюда дальние соплеменники, говорившие с ними на одном языке. От рек Су-

* *Мараля* — богатырь.

** *Ошпанда* — острог, городище, укрепленная твердь.

ры и Мокши. От среднего течения реки Рав*. Выживали их оттуда другие народы — хазары, болгары, черемись.

Приходящие ронились, рожали детей.

Втайне подростки рядились в чудом уцелевшие отцовские доспехи, размахивали отчищенными песком мечами. Учились мастерить и натягивать луки. Верховодили подростками из местных Желудь, сын павшего Дубового Кряжа, и Айгар, сын инязора нынешнего. Две ватаги, два вожака смогут ли быть заодно? Пришлые взрослые мужи да подростки парни из обеих ватаг уходили по летнему зною на дальние мшары да болотистые места, искали болотную руду. Работа сплавивала. Нужны были сошники да серпы, да топоры.

Свирепый Бык с булгарами были как одна рука. Потому раньше и не спалили, а лишь ограбили дома городищенские. По уговору. Булгары стан разбили на взгорке, недалеко от городища. Чуть что, Бык посылал верхового в болгарский стан. И булгары — вот они! Открывай ворота Ошпанды, сымай порты! Быковские и болгарские — сам-свой.

Городищенское подрастающее племя косилось, ждало случая.

За рекой Окой жил-был еще один народ. Русские. Рузонь. Так и хотелось крикнуть через всю реку: «Русский! Выручай! Помоги булгарина разбить — будешь белку с дыма иметь!»

Русские частенько в Ошпанду приплывали на майдан: меняли ножи да топоры, да сошники за мед, за беличьи шкурки. Высматривали, выспрашивали. Инязор русский из города Рузонь приплывал: «Кому дань платите, мордены? Булгарам?» Но ничего не обещал. Свирепый Бык сразу посылал за булгарами в их стан. Булгары строжились, плетьюми грозились:

— Придет болгарский каган, он русским задаст жару. Деревянные дома здорово пылают. И вам, *морда-авам*, влетит. Не хотите быть нашими данниками, будете нашими рабами!

Хазары на майдан с низовья Рав приплавлялись с товарами тоже. И тоже:

— Кому дань платите? И мы бы вас защитили, если бы нам платили...

Но далеко хазары. Булгары ближе. А еще ближе рузонь. Русский инязор присматривается. С булгарами схватиться — дело нешуточное.

В сторону Чи** за лесами — дикое поле. А там другой народ. Пакся ломанть***. Степняки, или полевцы, как их называли русские. В другую сторону от Чи — русский Владимир-град, богатый и сильный. Но Владимир далеко. За Рузонь, и дальше — за мурома-народом... А булгары, да хазары, да полевцы ближе. У рузонь инязора договор и с теми, и с другими, и с третьими: друг друга не трогать. И платят мордава двойную дань булгарам. Врагам своим. А кому-то друзьям. И не все русские князья с булгарами договор имеют. Если б не Свирепый Бык, друг болгарский, то... К тому же булгары поручили дань собирать Быку Свирепому, а он от той дани и себя не обделит. Кому война, кому — мать родна.

Бык был постоянно в разъездах: все дань собирал булгарам, а себе — подать. Его окружал десяток дружинников. Лишь столько разрешили булгары иметь вооруженных подручных Быку. Все равно верить-доверять опасались даже ему. Потому еще и своих воинов с десяток-другой для стражи и опаски давали ему в подмогу. И для надзора тоже.

Свирепый Бык чуть рассердится, «Убью!» — кричит страшно. На Ветку кричал.

* Рав — Волга.

** Чи — солнце.

*** Пакся ломанть — степные люди.

— Не хотите добром отдать землю за Родинку, заберу сам! Ты со своими детьми жива до сих пор потому, что оставил тебя себе в жены. Будешь Куд-авой* у меня.

Ветка и после гибели Дубового Кряжа не покрылась морщинами от печали. Молодые годы печаль пересиливают.

— Или будешь третьей женой мне, или твоих сыновей продам в рабство хазарское! Или убью! — ревел.

Мог и убить. И убивал... Особенно не жалел тех, кто с Дубовым Кряжем бился против булгар. Словно раб, который старается быть злее своего хозяина. Таковы были и его дружинники. Словно враги своему народу. Не жалели даже тех, кто с ними пришел когда-то в Ошпанду, а про местных бойцов против булгар и говорить нечего.

Перед тем Бык долго думал, сопел: что делать со вдовами и детьми их малолетними? Надумал. Пусть живут, пусть растут, как лес после пожара. Пусть работают на полях Быка. Или на общинных полях. Пусть платят дань. И пусть зарабатывают на подать. Пусть рыбу ловят, носят половину Быку. Пусть пчелиный мед собирают, несут половину Быку. Со всего — половина. Пусть чувствуют себя не людьми, а половинками. Это тешило сердце Свирепого Быка. Забывал он о том, что половинки подрастали. Долго ли могут быть люди половинками?

2

Новый инязор Свирепый Бык поселился со своими двумя женами и другими домочадцами в доме погибшего Дубового Кряжа. Самом большом доме Ошпанды, рубленом на русский лад, подсмотренный и перенятый в Рузонь. Светлица да горница, клети да подклети. Вдова Кряжа Ветка и сыновья, кроме Желудя, были Веряска с Ведыкаем, остались жить в дальней полутемной комнатке на правах то ли бедных родственников, то ли рабов. Ветка опасалась, что Свирепый Бык недолго станет их терпеть и расправится с ней и ее тремя детьми или попросту выставит за дверь. Женой Быка она быть не хотела. Не хотела и все. Сравнить ли Быка с Дубовым Кряжем?!. Что же, что погиб? А в голове все еще живой. В груди — живой.

Однако сын Дубового Кряжа Желтый Желудь пока стал в семье Свирепого Быка, похоже, своим. Играл с детьми Свирепого Быка, своими сверстниками, помогал старшим по хозяйству, когда стал подрастать. Сыновья Быка Айгар, Белый Клок и Коршун, казалось, были Желудю в играх товарищи, а их сестренка, Родинка, была и ему сестрой. Но когда играли с соседскими ровесниками в свои семьи, то Родинка всегда хотела, чтобы Желудь был вместе с ней, чтобы они были как тетя и ава**. Играя, он уходил якобы в поле пахать, сеять. Или на охоту, или на рыбную ловлю, подражая старшим, увиденному или услышанному от них. Она нянчила своих младших братишек и сестричек. Якобы их с Желудем детишек. Лепила из сырого песка лепешки. Желудь возвращался со своего мужского занятия, приносил охалку коневника или борщевки, угощал всех устало. Родинка хлопотала рядом, поливала ему на руки из берестяного туюска, гладила его плечи, обо всем забывая.

К ним пыталась прибиться Баяга*** — дочка убитого рядом с Дубовым Кряжем дяди Кундо.

— Тоже хочу быть женой Желудя. Примите в свою семью. Младшей женой.

Родинка сердилась, надувала губы.

— Нет. Ни младшей, никакой. Ты не дочь инязора. Ты безотцовщина, сирота. Твое место на заднем дворе.

* Куд-ава — богиня дома.

** Тетя и ава — отец и мать.

*** Баяга — цветок.

Баяга, потупив голову, соглашалась быть на заднем дворе...

Когда младшие подрастали, на них оставляли других последышей, а Желудь с Родинкой и соседские подростки с ними часто выходили к опушкам Черного Урмана, лесного урочища за городищенскими полями. Там и грибы, и ягоды. На реке снасти рыболовецкие. Свирепый Бык велел Желудю ловить рыбу и приносить в городище ему и для общины, и на прокорм Ветке с сыновьями. По дороге баловались. Представляли своих врагов:

— Я булгарин!..— Или:

— Я полевец!

И бросались за девочками:

— Догоню, вылюблю!..

Девчонки кидались врассыпную, попробуй догони! Попробуй поймай! Разлетались, как птички, стайкой вспорхнувшие из-под ног. Родинка бежала с Баягой. Желудь всегда бросался за ними, догонял и обгонял Баягу и продолжал бежать за Родинкой.

Она всегда убегала в одно и то же им знакомое место и там приостанавливалась, давая себя поймать. Они сначала вздрагивали от нечаянного прикосновения. Она съезживалась, как пойманный зверек, замирала птенчиком, но вскоре уже не отодвигалась, а, открыто глядя в глаза ему, обнимала его за талию, влекла на пахучую от высоких цветов траву лесной опушки.

— Я жена твоя,— шептала,— ты — мой суженый,— как в детстве, когда играли в семью и свой дом.

И он сперва смущался, а потом стал сам назначать встречу, после того как стемнеет.

— Выйди, Родинка, к амбарам. Выйди, моя Солнечная Звездочка.

И вдруг все оборвалось.

Сначала мать ее, Лисичуха, запретила встречаться им.

— Эй, слушай, дочка! Ты теперь невеста и с Желудем не гуляй! Готовься к замужеству. Найдется добрый человек, выйдешь за него. Хочешь за Желудя? Может, и за Желудя отдаст Бык Свирепый.

За Желудя лишь хотела Родинка замуж. И сам Желудь хотел лишь ее. Она ему еженощно снилась на их цветочной поляне. Он обнимал ее.

— Женился бы на ней,— мать Ветка сказала,— если б Свирепый Бык не просил так дорого. А еще лучше, если женишься на Баяге. Ее мать подруга моя. Баяга без отца, ты без отца. Поля отцовские зарастают, что не успел прибрать Свирепый Бык. Пашите, растите пшеницу. Растите детей с Баягой.

— Вай, не хочу Баягу. Родинку хочу. Она для меня лучше.

— Чем лучше? Две руки, две ноги, голова одна.

— У Баяги — две руки, две ноги. Мне с Родинкой счастье.

— Хорошо, подойду к Быку, еще раз посватаюсь.

Свирепый Бык стал сердитее сначала, а после наклонил голову и сычом хитро:

— Сколько земли осталось, отдашь сыновьям моим. Пока не заросла березняком. Или Желудь с Родинкой пусть себе возьмут все. Если б Родинка, дочка, не полюбила Желудя, сам бы все забрал, спрашивать не стал. А пока прошу...— хмурился, скрипел зубами.

— Нет,— сказала Ветка,— твои дети — это твои дети. А у меня еще два сына. Им кто землю отдаст?! Они уже вырастают, сами начнут обихаживать поле свое.

— Вот сами пусть и корчуют, а ты когда надумаешь замуж за меня? Думай быстрее. Не хочу силой пока.

По законам предков, раскорчеванное морденс поле за ним и детьми оставалось навечно. Корчуй сам, выжигай место — будет твое. Или иди пахать в дикое поле, оно жирно — богатый урожай будет. Но там полевцы, там хазары, там булгары. Там

нужна твердь, городище, крепость для защиты. А и то, разве защитили дубовые стены Ошпанды от булгар?

Помощь нужна от рузонь. Свирепый Бык мог бы с помощью булгар давно забрать любое поле возле Ошпанды. Но из-за реки Оки слухи шли: рузонь собираются на булгар. И путь будет мимо Ошпанды. Булгары, сторожившие мордавов и взимавшие дань с них, неожиданно исчезли.

3

Желудь часто встречался с бывшими ратниками отца, Сиплым Прончатом да Кривым Глазом. У Прончата часть стрелы булгарской в шее, потому сипел. Кривой Глаз раньше звался Долгая Рука за то, что из лука своего далеко и точно в цель бил. Глаз потерял в бою, окривел, стал Кривым Глазом.

Сиплый Прончат говорил:

— Неспроста ушли булгары. Быть войне. Не иначе, рузонь из Владимира надо ждать. Лучше будет или хуже, никому не знать. А вот раньше мы платили дань Рузонь много меньше, чем булгарину. После на русской земле пошли междоусобицы. Свои братья инязоры перегрызлись, передрались. Не до мордавы стало, не до нас.

Кривой Глаз добавлял:

— Булгарские торговые люди рассказывают, что за морем Хвалынским война всюду. Пришел хан Чингиз с восхода, необоримое войско у него. Беспощадное, непобедимое. Кого победит, а кого уговорит, и войско у него растет. И все побежденные народы отдают молодых мужчин в его войско.

Желудь слушал, вникал. Он во многое вникать начал, как стал подрастать.

— Твой отец был инязором,— внушала ему мать.— Многие наши земли у Свиного Быка. Был бы инязором ты, земля была бы нашей. Род большой. Других бы заставили, наняли. Все бы засеяно было. Сейчас много земли пустует. Давай-начинай-работай-думай.

— Твой отец был инязором,— говаривал друг отца и побратим Кривой Глаз.— И сейчас ты живешь в семье инязора. Свирепый Бык взял верх несправедливо. С помощью булгар. Нас склонил дань платить и за себя, и за погибших в битве с булгарами, и за тех, кто утек в леса под защиту Вирь-авы*. А твой отец, Дубовый Кряж, находил всех, кто был у Вирь-авы, дань распределял на всех справедливо.

Другой соратник отца, Прончат Сипатый сипел-нашептывал:

— Тебе надо быть инязором, набирай товарищей себе, привлекай к себе мордавов.

Рассказывал ему Желудь о себе и Родинке, не раскрывая, чья она дочь. Как быть?

— При твоём отце,— поучал Прончат Сипатый,— соблюдался старинный закон: кто подрастал из мордавы, оперялся, прежде чем завести жену должен был убить врага. Тогда мог посватать любую девушку. Если она согласится. Отец не мог сопротивляться.

— Но сейчас нет войны,— разводил руками Желудь.

— Войны нет, а враги есть. Кто-то чужие борти повадился в лесу обирать. Кто-то чужие верши повадился в реке обирать. Кто-то скот ворует. А булгарин, что дань берет с нас непомерную?!. А Свирепый Бык, что повинен в смерти твоего отца?!

— Пока нет булгар,— наставлял Кривой Глаз,— возьмите еще у меня мечи старые и старые доспехи. Я их схоронил про случай. Учитесь владеть оружием. Собирай друзей-товарищей,— повторял Кривой Глаз,— а кто-то,— он понижал голос,— в священной роще священное дерево оскверняет. Наносит обиды Нишке-пазу. Кто-то хочет поспорить нас с нашим верховным божеством Нишке-пазом. Посторожил бы

* Вирь-ава — богиня леса.

ты возле дуба священного, как отец твой, бывало, сторожил там. Пожил бы рядом с Нишке-пазом. Подсказал бы тебе он чего. Давно никто не разговаривал с ним».

— Слушай, ялгай*, — сипел Прончат, — с тобой много молодых дружат. Коноводишь у них. Вадря**. Будешь инязором, как отец твой. Да и называть тебя надо бы по-другому. Не Желудь, а... — он пытливо глянул на парня, — ...Морго Тумо***. Тянутся к тебе ровесники, пек вадря. Но и ты должен за людей себя не жалеть. Как Дубовый Кряж, отец твой. Не о своей выгоде думай, а пекись о выгоде близких твоих. Тех, кто тебя окружает. О выгоде племени твоего. И если народ не отблагодарит при жизни, то память народная все поймет и оценит, расставит по местам. Думаешь, богатырям, о которых народ поет, легко жилось? Думаешь, им под ноги не бросали палки? Думаешь, им в сапоги воды не лили? Зависть человеческая раньше человека родилась. Почему Свирепый Бык навел на Ошпанду булгар? Позавидовал Дубовому Кряжу. Ты станешь воином, инязором, справедливость верни...

Много чего Прончат Сипатый и Кривой Глаз, соратники отца, говорили. Умные. Ведь-ава с ними дружит. И Чам-паз. Друзья лучший кусок обеда им предлагают. И те платят добром.

Мать печалилась:

— Свирепый Бык просил у отца два поля за Родинку. Забрал больше и еще просит. Как ты думаешь сватать Родинку, дочь Свирепого Быка? Люди говорят, он повинен в смерти отца твоего. Как быть?

Как быть?..

Приходить стал Морго Тумо к священному дубу. Прижимался к нему. Молчал дуб. Ничего не говорил пришедшему. Тот попытался забраться на дерево, ободрал в кровь о дубовую кору ладони. Не взобрался.

— Слабак! — показалось, засмеялся кто-то в листве.

Взъярился Морго Тумо. Слегу нашел. Разбежался, уперся слегой рядом с деревом и, опираясь на нее, взлетел по стволу, ухватился за нижний толстенный сук.

— Упрямый! — кто-то удивился в листве.

— Смелый! — подтвердили на самой вершине.

— Сын инязора! — жестко потерялись друг о друга листья дуба, словно звенья кольчуги Дубового Кряжа.

— Скоро сам будет инязором, — терлись друг о друга ветви дуба, словно плечи воинов в дружине Дубового Кряжа.

Но Дубовый Кряж погиб за народ свой. Сможет ли постоять, а если надо — погибнуть, сын Дубового Кряжа за народ свой? За племя свое? За богов своих?

— Как сделать, чтобы родственные племена стали одной семьей и не точили друг на друга зубы кинжалов? — вопрошал Сук Дуба своего покровителя.

— Ищи ответа у народа своего, — гудел ствол дерева.

— Где ответ, какой ответ?

Приходили на ум лишь сказки матери о богатыре, объединившем народ свой и тем спасшем его.

Объединять разные роды народа своего? Разные племена? Разные селения, идущие за Свирепым Быком, и другие селения, ждущие падения Свирепого Быка? Как примирить и объединить врагов, которых разделяет кровная месть?

— Женись на Солнечной Звездочке, Родинке. Попробуй слить, смешать кровь врагов. Не закипит, значит, будет род твой новым и крепким.

— Но все против нашего союза. Как может сын Дубового Кряжа, убитого наймитами Свирепого Быка, жениться на его дочери?

* Ялгай — друг, товарищ.

** Вадря — хорошо, пек вадря — очень хорошо.

*** Морго Тумо — Сук Дуба.

— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа!
Сердце лишь гудело в груди, словно колокола за рекой в Рузонь.
А если не захотят те, другие, такого союза? Что же их, мечом принуждать? Как принуждает нас Бык Свирепый?..
— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа!
Громче и громче звучали колокола в груди.
— Преступить и принудить? Или простить и забыть?
— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа? — оглушил гром над головой.
Быть грозе великой.

4

Играть в войну — все равно пригодится когда-никогда. Играть в похороны — накличешь, пригласишь смерть. Но она все равно когда-никогда придет. Играть в свадьбу — спугнешь счастье.

Шли полем, лесом, рука об руку, Морго Тумо — Сук Дуба и Чачома Тешкс — Солнечная Звездочка. Шли как жених и невеста. Как муж и жена, морден и ава. Шли, кланялись богине земли Матор-аве.

— Матор-ава, матушка! — звонко пела Родинка. — Дай нам пути, пропусти через поле! Не нашли на нас ни змея, ни змеенышей. Позволь сорвать с тебя лишь вот этот красивый цветок. Цветок к цветочку — будет веночек, будет веночек жениху моему, Морго Тумо. И еще цветок к цветочку — сплету себе веночек, невесте, как замуж пойду за моего милого...

Шли и кланялись богине леса Вирь-аве.

— Заступница Вирь-ава! — кричал на весь лес Сук Дуба. — Дай через лес пройти. Не нашли на нас ни злого волка Верьгиза, ни свирепого медведя Овто, дай лишь ягоды лесной, накормлю мою милую.

У богини воды Ведь-авы просил:

— Красавица Ведь-ава! Дай нам пути. Не нашли на нас злого водяного Ведь-паза, ни холодной лягушки Ватракши. Дай лишь рыбки немного накормить мою милую.

Проверял вентера, сплетенные из волокон дикой конопли, ныреты из тонкого ивового прута. Первой рыбкой всюду благодарили Ведь-аву. Повздевали остальную рыбу под жаберные крышки на куканы, опустили в реку, пусть подождет. А сами купаться стали. Молодые, стройные, взяли за руки, вошли в многоструйную реку.

— Хочу поплыть к омуту Ведь-паза, — развернул плечи Дубовый Сук.

— Вай, не надо! — испугалась Солнечная Звездочка. — Ведь-ава бывает доброй, Ведь-паз никогда добрым не был. Утащит на дно, с кем быть мне после?

— Найдешь себе. А мне, Дубовому Суку, не пристало теперь водяных бояться.

Не послушал бестолковый Сук, поплыл на стремнину к омуту. Она постояла-постояла по пояс в воде. Боязно без него. За ним поплыла. Лес на берегу притих, птицы-певицы притихли.

— Вай! — слышит Морго Тумо. — Тону! — взхлеб...

Выпрыгнул по пояс из воды, оглянулся. Рука взметнулась над водой, легкая рука Звездочки. Видно, Ведь-паз решил прибрать ее к себе. Умел уже плавать Сук Дубовый, рванул наперерез. Выхватил из рук Ведь-паза свою возлюбленную, Родинку свою. Обнял ее одной рукой, другой к берегу погреб.

Далеко отнесло течением, к следующему песку. Бледная Родинка была, испуганная. Вода из носа пошла: успела воды наглотаться.

— Эх, зачем ты, Сук Дубовый, одну ее оставил? — казнила себя голова дубовая.

Отогрелась Родинка под лучами светлого Чи-паза, под солнышком. Улыбнулась виновато.

— Чуть невестой Ведь-паза не стала.

А глаза далеко-далеко, словно увидели нечто небывалое, удивились этому, никак назад не вернутся.

Обнял Морго Тумо девушку, привлек к себе. К груди своей прижал. Мало ей одного дневного солнца, человеческое тепло иногда живительнее. Исцеляет лучше солнца.

Перестали зубы стучать у Чачома Тешкс, у Солнечной Звездочки. Два солнышка греют ее. Засмеялась и смущенно, и счастливо.

— Я не испугалась совсем. Знала, что ты вырвешь меня из рук Ведь-паза. Потому что Ведь-ава любит тебя. Ты ей рыбку первую, рыбку лучшую оставляешь,— и рукой провела по его плечу, по груди, по животу. Оба нагие, статные, оба любят друг друга.

Когда оделись, Чи-паз на своей лодке к половине неба подплывал. Проверили еще раз нырета и вентеря, поделились рыбкой опять с Ведь-авой и Ведь-пазу дали.

— Возьми, дядя Ведь-паз, забываем тебя часто. Не серчай!

5

Остальную рыбу взяли с собой. Тяжело. Хорошо, недалеко была тайная заимка. Мало кто знал ее. В ней жили Кривой Глаз и Сипатый Прончат. Жить в Городище опасались из-за мести врага своего, Свирепого Быка.

Привел Морго Тумо Солнечную Звездочку к Кривому Глазу:

— Вот она, моя Звездочка.

У Кривого Глаза единственный глаз и так за двоих смотрел, теперь еще больше стал.

— За такую невесту не жалко два поля. Три поля отдал бы, будь я моложе.

— У тебя нет трех полей! — засмеялся Морго Тумо.

— Сейчас верно, нет. Когда-то были. И невеста была. Булгары ее увели в плен. Где сейчас, не знаю... И дети были. Увели булгары. Или, может, убили,— обезображенное лицо Кривого Глаза еще больше скривилось.— Хорошо, если им в другом мире лучше, а если нет? Мучаются там с чужими?..

Помолчали.

— Рыбки тебе занесли,— не выдержал молчания Морго Тумо.— Дашь нам корзину, рыбу хочу в Рузонь отнести.

— Дам корзину и травкой нужной дно застелю. Рыба долго будет свежей. А ты иди не на майдан. Поздно уж. Иди на двор к русскому инязору. Отдашь ему. Он расплатится с тобой добром. Мы с отцом твоим ему рыбу относили,— поскрипывал Кривой Глаз, а сам быстро почистил несколько рыбин, поместил в горшке над очагом.— Бывало, студенной зимой в омуте Ведь-паза много рыбы останавливалось на зимовку, друг на друге лежали. Прорубь пробьем и острой таскаем ее оттуда. Так много рыбы было, так ей было тесно, что на ее боках пролежни появлялись. Хорошо платил за рыбу рузонь инязор. Мы все друзьями были. Я тогда кривым не был. А вот постой-ка. Вот он что отцу твоему подарил. Когда на месте битвы мы провожали богатырей в другой мир, я оставил на память о Дубовом Кряже княжеский подарок. Нож рузонь инязора.

Кривой Глаз неуловимо провел рукой по стене своей лачуги, и в руке его заблестела полоска кинжала.

— Здесь княжеский знак. Покажешь, тебя русский инязор узнает.

Морго Тумо взял нож с трепетом. Словно отец послал ему этот нож. Может, и отец, руками Кривого Глаза...

В избушку протиснулся Сипатый Прончат.

— Я видел,— засипел он одышливо,— как Ведь-ава с Ведь-пазом недалеко на

песке обнимались. Ведь-паз вынес Ведь-аву из воды на руках. Чи-паз их сиянием своим облил, глаза режет. Потом они любились,— он улыбался зачарованно.

— Нехорошо подсматривать, Прончат,— покачал головой Кривой Глаз.— Спугнешь человеческое счастье.

— Не человеческое, нет,— затвердил Прончат Сипатый.— Говорю: Ведь-ава с Ведь-пазом!

Солнечная Звездочка слегка смущенно прыснула в ладошку.

— Что? — обернулся к ней Прончат.— Это были вы? — Посмотрел-посмотрел.— А я тебя знаю, ты дочь Быка Свирепого. Я узнал тебя! — и пальцем погрозил.

— Ну и что? — загородил ее Морго Тумо.— Он сам по себе, она сама по себе.

— Не-а, нет, так не бывает...— и что-то еще сипел неразборчиво Прончат.

— Правда, ты дочь Быка Свирепого? — спросил Кривой Глаз.

— Ну, правда, правда,— рассердился Сук Дуба.— Но ведь она тебе понравилась!

— Это так. Но ты с ней ко мне пришел зря,— в открытую сказал Кривой Глаз.— Они наши кровные враги.

— Причем здесь Родинка? — все больше сердился Морго Тумо. Поднял голову высоко, распрямил плечи: — Я инязор ваш, и я знаю, как поступить мне и вам. И что делать с дочерью Свирепого Быка,— и чуть тише,— меня мой покровитель — дуб священный наставил. И что для народа моего я могу сделать.

Кривой Глаз и Сипатый Прончат переглянулись сначала. Затем низко склонились перед новым инязором и молча пали на колени. Солнечная Звездочка с интересом, удивленно и несколько испуганно, по-новому взглянула на Морго Тумо.

— Твой отец мой враг,— сурово произнес Морго Тумо.— Ты знай об этом.

— Ты мой муж. И ты мой отец,— твердо ответила Чачома Тешкс, найдя его руку.— Я была и буду твоей.

Стоявшие на коленях поклонились и жене нового инязора.

6

Кривой Глаз снял варево с очага, поставил на неструганные доски столешницы. Морго Тумо вытащил из мешочка, привязанного к поясу, щепоть соли. Богатство свое. Всыпал немного в горшок. Затем взял черпак, размешал и стал делить. Из первого черпака плеснул в угол очага — Тол-аве, богине огня. Еще плеснул к порожку, Куд-аве. Третий раз плеснул за порожек, Вирь-аве. Рыбы кусок вытащил из горшка закопченного. В лопушок завернул. К ручью отнес возле порога, Ведь-аве.

Затем сами уселись вокруг грубо сколоченного стола и начали есть похлебку, блюда очередность: первая ложка гостям почетным, князю с княгинюшкой.

Наелись, поклонились хозяевам и, захватив улов, зашагали дальше. Морго Тумо вновь вывел к реке, нашел спрятанную в кустах долбленку, осторожно усадил посредине свою нареченную, положил корзину с рыбой. Благополучно переправились по широкой реке. Где широкие берега, там течение тише. Ведь-ава помнила доброе и добрые подарки.

Спрятали лодку. Без приключений, хотя и с опаской, добрались до рузонь городка.

Много воинов, конных и пеших. Всюду шумно и возбужденно. Может, в поход собираются,— подумалось Дубовому Суку.

Они прошли на княжеский двор. Что-то было в памяти Дубового Сука из детства.

Вставал иногда перед ним во сне, иногда наяву как во сне, этот терем кружевной за высокими воротами. Где-то, казалось, когда-то он его видел. И на дом отцовский похож, только много больше.

— Кто такие? — строго спросили с высокого крыльца.

Морго Тумо протянул спрашивающему корзину с рыбой.

— А-а, рыбаки мордаванские. По-русски разумеешь? Плохо? Эй, Лабордыця*! Где там наш болтунишка? Подь сюда!

Откуда ни возьмись к нему подбежал и низко поклонился тощий мужичонка, за-тряс бородкой.

— Вот он я, князь-батюшка. Куды я подеваюсь? Денно и ночью на службе у тебя, князь-батюшка, и у твоей княгинюшки.

— Ну, зачал, балаболка. Замолчи.

— Молчу-молчу. Как скажешь, князюшка. Я всегда молчу. Такой мой удел, молчать.

— Замолчи, сказал. Спроси у них, кто такие и что хотят за рыбу.

Морго Тумо успел рассмотреть говорившего. Широкоплеч, борода с сединой, на перевязи короткий меч. Инязор, видно.

— Я сын инязора, убитого пять лет назад булгарами,— отвечал он суетливому человечку, а сам все глядел и глядел на князя.

— Как инязора звали?

— Дубовый Кряж.

— И ты его сын?

— Да. Вот нож, что остался после него.

— Ну-ка, дай сюда.— Вертлявый перехватил и передал нож князю.— Да, это мой нож. Мы обменялись ножами с мордавским воеводой. Давно уже. Так ты его сын? — Князь протянул нож обратно.— Возьми себе. Я знал твоего отца. Добрый был воевода. Мы ходили с ним на полевцев. Храбро сражались мордавы. На вот еще тебе.— Он протянул Морго Тумо серебряную монетку.— А это кто? Твоя невеста? Хороша! Ой, хороша! Ну, счастья тебе. Ожидай в гости.

— Еще хочу сказать,— не выдержал Дубовый Сук,— мы согласны были бы платить тебе, инязор, по белке с дыму, но ты помоги прогнать... помоги моему народу справиться с булгарами. А мы сами прогоним Свирепого Быка, их наймита.

Солнечная Звездочка и не шелохнулась, будто и не о ее отце была речь.

— Сказал, жди в гости,— весело пообещал с крыльца рузень инязор.— Сбираем войско. Скоро двинем на твоих обидчиков. Вовремя ты пожаловал, а то бы и вас ненароком задела, как болгарских данников да помощничков. А теперь знать будем. Есть среди мордавов наши сторонники, как и раньше. Есть кому отомстить за Дубового Кряжа, твоего отца.

— Есть, рузень инязор! — твердо сказал сын инязора мордавского.— Я не один. Нас уже сорок товарищей. Только мечи у нас старые. Еще после той битвы остались от погибших отцов.

— Дадим! Дадим вам мечи! Да еще и сами в бою добудете.

Быть сече! Быть грозе великой!

— Еще братья есть ли?

— Есть, рузень инязор. Веряска и Ведькай.

— Трое, значит? А у меня четверо,— он засмеялся довольно.— Роман, Игорь, Всеволод да Володимир. Поставлю их воеводами молодшими в дружине своей. И к великому князю Владимирскому Всеволоду Большое Гнездо. Слышал про такого?

— Не слышал.

— Престол великого князя из Киева перешел во Владимир. При Андрее Боголюбском. Ныне великий князь Владимирский — Всеволод Большое Гнездо.

Морго Тумо старался не пропустить ни слова.

— Володимир! — кликнул князь одного из сыновей.— Проводи гостей до переправы. Чужих дружинников полно, кабы не обидели.

(Окончание следует)

* Лабордыця — болтун, балаболка.

Ольга Пашкевич
(г. Якутск)

ЛЖЕПРЕМИЯ

Окончила Иркутский государственный педагогический институт. Пишет стихи, прозу, автор восьми книг. Публиковалась в изданиях «Полярная звезда», «Невский альманах», «Роман-журнал XXI век», «Крым», «Север», «Литературная газета», «Ала-Тоо», «Простор» и др. Лауреат региональной премии имени Кирилла и Мефодия, дипломант Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» (Анапа, 2018). Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Якутии. Заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия).

Галина Васильевна нуждалась в деньгах. Не так, чтобы остро, когда позарез необходимо вернуть старый большой долг или надо купить продукты, а в кармане ни гроша, а зарплата еще не скоро, но нуждалась. Точнее сказать, Галина Васильевна нуждалась в лишних деньгах, а на лишнее, как известно, можно купить только лишнее, а лишним ближайшее окружение Галины Васильевны сочло бы издание книги за собственный счет. Конечно, как член Союза писателей, Галина Васильевна могла напечататься за счет государственный, но такое радостное событие случилось раз в пять лет, потому в ближайшие три года, до «золотого юбилея», писательнице рассчитывать на него не приходилось, но увидеть новую книгу хотелось поскорее. Рукопись, состоявшая из цикла рассказов, ждала своего часа. Галине Васильевне не терпелось воплотить мечту в твердом переплете, с предисловием, с рисунками внутри, все как полагается настоящей книге, а не тоненькой брошюрке в качестве приложения к толстому журналу. Скопить деньги ей было непросто, а искать спонсоров, кланяться нужную сумму и того сложнее. Как-никак, она не больная, не бедная, чтобы ходить с протянутой рукой.

Вообще-то, деньги она постепенно скопила, но только скопила, так и задумалась о том, стоит ли их тратить на издание рукописи? Не лучше ли поехать в Анапу, в тот самый санаторий, в котором она так чудесно отдохнула прошлой осенью? Тогда ей удалось обмануть дождливый сентябрь, когда в квартире еще нет отопления, на улице сыро, а в Анапе солнышко, никакого намека на понижение температуры, и школьники, легко одетые, в тонких футболках и кофточках в это время, а не в ветровках, как в ее родном городе.

Время шло, а Галина Васильевна никак не могла выбрать между книгой и санаторием. С одной стороны, новая книга — прекрасная возможность показать свои достижения, повод встретиться с читателями и засветиться в прессе и Интернете, а, с другой, почему бы не поехать на море? Серьезных хронических заболеваний у нее нет, но профилактика не помешает. Она вспоминала уютный номер в главном корпусе санатория, бассейн, пляж, залитые теплом улицы, приветливых сотрудников городской юношеской библиотеки, в которой ей так нравилось бывать... Захотелось

туда: в тишину и покой. Женщина понимала: нужно принимать решение, потому что вот-вот начнется распродажа авиабилетов со скидкой и в случае промедления можно остаться ни с чем.

Вопрос отпал неожиданно-негаданно: позвонил Алексей. Сосед по даче, страстный поклонник ее творчества, занимал руководящую должность в крупной престижной организации.

— Галина Васильевна,— Алексей сразу перешел к делу,— я вчера возвратился из длительной командировки и узнал: оказывается, к юбилею нашей организации решили провести литературный конкурс.

— Да? — напряглась она, ожидая, что последует приглашение быть членом жюри, как всегда, за «спасибо».

— Самое главное,— он сделал паузу,— все, кто примет участие, получают премии. А за первые места премии приличные. Я очень хочу, чтобы вы победили. Вам же нужны деньги? Так?

— Так-то оно так,— согласилась Галина Васильевна.— Но,— вздохнув, продолжила она,— наверное, надо написать что-то связанное с вашим производством, а я в нем почти не разбираюсь.

— Об этом не переживайте! Я вам столько случаев из практики приведу, на целый том хватит! — заверил Алексей.— Но всего неделя до окончания приема работ.

— Я согласна! — воскликнула она.

Сумма за первое место, озвученная Алексеем, тянула на книгу и санаторий вместе взятые, за второе — на книгу и на полсанатория, за третье — на книгу. К тому же, судя по информации, конкурс особо не афишировали, а значит, у нее есть шанс победить. Галина Васильевна собралась уже ринуться к письменному столу и творить, творить, но ее пыл остудил Алексей.

— Я положение на электронку отправлю, но есть одна, точнее две загвоздки. Первая — по итогам конкурса будет издан сборник.

— Так это же здорово! — женщина захлопала бы в ладоши, если не телефон.

— Другая: в конкурсе могут участвовать только наши сотрудники.

— То есть...

Бурная радость сменилась разочарованием.

— То есть ты... я... — растерялась Галина Васильевна.

— Вы пишите,— бодро гнул свою линию молодой человек,— а я публикую под своим именем и отдаю вам премию. Десять процентов мне, так сказать, за риск.

— Но это же... Я даже не знаю, как это называется... Обман? — возмутилась женщина.

— Наверное, обман, но подумайте. Я условия отошлю.

* * *

Она прочла полученную информацию несколько раз, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы стать участником конкурса на законных основаниях, может быть, в соавторстве с Алексеем, но тщетно: выхода нет. Точнее, выход есть — воспользоваться одним из неопубликованных рассказов, переработав его, конечно, под требования положения.

Муж Галины Васильевны, узнав о ее страхах, махнул рукой:

— Она еще сомневается! Отдашь Алешке часть своего творчества, потом вставишь его рассказ, точнее твой — Алешкин в свою повесть и издадите вместе. Какие проблемы? Соглашайся! Не твоя вина, что нет у нас в стране такой профессии «писатель», а гонорары платят большие только за всякие ужастики и любовные романы. Алеша дело говорит.

* * *

Спустя две недели на ватсап Галине Васильевне пришло фото: смущенный Алексей с дипломом победителя литературного конкурса и сертификатом на премию. Она ответила на добрую весть смайликом и аплодисментами.

Женщина полагала, что вскоре раздастся звонок от Алексея, но телефон молчал, и на сообщение сосед по даче не отреагировал.

На следующий день муж, сочувствуя ей, мрачно констатировал:

— Похоже, кинул он тебя. Такая нынче молодежь: не задушишь, не убьешь!

Ей не верилось, что Алексей, милый Алексей, который прочитал ее книжки от корки до корки, являлся на презентации с цветами, мог подвести, но получалось, что супруг прав.

Сосед возник на пороге поздно вечером, когда Галина Васильевна, смирившись с участью «обманутого вкладчика», заедала стресс ванильным пломбиром.

— Извините, не звонил в целях конспирации и ждал, пока деньги поступят на карточку.

Он извлек из внутреннего кармана пиджака конверт, торжественно протянул сияющей Галине Васильевне:

— Держите на ваши мечты!

* * *

Получив желанную сумму, женщина без промедления купила авиабилеты, путевку в санаторий и посетила издательство. Тут ее ожидала поначалу, казалось, небольшая проблема: объема рукописи на тот формат, который планировала Галина Васильевна, не хватило. Не понравилось редактору и предложенное писательницей название.

— Куцое оно, ни о чем не говорит! — вынес вердикт опытный сотрудник издательства.

Неприятность произошла потому, что рассказом, который давал название книге, пришлось пожертвовать ради премии.

— Ничего, — успокаивала она себя, — выкрутимся!

Однако работа над новой вещью шла со скрипом. Ей стоило огромных душевных усилий даже садиться за письменный стол. Она несколько раз начинала с чистого листа, перепробовала совершенно противоположные темы, но выходило не то, а повышенную тревожность Галина Васильевна понижала ванильным пломбиром.

Рассказ получился слабенький. И герои, и события были пропущены не через сердце, а через желудок: она с трудом влезала в любимые летние брюки. « — Ладно, — надеялась Галина Васильевна, — на курорте буду фигурой заниматься. Там меню с указанным количеством калорий в каждом блюде, можно строгий учет вести, а пока некогда!»

* * *

Опасение, что ее разоблачат, не давало покоя. Женщина поделилась с мужем, но он рассмеялся:

— Ерунда! Не бояться, а удивляться надо тому, что Алешка так легко за писателя сошел. Инженер до конца ногтей и вдруг — писатель!

Галина Васильевна переменилась в лице при слове «ногтей» и мужу, далекому от литературы человеку, ничего не возразила, хотя знала немало случаев, когда люди из-за ложной скромности или низкой самооценки своего творчества стыдились признаться, что пишут стихи или прозу.

* * *

Заканчивалась вторая неделя отдыха. Галина Васильевна чувствовала себя гораздо лучше: прекратилась бессонница, стали уходить лишние килограммы и мучить сомнения по поводу полученной премии.

Но вот из издательства на электронную почту поступили иллюстрации обложки. Один вариант, другой. Все не то. Впечатление складывалось такое, что художник не потрудился прочитать книгу или понял ее иначе. Уже скоро намеченная дата презентации, а оформление не утверждено.

К Галине Васильевне опять вернулась тревожность, а с нею и пломбир. Во время очередной прогулки женщина заглянула в магазин неподалеку от лечебного корпуса за очередной порцией «Забавы».

— Пожалуйста,— улыбчивая девушка, протянула ей мороженое. Забирая пломбир, Галина Васильевна вздрогнула: у работницы прилавка были красные накладные ногти, на одном из которых поблескивал золотистый миниатюрный мешочек для притягивания богатства.

«К ногтю!» — так назывался рассказ, опубликованный под фамилией Алексея. Яркий ноготок с золотым мешочком еще недавно представляла Галина Васильевна на обложке своей новой книги. Вот образ, вот символ того, о чем она рвалась поведать читателям. Теперь уже этого не случится никогда!

Выйдя из магазина, она опустила на первую попавшуюся скамейку. В глазах стояли слезы, благо, за солнцезащитными очками их никто не видел.

Яков Шафран
(г. Тула)

«ВЕЛИКИЙ» ПОЭТ...

В дверь редакции громко постучали.
— Войдите!
В кабинет, широко шагая, вошел высокий мужчина с седыми волосами и большими залысинами. В движениях его была заметна небольшая нервозность.
— Простите, мне нужен редактор!
— Да, слушаю вас.
— Я хочу опубликовать свои стихи в вашем журнале.
— Хорошо. Пройдите в соседнюю комнату к секретарю, она объяснит, что вам нужно сделать.
— Мг... Что еще я должен сделать, кроме как написать стихи?
— Пройдите, пройдите, ничего сложного.
Когда главный редактор взглянул на посетителя, то увидел направленные на него злые глаза.
— ???
— Я очень занятой человек. У меня вдохновение, стихи сами просятся на бумагу. А вы... к секретарю зайдите. Волокитой занимаетесь! Нет бы, взять и напечатать. Чего проще?
— Верю, ваши стихи хороши. Но у нас такой порядок: секретарь передаст их зав. отделом поэзии, он посмотрит — без его рекомендации мы не публикуем.
— Бюрократы!
— Ну, зачем же? Просто разделение труда.
— Разделение труда... А гонорар за мой труд полагается?
— Наверное, с этого и нужно было начинать... У нашего журнала нет финансирования, поэтому выплаты авторам не предусмотрены.
— Мг... — скорбно вздохнул тот и, презрительно передернув плечами, вышел.

Через некоторое время он вернулся.
— Однако я вам не маленький мальчик!
— Что случилось?
Поэт, не отвечая на вопрос, продолжал:
— Я что вам школьник, желающий прислать стишки на детский конкурс, в условиях которого указано оформить свою детскую рукопись по придуманным взрослыми дядями «правилам»: фото справа, тексты слева, картинки в верхнем углу?!
— Вас смущают правила?
— Я известный в городе поэт, автор многих работ, напечатанных в ряде городских и республиканских журналов и альманахов. И я, должен вам сказать, не просто поэт, а мыслитель. Почитайте мои стихи, они сами за себя говорят!
— Кто вам сказал, что мы не хотим читать ваши стихи? Просто, как я уже говорил, у журнала нет финансирования, и все работники редакции трудятся на добро-

вольной и бескорыстной основе. Поэтому мы просим авторов оформлять свои материалы, чтобы освободить зав. отделами от рутинной работы...

— Я много сил отдаю своему творчеству, поэзии. И она обрела в последнее время самое широкое признание. У меня уже более пятидесяти публикаций в виде подборок стихотворений, причем ни одна не повторяется, все новые.

— Верю...

— И вот я приношу вам,— не слушая, продолжал автор,— на выбор целый ряд подборок моих новых произведений,— заметьте, еще нигде не опубликованных, могущих, без всякого сомнения, произвести впечатление на читателя, а вы предлагаете мне как школьнику оформлять свои тексты по каким-то никчемным правилам,— он поперхнулся, замахал рукой, останавливая собеседника, откашлялся и продолжил: — И, мол, только тогда вы соизволите их рассмотреть!..

— Но подождите, это же пустяки, там нет ничего сложного... Вы же принесли напечатанный материал... Вы сами набираете?

— Да, я сам набираю. Но то, что вы предлагаете мне еще и оформлять, невежливо по отношению ко мне как к известному и уважаемому автору.

— Гм-м-м...

— И это вообще несерьезно. Я нигде еще не сталкивался с этим, ни в каких изданиях и журналах. Вы еще будете просить меня, чтобы я у вас напечатался!..

— Подождите... Скажите, вы печатались в платных изданиях? — и, не получив ответа на свой вопрос, главный редактор продолжил: — А ведь мы даже не познакомились с вами... Меня зовут Олег Сергеевич, а вас?

— Николай Сергеевич,— чуть помедлив и нехотя, ответил гость.

— Скажите, Николай Сергеевич, вы ведь, как поэт, наверное, хорошо понимаете душу людей, сочувствуете им, хотите помочь через свое творчество. Почему же тогда вам так трудно произвести пустячную работу по оформлению своего материала, чтобы напечататься?

— Я не задумываюсь над тем, что вы сказали, тем более помогать... Я не врач, не психолог и не священник, а поэт и пишу о себе, своих чувствах и переживаниях...

— Вы пишете только о себе... Но ведь нынешняя реальность буквально требует прибавить в жизни хоть немного тепла и света...

— У меня талант, я его должен реализовать — это главное! Я не солнце, чтобы греть землю и всех озябших на ней.

— Талант?... Мы еще не читали ваши стихи, но непременно почитаем... Однако хочу заметить вам, что таланта, даже если он есть у поэта или прозаика, мало, чтобы произведение было живым, нужно еще душу вкладывать: сострадать несчастным и радоваться со счастливыми.

— Что же, по-вашему, я должен делать? Сострадать, то есть совместно страдать с умирающими, больными, сумасшедшими и преступниками?! Нет уж! Лучше я буду сыт, жить в довольстве, а мой талант поможет мне изобразить то, что я хочу, без душевного соединения с ними!

— Талант... Вы уже несколько раз произнесли это слово...

— Гм-м...

— Скажите, вот сейчас ведь гонорары — весьма большая редкость, и если даже есть, то очень небольшие они. Ради чего вы пишете?

— Как это ради чего?! Я поэт, и должен печататься... оставить свой след в литературе... мое имя должно звучать и быть известным... Вот вы упомянули о гонораре. Кстати, а у вас бывает он, и если да, то могу ли я получить за публикацию?

— А давайте так: мы вам начислим гонорар, а вы его нам весь и отдадите — ведь вы публикуетесь не ради материальной выгоды, а, как вы сказали, чтобы оставить свой след в литературе!

— Мг... мг... Как вы повернули! Но гонорар тоже не помешает...

— Рано мы с вами, Николай Сергеевич, говорим о публикации. Ваши стихи, как я уже говорил, должен вначале зав. отделом поэзии посмотреть. Не забыли? Поэтому сделайте, пожалуйста, пока то, что сказала секретарь.

— А, понятно! И не подумаю! Вот еще!..— гость, встал и, не оборачиваясь, вышел из кабинета.

— Скажите,— спросил недавно вошедший и присутствовавший при последних фразах, зав. отделом поэзии,— что это за сумасшедший?

— Сумасшедший?.. Это поэт. И он говорит, что его везде печатают.

Сотрудник улыбнулся:

— Я вам верю. А он оставил вам рукопись?

— Нет. Я ведь сказал ему, что нужно оформить по нашим правилам, а он не согласился — ну, вы же слышали.

— Наверняка он печатается в Интернете. Он не давал вам ссылки?

— Не давал, но я запомнил его имя или псевдоним.

Они сели за компьютер, и вскоре на экране увидели лицо недавнего посетителя, а ниже его стихи. «Я легко пишу стихи»,— значилось в небольшом предисловии. В комнате редакции наступило молчание, все сотрудники сгруппировались у компьютера и стали читать.

— Да...— через некоторое время произнес редактор.— Все о себе и о себе.

— И много сбивок ритма. Вот здесь и здесь, и тут! — стал показывать на экране зав. отделом поэзии.

— Боже, а рифмы-то, рифмы! — воскликнул другой сотрудник.— «Моя — всегда», «молва — тетрадь»... Или вот: «малодушно — пусто». Это же нарочно не придумаешь!

— Смотрите, смотрите! — засмеялся главный.— Он пишет о сазане, как о птице! Может быть, фазан?

— А вот еще! — поддержал его поэт.— «На него смотрели два ее синих глаза...» А не правильнее было бы написать: «Он почувствовал взгляд ее синих глаз»?

— Да, и правда, легко пишет...

— Но мы не легко печатаем! — резюмировал Олег Сергеевич.— А говорил — «я известный поэт!..» Известный за деньги. Ведь большинство печатается в журналах и книжки издает за свои кровные, или в Интернете, платя лишь по тарифу. А так можно опубликовать все что угодно. Причем многие так привыкают к таким образом напечатанному слову, что уже и о премиях, и о гонорах помышляют. Вы же слышали?!

— Да... Времена... Я тоже думаю, что его интересует, прежде всего, количество публикаций, а заветная цель — получать гонорары. И он думает, чем больше будет публикаций, тем ближе эта цель. Это «лайковое» сознание: чем больше лайков, тем известнее,— вздохнул сотрудник.

— Точно, точно. А скоро, наверное, за лайки в сети будут давать и что-то типа биткоинов, которые можно будет обменять и на физические рубли, и на любую валюту. Да... растет и крепнет «клипово-лайковая» реальность и завладевает душами даже людей в годах. Но, думаю, в этом нет ничего странного, если у человека с молодости либерастические корни, так тяжело поддающиеся выкорчевыванию... А что вы ему скажете, когда он придет? Придет же, такие ведь занудливы до невозможности,— спросил зав. отделом.

— Скажу, что ваши стихи не подошли.

— Обидится, пасквиль напишет и тиснет за свои...

— Пусть. Уже писали, как говорится, собаки лают, а караван идет!

Все посмотрели друг на друга и дружно рассмеялись. А за окном светило яркое октябрьское солнце, переливаясь золотом на листьях берез.

Михаил Спивак
(г. Виннипег, Канада)

РАССКАЗЫ

Заместитель главного редактора журнала «Новый Свет». Член Союза журналистов России. Автор романов: «Тыловые крысы, или Армейская одиссея Семы Шпака» (2008), «Дебошир» (2010), «Приключения дона Мигеля Кастильского и визиря Иерусалимского в Испании» (2012), «Мужской взгляд на любовь» (2013). В 2010 году стал главным редактором общественно-политической газеты «Перекресток Виннипег», издаваемой в канадской провинции Манитоба. С 2014 года — член жюри Всеканадского детского литературного конкурса «Пишем и говорим по-русски». Автор публикаций и выступлений на канадском радио «Голос Альберты» и «Мегаполис Торонто», неоднократно приглашался в прямой эфир. Лауреат литературных премий: имени Вениамина Блаженного (2015), имени Н. В. Гоголя «Триумф» (2016), имени Григория Сковороды (2016).

ОН СУЩЕСТВУЕТ!

Как-то в школе, вскоре после нового года, я стал свидетелем весьма занятного теологического спора. Мои ученики выясняли, существует ли Дед Мороз. Начало разговора я не слышал, а пришел к эскалации эмоций, когда глаза малышей сверкали, а с губ слетали едкие словечки.

Посмеивалась пятиклассница Мила, доказывая восьмилетнему брату Вадiku, что никакого Деда Мороза не существует. Дети, которые помладше, затаили дыхание, а старшие лезли в спор.

— Это родители подкладывают подарки под елку,— Мила издевательски показала язык.

Вадик погрозил ей кулаком и с гневом отверг нелепые выдумки.

— Ты вообще ку-ку!..— он покрутил пальцем у виска.— Я сам видел, как родители вечером пошли спать. Утром я первым проснулся, и подарки уже были под елкой.

Действительно, весь жизненный опыт второклассника, его логика подсказывали, что кроме Деда Мороза подарки принести некому. К тому же папа с мамой в один голос подтвердили историю о сказочном дедушке.

А главное, письмо! Мальчугану пришлось попотеть, сочиняя послание на иностранном языке (английский стал уже для него родным, а писать приходилось по-русски): «Дедушка Мороз», такими словами начиналось письмо. Букву «а» учительница русского языка старательно зачеркнула и сверху подписала «о».

«Дедушка Мороз! Подари мне пожарную машинку, пжаста». Последнее слово было полностью зачеркнуто, рядом красовалось «пожалуйста» и восклицательный знак. Письмо уложили в конверт и отдали родителям для отправки на Северный полюс заказной почтой.

Сказано — сделано. Первым утром в новом году под елкой красовалась большая радиоуправляемая машина в яркой упаковке. Как тут можно усомниться в магии?!

Вадик сыпал неопровержимыми доказательствами перед сестрой, но она только смеялась ему в лицо.

— Глупый ты еще.

— Это почему я глупый?! — ершился Вадик.

— На ценник посмотри. Игрушка в магазине куплена.

Но на мальчишку этот аргумент не подействовал.

— Конечно, ведь Дедушка Мороз в санях едет по магазинам и покупает игрушки, а потом развозит их детям.

Он сложил руки на груди с таким видом, будто хотел сказать: «Тебе шах и мат!»

— У Деда Мороза нет саней, он не Санта Клаус, и денег у него не хватит, — лениво парировала Мила.

— Ты не знаешь, сколько у него денег!

— А ты маленький и глупенький.

— Сама дура!

Мила звонко засмеялась, колко и язвительно, как умеют только девочки, и прибегла к запрещенному приему — обидной считалочке, которую затила нараспев.

— Там в капусте червячок-червячок, а наш Вадик дурачок-дурачок! — и совсем не к месту: «А в капусте крокодил, снял трусы и проглотил!»

Вся сцена продолжалась несколько секунд. Лицо мальчишки вспыхнуло гневом, подбородок воинственно поднялся. С криками «ты у меня сейчас получишь» Вадик ринулся в бой. Началась потасовка с воплями и визгом. Мне пришлось вмешаться, чтобы положить конец гражданской войне.

Когда страсти улеглись, я пристыдил Милу:

— Зачем ты маленького дразнишь? Сама же еще два года назад верила в Деда Мороза.

— Это я верила?!

— Ну, не я же.

— И не я.

— А кто письма писал, кто мне их на урок приносил?

Мила рассмеялась.

— Мама сказала, что Дед Мороз не приходит к тому, кто в него не верит. Совсем я, что ли, ку-ку, чтобы без подарка оставаться? Я еще во втором классе знала, что родители ночью кладут подарки под елку. Только я никому не говорила, потому что маленьким детям никогда не отказывают; даже если они себя плохо ведут. А потом родители сказали, что праздник для всех детей...

Об инциденте я рассказал после уроков отцу юных спорщиков. Грузный дальнобойщик с обветренным лицом и короткой щетиной, он положил дочери увесистую ладонь на плечо.

— Притворщица! Только изображала «верующую», а когда поняла, что подарки причитаются даже «атеистам», не стала притворяться. Вот жулье растет, — сказал он не без удовольствия и гордости. Наверное, увидел в собственном ребенке те качества, которых сам был лишен.

Однако он предупредил, чтобы сыну праздник не портила. Иначе добрый «дедушка» в его лице станет суровым.

— Я хоть саней с оленьей упряжкой не имею и в печные трубы нырять не могу, но если пообещал наказать, то так и сделаю.

По глазам было видно, что в это обещание девчушка поверила с первого раза.

— А сын, — мужчина повернулся почему-то ко мне, — пусть верит в красивую

сказку, пока маленький. Главное, чтобы повзрослев, он избавился от наивных фантазий и слепой веры в чудеса.

Дети козлятами прыгали вокруг отца, тянули его за руки.

— Хотите чуда?

— Хотим, хотим! — наперебой закричали они.

— Приготовьтесь, — он сделал волшебные пасы руками. — Мы едем в Макдональдс!

— Ура!

Забывшие теологические разногласия дети сорвались с места и пулей побежали к выходу, а сзади вразвалочку шел «Дед Мороз», крутя на пальце брелок с ключами от тяжелого грузовика.

ТРЕНАЖЕР

Уже за тридцать Зоя поняла, что молодость не вернуть. Нужно бороться и терпеливо ее остатки лелеять. Особенно следить за фигурой, которая вдруг от обилия сладостей поплыла, а кое-где — в самых когда-то прекрасно волнительных для мужских глаз и рук местах — стала покрываться «апельсиновой коркой». Зое казалось, что на пляже отдыхающие посматривают на ее чуть раздавшиеся бедра с порицанием: мужчины без интереса отворачиваются, прикованные вниманием к более стройным девушкам, а женщины высокомерно переглядываются и даже ничуть не ревнуют своих благоверных. И тогда Зоя твердо решила: никаких лишних калорий и смертный бой целлюлиту!

Диеты и раздельное питание на кухне. Фен-шуй в спальне. Крем для похудения в ванной. Борьба велась по всем направлениям.

Муж Виталий пытался, двигая мебель, и уже неделю (вынужденно за компанию) давился сельдереем. Его робкое: «Поджарь мне отбивную с картошкой!» было воспринято в штыки. Слова не мужа, но мальчика, выглядели предательством в битве за красоту. Малодушие грозило отлучением не только от стола, но и от постели. Хотя последнее от обилия петрушки и сельдерея само собой отодвинулось на второй план, не выдержав борьбы со спазмами голода.

Виталий тщательно всматривался в стройные ноги жены и плоский живот, не находя там ничего даже отдаленно напоминающего уродство. Зоя выглядела идеально, женственно, она была совершенством, но переубедить ее Виталий не смог. Вместо любовного поцелуя за оду ее очарованию, он оказался «слабовольным подхалимом, готовым изменить общему делу за сытную похлебку». Попытки уговорить жену — «ты действительно прекрасна» — только добавляли негатива. Она топала ножкой и роняла слезу: «я толстая, как чушка!»

В двадцать три года Зоя весила на целых два килограмма меньше. Как можно было не заметить «такие ужасные отложения», как?!

Муж как всегда оказался виноватым.

— Если бы ты следил за собой, то и мне бы не позволил распуститься!

Виталий действительно каждый год семейной жизни набирал по килограмму, и за десять лет наел солидный «мозоль». Теперь он молча, как грустная корова, хрустел зеленью, понимая, что семейная жизнь дала трещину. Если уж Зоя что-то вбила себе в голову...

Через неделю она записалась в фитнес-центр. Стройные мужчины-легкоатлеты и мужчины с огромными бицепсами и с железобетонными торсами теперь обращали на Зою внимание, шутили и заигрывали. Виталий в этом не сомневался. Он сам одно время ходил в «качалку», еще до женитьбы. Надолго его не хватило, но впечатления

остались. От обилия вокруг стройных, подтянутых женских фигур можно было заработать косоглазие. Теперь он стал ходить вместе с женой, оберегая от потенциально навязчивых поклонников.

Возможно тем бы история закончилась. Через неделю Виталий планировал поехать с Зоей на Алтай, насладиться красотами природы в компании любимой жены. Эта поездка стала бы важным шагом к примирению супругов.

Мечты остались мечтами. Не спросив разрешения, Зоя истратила деньги на велотренажер: многофункциональный, с USB-интерфейсом и четырьмя встроенными программами, мониторингом и анализом физической активности.

— Правда, он симпатичный? — сияла улыбкой Зоя и гладила светящийся дисплей. — Папочка у нас теперь станет стройным и красивым.

Виталий остолбенел.

Покупку поставили в спальную комнату, чтобы не портить интерьер зала. Сказать, что Виталий отнесся к подарку прохладно, значит, не сказать ничего. Лучше бы Зоя забыла о дне рождения мужа. Подарок она сделала себе.

— На нем ты больше времени проводишь!.. — язвил Виталий.

И наткнулся на обидный ответ:

— Мне он больше удовольствия доставляет.

Отношения в семье стали отчужденными и холодными. Скрипя от злости зубами, Виталий просыпался под монотонное жужжание педалей, и засыпал под них же. Он ненавидел проклятый велосипед, на который постоянно наткнулся спросонья. В попытке сохранить семью, Виталий порывался продать, а затем кому-нибудь подарить «Колю» — так жена почему-то стала называть тренажер. Виталий старался выяснить был ли в прошлом среди Зоиных поклонников Николай, но так ничего и не узнал.

— Не смей продавать Колю! — возмутилась Зоя коварным планам супруга. — Это мой подарок.

Виталий поморщился. Он давно забросил сельдерейную диету, но готов был снова питаться травой, только бы избавиться от «драгоценного Коленьки».

Сам он скрипучего надоеду прозвал «педальным животным». Мысленно разговаривал с ним на повышенных тонах и даже угрожал ему.

Впрочем, в скором времени Виталий осознал свою ошибку, подружился с Колей и более того, проникся к нему искренней симпатией. Случилось это, когда Зоя уехала на праздники к маме. Поначалу Виталий лелеял тайный умысел: разобрать механизм и вывести какой-то блок из строя, а потом удивленно гнуть брови, дескать, я тут не при делах. Жена все равно доказать ничего не сможет.

«Теперь ты в моей власти!»

Виталий рассматривал тренажер со всех сторон, как забойщик обреченную на смерть скотину. В одной руке «убийца» держал крестовую отвертку, в другой — разводной ключ.

«Посмотрим, что у тебя внутри, — он замялся. — Как твой корпус разбирается?»

Действительно, начальнику отдела маркетинга, человеку далекому от техники, не так легко справиться с полностью скрытым механизмом. Велотренажер будто смеялся в ответ, поблескивая литыми (а может быть, штампованными?) частями кожуха. Открутить сиденье или снять электронику — не вариант. Сразу раскроется злой умысел.

Виталий поскреб затылок. Ревновать жену к бритому качку из спортзала, это полбеды. Но ревновать к велосипеду... Есть в этом что-то противоестественное. Хотя почему? Женщины ревнуют своих мужей к компьютеру. Танки им видите ли не нравятся. Хорошая игра. Не слишком интеллектуальная, но все не глупее велосипеда. От хаоса мыслей Виталий вспотел. Скинул рубаху и машинально повесил на руль.

Зазвонил телефон. В трубке послышался взволнованный голос шефа. Контракт горит, клиент нервничает. Имеется реальная опасность не получить своевременную по договору выплату. Праздники отменяются. Нужно срочно ехать и сладкими песнями ублажать клиента: все хорошо, прекрасная маркиза!.. Виталий повесил трубку. Скинул домашние шорты на сиденье тренажера. Облачился в стильный, подходящий моменту сладкопения костюм, поправил галстук и выскочил за дверь.

Домой он вернулся под вечер уставший и голодный. Лениво посмотрел на крестовую отвертку и разводной ключ. Казнь велосипеда откладывалась на завтра. Галстук Виталий повесил на руль с левой стороны, убрав оттуда футболку. Рубаху и пиджак повесил справа. Брюки перекинул через сиденье. Удобно. Не надо лезть в шкаф, вешать на плечики. Все под рукой.

«Хм...— подумал Виталий,— какая полезная многофункциональная вещь».

Носки он разместил на педалях. Вот, теперь в спальне полный порядок.

«Ты, Колян, не сердись на меня, что голову хотел тебе свернуть. Зойка все нервы вытрепала. Нормально жили, любили друг друга. Нет, какая-то подруга-дура ей сказала про целлюлит, и как вожжа под хвост попала!»

Коля понимающе мигал электронным дисплеем. Германский дизайн, продуманный до мелочей. Развесить на нем можно половину гардероба, и брать удобно. Угодила Зоя с подарком, пусть и непреднамеренно. Виталий кинул футболку на дисплей и впервые за несколько месяцев безмятежно уснул.

Праздники промчались быстро, а с ними улетучилась и размеренная жизнь.

— Коленька, что с тобой сделал этот изувер?! — в ужасе воскликнула Зоя и строго подступилась к мужу. — Ты зачем достал свои вещи из шкафа?

— Отсюда их удобней брать, — честно ответил Виталий.

— Немедленно убери назад!

— И не подумаю.

— Тут им не место.

— А по-моему, самое то.

— ...и заниматься мне мешают!

— Велосипед мой. Ты его подарила мне на день рождения. Использую, как хочу.

Майки и рубахи полетели на пол, и остальной гардероб следом. Педали снова зло жажужжали. Это был вызов. Впервые за все годы брака Виталий пошел на принцип. Он рывком распахнул створки платяного шкафа, и к куче его рубаш на полу добавились платья и блузки жены.

Слезы, упреки, обиды. Всю следующую неделю супруги не разговаривали. Перемирия не получилось ни через неделю, ни через месяц. Зоя по привычке давила и ждала извинений от Виталия, но терпение мужа лопнуло. Жена, сама того не замечая, переступила его болевой порог. Теперь никто не хотел уступать. Тренажер окончательно стал яблоком раздора. Муж упорно развешивал на руле свои майки. Жена их с таким же постоянством швыряла на пол, а потом собирала свои раскиданные по дому платья. Холодное отчуждение быстро сменилось жаркой ненавистью.

— Живи со своим велосипедом!

Впервые Зоя, уходя жить к матери, назвала тренажер не по имени.

Время шло, страсти постепенно улеглись. В спортзале Зоины ухажеры оказались в основном женатыми, а все шутки и подмигивания так и остались веселыми разговорами. В душе поселилась тоска. После работы душу царапало одиночество. И уже снова хотелось с мужем на Алтай.

Зоя забросила спорт, набрала свой прежний вес и еще два килограмма сверху. С тоски она стала заглядывать на сайты знакомств. Никому не отвечала, только смотрела. Была уверена, что там либо сексуальные извращенцы, либо женатые мужчины,

которым скучно. А в один из дней она наткнулась на знакомую фотографию. Ее собственный муж (они так и не оформили развод) улыбался, оседлав велотренажер. Зое стало обидно и больно. Волна противоречивых чувств нахлынула на нее. Как он мог?! Он совсем не страдает? Это казалось самым обидным. Зоя захлопнула страницу сайт. Она уверяла себя, что является жертвой мужской черствости и непонимания. Такой спутник ей не нужен!

Через неделю Зоя снова заглянула на сайт. Просто посмотреть на фотографию... Еще через три дня она робко в письме спросила: «... ты уже себе кого-то нашел?»

Ответ пришел в тот же день: «нет и не ишу... профиль давно создал и забыл закрыть».

Ни единого намека на примирение. Зоя подождала день.

«Как настроение?»

«Не жалуюсь».

Виталий оставался лаконичным.

«Ему хорошо без меня? Наши отношения ничего для него не значили? — думала Зоя. — Дурацкий повод для ссоры. Хочу помириться. Только пусть он первый предложит».

Еще через два дня: «Чего не пишешь?»

«О чем писать?»

Зоя набралась смелости, вспомнив, что сама стала причиной разлада в семье. Ей понадобились еще несколько дней, чтобы признать этот факт для самой себя.

«Я соскучилась...»

Ответ не заставил себя долго ждать. Она боялась открыть письмо, вдруг там обидный отказ! Лучше утром прочитать. Но сон не шел. Зоя села к компьютеру.

«Зла не держу и всегда рад тебя видеть,— писал Виталий.— Приходи. И Колян обеими педалями за».

Больше Зоя не волновалась за лишнюю пару килограммов. Она надела короткую юбку и плотно облегающие лосины, демисезонные сапожки на каблучке и легкий белый свитер. Просто и со вкусом, как любил Виталий. К счастью, разлука не была слишком долгой и чувства не успели совсем забыться.

— Ты стройнее стал,— заметила Зоя и спросила с легкой ревностью в голосе.— Снова стал ходить в спортзал?

Она вспомнила, как обращают на себя внимание мужчины, переполненные тестостероном. Представила мужа, любезного с молоденькой девушкой. Но Виталий хитро подмигнул Зое, взял ее за руку и повел на балкон. Там стоял новенький спортивный велосипед.

— Езжу, когда погода позволяет, а в остальное время хожу быстрым шагом в парке по два-три часа в день. Сплошная экономия и для здоровья на свежем воздухе полезнее. Не ради красоты, а чтобы чувствовать себя лучше.

Последние сомнения исчезли. Зоя игриво взглянула мужу в глаза. Виталий помнил значение ее томного, с лукавым прищуром взгляда. Второго приглашения Виталию не потребовалось. Зоина кофточка повисла на руле тренажера... Полезная, все-таки, в быту вещь. Мир был восстановлен.

А «Колу» затем подарили тестю Виталия. Ему доктор кардионагрузки прописал.

Елизавета Волынская
(г. Щекино)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

*Ученица средней школы № 11, корреспондент молодежной газеты «Бумеранг»,
внештатный сотрудник газеты «Щекинский вестник».*

Зима наступила неожиданно. Еще вечером землю покрывали лишь жесткие комки грязи и старый истерзанный ковер увядших осенних листьев — и вдруг сверкающий белизной и чистотой первый снег. А солнечные зайчики тем временем весело скакали по высоким снежным сугробам, многократно отражаясь от искрящегося зимнего полотна, скользили по оконным стеклам и, проникая в детские комнаты, начинали весело плясать по стенам, полу и потолку. Возмущенные таким озорным поведением природы родители забегают в детские комнаты и поплотней задергивают шторы, что бы предотвратить преждевременное пробуждение своих чад. Но уже поздно, и как только мама выходит из комнаты, на лице малыша расцветает победная улыбка, а огромные озорные глазки открываются. Под ненавязчивые протесты родителей малыши бегут на улицу, навстречу первому зимнему снегу. И трудно найти на свете минуты радостней, чем лепка первого зимнего снеговика. Веселого и смешного, с глазами угольками и носом из оранжевой морковки. Холодного, но с теплой улыбкой.

Однако есть малыши необычные, которые снег вовсе и не любят. Живут они в подвале дома, прямо под обычными малышами.

Одного из таких необычных малышей звали Пик, и был он по собственному мнению совсем не малыш, а серьезный и самостоятельный кролик. И пусть лапки его были до смешного маленькие, и весь он сам так же был удивительно мал и забавен, это не мешало ему мнить себя величайшим из всех, когда-либо существовавших, кроликов.

Пик вместе с другими кроликами жил в подвале большого и красивого дома на окраине какой-то деревушки, название которой мало кого волновало, кроликов уж тем более. Они просто жили в свое удовольствие. Грызли капусту и травку, которую воровали для них с огорода соседи, жившие наверху, дети. Родители частенько ругались на своих маленьких за то, что они таскают еду для кроликов, но ругались как-то по-доброму, и никогда не наказывали их, и дети продолжали таскать снова. Иногда они приносили рваные пуховые подушки, больше непригодные для людей, но зато подходящие кроликам, для того что бы маленьким крольчатам было теплее. Словом, жили кролики в уюте и спокойствии.

Пик родился в большой семье, собственно, все кроличьи семьи были большими, однако семья Пика даже среди кроликов считалась большой. И пусть Пик и был, по своему мнению, давно уже состоятельным и взрослым кроликом, нюх на сладенькую,

сочную морковку был у него отменный, и едва почуяв ее запах, он самый первый вылезал из норки и бежал искать угощение.

Итак, одним ясным светлым утром, разбуженный зимним солнцем Пик, важно заложив за спинку маленькие лапки, направился на прогулку вокруг дома.

— Фу, этот снег, до чего противное явление природы,— рассуждал он.— И что хорошего может получиться из снега, ну ничегошеньки, ровным счетом. И почему это дети так любят его. Тьфу ты гадость какая, она еще и глаза слепит,— после темноты подвала свет зимнего солнца, многократно отраженный в снежинках, нестерпимо слепил ему глаза.

Так думал Пик, семена маленькими лапками по сугробам.

— Ай, как холодно. Решительно, маленькие кроличьи лапки совершенно не пригодны для беготни по жгучим холодом сугробам. Ох, уж этот снег, была бы моя воля, я бы...— Внезапно маленький, чуткий носик уловил знакомый, сочный запах.— Морковка! В сугробе... Быть этого не может!

Яростно работая лапками, Пик побежал вперед на запах угощения. Тщетно он старался заставить себя держаться гордо и степенно, запах морковки манил его как малыша, и он повиновался. Да, это был не мираж. На вершине холмика, прямо из сугроба торчала оранжевая, ароматная морковка.

— Ах... вот повезло так повезло.

Кролик сбежал вверх на холмик и радость его мгновенно пропала. То, что издали казалось просто бесформенной кучей снега, на самом деле было достаточно аккуратно слеplенным снеговиком с глазами угольками и глуповатой улыбкой. Снеговик стоял гордый и красивый с высоко вздернутым морковным носом.

— Еще бы не задирать ему нос, когда он у него такой замечательный,— подумал кролик, злобно потопывая маленькой лапкой по снегу.— И как бы выкрасть ее теперь — эту чудесную, удивительную, идеальную морковку, по-хорошему он ее конечно не отдаст.

А морковка действительно была замечательная. Длинная, ровная и правильная со всех сторон, удивительно насыщенного красно-оранжевого, немного розоватого цвета с острым кончиком. Самая лучшая на свете морковка.

— И не жалко было глупым детям тратить такую превосходную морковку на какого-то снеговика, ведь они могли ее отдать кроликам, им-то она, конечно, нужнее.

Пик рассерженно скакал вокруг снеговика, не решаясь подойти к нему. Морковка манила его своей сказочной красотой, но страх услышать отказ не позволял подойти ближе.

— Ну, в конце концов, я — взрослый уже кролик, почему же трепещу как крольчонок перед каким-то несчастным снеговиком?!

Пик выглянул из-за холма. Снеговик стоял гордый и безмятежный. Его снежная кожа ласково искрилась на зимнем солнце.

— Тьфу ты, так и светит, глупый, снежный ком,— Пик рассерженно притопнул лапкой и выскочил из-за холма.— Эй ты...— собственный голос вдруг показался ему до глупости детским и писклявым.— Да ты пустоголовый!

Снеговик удивленно скосил на кролика глаза уголечки, наклонить голову он не мог, ведь у него не было шеи.

— Эй! Почему так грубо? — спросил он.

Пик заговорил звонким, снежным голосом, похожим на звуки колокольчика:

— Дайка мне свою морковку.

— С какой стати?! — теперь звонкий голос снежного гиганта звучал возмущенно.

— С такой, что тебе она вообще ни к чему.

— А тебе зачем?

— Да как тебе не стыдно, глупый ты снежный шарик, кроличье семейство голодает, нашим детям не хватает еды, в то время как такие как ты так нагло и нерационально используют ресурсы.

— Ты говоришь глупости. С этого холма я видел своими глазами, как дети притащили целый ящик сочной морковки в ваш подвальчик.

— Наглая ложь! — вскричал Пик. — Мы голодаем!

Снеговик усмехнулся.

— Иди-ка, поищи морковку в другом месте, а эта останется при мне.

— Вот есть же на свете бесчувственные существа. Хотя, что и говорить, ведь ты слеплен из холодного снега. Чего еще ждать от тебя?! — пробурчал Пик и гневно поскакал к своему подвалу.

— Ты создан из плоти и крови, однако злости в тебе едва ли меньше, — тихо и печально прозвенел снеговик. Его явно обидели грубо брошенные слова неразумного кролика. — Нет, не отдам я ему свой носик, — секунду заколебавшись, пробормотал он в след убежавшему по снегу кролику.

Кролик скакал быстро, взрывая за собой пушистые снежные сугробы. Едва приблизившись к темной норке входа, он вдруг заметил беспокойно скачущую у подвальчика из стороны в сторону знакомую круглую фигурку. Фигуркой оказалась проворная, пушистая крольчиха, Розы, сестра Пика. Завидев брата, она востропала и стремглав бросилась ему навстречу.

— Ох, снова эта глупая крольчиха, — подумал Пик и поморщился, — все чувства у нее напояз.

Вообще-то Пик очень даже любил Розы, хотя и старался не показывать этого, особенно при детях и других кроликах, но уж очень терпеть не мог, когда она вопила. А маленькая крольчиха действительно любила повопить, и когда начинала, то остановить ее было уже невозможно.

— О-о-о, Пик, я как раз поджидаю тебя, — заверещала Розы и весело забарабанила задней лапой по снегу, поднимая в воздух тучи снежинок.

— Неужели?! — раздраженно отозвался Пик и степенно двинулся к дому. Розы весело поскакала за ним, она совершенно не замечала равнодушие брата и была все так же весела и безмятежна, как солнышко в самый ясный зимний денек.

— О-о-о, Пик, ты представляешь, такое чудо! Дети! Они притащили сегодня так много морковки, целый ящик. Самый огромный из ящиков. Такой огромный, я и помыслить не могла, что бывают такие огромные ящики. И ты знаешь, милый мой дружок, он до краев наполнен морковкой. Удивительно вкусной морковью. Бежим быстрее, братишка, бежим! — зайчиха обогнала Пика и, заливаясь смехом, поскакала вперед, взрывая за собой сугробы. — Морковь...

Пик равнодушно спустился домой. В самом деле, глупая крольчиха была права. Посреди подвальчика действительно стоял ящик самой настоящей моркови. Кролики возбужденно толпились возле него, шуршали и ругались. Каждый хотел ухватить кусочек побольше. Однако большого смысла в этом не было. Морковки было столько, что кролики могли питаться ею до отвала всю зиму, выбирая при этом самые лакомые кусочки.

Пик взглянул на морковь, и ему стало тошно. Нет, это совсем не та чудная морковь, какую он видел у снеговика. Та другая! Неповторимая, самая лучшая. Наверняка самая сладкая на свете морковь.

— Я должен. Я должен заполучить ее. И только ее. Эта морковь не годится, — сказал он, и важно заложив маленькие лапки за спинку, отправился обдумывать план похищения самой лучшей на свете морковки.

Следующим утром Пик встал очень рано. Едва солнце зарумянило розовыми лучами вчерашний первый снег, как он уже скакал в горку, чтобы осуществить свой коварный, но по-кроличьи простой план. Пик хотел попросту украсть морковку. Рассчитывая на крепкий сон снежного гиганта, он планировал тихонько подобраться поближе и, подпрыгнув, выхватить морковку из снежной головы. Однако и снеговик был не так прост, как хотелось бы Пику. И когда величайший из кроликов поднялся на горку, то обнаружил, что снеговик совсем и не спал. Его маленькие, черные глаза-уголочки приветливо светились. Он широко и глуповато улыбался, как и положено снеговика.

«Вот глупый снежный монстр», — раздраженно подумал Пик.

— Ах, это снова ты, маленький кролик, — словно подслушав его мысли, проговорил снеговик и улыбнулся. — Я вот проснулся только что. Прекрасная погода, не правда ли? Морозно!

«Только что проснулся, говоришь»?! — подумал Пик злобно. — Значит завтра стоит прийти еще раньше и тогда план будет осуществлен. Посмотрим, чья возьмет, — пробормотал Пик вслух и поскакал обратно к норке.

На пороге его вновь встретила Роза.

— Пик, ты представляешь... — заверещала она, но Пик даже слушать ее не стал и неприветливо проскакал мимо.

— Чем бы занять себя? — подумал он, слоняясь из угла в угол. — Перекусить быть может?!

Но нет, у Пика совсем не было аппетита. Он грезил о заветной морковке. Думал, как схватит ее, как вопьется зубами в ее оранжевую мякоть, как ощутит во рту ее сочную свежесть! С этой мыслью Пик заснул и проспал весь день. Он встал рано, когда еще не расцвело. Лишь фиолетовая полоса пролегла на горизонте и зазолотилась на крышах высоких соседских домов. Пик бесшумно поскакал на холмик на встречу с неприятелем, надеясь застать его врасплох. Но вот сюрприз, снежный гигант опять бодрствовал и его темные глаза-угольки светились сегодня даже еще ярче.

— Вот подлый, ледяной чурбан! — выругался Пик и вновь ускорился домой. — Ну, ничего, я встану еще раньше, должен же он хоть когда-то спать?!

Так прошло несколько недель. Каждое утро, едва-едва забрезжит полоса рассвета, как Пик бегал на заветный холм. И каждый раз возвращался ни с чем. Он сильно исхудал за эту зиму. Некогда упитанный кролик превратился в свое жалкое подобие. В кроличью шкуру, натянутую на кости. Как будто чучельник сделал из его остатков искусное чучело. Удивительно, как сильно меняет страсть получить что-то большее, чем ты имеешь. Пик практически сошел с ума. В его некогда мудрых глазах засветилось безумие, носик нервно дергался на худой изможденной мордочке. Он вечно бормотал что-то о чудесной морковке, растущей прямо из сугроба. Бывало, ночами он громко стонал, и даже плакал, умоляя принести ему морковь из сугроба. Другую морковь, он и видеть не хотел; только ту — самую заветную! По ней ныло его маленькое кроличье сердце, страсть и жажда прогрызли в нем дыру, и оно плакало и страдало.

Часто Пик представлял жестокую расправу, которую учинит он над снеговиком, как только заполучит заветную морковку. Особенно часто случалось это, когда измученный темными, безморковными ночами Пик заступал на дежурство, следя, когда заснет его холодный враг, чтобы выхватить из его головы то, о чем он грезил столько дней.

Но снеговик, казалось, никогда не спал. Ночами он любовался звездами, их нежным, холодным и приветливым сиянием. Так же светились его глаза-уголочки. Днем с ним играли детки, а по вечерам и по утрам он любовался пурпурной зарей. Жизнь его

была насыщена событиями. Он купался в дружбе и любви, и постоянно улыбался всем, кто смотрел на него. Даже Пик у улыбался, однако, кролик не замечал в снеговике ничего, кроме его чудного носа, которого, по мнению самого кролика, снеговик был не достоин.

Так прошло много-много дней. И неожиданно наступила весна. Почти так же неожиданно, как когда-то зима. Вдруг сжался на холмике снег, словно вату облили водой. И запели птицы, и кролики все чаще стали выбираться из своего подвальчика, посмотреть на божий свет, и искупаться в первый лучах весеннего солнца.

Поначалу и снеговик наслаждался чудной природной магией, творившейся вокруг, а потом вдруг резко погрузился. Весь он сжался, располнел и растекался. Вжал помельчавшую голову в некогда могучее снежное тело. Отекшие ноги уже не могли удержать его. Улыбка размылась, и глаза-уголочки смотрели теперь грустно, неприветливо. Лишь морковка осталась та же самая. Замечательная, идеальная морковка. Возбужденный весенним переполохом Пик теперь все чаще и чаще приходил на холмик посмотреть на нее. По правде говоря, он уже давно забыл, какая на вкус морковь. Последние несколько месяцев он жевал лишь ботву, да вялую капусту, к морковке он даже не притрагивался и все грезил об идеале.

И вот однажды в особенно теплый день Пик выскочил на холмик и не узнал его. Он словно бы стал меньше и вместо холодной, белоснежной ваты здесь теперь влажно блестела черная земля, сквозь которую пробивались молодые зеленые травинки — первые подарки весны.

А снеговик умирал. Он уже даже не сидел, а лежал на еще холодной и мокрой земле и по его грязному телу катились в землю прямо к траве капельки талого снега. Его некогда приветливый рот, почти совсем размылся, уголки губ опустились, как у грустного клоуна в цирке, а глаза разъехались в стороны.

Пик вздрогнул. Холодок ужаса пробежал по его шкурке. Увидев знакомого кролика, снеговик попытался сотворить на своем лице некое подобие улыбки, однако даже это не получилось у него. Он долго охал, силясь произнести что-то, но голос не повиновался ему. Пик стоял застывшим от удивления и страха, его маленький хвостик предательски подрагивал. Впервые он видел своего врага поверженным, лежащим на черной земле и испускающего последние силы. Казалось, всего-то один - два прыжка до заветной цели. Той цели, к которой он шел столько недель, ради которой морил себя голодом и ради которой проводил холодные ночи у заветного холма. Но он не мог, не мог сделать ни шагу к врагу, лежавшему у его ног. Пик отступил, впервые за три месяца. А снеговик вдруг приподнялся. Он вновь заохал, в ответ ему зачирикали в еще не покрытых зеленью кустах птицы. Снеговик напрягся, и на лице его появилась слабая, едва заметная улыбка.

— Сюда...— пробулькал он, уже почти полностью растекаясь.

Пик огляделся и неуверенно шагнул вперед.

Снеговик качнул головой, и к ногам Пика упала, словно яблоко с дерева, заветная морковка.

— Возьми дружек, она мне больше не нужна.

Пик задрожал, он хотел сказать снеговiku что-то доброе, что-то ободряющее, но у него не получалось.

— Спасибо,— хрипло прошептал он и отвернулся. Ему хотелось посмотреть на снеговика, взглянуть в последний раз в его дружелюбные, блестящие глаза, но когда он повернулся, снеговика уже не было, лишь два уголочка плавали в мутной воде, которую жадно всасывала в себя земля, и розово-оранжевая, как закатная полоса, морковка лежала у ног победителя. Пик поднял ее с земли. Она еще хранила в себе нежный зимний холод.

«Красивая какая... вкусная, наверное»,— подумал Пик и в ту же минуту за его спиной возникла Роза.

— Поделишься? Я делилась с тобой, помнишь? — спросила она.

— Нет, я ее верну снеговика,— грустно вздохнув, ответил ей Пик.

— Но его же нет, он растаял,— удивилась Роза, указывая лапкой на лужицу, оставшуюся от снеговика.

— Он вернется, я это точно знаю. На следующую зиму он к нам обязательно вернется! Я верну ему его морковку, и мы с ним станем настоящими друзьями! — ответил Пик и улыбнулся. Он был рад такому своему решению.

А в безоблачном голубом небе, переливаясь радужными огнями, весело светило яркое весеннее солнышко. Оно ласкало кролика теплыми лучами и радовалось вместе с ним тому, что он стал лучше, стал добрее и терпимее. Радовалось тому, что, когда вновь наступит зима, снеговик не останется один, и не будет скучать в холодные зимние ночи, потому что отныне у него появился настоящий и верный друг, и имя ему — Пик.

Ольга и Наталья Артемовы
(п. Медвенка, Курская область)

ОБМАН

Наши постоянные авторы, лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Она стояла во Всемирном музее древностей наряду с другими малоинтересными экспонатами: костями каких-то мастодонтов и медленно умирающими мумиями египетских царей. Ее страницы были девственно чисты: никогда ни единый человек не прикасался к ним. По странной насмешке судьбы последняя на земле книга была напечатана там же, где в неправдоподобно давние года заработал станок Гутенберга, в Майнце. Ее издал на собственные средства какой-то свихнувшийся на культуре промышленник уже после того, как вышел мировой закон, запрещающий бумажные издания. Богатея принудили выплатить разорительный штраф. Книгу изъяли — и вот она, выставлена на всеобщее обозрение, как какая-нибудь девка, прикованная к позорному столбу.

«Сколько же вокруг психов!» — скрипел старейший смотритель музея Джек Андерсен, думая о свихнувшемся меценате, выбросившем деньги на ветер — несколько листов, покрытых так называемой типографской краской, дурно пахнущей, некрасивой смесью. «Как все-таки не экологично, по-варварски жили наши фатеры», — кривился Джек. Не все, конечно. Лично его фатер не прочел в жизни ни единой книги. И ни капельки об этом не жалел. Он и сыновьям запретил забивать крепкие головы всякой чушью. «Бумажная дурь расшатывает нервы», — изрекал красномордый фатер. И Джек нервы себе не расшатывал. Он прожил спокойную жизнь.

Но сейчас в долгие ночные часы музейного бдения его почему-то все время тянуло к монитору, на котором застыла последняя бумажная книга в истории человечества. Под крепчайшим орехом стекла нового поколения она ощутимо томилась одиночеством, и Джек испытывал нечто вроде ответной тоски.

Однажды он не выдержал. Спустился вниз и боком приблизился к книге. Кашлянул. Оглянулся воровато: нет ли свидетелей того, что он на старости лет собрался забивать себе голову дурью, как какой-нибудь мальчишка или псих? Но не было поблизости никого. Только мастодонты с бессильной свирепостью пялили пустые глазницы, да сквозь маски египетских царей проступала не стертая смертью тонкая ядовитая ненависть. Джек хмыкнул, подкрался к стеклянному ореху ближе и одним глазом вкось уставился на испрещенный оспинами букв лист. Минуту он напряженно вчитывался. На его здоровой лысине даже выступили пятна противно пахнущего пота. Но вот Джек отвалился от стекла, как взявшая свое пьявка, и пренебрежительно выдохнул. Как и говорил фатер: ерунда! Чушь собачья! И надо ж было выкинуть такие деньжищи на жалкое фарисейство! Так ведь кто-то же его еще и писал! Расшаты-

вал свои нервы! Разочарованный Джек отошел. Он тяжело вздыхал, усаживаясь в привычное кресло и присасываясь к бутылке с водой, которая рекламировалась как очищенная от всех вредных примесей. Потекла невыносимо длинная ночь.

«Негодяйка», — процедил Джек, посматривая из-под кустистых бровей в монитор с книгой. Она обманула его. Правильно сделали, что заключили ее в карцер из непробиваемого стекла. Там вонючке самое место. Какая ценность в этой заплесневелой истории?! Тяжелым слогом злой дух уговаривал такого же, как Джек, старикана отдать ему душу за исполнение любого желания. Смотритель хмыкнул: великая мудрость! Эту мудрость он каждый день видит и слышит с завлекательных уличных экранов. «Купи меня!» — просит какое-то страшно древнее вино. «Возьми меня!» — подмигивает красotka, отставив тугой зад. И на каждом углу разного рода дельцы уговаривают каждого возлюбить себя самого как бога. Будто на это нужны лишние уговоры! Великая мудрость! Вот его фатер был, действительно, мудрым человеком, говаривал: не расшатывай себе нервы. И Джек не подкосил свое здоровье.

Несколько ночей смотритель не думал о книге. Но однажды в особенно томительную смену его взгляд опять упал на нее и словно прилип. Джек старался думать о чем-то ином, здоровом: концентрированном супе, например, который он примет после утомительного дежурства, но мысли вновь и вновь возвращались к призывно распахнувшей свои объятия негодяйке. «Она меня завлекает», — думал Джек и показывал книге кукиш. «Ишь, чего захотела, чтобы я прочитал тебя. А как я, спрашивается, это сделаю, если ты под колпаком?» — бубнил старик. Нет, он, конечно, может его открыть, он знает, как это сделать. Но не сделает. Никогда. Зачем, спрашивается, рисковать ему тепленьким местечком ради каких-то неаппетитных бредней?

«Не буду я рисковать», — кричал Джек, вдруг обнаруживая себя в опасной близости от негодяйки...

Ее листы отозвались сладострастным шуршанием. Время тут же побежало вскачь, прыжками. Сердце старика нехорошо екало от страха. И хотя он знал: никакое начальство сюда среди ночи не явится, чтобы застать его на месте преступления — нервы расшатывались. А из-за чего? «Все ложь!» — удовлетворенно подытожил Джек, возвращая книгу на место. Ну, понятно! Старик попросил вернуть ему молодость. Эка, мудрость! Можно подумать, от перемены мест слагаемых поменяется что-то в жизни или в тебе самом. Джек тоже был молодым. Да-а-а. Но он не может сказать, что тогда чувствовал позывы, сильно отличные от сегодняшних. И возвращаться обратно... брести по пыльной жизненной дороге вновь в надежде подобрать оброненное кем-то жемчужное зерно? Нет... У него просто не хватит сил и желания на путешествие номер два. Да и ни у кого не хватит! Будь ты хоть трижды Фауст! Потому что словечки «любовь», «счастье», «наслаждение» придумали писателишки, чтобы сбывать свой залежалый товарец, потом дешевые побрякушки подхватили телевизионщики, компьютерщики. Но ничего этого нет. Ни любви, ни счастья, ни наслаждения! И никогда не было на земле. Джек даже хихикнул, и ему стало так уютно в своем модернизированном кресле из кожи, как гласила реклама, максимально приближенной к настоящей. Джек решил не дочитывать книгу.

Днем в своей современной комнате, продуваемой кондиционером, он не вспоминал о ней ни разу. Ни когда поглощал из пакетика жидкость со вкусом настоящего домашнего молока. Ни когда смотрел новости. И когда захрапел у телевизора, она ему не приснилась.

Но как только старик оказался на своем рабочем месте, книга позвала его властно и тяжело. «Негодяйка! — шептал Джек, бросая ожесточенные взгляды в сторону монитора. — Стоишь там? Ну и стой! Еще хоть сотни лет пылись. Никто к тебе не приронется. Пожелтеешь, усохнешь от тоски. К тебе же посетители и близко не подхо-

дят. Ты ведь никому не интересна. Пустышка! Думаешь, этому старому дуралею принесло счастье возвращение в беспутную молодость?»

И вдруг Джек торопливо спустился вниз. Деловито вскрыл стеклянный кокон. Послужив палец, перевернул уже прочитанные страницы. С мукой на лице уставился на витиеватый текст. Он не помнил, сколько читал. Как-то незаметно от истории никого не лечившего доктора Джек перешел к своей собственной очень здоровой жизни. Его жена после свадьбы вдруг катастрофически быстро заплывла жиром. Целыми часами, точно приклеенная, она сидела у телевизора и с монотонностью машины жевала поп-корн. На нее было тошно смотреть. Но Джек считал, что с женой ему повезло. Она не расшатывала ему нервы! Никогда в жизни эта женщина не сказала ему: «Я люблю тебя!», «Я хочу тебя!», «Ты мне нужен...». Джек даже не помнил, назвала ли она его хоть раз по имени. Мэри окрестила его сусликом, и это в их семье считалось верхом нежности и искренности. И он, конечно, в вопросах любовных соплей не усердствовал. Обходились нормально и без этого. Вот только... Только почему-то сейчас колет в груди. Будто этот изображенный на первом листе растрепанный старик Гете придуманной своей историей вбил ему в сердце осиновый кол. Джек с трудом выдохнул: «Это он о себе написал. Гете сам захотел утащить у неба вечную молодость и бессмертие. Но я-то здесь при чем? А может... может он обо мне написал?...» Мысли путались, не укладывались, как это бывало обычно, в стройную систему. Старик ощутил нехорошую головную боль. К счастью, в Зале Часов раздался ужасающе дружный бой и мысли старика побежали привычной тропой. Вот еще одно неразумное изобретение наших фатеров. То ли дело электронные часы! Тихо и не пыльно.

Джек взглянул на циферблат, и у него отвалилась челюсть. Пять утра?! Вот-вот явится сменщик — здоровенный и упругий, как удав, негр. Он тоже не прочел в своей жизни ни одной книги. И нервы его абсолютно не расшатаны. В прекрасных, бархатных, как слива, глазах сменщика Джек каждый раз читал одно и то же: а не пора ли тебе на покой, старикан? Но Джека держат в музее древностей как своеобразный экспонат: старейший смотритель, который помнит... Да ничего он не помнит!

Дрожащими руками старик запер в стеклянной камере совратившую его негодайку. Торопливо бросился на свое рабочее место. Весь покрытый холодным потом упал в кресло перед мониторами.

И тут только заметил, что оставил книгу открытой не на той странице. Несчастного старика чуть не хватил удар. До-га-да-ют-ся!.. Поймут, что он лапал эту поганку! У-во-лят! Из-за каких-то бредней! Из-за пустейшей истории, которую он каждый день в жизни видит. Подумаешь, помолодевший старикан сделал ребенка слабонервной красотке. Если бы у него, у Джека, появились деньги, он бы их десяток заделал и красотки бы и не подумали впадать в истерику. Только отстегивай баксы — и никаких вопросов и истерик. До чего же глупая книга! До чего же эти фатеры были тупые! И из-за этого он может потерять теплое место.

День Джек провел, как на иголках. За всю жизнь его не колошматила такая нервоотрепка. Он представлял, как главный смотритель останавливается у книги... Или нет... какой-нибудь щуплый дегенерат, пишущий диссертацию: «А почему она в прошлый раз была открыта на другой странице? На картинке с баром. А теперь тут слабонервная красотка в тюрьге...» «Да твоё какое собачье дело почему!» — мысленно огрызался Джек.

С вполне понятным и оправданным страхом мешалась непонятная, прямо-таки неприличная тоска. Эта негодяйка все-таки подрасшатала ему нервы.

Впрочем, дергался Джек зря. Никто не заметил казуса с книгой. Она попросту никого не интересовала. Абсолютно никого.

Как только Джек остался один, он торопливо сбежал вниз единственно с целью

поправить книгу. Но когда она оказалась у него в руках, когда страницы ее сладострастно зашуршали, когда на Джека глянуло умоляющее лицо нарисованной Маргариты, он осторожно пошевелил пальцами... Ну, ладно... Еще страничку. Он только узнает, когда же старый дуралей остановил время... Но время словно остановилось для несчастного Джека.

Он очнулся от какого-то металлического голоса:

— Как вы могли совершить такой проступок? Вы — наш старейший сотрудник?

Джек с трудом оторвался от книги. Главный смотритель так прям и монументален, что напоминает памятник. Очень крепкий человек. За этим монолитом еще один истукан — сменщик негр. В его бархатных сливах написано довольное: попался, старикан?!

— Я жду ответа.

— Понимаете, он его обманул...— Джек смотрел на разгневанное начальство просветленным взглядом психа или святого.

— Это вы обманули наше доверие.

— Нет! Это вы обманываете людей! — неожиданно тонким и высоким голосом прирожденного юродивого выкрикнул Джек.— Эта книга... Зачем вы запрятали ее? За какую вину?

И вдруг заплакал горькими старческими слезами. Вокруг них начали стремительно собираться какие-то люди: экскурсоводы, уборщицы, самые ранние нетерпеливые посетители.

— Что случилось? — раздалось заинтересованное из толпы.

— Ничего особенного. Старик скоропостижно сошел с ума. Бывает,— непрерываемым тоном ответил главный смотритель.

Кто-то хихикнул. Кто-то обронил издевательскую реплику. Но Джек не слышал этих людей. Он слышал голос давно умершего человека, который посмел обмануть время. Он думал о том, что в своей жизни не сумел обмануть ни Бога, ни темные силы, ни себе подобных, ни судьбу. А ведь ему казалось, он прожил жизнь так, как надо. Еще вчера мог в этом поклясться!

Что-то острое и томительное врезалось в его бедное старческое сердце все глубже. Джек уже не слышал голоса растрепанного старика. В его ушах нарастал шорох страниц. Он стал просто невыносимым. И тут Джек понял, что это шумит его собственная кровь, захотевшая увидеть мир.

Теперь у последней печатной книги в истории человечества всегда много посетителей. Овечьи круглыми глазами они смотрят на темные пятна на ее страницах и краткую подпись внизу: «В присутствии двадцати свидетелей убила старейшего смотрителя музея Джека Андерсена. Читать не рекомендуется». В большинстве своем эти здоровые люди зябко ежатся, как на сквозняке, и отходят. В большинстве своем...

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ШОКОЛАДНЫЙ СИМВОЛ ВОЛИ

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Давно дело было... В конце шестидесятых. Я тогда в пятый класс ходил. И очень любил конфеты, особенно шоколадные, с белой начинкой. «Пилот», «Весна», «Озеро Рипа». Не скажу, чтобы уж так часто они мне перепали, а все же почаще, чем старшей на четыре года сестре, Иринке. Сладким обоим больше баловала бабушка Дуся, наш главный воспитатель.

Заканчивалась вторая четверть, и я жил в предвкушении новогоднего праздника и зимних каникул. Во дворе снежинками на иголках серебрилась уже купленная отцом разлапистая ель. Так хотелось поскорее ее украсить...

И вот наконец отец принес из сарая крестовину, чуточку подпилил ствол лесной красавицы и установил ее посреди зала. В комнате вскорости запахло хвоей. Игрушки развешивали мы с сестрой — разумеется, под контролем бабушки.

О, эти елочные игрушки моего детства! Пузатые будильники, на которых всегда без пяти двенадцать, лубочные избушки с заснеженными крышами, фигурки сказочных зверюшек, переливчатые рыбки, грибы-крепыши... А красная звезда из стекляруса на проволоке чудом сохранилась у меня и поныне. Айболит и старик Хоттабыч. Светофор и матрешка. Труба, скрипка и барабан: все ручной росписи. Космонавт и ракета. Витые сосульки. Аж три пендитных кукурузных початка. Гирлянды из флажков. И, конечно, жизнерадостные шары — всех цветов и размеров: с портретами вождей, с серпом и молотом, с узорами, с отражателем, с серебристой присыпкой, — неярко блестевшие среди колких мохнатых ветвей. Сегодняшние же пластиковые шарики оптом сработаны на одну колодку и без души. Единственный плюс, да и то сомнительный: не бьются.

Под елку мы установили снегурочку и деда-мороза из папье-маше с надрезанным мешком: по малолетству Иринка пыталась найти в нем подарок.

В заключение священнодействия бабушка принесла еще и конфеты «Пилот» — двенадцать штук, я их сразу сосчитал, и мы на нитках подвесили лакомство за хвостики фантиков. Потом бабушка предупредила:

— И чтоб ни-ни! Пусть пока покрасуются, а уж после праздника разделите.

Ничего себе испытание для меня, сладкоежки! Еще и елка рядом с моим диваном: утром глаза открыл — конфеты с веток дразнятся; спать ложиться — опять душевное расстройство. Что испытание — настоящая пытка неокрепшего волею...

Словом, уже через два дня «не вынесла душа поэта»... Ведь половина конфет моя, так? Какая же разница, когда именно их употребить? Ну, недовисели, подумаешь, это-то мы замаскируем.

Первой «жертвой» стал «Пилот» с нижней ветки. Подгадав момент, я вытянул его из фантика и с наслаждением сжевал, а пустую бумажку свернул так, чтобы казалось, будто конфета цела. Лиха беда начало — в тот же день добрался и до второй, а следующим утром — до третьей. Ликвидировав полдюжины «Пилотов», временно остановился: оставшиеся-то уже вроде и не мои...

Однако я быстро пришел к мысли, что сестра почти взрослая и вообще за свою длинную жизнь куда больше меня всяких вкусностей переела,— значит, пора восстанавливать справедливость. И без всяких угрызений опустошил пару очередных фантиков. Потом, даже внутренне не оправдываясь, просто «приговорил» две следующие конфеты. Доел бы и последние, с самого верха елки: семь бед — один ответ. Но тут наступило тридцатое декабря, и на школьном новогоднем празднике мне вручили традиционный подарок.

Я было хотел подстраховаться, завернуть в пустые фантики конфеты из кульки, но... Это почти все шоколадные повибирать? Жа-алко...

Развязка наступила в конце новогоднего ужина — его нам с Иринкой устраивали в девять вечера, и я на нем сидел, как на елочных иголках.

Тогда мы с сестрой навернули по тарелке картофельного пюре с жареной курочкой, закусили сыром и краковской колбасой (она у меня соотносилась с орехами, разбиваемыми с треском: крак-крак!). Заедали все это салатом оливье. Потом мама отрезала нам по куску домашнего торта «Наполеон», а я лихо откупорил бутылку крем-соды и разлил шипучий напиток по чайным стаканам. Тем временем бабушка взяла ножницы и подошла к елке, где нацелилась на нижнего «Пилота», ныне обманного, равно как и девять его шоколадных братьев.

С болезненным любопытством я наблюдал, как пустой фантик смялся в подвижных жилистых пальцах. Сбитая с толку, бабушка на секунду-другую недоуменно замерла, затем потянулась к соседнему муляжу. Я безотчетно съежился на стуле. Снова пустофантичный результат... И еще...

Повернувшись к праздничному столу, бабушка укоризненно взглядела в нас с сестрой. Лицо мое разом запылало, я почему-то хихикнул, едва не опрокинул бутылку с остатками крем-соды и на автомате отвел взгляд в сторону. И как ясно понимал в тот момент, что все мое всполошное поведение само за себя говорит!

— А ну-ка, на меня посмотри! — скомандовала бабушка, определив виновника учиненной шкоды. И строго спросила: — Неужто все двенадцать тайком слопал?

— Да что ты! — поспешил я реабилитироваться хотя бы частично.— Еще целых две штуки остались, которые под шпилем.

— Как только у тебя с желудком плохо не стало. Стыдоба! — укорила мама.

— Так ведь это... не за один же раз,— чуть ли не уязвленно пояснил я.

— У, мелочь пузатая, животное обжористое! — вникла в ситуацию и сестра.

— Ирина! Язык-то окороти! — прищипнула на нее бабушка.

Но я на сестру вовсе не обиделся. Придумает же: животное! Вот наш белоцветный кот Айсберг, только что оделенный куриными косточками,— это да. И нисколько я не обжора, и пуза у меня нет. А что пока мал, так ведь постоянно расту, и придет время, старшенькую догоню и перегоню!

— Плутлив, однако! — как всегда, в двух словах высказался дедушка, вложив в них массу эмоций.

Ладно, дед в любом случае на моей стороне. Но вот папа, который сейчас беседует по телефону, точно по головке не погладит. Жуть! Сил нет как боязно...

Эх, и быть бы мне битым широким отцовским фронтовым ремнем, на котором точилась трофейная бритва «Золинген», однако меня отстояли дед с бабушкой. Она только изъела четыре наиболее интересные конфеты из оставшихся в кулке, при-

совокупила к ним две несъеденные с елки и вручила кровно обиженной сестре, тоже любительнице сладкого. Мне же попеняла:

— Нету у тебя, друг ситцевый, силы воли ни на грош. А еще мужчина будущий. Срамота! — и отошла, бессильно махнув рукой.

Очень меня те слова пробрали, даром что мал был. Любым путем доказать захотелось: конфеты — пустяк, а сила воли имеется, и настоящий мужчина — такой, как мой кумир актер Жан Марэ из любимого фильма «Парижские тайны», — из меня обязательно получится.

Пожалуй, то был первый в моей жизни по-взрослому осознанный поступок. В сильно потощавшем кулке-подарке оставалась большая шоколадная медаль в серебряной фольге и с выступающей картинкой: космический корабль, удаляющийся от Земли к звездам. Медаль сберегалась напоследок: вкуснее будет казаться. Взял я ее и с отчаянной решимостью принес бабушке:

— На, возьми, а отдашь на следующий Новый год, тогда и съем. И попробуй только после сказать, что у меня силы воли нет!

— Э-э-э, друг сердешный, так дело не пойдет, — возразила бабушка. — Невелика важность, если я шоколадку под ключ упрячу. А вот ты ее в свой стол положи, чтоб все время под рукой, и потерпи годик. Тогда — герой!

На том и порешили. И еще — что это будет наш секрет.

Намучился я. Особенно спервоначалу. Сядешь уроки учить — а мысль о рядом лежащей сласти все знания отгоняет. Вынешь шоколадку, посмотришь на нее — тьфу, сгинь, искушительница! — и назад, в ящик.

Я уж и серебряную фольгу аккуратно снимал, и шоколад нюхал, и кончиком языка к выпуклому изображению прикладывался. Ах, как хотелось отгрызть ту же «Землю», либо хотя бы ракету слизать... Сейчас-то понятно: сам соль на рану сыпал. Но — кое-как держался. Бабушка же время от времени интересовалась: «Ну что там твоя медаль? Есть еще сила воли, не съел?»

Я несся к столу и предъявлял заначку. И как был тогда горд и счастлив!

Летом сдерживать себя оказалось проще: каникулы, еще и в гости уезжал. Вернулся домой — и сразу к столу: на месте ли шоколад? Да куда ему деться...

А вот в сентябре едва не сорвался. Получил нагоняй от матери за то, что гулял много, по-летнему, а за уроки сиделся под вечер. И как бы в компенсацию просто загорелось эту распроклятую медаль изничтожить! Спасибо бабушке — вовремя углядела, что с внуком что-то неладное, и о «силе воли» спросила...

Дотерпел-таки я до следующего Нового года! За праздничным столом бабушка открыла домашним нашу тайну и торжественно подвигла меня на поедание шоколадного символа воли. Медаль к тому времени треснула — как раз меж Землей и ракетой, немного посветлела и сильно затвердела. Пришлось ее натурально грызть.

И все равно: это был самый вкусный шоколад, который мне довелось попробовать в жизни...

Галина Зеленкина

(г. Козинск, Красноярский край)

Член Союза писателей России (МГО), академик ПАНИ (отделение «Литература»), член жюри Международного поэтического конкурса ПАНИ «Россия, перед именем твоим...» (2015—2017). Окончила Иркутский политехнический институт. С 1997 года занимается писательским трудом. Наш постоянный автор.

ПРО ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ НЕ ЛЮБИЛА ЧИТАТЬ

Жила-была одна девочка, у которой была очень добрая бабушка. Она называла свою внучку Машуней. И девочке очень нравилось это имя. Это не то, что строгое имя Мария, которым ее называла учительница Вероника Павловна. Она всех учеников первого «Б» класса называла только по именам и фамилиям, написанным в классном журнале.

— Наша учительница похожа на старуху Шапокляк из мультика,— заметил Костя, сосед Машуни по парте, когда учительница вызвала его отвечать урок.

— Константин Карпов, прошу вас выйти к доске и поделиться с нами своими знаниями,— произнесла Вероника Павловна, глядя поверх очков на вмиг погрузневшего мальчика.

— Садитесь на место, Константин Карпов! Уровень ваших знаний не позволяет мне поставить вам положительную оценку,— сказала учительница, не дождавшись правильного ответа.

— Может быть, нам Мария Коновалова прочтет заданный текст? — спросила Вероника Павловна, глядя в упор на девочку.

Машуня покачала головой и вслед за Костей тоже получила минус в журнале.

— Придется вашим родителям зайти ко мне на беседу,— произнесла учительница.— Я позвоню им по телефону и объясню, что из-за Марии и Константина наш класс не может выйти на первое место по успеваемости.

Когда Машуня вернулась из школы домой, то ее бабушка Надежда Ильинична заметила, что внучка чем-то расстроена. Девочка быстро поела и пошла в детскую, где легла на кровать и закрыла глаза.

— Что с тобой, Машуня? — встревожилась бабушка.— Ты не заболела?

— Нет,— ответила внучка.— Просто я устала и спать хочу.

Но бабушка прислонилась губами ко лбу девочки и, убедившись, что у ребенка температуры нет, отправилась в кухню по своим делам.

Маша быстро уснула, и приснилось ей, что она вместе с подружками Настей и Катей пошла на прогулку в сказочный лес и там заблудилась.

— Маша, ау! Где ты? Отзовись! — кричали по очереди Настя и Катя, но ответа так и не услышали.

А все потому, что Маша загляделась на красивую бабочку и захотела ее поймать. Она побежала за улетавшей вглубь дремучего леса бабочкой и сбилась с дороги.

В лесу было сумрачно, и постоянно слышались разные звуки: то шелест крыльев порхающих в кронах деревьев птиц, то хруст сучьев от лап пробежавшего зверька, а то и вовсе какие-то непонятные шорохи. Да и бабочка исчезла, словно по мановению волшебной палочки. Села Маша на пенек и стала плакать.

— Бедная я и несчастная неумеха! — громко причитала девочка и даже не услышала, как к ней подошел старый енот.

— О чем плачешь? — спросил он Машу.

Услышав незнакомый голос, девочка испуганно оглянулась, но добродушный вид зверька успокоил ее.

— Заблудилась я, — ответила Маша и снова всхлипнула.

— В сказочном лесу нельзя заблудиться, — возразил ей енот по имени Тришка. — Здесь повсюду висят указатели, на которых написано, как выйти на дорогу, ведущую в город.

— А я читать не люблю и не умею, — ответила девочка и снова захныкала.

— Это очень плохо, — заметил енот. — Даже я, старый енот, каждый вечер читаю своим внукам-енотикам на ночь сказки.

— А откуда вы их взяли? — удивилась Маша.

— Когда-то давным-давно одна умная девочка по имени Света подарила мне большую и толстую книгу сказок. Света показала мне буквы и научила читать. А я, в свою очередь, научил читать всех своих родных и близких. В моей семье все берегут подарок девочки Светы.

— Сейчас необязательно уметь читать книги, их можно слушать, — возразила девочка.

Но Тришка не согласился с ее мнением.

— Ты сама себе доказала, что ошибаешься, — заметил енот.

— Это почему же? — удивилась Маша, с недоверием глядя на Тришку.

— Если бы ты умела читать, то по указателям давно бы уже вышла на дорогу, где тебя ждут подруги, а не сидела бы на пенечке, обливаясь слезами, — ответил тот.

Ну что тут скажешь?! Прав был Тришка на все сто процентов. Поэтому Маше оставалось только молча согласиться с тем, что она сама виновата в том, что заблудилась в сказочном лесу.

— Ладно, — смилостивился енот. — Иди за мной, так и быть, выведу тебя на дорогу.

И они пошли от одного указателя к другому и вскоре вышли на дорогу.

— А теперь ты иди все время прямо, — посоветовал Тришка и повернулся, чтобы идти обратно.

— Спасибо тебе, добрый енот, — поблагодарила Маша Тришку. — Когда я вернусь домой, то буду учиться читать. А мои подруги Настя и Катя помогут мне.

— Я очень рад, что ты поняла, как трудно жить неучем. Ведь учение — это свет! — ответил енот и отправился к своим внукам-енотикам, чтобы прочитать им на ночь очередную добрую сказку.

А Маша вышла на дорогу, ведущую в город, и увидела на ней своих подружек Настю и Катю, которые сидели на придорожном камне и о чем-то говорили.

— Девочки, я нашлась! — крикнула Маша и побежала к подружкам.

Обрадовались девочки, что снова вместе. А когда узнали, что Маша будет учиться читать, то с радостью согласились ей помочь.

Надо сказать, что Маша была прилежной ученицей и с помощью своих верных подружек быстро научилась читать.

— Мария, ты молодец! — похвалила девочку учительница Вероника Павловна, когда та без запинки прочитала ей заданный урок по чтению. — Я с удовольствием поставлю тебе оценку «отлично».

Услышав от строгой учительницы похвалу ленивой Маше, ученики дружно хлопали в ладоши и трижды прокричали:

— Молодец!

«Приятно, когда тобой гордятся, — подумала Маша. — Как же я раньше не понимала, что терпение и труд лень перетрут?»

ШУРША-МУРША

Жила-была в дремучем лесу среди корней могучего дуба полевая мышка по имени Шурша-Мурша. Норка у нее была маленькая, поэтому запасов на зиму мышка припасла немного. Это не то, что было у нее в большой норе на краю пшеничного поля, которое отдали под строительство какого-то завода.

— Этого на зиму мне не хватит, — проговорила Шурша-Мурша, осмотрев свои запасы.

Сидя у корней дуба, она сначала пожалела себя, а потом стала плакать. Слезы сами вытекали из ее круглых глазенок и скатывались вниз по мордочке.

Услышав пробегавший мимо зайчик всхлипывания полевой мыши и остановился.

— О чем ты плачешь? — обратился он к Шурше-Мурше. — Тебя кто-то обидел?

Но мышка покачала головой и продолжила плакать. Да и как объяснить зайчику, что она сама виновата в том, что очутилась в стесненных условиях? Ведь звали же ее с собой другие полевые мыши, которые нашли для проживания другое пшеничное поле. Но Шурша-Мурша отказалась идти с ними за тридевять земель, она тогда подумала, что в лесу будет жить лучше, а на деле оказалось не так. Стыдно жаловаться на себя незнакомому зверьку, но деваться некуда.

— Я сама себя обидела, — ответила полевая мышь.

Удивился зайчик честному ответу незнакомки. «Надо мне с ней познакомиться», — подумал он.

— Меня зовут Прошкой, — сказал зайчик, вопросительно глядя на полевую мышь.

— А меня Шуршей-Муршей, — ответила та.

— Вот и познакомились, — обрадовался зайчик. — А теперь покажи, как ты живешь.

Новая подружка показала Прошке свою норку и маленькую кладовую, где съестных запасов было только на месяц.

— Этого тебе на зиму не хватит, — заметил зайчик и, покачав головой, побежал дальше в лес.

— Я думала, что Прошка поможет, а он просто полюбопытствовал, — произнесла вслух Шурша-Мурша, но плакать не стала.

Она побродила рядом с норкой, нашла вкусную травку и поела ее. Затем Шурша-Мурша юркнула в свою норку и решила подремать. Но не тут-то было. Снаружи слышался знакомый голос зайчика Прошки.

— Выходи, — услышала мышь приказ зайчика и покинула норку.

Возле дуба она увидела много разных зверьков, а также нескольких землероек.

— Вы все ко мне? — удивилась Шурша-Мурша.

— Мы пришли тебе помочь, — ответил Прошка и попросил землероек сначала расширить мышиную норку, а затем вырыть новые, более просторные кладовые.

Получив указания от Прошки, зверьки приступили к работе. Барсук, енот, белка

и ежик выносили землю из норки и новых кладовых наружу и заодно укрепляли стены нового жилища Шурши-Мурши.

Вскоре были готовы большая норка и несколько просторных кладовых, соединенных между собой проходами. Снаружи все подходы к норке полевой мыши были заложены дерном и веточками, чтобы никто из посторонних не догадался, что в норе кто-то живет.

— А теперь мы должны помочь тебе с запасами,— произнес зайчик Прошка.

И все зверьки в знак согласия дружно кивнули головами. Шурша-Мурша не успела в ответ и двух слов сказать, как ее помощники разбежались кто куда. Спустя непродолжительное время все зверьки вернулись. Полевая мышь увидела, что каждый из них принес для нее подарок. Белка принесла грибы и орехи, ежик принес яблоки, барсук и енот принесли съедобные корешки, семена и семечки. А зайчик насобирал полное лукошко желудей.

Все подарки зверьки помогли полевой мышке сложить в одну из кладовых.

— Вот видишь, одна из кладовых уже полна,— сказал Шурше-Мурше зайчик.— Осталось заполнить и остальные кладовые.

До самого вечера зверьки работали, не покладая лап, пока не заполнили припасами все кладовые.

— Уж не знаю, как мне вас всех благодарить,— со слезами на глазах произнесла полевая мышь.— Без вашей помощи я бы зимой умерла от голода.

— Ну что ты плачешь, Шурша-Мурша? — обратился к полевой мышке Прошка.— Мы здесь, в лесу, всем слабым и беззащитным помогаем, потому что поодиночке трудно выжить. И ты можешь к нам присоединиться.

— И я тоже смогу помогать другим зверькам? — спросила Шурша-Мурша.

— Конечно,— ответил ей барсук.— Мы с удовольствием запишем тебя в наш отряд спасателей.

Ночью, лежа в своей норке на соломенной подстилке, полевая мышь думала о том, как ей повезло с друзьями. И это были лучшие мысли в ее жизни.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ЛЮДИ-ПТИЦЫ

Наш постоянный автор.

Алешка, сидевший на крылечке, потер красные воспаленные глаза и поежился, поправляя старую куртку. Казалось, солнце пригревает, а потянет ветерок и сразу знобит. Что ни говори — осень на дворе. Он вздохнул. Вот уж который день не спит. Вроде закроет глаза, а сон не идет. Все бабу Шуру вспоминает. К ней привязался, когда родители померли. Баба Шура забрала его к себе. Одна жила. Дед Василий давно пропал. Вышел на двор и исчез. Долго искали, но не нашли. Разное говорили в деревне, будто он с нечистой водится, но чаще дурачком называли, но баба Шура никого не велела слушать. Говорила, что дед Василий хорошим мужиком был. Пусть у него мозги набекрень и со своей чужинкой, но все люди такие же, как дед, и ничем не лучше, а может и похуже, но скрывают это. И обещала, когда Алешка вырастет, рассказать про него. Алешка остался жить с баб Шурой. В школе слабенько учился. Бог ума не дал, как соседи говорили. Учителя махнули рукой, что толку тратить на него время, если ветер в голове гуляет. В одно ухо влетает, а из другого со свистом выскакивает. Сидит на уроках и ворон в небе считает. А бывало по осени, когда птицы собирались в стаи, Алешка выскакивал из класса и начинал кружить по двору, словно взлететь пытался. Девчонки смеялись и дураком обзывали, а мальчишки нередко лупили его, а он ни на кого не обижался. Он смотрел на всех и улыбался — широко и радостно. Учителя головой качали, мол, бабка Шурка, ты намучаешься с внуком-то. А когда тебя не будет, совсем пропадет паренек. И советовали, чтобы сдала его в детдом или в специальный интернат, где такие же живут, как он, а то и похуже. Убогие — одним словом. А баба Шура хмурилась, и начинала грозить всеми земными и небесными карами, за то, что живого человека хотят на погибель отправить, и говорила, что костями ляжет, но не отдаст родного внука. Пусть мозги набекрень, как у деда Василия, но он же человек — это главное! Как же можно взять и своими руками родную кровиночку в интернат отдать? И грозила скрюченным пальцем...

Баба Шура повезла внука в райцентр, врачам показала. Может, таблетки или микстуру выпишут, чтобы умишка прибавилось. Всего лишь капельку, а больше и не нужно. Жалко внука, к жизни неприспособлен. Врачи руками развели. Если своего ума нет, чужого не добавишь. Хворобу в башке нашли. Какое-то наследство передалось, как баба Шура всем говорила, а потом смеялась, что богатым будет внук-то и справки показывала, а что там понаписали врачи, черт ногу сломает. Махнет рукой баба Шура и меленько засмеется, прикрывая беззубый рот уголком косынки. А потом пристроила Алешку в мастерские. Пусть полы подметает да всякие железяки таскает, чем сиднем сидеть дома. Глядишь, копеечку заработает. Какая-никакая, а помощь.

Там Алешке понравилось. Особенно, когда разрешали в кабине посидеть. Вот уж радовался! И Алешка стал в мастерской пропадать с утра до вечера. Особенно, когда посевная или уборочная, когда каждая пара рук на вес золота, даже руки убогонького. Вернется домой, усядется за стол, а сам носом клюет. Не успеет улечься, уже засопел. И почти всегда один и тот же сон, будто баба Шура стоит возле калитки и ладошкой машет ему, словно подзывает, чтобы поторопился, а сама улыбается и вся светлая-светлая. Родители не снились. Ни разу. Потому что не помнил их. Так, какие-то образы мелькали и все. И деда Василия не видел, только на фотографии. А баба Шура всегда во сне приходила. Наверное, успевал соскучиться за день. А она жалела его, все расстраивалась, как он будет жить с птичьими мозгами, если ни к чему не приспособлен. Все дожидалась, что старшая дочка приедет. Надеялась, что Алешку к себе заберет. И не дождалась. Померла. Тихо ушла, незаметно...

Осень на дворе. Пусть солнце не такое яркое и теплое, а все же согревает, но ветер прохладный. В теньке сидишь, как задует, аж сразу начинает знобить. Осень, ничего не поделаешь... Вон дедка Ефим выбрался из дома, не стал на крыльце сидеть, а на лавочку подался, где солнца побольше. На улицу вышел, чтобы с баб Шурой попрощаться, в последний путь проводить, а потом на лавочке старые кости погреть, покуда солнышко теплое. Сидит в зимнем пальто с потертым и облезшим воротником, в шапке, очки на кончик крупного носа сползли, а он не поправляет. Видать, пригнулся и уснул, притулившись к забору. Сидит старик, посыпыхивает...

Алешка вздохнул и, приложив ладонь к глазам, всмотрелся вдаль. Там желтел густой лес, а опушка покрылась пятнами: где-то зеленые мелькают, в других местах пожухлая трава, а там чернью отдает. Издалека донесся птичий гомон. Алешка задрал голову, взглянул вверх и не удержался. Вскочил и завертелся на одном месте, размахивая руками, словно крыльями, а сам засвистел, будто с птицами разговаривал и так тоскливо, так больно жаловался, что баб Шура померла, что один остался... Птицы закружились над головой, загомонили, точно за собой звали, а потом скрылись за лесом. Следом за ними потянулась огромная стая. Вон, полнеба закрыли. Гомонят и гомонят... В осенние дни Алешка места себе не находил. Закружат птицы над головой, и тут же словно душу в кулак сжимают. Непонятная тревога охватывала, тоскливо становилось на душе, как-то неуютно, но в то же время был необъяснимый восторг, и ему хотелось разбежаться, вытянуться в струнку, взмахнуть руками, закричать громко и протяжно, взлететь над деревней и помчаться вслед за птицами...

— Алешка, ну-ка, прекрати! — крикнула баба Шура и нахмурилась, когда впервые заметила, что он, раскинув руки, мечется на краю высокого обрыва, а над головой кружилась стая птиц. — Отойди от края. Упадешь. Костей не соберешь. Уйди, пока не отлупила! Весь в деда уродился. Таким же был — мозги набекрень. Узнала про это, да поздно. Замуж выдали, а потом сказали, будто у моего Васьки с головой не в порядке. Вся деревня потешалась, когда он в птицу превращался, — и опять закричала, намахнувшись тряпкой. — Ну-ка, хватит кружиться, живо по заднице надаю. Кыш, кыш отсюда! Ишь, разлетались! Мало, один пропал, так еще и внука за собой тащите. Летите отсюда, летите, — и тут же повернулась к Алешке. — Твой дед Василий начинал чудить, когда осень наступала, и птицы в стаи собирались. Он следом за ними рвался. Говорил, что душа мается, места не может найти. Встанет посередине улицы, задерет бошку и смотрит в небо, где птицы кружат, а сам квохчет, вскрикивает, словно с ними разговаривает. И птицы ниже опускались, тоже криком исходили. Столько было, что белый свет застилал. А твой дед Василий раскинет руки в стороны и начинает кружиться и хлопает себя по бокам, хлопает, словно крыльями, а потом взмахнет руками, тоненько вскрикнет, словно прощается с ними, и птицы выше поднимались, еще кружочек делали над двором и улетали. А дед усядется посередине

дороги и с тоской глядит вслед. И так до следующей стаи. И так, пока последние птицы не улетят... А потом дед Василий пропал. Вышел на двор. Все на крылечке курил и прислушивался, как птицы летели. Я выглянула — он кружится по улице, руками машет. Позвала, а он не слышит, на небо смотрит, и отовсюду птицы кричали, словно за собой звали. И так мне тоскливо стало на душе, аж в груди защемило. Вышла на двор, гляжу, на крылечке папироски лежат, спички, а деда Василия нет. Думала, может к кому-нить подался. Все ждала, что вернется, ан нет, так и пропал, и до сей поры не могут найти. Может птицы забрали с собой, а может рассудок потерял и теперь лежит в какой-нить больнице с решетками и даже имени своего не помнит. Никто не знает, где он, и я — тоже...

И баба Шура посмотрела на темное небо...

Алешка поднялся. Потоптался на крылечке и с неохотой зашлепал в избу. Сегодня снесли на мазарки бабу Шуру. Она лежала, как принято, три дня в избе, и каждый раз, когда свечи догорали, кто-то из старушек, что сидели возле гробика, неслышно поднимались и меняли свечи, зажигая новые, и опять присаживались на лавку, горестно покачивая головой. Это дядька Кондратий смастерил гробик. Небольшой. Легонький, как сама бабка Шура. Алешка хотел помочь ему, но дядька Кондратий прогнал. Велел возле двора сидеть и никуда не уходить. Соседки приходили, обмыли, переодели в смертную одежду, какую Алешка вытащил из старого сундука — это давным-давно бабка Шура показала и велела, ежели она представится, отдать соседям, а они разберутся, что к чему. Так и получилось...

Бабка Шура тихо, неприметно прожила свою жизнь. И ушла так же тихо. Правда, последние дни твердила, как же Алешка останется один. Он же не знает эту жизнь, не приспособлен к ней, потому что у него своя жизнь, более понятная для него, где чужим не место. Ему легче с птицами разговаривать и, как казалось, они понимали его, чем быть с людьми, которые его прогоняли и смеялись над ним — убогоньким. А если баба Шура помрет, тогда Алешка может пропасть без нее, как когда-то исчез дед Василий. Вон уже птицы кружат над двором — его высматривают, как бы с собой не забрали. И тыкала пальцем в потолок. Расстраивалась. И в последний день, ближе к вечеру, все возле Алешки ходила и печалилась, что один останется на белом свете и норовила дотронуться до него, по плечу или голове погладить, а он отдергивался и хмурился. Не нравилось, словно маленького гладит, а он же большой. За окном темно было, когда они собрались спать. Бабка Шура долго сидела на кровати, глядела на него, что-то шептала, а может, молилась, а потом перекрестила его, спящего, и задернула занавеску.

Алешка проснулся утром, в доме тишина, лишь ходики отсчитывали секунды, и запоздалая муха сонно колотилась в окне, а потом притихла. Он поднялся. Вышел на улицу, постоял на крыльце. Не слышно бабки Шуры, зато птицы кружились над двором. На него пикировали и опять взмывали, а на их месте другие появлялись и снова взлетали, а сами криком исходили, словно что-то рассказывали. Алешка встрепенулся, опять появился какой-то непонятный восторг. Хотелось спуститься во двор, взмахнуть руками, словно крыльями, закричать протяжно и... И следом навалилась тоска, словно к земле придавила, аж дышать тяжело стало. Он оглянулся. Куры бросились к нему, думали, корм насыплет, а он нахмурился, опять взглянул на небо, махнул рукой птицам, чтобы прочь летели, и скрылся в избе. Зашел в горницу. Отдернул занавеску, где стояла кровать бабы Шуры, и уселся на табуретку, что рядом стояла. Казалось, баба Шура спит. Морщинистые руки на груди сложены, а лицо какое-то светлое и спокойное, а по щеке муха ползала, а она лежала и не прогоняла ее. Алешка посидел возле кровати, несколько раз окликнул бабу Шуру, потом дотронулся до руки и отдернул. Холодная она — рука-то...

— Баб, вставай, баб,— забубнил Алешка и снова дотронулся.— Почему лежишь, а? Дай хлеба...

Но баба Шура не шевелилась.

Алешка опять завздыхал, закрутил лохматой головой, не зная, что делать, поддернул одеяло, прикрывая бабу Шуру, опасливо прикоснулся к руке и опять отдернул, потом поднялся и поплелся к соседке, к тетке Зине, которая частенько его подкармливала, то яблочко совала, то пряник.

— Это... Теть...— он сунулся в дверь, и затоптался возле порога.— Это... Бабака не встает. Я кушать хочу.

И замолчал.

— Как не встает? Давно утро, а она... Да неужели померла,— она заметалась по избе.— Я ж вчера с ней говорила. Она все за тебя тревожилась, да старшую дочку ругала, что не приезжает, а потом взяла молочка, сказала, что кашку потомит в печи и ушла. Как же так, а?

И, прижимая руки ко рту, опять качнула головой.

— Она лежит,— пожимая плечами, повторил Алешка.— Я проснулся. Подошел, а она лежит. Холодная. Одеялку поправил. Бабака замерзла.

Сказал и зябко передернул плечами.

— Ой, божечка, беда пришла,— запричитала тетка Зина, рот платком прикрыла и закачала головой, а потом вздрогнула от окрика и засуетилась, повернулась к мужу, который сидел за столом.— Петь, а, Петька, накорми паренька. Чать маковой росинки во рту не было. Налей вчерашних щец. Вкусные — страсть! — она причмокнула, закачала головой, потом подтолкнула Алешку к столу, а сама подалась к дверям.— Петька, обойди мужиков. Пусть могилку копают. Проследи за ними. Я в правление сбегая, начальству сообщу, потом бабок покличу и за монашкой зайду. А ты, Алешка, когда покушаешь, посиди на лавке. Не входи в избу-то, не путайся под ногами — не мужицкое дело покойницей заниматься. Сами управимся, а тебя покличем, когда понадобится.

Сказала и умчалась, хлопнув дверью.

Алешка изредка подходил к двери, стоял на веранде, прислушиваясь к тихим голосам, но войти не решался. Тетка Зина ругать начнет, ежели заметит. Заскрипела дверь. Вышел дядька Кондратий. Сунул в карман складной метр. Постоял, задумавшись. Потом коряво написал цифры на клочке бумаги, посмотрел на Алешку, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и, надвинув фуражку на глаза, заторопился со двора. Алешка подался следом за ним и вернулся, когда его прогнали. Постоял возле двора, посмотрел, как дядька Кондратий захромал, подтягивая ногу с протезом, и размахивал руками, когда оступался. Взглянул на занавешенные окна, а потом уселся на лавку возле забора. И стал ждать, когда его позовут. Он сидел, поглядывая по сторонам, смотрел на старух, которые заходили в избу, а некоторые так и норовили погладить по голове, как делала баба Шура, но Алешка отдергивал голову и хмурился. Не любил, когда его гладили, как маленького. Старухи уходили, а он продолжал сидеть. Услышав гомон птичьей стаи, Алешка поднимал голову и с тоской посматривал на птиц, которые проносились над головой. Поднимался и, размахивая руками, начинал кружиться на траве, криками подзывая птиц, и рассказывал им, что произошло, а они метались над головой, за собой звали. И Алешке хотелось разбежаться, взмахнуть руками и полететь вслед за птицами. Он бы полетел, да нельзя, как же бабу Шуру оставит одну-одинешеньку. Алешка встрепенулся и опять посмотрел на птиц. Баба Шура говорила, что птицы — это души людские. Его ругала, что с ними разговаривает, прочь гнала, а сама вслед ушла. Видать, правду говорила бабака, что души людские — это птицы...

— Врешь ты, бабака,— отмахнулся Алешка, когда она опять взялась ругать его, что кружился на краю высокого обрыва,— что птицы — это души. Птички маленькие, а люди вон какие большие. Обманываешь...

Сказал и тут же получил подзатыльник.

— Нельзя так говорить, ежели не знаешь,— баба Шура погрозила пальцем.— Ишь, умник-полоумник, выискался! Мне еще отец твоего деда Василия говорил, что души переселяются в птиц. Ага... Вот каким был человек в жизни, его душа в такую же птицу перебирается. И не спорь со мной, Алешка, потому что умишка в тебе — кот наплакал! Вот, к примеру, взять плохого человека. Как ты думаешь, в какую птицу попадет его душа, а? — и бабка, подбоченясь, взглянула на Алешку, который сидел и молчал.— Правильно думаешь — в плохую птицу. Если человек обманывал в жизни, воровал и на других вину перекладывал за дела содеянные, его душа окажется у кукушки или в сороку-воровку переселится. Что смеешься-то, злыдень! — и она опять намахнулась.— У черного человека, душегуба какого, душа попадет в ворону-падальщицу и будет до скончания веков дохлятиной всякой питаться. Ага... А ежели светлый человек был или, не дай Бог, ребеночек помер, а у них-то души всегда чистые, значит тому дорога к светлой птице.

— Ага...— недоверчиво протянул Алешка.— А куда дядька Еремей попадет, который все стучит и стучит большим молотком, аж страшно становится, когда к нему заглянешь. Как же он в птицу залезет? — он засмеялся, плечики затряслись, а потом затих, задумавшись, и опять сказал.— А наша деревня тоже в птичек заберется, а куда всякие артисты переселятся, которых по телеку показывают, а?

И Алешка опять засмеялся, прыгал с пятого на десятое, задавая вопросы.

— Ишь, разговаривался! То слово из него не вытянешь, а тут не остановишь. Куда...— бабка Шура задумалась, а потом кивнула.— Дык это же... У души дядьки Еремея одна дорога — это птица, которая дятлом зовется. Ну, ты видел этих дятлов, когда в лес ходили. Вот и Еремей привык по наковальне стучать, а помрет, душа к дятлу отправится и опять-таки начнет своим делом заниматься, как при жизни. Деревня, говоришь... Мы же привыкли работать, каждый день земле-матушке в пояс кланяемся. Вот и получается, что переберемся в грачей. Ты видел грача. Такие важные весною ходят по полям. Тоже кланяются, корм добывают. Наши душеньки к ним отправятся, и опять начнем поклоны отбивать, как при жизни было. Что касаемо артистов...— бабка Шура поджала губы, нахмурила и без того морщинистый лоб, потом сказала.— Одни в соловьев перебираются, другие в дроздов, в общем, кто куда, а самые знаменитые и голосистые — эти в жаворонков. Ага... Ты, Алешка, не гляди, что жаворонок — птичка-невеличка, зато ее вон как с небес слышать. Звенит голосочек-то! И людям радость несет, и к Боженьке поближе. Поэтому и говорю, что у каждого человека своя птица, и у тебя — тоже. Ага...

И утвердительно ткнула пальцем в потолок.

— Баб, а где твоя птичка? — Алешка долго молчал, видать, старался понять, о чем говорила бабака, потом спросил.— А где она?

И задумчиво поглядел на сухонькую бабу Шуру.

— Моя-то? — усмехнулась баба Шура и поправила платок.— Я стану курочкой Рябой. Яички буду для тебя нести. Ты ж из избы не выйдешь, пока парочку не скушаешь, а с улицы возвратишься, с пяток можешь умять за один присест, а то и поболее и глазом не моргнешь. Наши курочки не успевают нестись для тебя. Хочу или не хочу, а придется в несушку превращаться, чтобы ты с голодухи не помер.

И тоненько засмеялась.

Вслед за ней рассмеялся Алешка, представляя баб Шуру несушкой...

Сегодня снесли бабу Шуру на мазарки. Остался лишь небольшой холмик и неук-

люжий крест, да еще веночек и маленькие букетики ярких осенних цветов. Видать, в школьном саду сорвали. Соседки пришли проводить в последний путь бабу Шуру. Поплакали возле могилки, когда ее опускали, а Алешка стоял, смотрел на нее, а потом задира голову, чтобы взглянуть на стаи птиц, и ему хотелось взмахнуть руками, взлететь и помчаться вслед за ними. С кладбища все отправились в дом бабы Шуры. Тетка Зина с бабками щи сварила и лапшу, кто-то кутью приготовил, а баба Вера кашу принесла. Откуда-то пироги на столе появились. Все сделали соседи, чтобы проводить бабу Шуру и помянуть ее. Недолго сидели за столом. Мужики стопки подняли. Выпили. Алешка сидел в уголке. Сгорбился. Глядел, как поминали, как едва слышно разговаривали. Потом стали расходиться. Две соседки остались. Все убрали, помыли и тоже ушли.

— Алешка,— дверь распахнулась и появилась тетка Зина.— Слышь, никуда не уходи. Дома сиди или во двор выйди. Я все дела переделаю, а потом за тобой приду. Пока у нас побудешь. Может, твоя тетка придет. Телеграмму отбили. Ну, а не появится, тогда в интернате станешь жить. У себя не могу оставить. Извиняй!

Она развела руками, поправила платок и ушла.

Алешка остался один...

Он долго сидел и смотрел в щелку между ставнями, а потом не выдержал, вышел на улицу. Сегодня тепло. Алешка вздохнул. Взглянул на солнце и прислушался. Яркий день и тишина на улице. Казалось, все притихло в природе. Лишь березки золотом горят, а трава уж пожухла, прижалась к земле, прислонилась — зиму дожидается. Откуда-то донесся запах дыма. Видать, старую ботву сжигают на огородах. Туманом стелется дымка, скрывая округу. Тишина... Нет, издали донеслись крики птиц и сразу же душу сжало в кулак, тоска накатила, а вместе с ней непонятный восторг и, едва птицы показались в вышине, опять потянуло за ними и снова захотелось разбежаться, раскинуть руки, взлететь и помчаться вслед за птицами...

Алешка встрепенулся. Оглянулся на дом. Показалось, баба Шура позвала. Взглянул и тут же поник. А потом закутался в куртку и притих. Солнце яркое, дымка плывет по огородам, все призрачно до синевы, а здесь холодно. И птицы покоя не дают. Кружат и кружат над головой. Видать, за собой зовут. А может среди них и душа бабы Шуры. Алешка задрал голову, стараясь рассмотреть птиц. Вот одна пошла вниз и закружилась над двором, словно присесть хотела, а потом жалобно вскрикнула, и помчалась вслед за стаей...

Поднявшись, Алешка осмотрелся. Дед Ефим, что напротив живет, так и сидел возле двора. Видать, пригрелся. Хорошо ему. Задремал... Алешка зашел домой. Тишина в доме. Все звуки с улицы приглушены закрытыми ставнями. Тик-так, тик-так — качается маятник на старых часах, что висели в горнице. Алешке, как казалось, часы всегда здесь висели. Старые. Циферблат уж давно облез да потемнел и цифр на нем не видно, а маятник продолжает качаться, отсчитывая секунды жизни: тик-так, тик-так, тик... Алешке нравилось смотреть на маятник. Усядется возле стола, смотрит на него, прислушивается к звукам, и сам качается как маятник. И так сидел до тех пор, пока баба Шура не прогоняла его. А сегодня бабу Шуру закопали, а часы все тикают и тикают, отсчитывая секунды. И сколько они еще будут работать — никто не знает и Алешка — тоже...

Он стоял в дверях горницы, но не проходил. В горнице темно. Лишь редкие лучики солнца пробивались через закрытые ставни. Густой запах воска, тлена, каких-то трав и тянет лекарством. Зеркало завешено, на телевизоре накидка, окна закрыты. Пусто в доме. Лишь на стенах несколько фотографий в рамках и все. Да еще кошка промелькнула, припав к полу, и исчезла на кухоньке, скрывшись на печке. Под полом заскреблась мышь и тут же пробежала кошка. Неслышно скользнула по горнице и

опять скрылась. Алешка медленно подошел к фотографиям. Баба Шура говорила, что это отец и мать, а Алешка не помнил родителей. Так, что-то мелькало в голове и тут же исчезало. Он взглянул на фотографию. Отец хмуро и напряженно смотрел перед собой, а мать наоборот, улыбалась. А сегодня бабу Шуру закопали. Нет, ее душа с птицами улетела...

Алешка вышел из горницы. Потоптался на маленькой кухоньке и присел в уголок, где всегда сидел, и прислонился к обшарпанной стене. Опять мелькнула кошка. Муркнула, а потом притихла. Видать, тоже чует, что одни остались. Он скрипнул табуреткой. Взглянул на окно, закрытое ставнями. Сквозь узкую щель пробиваются последние лучи солнца...

Тихо в доме. Изредка осенняя муха зажужжит, забьется и притихнет. С улицы донеслось мычание коров — это стадо под окнами прошло, а вскоре затихло вдалеке, лишь редкий раз в проулках блеяли овечки, отбившись от стада. Взмаивали собаки лениво так, словно напоминали, что службу свою несут, хозяйское добро стерегут. Протарахтел мотоцикл. Видать, кто-то поехал кататься. Молодежь собиралась в березовой рощице, что стояла на взгорке над рекой. Там собирались. Сидели до первых петухов, ребята показывали свою удаль, гоняя на мотоциклах, а те, кто постарше, парами расходились вдоль речки, находили укромные места и сидели до рассвета...

Он долго сидел на крыльце, дожидаясь, когда тетка Зина придет. Потом прислушался. Со стороны обрыва донесся птичий гомон. Алешка затоптался. Тоскливо стало на душе, и в то же время появился непонятный восторг. И Алешка не удержался. Неуклюже побежал по меже между огородами. Он бежал, размахивая руками, словно крыльями. В сумерках казалось, будто летит. Алешка выскочил на обрыв и закурился, раскинув руки. Защелкал, засвистел, птиц подзывая, потом взглянул ввысь, а небо над ним: яркое, темно-синее и бездонное. Опять восторг и захотелось взлететь. Он вытянулся в струнку, взмахнул руками и с обрыва шагнул в небо. Шагнул и закричал: громко, восторженно, и замахал руками, словно крыльями, и полетел. Он летел над деревней, над лесами и полями, над реками и озерами и отовсюду к нему присоединялись такие же люди-птицы, чьи души в птиц превратились, и они стали подниматься все выше и выше в синь небесную, навстречу солнцу, и вокруг него был яркий и теплый свет...

А над деревней опустилась ночь...

Николай Макаров
(г. Тула)

СПЕЦПРОПАГАНДИСТ

Наш постоянный автор, член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Бурцев Владимир Ефимович
родился 25.08.1955
во Львове Украинской ССР*

В моем представлении военная профессия спецпропагандиста ассоциировалась с эпизодом из кинофильма «В зоне особого внимания», когда в усмерть уставшим, голодным, промокшим до нитки десантникам через мощные «матюгальники» предлагают всевозможные «какаво с кофе» и другие блага цивилизации взамен на статус «Павликов Морозовых» или, что, практически, одно и то же, на статус «Мальчишей-Плохишей».

Бурцев смеется.

Авторское отступление.

Владимир Бурцев, гвардии подполковник в отставке — мой давнишний, если и не близкий приятель, то давнишний хороший знакомый Володька Бурцев, с которым неоднократно участвовали во всевозможных мероприятиях и переделках — в 1979 году окончил Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище. С августа 1979 по 1983 год — начальник клуба в отдельном полку связи, что в Медвежьих Озерах. С 1983 по январь 1988 года, с сентября 1989 по январь 1999 года и с 2000 по 13 апреля 2001 года (дата увольнения из рядов Российской Армии) проходил службу на различных должностях в частях 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

За год и три месяца пребывания в Афганистане Бурцев был награжден орденом Красной Звезды и орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. Вот тебе — и спецпропаганда, вот тебе — и спецпропагандист 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка.

— Награды за мою, — Владимир на секунду задумывается, подбирая нужные слова, — за мою работу, вернее, за мой труд, военный труд.

Я бы еще добавил — за тяжелый, на грани фолла, запределный труд военного спецпропагандиста. Из рассказов Бурцева я быстро уяснил, что его профессия очень и даже, слишком очень отличается от моего представления, полученного после просмотра вышеуказанного кинофильма.

Представьте себе, что нашим войскам для выполнения боевой задачи нужно совершить рейд по территории, контролируемой вроде бы нейтральными моджахедами. Да, сегодня они проявляют, якобы, лояльность к советским войскам, а — завтра? А завтра (восток-то — дело тонкое, Петруха, не зря говаривал товарищ Сухов) от этих самых «духов» можно ждать любую подлянку. И, чтобы не случилось этой самой подлянки, спецпропагандист Бурцев накануне операции встречался со старейшинами селений, с командирами отрядов, договариваясь о временном перемирии, о нейтралитете. Все семь раз — каждый случай Владимир помнит до мельчайших подробностей — подобных «мероприятий», когда нашим войскам Бурцев обеспечивал «зеленую улицу», ни одной осечки, ни одного «экса» не происходило.

— Другие войска,— Бурцев под «другими» войсками подразумевает не десантуру,— не пользовались таким авторитетом у противника и, порой, попадали в переделки. На наши условия на таких встречах старейшины и командиры соглашались не задумываясь — знали не понаслышке, что десант всегда держит слово.

Кроме этих семи, можно сказать масштабных переговоров, он бесчисленное количество раз участвовал в переговорах, как сам отмечает, «не отходя от КПП», в близлежащей «зеленке», получая нужную информацию от «засланных казачков». В той самой «зеленке», в которой двоих солдат — среди врагов не разевая «дувало» — захватили в плен «духи».

— Через трое суток вернули в целости и сохранности,— поясняет Бурцев.— Вернули, естественно, не задаром — пришлось немало поработать с местным населением и в конечном итоге выставить «на кон» семь мешков гречки и ящик ручных гранат. А куда денешься-то — жизнь наших солдат дороже.

Авторское отступление.

На задания Бурцев обычно ходил с переводчиком, хотя до Афганистана целый год в специальном учебном заведении до умопомрачения денно и ночью изучал, учил, зубрил (как кому нравится) язык ДАРИ. Попутно штудировав военно-политическую географию, религию, обычаи, экономику и т. д., и т. п. Афганистана и сопредельных стран. А переводчик был нужен для того, чтобы помогать разобраться в местных диалектах и других нюансах чужого языка.

В феврале 1989 года 345-й полк вывели в Кировабад, а в апреле полк в составе других сил был срочно переброшен для тушения «пожара» в Тбилиси.

— Чего только не наговаривали на нас эти «храбрые портняжки из Тбилисо».— Бурцев ехидно улыбается.— Надо же, «солдат-десантник гнался с саперной лопаткой за старушкой три километра». Это заявление равносильно, а может даже и круче, жеванию галстука известным лицом. С самого начала я был с солдатами в самой гуще событий — да, дай нам команду «Фас!» и никого бы рядом не стояло без всяких там лопаток.

Своим третьим орденом — орденом «За личное мужество» — Бурцев был награжден за участие в миротворческой миссии в Северной Осетии в конце 1993 года. Занимая должность то ли психолога, то ли еще какую-то по работе с личным составом в 51-ом полку, он спешно был вызван заместителем командира дивизии гвардии полковником Савиловым в штаб дивизии (как будто в штабе не было своих «политработников» — пруд пруди) для усиления группы управления сводным полком, убывающего на Северный Кавказ.

— С Чечней тогда еще не было конфликта, но однажды на границе Ингушетии и Чечни дудаевцы захватили нашего офицера и группу солдат. Не дожидаясь приказа — в этом подразделении я был старший политработник (так еще нас тогда называли) — я побежал с полотенцем, вроде как с белым флагом парламентария в распоряжение дудаевцев. Надо сказать, что их командира я прекрасно знал — наши подраз-

деления стояли по обе стороны границы, и мы часто с ним переговаривались «за жизнь». Подхожу к нему с полотенцем на плече и с глубоко засунутыми в карманы брюк руками и выпаливаю: «Только не тронь моих рук — в них гранаты с выдернутой чекой». Он ошалело уставился на меня и произносит: «Ты, мол, что — дурак?». Так и просидел четыре часа с руками в карманах с ним за столом, пока не привели захваченных. Всех отдали, но автоматы присвоили себе. И на том — спасибо. Но руки затекли ужасно — как раки вареные стали. Да, после этого моего самоуправства я от Савилова — царство ему Небесное — получил жутчайший нагоняй. Тем не менее, он и подписывал мне наградной лист.

Четвертый орден — орден «Мужества» — за Чечню, за первую Чеченскую войну в начале 1995 года.

— За Югославию еще имеется НАТОвская медаль.— Подводит черту нашему разговору мой давнишний приятель Володька Бурцев.— Ну, само собой разумеющееся, всякие юбилейные и все три «песочные» медали.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

Позабыть обо всем,
что в беспамятстве явью казалось,
Позабыть обо всем, что царапало душу порой.
Я усталость гоню...
Только снова приходит усталость...
И устало мерцает
сквозь облако луч золотой.
Коченеет ладонь...
О себе говорить не пристало...
Все слежу, как на свечке
колеблется узкий огонь.
То почти оживет...
То внезапно поникнет устало.
А ладонь поднесешь —
все равно коченеет ладонь.
Как болит синева!..
И любимая нет, не со мною...
Эти полунамеки,
где только печаль — наяву.
Синеву женских глаз неспроста нарекли синевой —
Синевую упиться...
И снова нырнуть в синеву...
Только там, в синеве,
заскорузылыми чувствами тая,

Этот край, где и время не лечит,
Где пытается встревоженный взгляд:
«И о чем ты кричишь, человеке?..
Еле слышно... А стены дрожат...»

* * *

За все, что было — вдвойне плати,
И только себя вини...
Жена сказала: «В кафе ходи,
Но с той, где любви — ни-ни...
Все остальное — смертельный грех...»
Давно не дразня молву,
Зову нелюбых... А ты из тех,
Кого я не позову...

* * *

Годы уплыли... А что изменилось?
Тоненький прутик зачах.
Кто в это время, скажите на милость,
Думал о русских цветах?

Мчалось и корчилось время лихое,
С дьяволом было на «ты» ...
Вот и завяли цветы в травостое,
Вот и завяли цветы...

Не получилось понежиться в росах,
Родиной мучаясь впрок...
Так и остался всего отголосок,
Робкий и чахлый росток.

Так и остались следы ножевые,
Жизнь обращая во страх...
Так и остались цветы неживые
В память о русских цветах.

* * *

Не в смирительной рубахе, но смиренный,
Дернув ворот, что под петлями ослаб,
Ты растерянно проходишь над геенной —
Полу-ухарь, полу-нежить, полу-раб...

Пусть давно подперты кольями ворота,
Пусть не брита эта сизая щека,
Ничего тебе, родимый, неохота —
И соседи это знают, и века...

Только ухарем «пройтица» по ухабу,
Только выпятить чахоточную грудь,
Только цыкнуть на испуганную бабу,
Только сыто, после шкалика, икнуть...

Ну а следом и сама придет дремота,
И приснится размалеванная суть.
Ничего тебе, родимый, неохота —
Только выпить да чужое умыкнуть...

Разве к истине бывает путь окольный,
Хоть безумие и тьма со всех сторон?
Но с давным-давно забытой колокольни
Вдруг послышится небесный перезвон.

И почудится немислимое что-то
В том, как плачет растревоженная медь...
Ничего тебе, родимый, неохота —
Лишь за все это сражаясь, умереть...

* * *

Что-то кровь чернит и тянет жилы,
Берedit с рассвета до темна.
Так заворожила, закружила,
Так заледенела тишина.
И бредешь, спеша заворожиться,
Сквозь молчанья траурную медь,
Чтобы задохнуться, закружиться,
И свое — печальное — пропеть...

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

ЧАСОВЫЕ АДЖИМУШКАЯ
(к 5-летию Крымской Весны)

*Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*

СОВЕТСКИЙ КРЫМ

Советский Крым!
Забыть нельзя его!..
Я поклониться вам готов,
Гостеприимные хозяева
Курортных крымских городов!

Я вспоминаю Нину, Колечку,
Взгрустнувшего их кобеля
И конуру, где снял я коечку
За два доельцинских рубля.

Да что мне нужно? —
Я ж не жадина, —
Кафешку близкую и душ.
Ведь и студента солнце жарило
Одно,
И люксовских чинуш...

А море ласковое пенилось —
И влажной нежностью дыша,
Смирялась и не ерепенилась,
Не зная зависти, душа.

И ничего не ждал от быта я —
Но ждал от бытия всерьез,
Что тайну всякого события
Душа поймет над бездной слез.

Не зря ж стремится быть невинною,
Простору вечному — родной,

Сверяя суть свою глубинную —
С морской соленой глубиной!..

И от родства того бездонного
Весь мир хотелось целовать —
И кобеля жалеть бездомного,
Пуская на ночь под кровать...

КИММЕРИЯ

Я не ехал не из лени
В этот край меж двух морей —
Я не мог простить измены
Раю юности моей.

Жил в душе с укором детским,
С горем плачущим своим,
Что увижу не советским,
Не родным навеки, Крым...

Ни один не дрогнул мускул
На лице — не выдам боль:
С не советским и не с русским —
Обнимаюсь я с тобой.

Превозмочь хочу обиды
Ослепляющую страсть —
Ведь потемкинской Тавриды
У России не украсть!

Всех важней хитросплетений
И превыше всех интриг
Исторические тени
Русских гениев твоих.

Насмерть врублены в долины,
В ярость моря, в твердость гор —
Скрип карет Екатерины,
Нежный пушкинский глагол.

Мы навеки киммерийцы!
И, что здесь теперь в гостях,
Нам и суд императрицы,
И потомков — не простят!

И зачтется ли, не знаю,
Иль вину усугубит —
Схима четвертьвековая
Моих слез, моих обид...

ЕСТЬ ОРУЖИЯ СЛАВНОГО ПРАВДА

В Феодосии нет Колизея —
Ты об этом, конечно же, знал,
Но не ведал о важном музее,
Что хранит боевой арсенал.

В его зале, где память Победы
Катит к горлу волнения ком,
Между пушками возле торпеды —
И землячка моя со штыком.

Трехлинеечка, как же ты ржава:
Съела лик твой морская вода!
Ну и тех, кого встретило жало,
Уж нигде не найдешь, никогда!

Помнишь: пули вбивала, как гвозди,
Расцветая в умелых руках!
Растворились арийские кости
В киммерийских солончаках...

Есть оружия славного
Правда —
И кричит она в уши Кремля:
Крым — святая земля Сталинграда,
Крым — и Тульская наша земля!..

В УСАДЬБЕ ГРИНА В СТАРОМ КРЫМУ

Наконец-то! Вот мне и награда:
Я в усадьбе Грина, я в Крыму!
Пару слив из гриновского сада
В Тулу я, на родину возьму.

Говорят, что это на удачу,
На любовь и нежность, на стихи!
Может быть, я жизнь переиначу,
Может, отмолю свои грехи.

И всего добыюсь: в большом и в малом —
И для той, из мира «Майкрософт»,
Стану наконец-то самым алым
Из неvirtуальных парусов.

Знаю: ей, компьютерной особе,
Часа нет — взглянуть по сторонам,
Но она — из гриновских Ассолей,
Из его Бегущих по волнам.

Ночью просыпается и грезит:
Грзя ждет
Иль Грина самого.
Будет она верная, как Дэзи —
Нина Николаевна его.

С ней, с такой — и в бурю я не сгину,
И коль все случится, как хочу,
Всей семьею мы приедем к Грину —
И сорвем для дочки алычу!

Боже мой, как просто стать счастливым! —
Верить ветру,
Верить небесам,
Верить алыче и верить сливам,
Верить своим алым парусам!!!

НА КАЗАНТИПЕ

Это волн прощальный всхлип,
Их напутствие немое.
Меч Азова — Казантип:
Слева море, справа море.

У твоих стою глубин,
Как монах, принявший постриг.
Жизнь мою ты разрубил:
Слева — до, а справа — после.

Научи блюсти посты
Гордый стих мой — слов бречанье,
И хотя бы дорасти
До премудрости молчанья.

Чтобы стал в конце концов
Он молитвою самою!..
Горизонт блестит, свинцов:
Слева — море, справа — море.

Я вот-вот в него шагну,
Как в Поэзию!
Ей Богу,
Нужно выбрать в ней одну —
Не обманную дорогу!

И чурается душа
Празднословного дурмана.
Слева — гнили Сиваша,
Справа — двери океана...

АМАЗОНКА

Пропели первые — поют вторые петухи,
Рассветной свежестью долин пропитан полумрак.
О, как прекрасны, как полны прелестной чепухи
В Крыму услышанных легенд —
Цветные сны в горах!..

Бежать! Бежать, покуда спит хозяйка этих птиц,
Готовых крикнуть в третий раз, являя силу дня,
Пока верны мне компас звезд и резвость кобылиц,—
И завтра очи новых дев посмотрят на меня.

Я знал всегда: любовь — игра, поэтому пора!
Хозяйка спит: спит лук ее, и стрелы и кинжал.
Но как расстаться с ней:
С мечтой, что встретила вчера,—
Когда за миг ее любви мне ничего не жаль?

За день единый рядом с ней, за вечер и за ночь,
За шепот ветра от волос, летящих по плечам,
За роковую нежность рук — я подарю ей дочь,
Чтоб никогда не умирать таинственным очам!

И если так заведено в их варварской стране,
Что смертью платят за любовь,—
Душа не закричит!
Кольчугу верную свою оставляю на стене,
Перед отравленной стрелой — не поднимая щит...

ТАМ, ГДЕ ВОЛНЫ БИЕНИЕ ЗЛОЕ ...

Там, где волны биенье злое,
Где даль туманна, холодна:
«Я встретил Вас, и все былое...» —
Мне пела женщина одна.

Глаза горели,—
И от гари,
Которую не продышать,
Сначала мы не убегали,
Потом — решили убежать.

Она пошла, как полетела,
Плащом шуршащим полоща, —
И что-то выразить хотела
Всем, даже шелестом плаща.

И вновь на тропочке туманной,
Где скал алеющий оскал,
Пел голос женщины желанной —
И от себя не отпускал!

И было так невыносимо,
Что на ветру — она поет,
И шторма яростный басина —
Ей высказаться не дает!..

БЕСЕДКА

Что сети крон,
Ветвей густых преграда,
Влюбленным,
Коль сердца их расцвели? —
Беседка, вся в объятьях винограда,
Легко нас отрывала от земли.

В такие облака нас уносила,
Такие открывала небеса!
Была ты, как магнолия, красива,
И гибкая была ты, как лоза...

Здесь ни к чему банальные детали:
Их знают все, кто побывал в Крыму,—
О главном я:
Что крылья выросли!
У каждого — по одному крылу.

И стоит ли сегодня удивляться:
Мы так любили наше НЛЮ,
Что до сих пор
Не хочет приземляться
Ни левое, ни правое крыло!..

ОСЕНЬ В ЩЕЛКИНО

И пена грязных туч, и хмарь, и неба просинь,
И сливы на тропе, что цвета янтаря.
Мне важно было знать, как в Крым приходит осень,
И я остался здесь в начале сентября.

И вот внезапный шторм, и вот пустынность пляжа,
Где места не найти, казалось бы, вчера —
Унылый негатив роскошного пейзажа.
Зато какой простор для мыслей и пера!

Простуженный Азов рычит косматым зверем.
Уже не до чудес. Какие чудеса?
От хмеля волокитств так быстро мы трезвеем
И ветреных подруг теряем адреса.

Но если вдруг любовь случилась, как награда
За то, что видел свет, хотя и шел на дно —
Дай вызреть той любви, как гроздьям винограда,
Дай превратиться ей в элитное вино.

Чем бережней ее, чем дольше в сердце носим —
Тем выдержанней жар, изысканнее вкус...
Она еще прочтет про щелкинскую осень,
Где ты ее назвал прекраснейшей из муз!

НА МОГИЛЕ ЮЛИИ ДРУНИНОЙ

*Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина. 1943

Юлия Владимировна Друнина,
Моего Наставника — жена,
Лены — мать,
Советчица — подругина,
На Земле такая Вы одна!

Боже мой, как Родина изранена:
Все пинают, как бы невзначай!
Новостями сердце протаранено,
Хоть проклятый «ящик» не включай!

Вы опять нужны ей, санитарочка,
Вы опять нужны ей, медсестра!
Палочка ее и выручалочка,
Что с собой Вы сделали вчера?

Как хотел я встретить Вас, бесстрашную —
Поучиться петь и сострадать.
Завтра мне, я знаю, в рукопашную!
Там своей судьбы не угадать.

Маленькая—маленькая пулечка —
И в снегу мне долго замерзать.
Как же Вы нужны мне завтра, Юлечка,—
Поддержать, спасти, перевязать...

ЧАСОВЫЕ АДЖИМУШКАЯ

Уходили мы из Крыма...

Николай Туроверов

Самой страшной бедой не сломлен,
Рук в отчаянье не опуская,
Встань и вспомни каменоломни
И колодцы Аджимушкая!

Я сюда заглянул однажды
По совету экскурсовода —
Я почувствовал муку жажды,
Видя, как добывают воду,
Как во мраке вгрызаясь в камень,—
Не какие-то там умельцы,—
Пробиваются к ней кирками
Окруженные красноармейцы!

Здесь, у Керченской переправы,
Отступление прикрывая,
В ореоле посмертной славы
Часть сражается боевая!
Что там,— слушает,— на причалах?
Не десант ли? — Ударить разом!
Но по-прежнему лай овчарок
И каратели травят газом!..

Ей никто не придет на помощь —
Отомстить собирает роты:
Завтра вылазка ровно в полночь —
Со штыками на пулеметы!
Слышно в камере, где «больница»,
Просит раненый санитарку —
Не, как раньше, воды напиться,
А позволить пойти в атаку.
Чтобы света — хотя бы лучик,
Чтобы ветра и чтобы воли,
Чтобы встретить, уже не мучась,
Смерть счастливую — в чистом поле!
Но от выемки госпитальной
До подземного их погоста
Путь последний его недалний —
Сосчитать не успеешь до ста...

Страстотерпцы великой жажды!
Вновь равнение на ваше знамя
Похороненных сразу дважды:
В подземелье и под камнями!

Мы в колодце ракетной шахты,
Поминаем вас гордым словом,
Заступая на наши вахты
В мире этом, таком суровом.
Потому что у вас учились
Интуицией, словно зондом,
Находить корабли в пучине,
Дроны видеть за горизонтом.

Даже, может, кипя от гнева,
Так дотошно бы не сумел я
Просканировать наше небо,
Слушать землю и подземелья,
Если б не было вашей правды
Героического дозора!

Расшифровывая доклады
Непреклонного гарнизона,
Поздравляю себя с удачей,
Что и это теперь могу я,
Ваш разряженный передатчик
В недрах прошлого пеленгуя...

На Россию собак спуская,
Зря грозят ей судьбою Рима —
Часовые Аджимушкая
Никогда не уйдут из Крыма!

Николай Тимохин

(г. Семипалатинск, Казахстан)

**«ПЕЧАЛЬ НЕПРОЙДЕННЫХ ДОРОГ»
Переводы сонетов Джона Китса**

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор многочисленных книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России, Канаде и Германии. Зам. главного редактора по международным литературным связям авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия, Россия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь). И. о. зав. отделом поэзии литературно-художественного журнала «Приокские зори» (Тула, Россия). Награжден многими грамотами, благодарственными письмами и дипломами от редакторов журналов России, Белоруссии и Германии.

ПОСВЯЩЕНИЕ ЛИ ХАНТУ, ЭСКВАЙРУ

Пропали в мире блеск и красота.
Но ранним утром посмотрев вокруг,
Мы фимиамом насладимся вдруг,
Чтоб снова победила доброта.

Мы видим толпы молодых невест,
У них в корзинах разные цветы —
Они нежны собою и просты.
Обогатятся флорой много мест

И принесут немало наслаждений.
А я судьбу благодарю за это,
И Бог лесов Пан — вечен, без сомнений,
Он темноту заменит ярким светом.

Стих этот лучший из моих творений.
И пусть он станет для тебя приветом.

**ХЕЙДОНУ, ВМЕСТЕ С СОНЕТОМ,
НАПИСАННЫМ ПОСЛЕ ПРОСМОТРА
МРАМОРНЫХ СКУЛЬПТУР,
ПРИВЕЗЕННЫХ ЭЛДЖИНОМ**

Прости, но, Хейдон, я храню молчанье
О том, что думаю уже давно.
Что крыльев не имею, все равно
Искать свою мечту мое призванье.

Но знай, что робость это наказание,
Раскаты грома слышатся извне.
И геликоновы ручьи доступны мне
А сделать я хочу тебе признание:

Мои стихи посвящены, поверь,
Кому ж еще? Тебе лишь одному.
Узнают это люди пусть теперь
И следуют примеру моему.

Вечерняя звезда вновь к счастью дверь
Откроет нам, разгонит злую тьму.

**ПЕРЕД ТЕМ,
КАК ПЕРЕЧИТАТЬ «КОРОЛЯ ЛИРА»**

О, вечная легенда с лютней! Ты
Плюмаж Сирены — красоты создание,
Из прошлого далекого воззвание.
Своею дивной музыкой мечты

Захлопни том, пусть будет тишина.
Прощай! Переживать мне снова спор
Меж прахом и проклятьем — полный вздор,
Шекспиром наслаждаюсь я сполна.

Поэт! Пусть Альбиона облака
Великой темой станут для тебя,
Чтоб не блуждал в пустынных снах века,
Когда почувствуешь ты жар огня.

И крылья Феникса я в дар приму,
Чтоб полететь смог к счастью своему.

ВНОВЬ К ХЕЙДОНУ

Великим душам на земле приют.
У озера они и водопада,
Иным на гору Хелвеллина надо,
Они оттуда всем привет пошлют.

Находит кто-то и в ручье уют,
Его улыбка людям всем услада.
Она кому-то станет как награда,
В ней шепот Рафаэля узнают.

Другие души в стороне стоят
И века нового ждут наступленье,
Его приход ускорит добрый взгляд
И сердце станет радостней стучать.

(На торжище далеком) с восхищеньем
В его удары вслушайтесь опять.

ЧАТТЕРТОНУ

О, Чаттертон, судьба твоя печальна!
Ты — неудач сын, бед и нищеты!
Во власти смерти стал и темноты,
И жизнь вся твоя многострадальна.

Но голос твой в стихах оставил след
И он собою победил злой рок.
Хоть умер ты как молодой цветок,
Ты — гений и сомнений в этом нет!

Теперь ты меж созвездий в Небесах,
Талант твой многогранен и глубок.
И гимны исполняешь, а в словах
Лежит печаль непройденных дорог.

И люди помнят о твоих делах,
Не все их только завершить ты смог.

**О[БРИ] Д[ЖОРДЖУ] СПЕНСЕРУ.
ПО ПРОЧТЕНИИ ЕГО ВОСХИТИТЕЛЬНЫХ
СТИХОВ В ЭТОМ (ПРИНАДЛЕЖАЩЕМ
МИСС РЕЙНОЛЬДС) АЛЬБОМЕ,
С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПОПЫТКОЙ
ВОЗДАТЬ ИМ МАЛУЮ ДАНЬ.**

Где отыскал ты лиру, юный бард?
Как наиграл мелодию такую?
Испытывая к музыке азарт?
Иль тягу к Аполлону боевую?

С меня же Муза хочет взять расчет
За то, что этой я пошел тропой.
Она мне может счастье принесет,
И стоит спорить ли тогда с судьбой?

Кто с портера слегка сдувавший пену,
Ее пуская ветру словно вслед,
Тем самым мотыльку найдя замену,
Твоим слал Музам с радостью привет?

И дамы за тебя вкусят пусть стойко
Медовую и тминную настойки.

К НИЛУ

Сын старых лунных африканских гор!
Ты — пирамид и крокодилов дом.
Ты — плодороден, но при всем при том,
Одна пустыня поражает взор.

Кормилец смуглолицых много лет,
Как кажется, настолько ль ты богат?
Немало ведь людей в песках лежат
И каждого из них потерян след.

Пусть лучше ложью станет этот миф,
Незнание порождает пустоту.
Камыш рососою свежей напоив,
Собою дополняешь красоту

Восхода солнца. Щедр и бережлив,
Спешишь изведать моря широту.

ЛЕДИ, ВСТРЕЧЕННОЙ НА ПРОГУЛКЕ В ВОКСХОЛЛЕ

Как будто море времени пять лет
Мои часы песок пересыпали.
От красоты твоей спасенья нет
И плена избежать ее едва ли.

Но стоить мне на небо бросить взгляд,
Как вижу свет твоих красивых глаз.
Я восхищаться розой снова рад.
Душа моя летит к тебе сейчас.

Я вновь смотрю на сказочный цветок
И приложить хочу его к губам.
Появится любви моей росток,
Который передаст тепло рукам.

Но радости мои все реже стали,
Приносишь ты собой одни печали.

Петр Свистунов

(г. Химки, Московская область)

Свистунов Петр Вячеславович, родился в 1995 году, живет в г.Химки Московской области. Публиковался в «Литературной газете» и сборнике «Поэзия XXI века» издательства «Беркхаус». Победитель IV межрегионального конкурса «Золотой микрофон» в номинации «Авторское слово» и финалист Чемпионата «Дыши поэзией» в номинации «Поэзия».

К 75-ЛЕТИЮ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Победа начинается с того,
Что ты бросаешь грустный взгляд назад —
На залпами сожженное село,
Куда вступает твой заклятый враг.

Победа начинается, когда
Иссякли силы дальше отступать,
Сдавать врагам родные города,
Друзей в сырую землю зарывать.

Победа создается в тот миг,
Когда сосредоточен на одном —
Любое место, где родной звучит язык
Так дорого, как материнский дом.

Победа прорастает из любви,
Когда последнее боишься потерять —
Когда лицом к врагу, а позади
Осталось то, чего нельзя отдать.

Пускай терзают зимние ветра
Под Ленинградом или под Москвой;
Но если за тобою правота —
Останется победа за тобой.

Пусть кажется — во времени сгорят
Победы, на которых мир мы зиждем —
Но вспомнят внуки, поблагодарят,
Когда минует четверть века трижды.

СТРАШНЫЙ СОН

Мне приснилось, что где-то в далекой стране,
В мрачном городе, в каменной башне
Ты сидишь у окна и тоскуешь по мне,
И одной тебе плохо и страшно.

Мне приснилось, что стражники в черных плащах
Не дают тебе выйти наружу —
Днем и ночью стоят у дверей на часах;
А над городом вороны кружат.

И хотел я помочь, и хотел я прийти,
Но не мог отыскать я дороги —
В тот таинственный город не сыщешь пути,
И ты вряд ли дождешься подмоги.

Каково же бездействовать было и знать,
Что ты где-то сидишь в заточенье,
И, наверное, вечно там будешь страдать...
Но прервало меня пробуждение.

А на следующий день мне приснилось еще,
Что ты прыгнула с башни, разбилась —
Ведь тебя не поймал я.
Но как хорошо,
Что все это мне только приснилось.

* * *

В синем море, под водою,
На огромной глубине
Корабли лежат веками
И хранят забытый клад.
Глубже моря — только чувства.
В глубине души моей
Дремлет, словно поджидая
Своего аквалангиста,
Клад, потерянный когда-то —
В море злобы и обиды
Затонувшая любовь.

* * *

В ясный день и в мрачное ненастье
О душевном я прошу тепле.
Я хотел бы умереть от счастья,
Если б было счастье на Земле.

КОСМОНАВТ

Это значит, что ты на Земле;
Это значит, что нужно как прежде
Принимать за реальность надежды
И спастись от вьюги в тепле.

Это значит, окончена вахта,
И заполнен журнал судовой;
Это значит, о жизни простой
Загрустишь на победных пирах ты.

Из межзвездной дали возвращаясь
Понимаешь, что все как всегда —
Точно так же шумят города,
От течения лет не меняясь.

И соседи шумят так же точно,
От вопросов квартирных зверей;
И опять виноваты евреи;
И Луна усмехается ночью —
Над тобою, должно быть, хохочет...

То ли дело в межзвездном пространстве —
Красота! И зовет ветер странствий,
Новый взлет тебе скоро пророчит.

...и однажды в предутренней мгле,
Сжав покрепче штурвал звездолета,
В тихий космос отправится кто-то,
Чтоб опять тосковать по Земле.

МНЕ 22

Мне двадцать два, и в возрасте моем,
Каким бы это ни казалось странным,
Мой дед уже женился, стал отцом,
Да и отец ухаживал за мамой.

Моя судьба отнюдь не такова.
Мне двадцать два, а чувства словно мертвы.
И лишь с глухой тоской вздыхаю я,
Узнав, что друг поспорил с четвертой.

Мне двадцать два, и творчества угар
Мне заменил страстей любовных голод.
Для легких отношений слишком стар,
А для серьезных, право, слишком молод.

ХОЛОДНОЕ

Снова настала осень.
Просим тепла у Создателя,
Сидя ночами возле
Электрообогревателя.

Кофе глотая молотый,
Твержу и твержу: «Небожители!
Снова темно и холодно
Стало в моей обители».

Халатом пуховым греясь,
Не выключая конфорки,
Снова замазкой клею
Щели в оконных створках,

Где за стеклом качается
Луна половинкой диска...
Терпение истощается —
Зима ведь и вправду близко.

В ответ лишь молчание. Попусту
Обманутое поколение
Просит ночами у Господа
Скорее включить отопление.

ПОДЗЕМНОЕ

Остановка поезда метро,
Но не на перроне, а в туннеле —
Словно смотрит Бог тебе в нутро
И, пускать ли дальше, не уверен.

Остановка. Темнота вокруг.
Ты считаешь долгие мгновенья.
А когда колес раздастся стук,
Резко выдыхаешь с облегченьем.

* * *

Крепись, из гребня вынимая
От жизни поседевший волос —
Ведь все, что нас не убивает,
Потом попробует еще раз.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Определенность создал Бог,
Но не для нас с тобой.
Из Книги жизни вырван клочок
Безжалостной рукой.

Из Книги жизни вырван лист,
И не понять теперь,
Был он заполнен или чист,
Куда закрылась дверь.

Нам не понять теперь вовек
Ждать счастья иль беды.
Увы, не знает человек,
Что в планах у судьбы.

Поставлен был для нас с тобой
Вопроса жирный знак,
Но наша выдержит любовь
Шквал жизненных атак.

Надежду незачем терять,
Все хорошо пока,
Хоть можем лишь предполагать —
Не знать наверняка.

Не следует гадать, куда
Была закрыта дверь.
И пусть загадочна судьба,
Но в лучшее ты верь.

Из Книги жизни вырван клочок
Безжалостной рукой.
Определенность создал Бог,
Но не для нас с тобой.

Конечно же, не стоит ждать
Под солнцем легких мест.
Вопроса был поставлен знак,
Но он отнюдь не крест.

Василий Домрачев
(г. Казань)

ДУМАЛ — ВЕЧНАЯ ТРОПА
Стихотворения

Домрачев Василий Иванович, родился в деревне Русская Гарь Моркинского района МАССР в 1948 году, окончил в 1972 году физический факультет Казанского государственного университета. Работал в Казанском научно-исследовательском институте радиоэлектроники ведущим инженером-конструктором. Печатался в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Волга XXI век», «Идель», в республиканской периодике. Автор трех книг стихов.

ДЕТСТВО

Все те же восходы там
за дальним леском алеют,
раздолье моим цветам,
боярышнику и хмелю.

Там шумно идут дожди,
ребят зазывая в лужи.
Меня ты уже не жди,
мой дождь озорной, мой лучший.

А ты смешно не мурчи,
уж я тебя не поглажу,
за печкой меня не ищи,
котенок зеленоглазый.

Там так же искрят снега,
и слепнут на солнце нивы,
и так же бела река,
и горка моя, и ивы.

* * *

Это место святым
про себя назову.
Полевые цветы
и платок на возу.

По росе, на заре
кто еще кроме нас тут?

Далеко на бугре
только дуб коренастый.

* * *

Сложить не успели ветки,
уже озорной малышок
в малиновой встал беретке —
вечерний костерок.

Сидим на сосновых шишках
и смотрим, как небольшой,
как наш с тобою мальчишка
играет с темнотой.

ПОДСОЛНУХ

Вот лужи немного подсохнут,
нам снова бежать по пыли.
Качнет головою подсолнух,
и грустью душа заболит.

О, горькие, мы не ценили,
что было когда-то в руках.
Большими надеждами жили,
да все они в сущности — прах.

За окнами осень гуляет,
и в желтом дыму тополей
еще впереди ожидает
нас много ли солнечных дней?

* * *

Думал — вечная тропа,
да пошла по ней трава.

И остались мне у ног
белый донник и вьюнок,

незабудок синих вязь.
И прошу, прошу, клонясь,

у единственной земли:
— Только бы не отцвели!

КОЛОДЕЦ

И ворот расколот, и цепь истерлась —
кого только он не поил на веку.
Стоит без ведра, по самое горло
заросши травой, в зеленом кругу.

А стежки-дорожки другой источник
теперь окружают и боготворят,
и сруб у забытого червь источит,
и влажный от счастья померкнет взгляд.

* * *

Не стихнет грусть по прожитому дню,
которая под вечер замечает,
что солнце повернулось к октябрю,
сухой и пожелтевший лист летает.

Лишь на природе вижу — не могла
жизнь до метелей оставаться в мае.
Как горько — земляника отцвела,
как хорошо — калина созревает!

* * *

На пристани публика — млад и стар,
от радости солнце плавится.
Минута-другая — и яхта «Nord Star»
уйдет в кругосветное плаванье.

Мое ликование не только в том,
что флаг по-казански полощет —
на палубе яркой в мужчине худом
я вдруг узнаю — Сашка Тоцев!

На счастье бы выдохнуть пару слов,
ладонь укрепить ладонью,
но требует ветра душа парусов,
торопит в Левант, в Каледонию.

Держись, если выгнется вал морской.
Не дрейфь, коль волна подкинет!
Пусть будет попутный ветер с тобой
и добрых семь футов под килем!

В ЛЕСУ

Идя лесной и сумеречной глушью,
включаю я светильники полян.
Сучки, мои включатели ножные,
легко и громко щелкают в траве.

Я так люблю мешать прохладу леса
с горячностью любви, мечты, стихов,
я так люблю бродить в середине лета
среди хвойных и березовых лесов.

Моя душа — из бересты березы,
а позвоночник — из ствола сосны.

А речь моя из родников берется,
что лесом в сонных травах рождены.

Лети, плечи, сердечко, — лист осины.
Идут дожди иль солнце жарит — пусть!
Не жди, пока проляжет след лосиный,
у нас с тобой воздушней все же путь.

ДВЕ БЕРЕЗКИ

По любви, по родству? — выше склона
две березки растут — одна крона.

Здесь, где я мну траву и ромашки,
и смотрю в синеву, на барашки,

где душа так светла и укромна,
два белеют ствола — одна крона.

Я качаюсь в тени, мысли где-то.
Что за солнце, взгляни, что за лето!

Мы с тобой — ты и я! — под покровом.
Две березки стоят — одна крона.

* * *

Иду не спеша по лесу, черня язык черникой,
увидю толпу волнушек — знакомлю с кузовком.
На светлой лесной поляне ломаю я ковригу
и медленно пью сухое вино глоток за глотком.

Такое вокруг сиянье от солнечной короны.
Вот этим пожаром-словом да мне бы обладать!
А в небе не кроны сосен, могучих сосен кроны —
плывут в синеве высокой зеленые облака.

* * *

На столике садовом лепестки
лежат, как будто белые чешуйки.
Не окуней ли вишен ветерки,
держа за хвост, вторые чистят сутки?

На стыке шлангов капает вода.
И муравью не одолеть преграды.
Лишь желтых одуванчиков орда
и маргаритки той протечке рады.

Неспешный шмель, явив басовый лет,
заполнил гулом солнечную сцену...
Крадется ночь. Запомнить надо все:
и мураша, и вишню, и вербену.

Игорь Елисеев
(г. Ростов-на-Дону)

Родился в Ростове-на-Дону. Окончил Пятигорский госпединститут иностранных языков. Издал 15 книг стихов, переводов и пр. Стихи переводились на английский, чувашский, карачаевский, ингушский, болгарский, непали, польский, сербский, португальский языки. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Рукопись». Награжден памятной золотой медалью «200 лет М. Ю. Лермонтову», дипломом «Лучший автор альманаха «Литературная Канада-2016» и др. наградами.

Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы.

СТИХИ О ГОРАХ

Когда тебя опять окликнут горы,
Подставь плечо усталому хребту,
И глаз твоих коснется свет, который
Здесь до тебя срывался в пустоту.

Над пропастями прочно стой, смогли же
Под ноги бросить скалы эту твердь!
И будет жизнь тебе родней и ближе,
И проще и понятней станет смерть.

* * *

Звучала песня среди гор,
на крутизне зеленых пастбищ,
как будто кто-то душу настезь
распахивал во весь простор.

Пел карачаевский пастух,
среди цветов альпийских лежа,
так, что мороз гулял по коже,
так, что захватывало дух.

А я спускался по тропе,
завороженный этим пеньем,
стремясь в долину с нетерпением,—
я свои песни все пропел.

Я отдал их чужим лугам,
и было грустно так и сладко,
а за спиной моей палатка
качалась в такт моим шагам.

* * *

Рыжие горы Абхазии,
снег на далеких хребтах.
Теплая зимняя Азия
вкусом хурмы на губах.

Мне по-весеннему весело
чувствовать это тепло.
Пальма одежды развесила,
нежа зеленую плоть.

И на безлиственных веточках
ярко алеет хурма.
Что за немыслимый свет в очах
мне подарила зима?

Не ледяная, не снежная
в думах о прошлом печаль,
а удивительно нежная,
словно открытая даль.

Может, мы больше не встретимся,
но, чтобы память сберечь,
помни, продутая ветром вся,
ты мою русскую речь.

* * *

Мы уже давно не замечали
ранней зорьки тоненькую нить.
Мы давно не вглядывались в дали
с детской жаждой новое открыть.

Не брались решительно за лямки
сбранного мигом рюкзака.
И, устроясь на лесной полянке,
не ловили взглядом облака.

Не держали в трепетной ладони
уголек мерцающей звезды.
На колени падая в поклоне,
из ручья не пили мы воды.

Не бежали средь цветов по лугу,
не вдыхали запахи травы.

И уже давным-давно друг другу
мы не говорили о любви.

* * *

Бродя среди сосен по каменным склонам,
Любуйтесь прекрасным, дышите озоном,
Следите за играми диких животных
И слушайте пение птиц беззаботных.

И жизнь вам покажется чудом и раем,
Где мы не страдаем и не умираем,
Где нас не преследуют, топят и губят,
А ценят всегда, понимают и любят.

И если покажется этого мало,
Сомкните ресницы, вздохните устало
И, как в гамаке, среди солнечных нитей,
На хвое опавшей навеки усните.

Леонид Щербина

(г. Экибастуз, Павлодарская область, Казахстан)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Леонид Иванович Щербина родился 18 марта 1986 года в г. Экибастузе, Казахстан. Образование средне-специальное. Работает по специальности: монтажник. Стихи пишет с 18 лет, с большими перерывами. В 2019 году впервые публиковался на сетевом портале «Точка Зрения».

* * *

Всю ночь дождик, утешая, капал,
Копил — накапливал монеты луж.
...Наверное я не хороший папа
Наверное, не самый лучший муж.

Свободен я, а все-таки не волен,
И должен спать — мешают мне долги.
Платить придется совестью и болью,
А утром скажут — встал не с той ноги.

И на рассвете выпавшийся будто —
Помятый не подушкой, а судьбой,
Жизнь распишу на годы поминутно,—
Ежеминутно видаться с тобой.

...Наверное я не хороший папа
Наверное, не самый лучший муж...
...Всю ночь дождик, утешая, капал,
Копил — накапливал монеты луж.

* * *

Не случайный осколок
Выжиг в сердце узор,—
Вот знакомый поселок,
Вот знакомый забор.

Пасти дыма над кровом
Снег как сахар жуют,—
Значит живы здоровы,
Значит в доме уют.

А по этой тропинке
Ходит в сад моя дочь.
Это просто снежинки
Под ресницами — в ночь...

Сигарета остынет...
И поеду долой...
И никто мне не крикнет:
«Возвращайся домой!»

* * *

Мне нужен кто-то. Под пальто
Тепло надолго не сберечь,
Кальсоны, шапка, шарф — не то.
Мне кто-то нужен не для встреч.

Не то, чтоб греться по ночам —
Мне кто-то нужен навсегда.
Та, по которой так скучал, —
Не тот, кто нужен. Вот беда.

Возможно нужен ей сейчас.
Кто хоть однажды предавал,
Предаст тебя еще не раз.
Я тот, кто это осознал.

Кто душу выстрадал до дна
Не разменяется на страсти.
Мне нужен кто-то. И Она
Уже обречена на счастье.

* * *

Я устал. Не от боли сердечной,
Просто поздно с работы пришел.
Далеко еще мне до конечной —
У меня теперь все хорошо.

Больше я не пожалуюсь маме,
Не напьюсь, как свинья, коньяка.
Как вам быть, вы решаете сами.
Я — готов за рога взять быка.

Не везет мне — я буду нарочно
Спотыкаться и падать лицом,
Пока кто-нибудь в небе заочно
Мне не выдаст за это диплом.

Я устал, но еще не сломался.
Помню, как-то померил петлю —
Трос стальной надо мной оборвался,
С той поры эту жизнь я люблю.

* * *

А я такой же, как всегда,
Но только больше улыбаюсь.
В стакан души — кусочки льда,
И я уже не обжигаюсь.

Плывет застенчиво луна.
Какая милая улыбка!
Она, наверно, влюблена...
Не повторяй мои ошибки.

Нет, я о прошлом не грущу,
И ни о чем не сожалею.
Кого любил, тех отпущу.
Кого обидел — пожалею.

Кто научил меня в страданиях:
Любить и пить до дна нельзя,
А раны лечат расстоянья —
Желаю мира вам, друзья.

* * *

«Не стоит клясться мне на век,
Что ты сотрешь мои печали.
Я очень сложный человек,
И ты сбежишь, как все сбегали.

Не привыкай ко мне, прошу.
Мы очень скоро разбежимся —
Нет, я тебя не укушу,—
Тебе со мною не ужиться».

А мне смешно — я дурачок.
Люблю, когда ты отшиваешь,
Потом ложишься на плечо
И сладко — сладко засыпаешь.

Ты не похожа на других.
Ты не цветок в начале мая.
Ты моя муза, ты мой псих,
Ты моя самая дурная.

Хочу у ног твоих разбиться —
Осколки собирай сама.
Я в тебя уже влюбился.
Я уже сошел с ума.

* * *

Все для тебя, одной и милой,—
Вся жизнь моя и труд, и быт.
Скажи, какой я чудной силой,
Как снег, к ногам твоим прибит,

Гонимый вьюгой, в тьме кромешной,
На твой, ветрами сбитый, след?
До первой оттепели вешней —
Ревниво спросишь ты в ответ?

Верь - шалость с юностью проходит,—
И хоть нарочно жилы рви,—
Но все сильнее сердце бродит
На вечных чувствах и любви.

Другая чувства не разбудит,
Пусть буду вечно я хмельной,
Но для меня уже не будет
На свете женщины другой.

* * *

Я нашел тебя, и не случайно
В городе неделю шли дожди,
Ты любила дождь необычайно.
Но дожди прошли. Ты подожди.

Не спеши в подъезде растворяться,
Не спеши домой сушить белье,
Не могу еще налюбоваться
На лицо красивое твое.

Нам еще остались эти лужи,
Не обсохли тополя в лучах.
Мне еще необычайно нужны
Локоны сырые на плечах.

Никогда тебя я не обижу,
Не налью глаза твои тоской,
Только может больше не увижу
Я тебя счастливою такой.

Юрий Токарь

(г. Днепропетровск, Украина)

НОВЫЕ СТИХИ

Токарь Юрий Евгеньевич, 1967 г. рождения. Стихи, рассказы, очерки публикуются на Украине, в России, Белоруссии более пятнадцати лет, в том числе в журналах «Приокские зори», «Южная звезда». Автор романов «Учитель» и «Воля Божья?». Преподаватель физики, математики в школе, на Украине.

* * *

И выпавший снег стал водой под ногами,
А утром земле он дарил волшебство,
Чудесной мечтой пролетая над нами,
Являя небесное лишь естество.

Но жизнь не стоит, замирая, как фото.
Сменяется грусть на улыбки порой.
Случайно иль нет, но рождается что-то,
Способное в лето поверить зимой.

Правдивость, она не всегда горделива,
Мила и наивна, как детские сны.
Однако в душе и чиста, и красива,
И так первозданна, как эхо весны.

Пускай же растает морозная злоба,
А лед превратится в надежды ручьи.
Надежды, в которую верим мы, чтобы
Наветы на нас не мешали ничьи.

* * *

Ты где-то сейчас за туманом рассветов,
Но главное, что на планете Земля.
И даже в мороз, а не в знойное лето,
Уверен,— во встречи не верить нельзя.

Случайностей бег не предсказан и снами,
И кажутся взгляды случайными, лишь
Пускай километры сейчас между нами,
Вдыхая надежду, по жизни скользишь.

Дорога исчерчена, будто коньками,
Загадочны знаки на гладкости льда.
Куда повернуть, выбираем мы сами,
Но Волею Божьей творится судьба.

О, как же постигнуть подсказки в скольжении?
Возможно ли все рассчитать наперед?
Конечно же, нет, красота от движенья,
Сама нас куда-то упрямо ведет.

* * *

Не ходите грязными ногами
Ни по Вере, ни по тишине.
Небо видит все, что будет с нами,
Знает о надежде и войне.
Знает о предательствах убогих,
И о тех, кто властвует греша.
В Библии написанные строки
Лучше прочитайте не спеша?
Нет мудрее книги на планете,
И ее боятся силы зла,
А Молитва Богу на рассвете
Души к всепрощению вела.
Церкви в удивлении застыли,—
Неумытость к Храму подошла.
Впрочем, и ее они простили,
Даже все безумные слова,
Все желанья вмешиваться грубо
В невесомый наш духовный мир.
Зло, оно само себя и губит,
Даже если Бог его простил.

* * *

Опять по мосту над надеждой перронов
И мимо спешащих навстречу людей,
Под звуки стучащих об рельсы вагонов
Бежишь ты упрямо за жизнью своей.
А суетность так увлекает умело,
Что душу не просто читать по утрам.
В событий же реку ныряешь не смело,
И веришь, пока что, наверно, слезам.
Но все же, так важно мелодию слышать,
Куда-то зовущую сердце твое.
Она поднимается выше и выше,
И с ней хорошо будет, точно, вдвоем.
Беги же, нельзя разминуться с рассветом,
А тени пускай не мешают и днем?
Тебя ожидают вопросы, ответы...
Быть может, и вместе когда-то споем?

Андрей Линник
(г. Харьков, Украина)

СОНЕТЫ

Родился в 1970 году в Харькове. Окончил Богословско-педагогические курсы при Харьковской Духовной Семинарии. Член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Союза русских писателей Восточного Крыма, литобъединения «Стражи весны». Член художественного совета и пресс-службы Харьковской областной организации ВТС «КЛУ» и МСП. Руководитель поэтической студии «Кастальский ключ». Лауреат литературной премии имени «Молодой гвардии». Лауреат XXIV Международного поэтического конкурса «Пушкинская Лира», учрежденного Международным Обществом Пушкинистов (Нью-Йорк, США, 2015). Лауреат и дипломант многих международных и всеукраинских поэтических фестивалей и конкурсов. Автор книг «В начале пути» (Харьков, 2014), «Катарсис» (Харьков, 2017) и свыше 800 публикаций в периодических изданиях, сборниках и альманахах. В поэзии наиболее лаконичной и гармоничной формой считает сонет.

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ С КРЫМОМ

Зима ушла, метелью отклубив.
Я терпеливо с крымским побережьем
Ждал встречи вновь и не терял надежды
Увидеть тихо плещущий залив.

Здесь бриз прибрежный, словно боязлив,
Чуть зыбит гладь морскую безмятежно.
Лазурь небес бездонна и безбрежна.
Тавриды помню ласковый мотив!

«Сонату моря» (кажется, «Финал»)
Чюрлениса я часто вспоминал...
С мечтой о море пережить обиды —

Немного легче было для меня.
И вот — приехал (жаль, что на три дня!),
Поклон тебе, земля Керкинитиды!

СРЕДЬ ПУЧИНЫ БУЙНОЦВЕТЬЯ

Как Пастернак,— о феврале навзрыд,—
Так, видимо, и мне писать о мае.
Как не любить его — не понимаю,
Не может лучезарный быть забыт!

Мне хочется, отбросив ложный стыд,
Пред вишней, что цветет, благоухая,
Пасть на колени, песнь Творцу слагая.
Зима ушла, а с ней — и гнет обид.

Цветет сирень. Черемуха цветет.
Фруктовые деревья и каштаны
Покрыты белым цветом, словно манны

Небесной сладкой лег на них налет.
Забуду среди пучины буйноцветья
Все ужасы ушедшего столетья.

НА ИСХОДЕ МАЯ

Я опьянен цветением акаций,
Но близится к концу душистый месяц май.
И лето красное поет: «Меня встречай!
Пришла пора для смены декораций».

Пух тополей кружится в белом танце.
Синички тинькают: «Весну не забывай!»
Чирикание веселых воробьиных стай...
У темы этой много вариаций.

Я встречу лето, как встречают зрелость,
В заботах и трудах не покладая рук.
Как маем надышаться мне хотелось!

Но жизнь летит стрелой, год совершает круг.
Всему есть свой черед, своя граница.
Лишь молодость моя не возвратится.

ТАБЛИЧКА «ВЫХОДА НЕТ»

«Выхода нет» — лаконична табличка в метро.
Было бы странно увидеть табличку иную.
Кто же страну на колени поставил родную?
Может, в своем искажил ее зеркале тролль?

Долго мы шли и протоптано множество троп,
Верили, строили... Все неужели впустую?!
«Что же нам делать?» и «Кто виноват?» — негодуем.
Мы повторили судьбу Вавилонов и Трой.

Что ж так трагична страны нашей странная роль?
Веник мы свой, распустив на отдельные прутья,
Поняли поздно: легко и сломать, и согнуть их.

Нынче и рады б назад — да потерял контроль.
Вот и маячит табличка пророчеством горьким...
Господи Боже, спаси нас, упрямых и гордых!

УКРЕПЛЕНИЕ ВЕРЫ

О, Господи, как хочется дожить
До тех времен, когда не будет бойни,
Закончатся усьобицы. Достойней
Тогда могли бы мы Тебе служить.

Да, видно, так не будет. Дорожить
Своею верой учишь в беспокойный,
Жестокий век, когда бушуют войны
И к гибели влекут нас миражи.

Когда все «гладко» — вера не крепка.
И вновь на брата братская рука
Заносит меч... И кровь питает землю.

Стреляет в славянина славянин,
Забыв о том, что корень их — един.
Дай малым стадом быть, любовь приемля!

Владимир Корнилов
(г. Братск)

«ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ»

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

СЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

С возом сена проехал вечер.
Где-то крикнул протяжно кочет.
Вьется в небо дымок из печек.
Снег скрипит, будто кто хохочет...
В избах бабы заводят тесто,
Достают из подвалов брагу.
Заждались женихов невесты —
Эй, сваты, прибавляйте шаг! —
...В первый раз я иду на такое —
Сердце бьется во мне, как птица:
Вдруг мне скажут, что я не стою, —
Мол, не вышел еще жениться...
Так я шел, ничего не слыша,
Даже ног под собой не чуя.
Над домами нависли крыши,
Тишиною мой страх врачуя.
Только верил в любовь девчонки —
Самой милой и самой нежной,
Самой стройной, веселой, звонкой —
В ней судьба моя и надежды.
...Никогда женихом я не был, —
Ни одной из невест не сватал...
И, с мольбой обращаясь к небу,
Я молитвенных слез не прятал.
...Льнет деревня окраиной к лесу,
Убегает дугой к оврагу.
Подоспели в селе невесты —
Пьют сваты молодую брагу.

ВЕСНА

Синеют сопки. Даль ясна.
Над Ангарою всплески чаек.

В сапожках розовых весна
Меня на улице встречает.
От горизонта тонкий след
Пронзил лазурный купол неба.
Февраль прошел... Он словно не был,—
В последних числах таял снег...
Водоворот весны и муз —
В нем боль моя на самом донце.
А вон в коляске карапуз
Свои ручонки тянет к солнцу...
Весна! Весна! А песня где ж?
Чтоб в даль звала и ширь открывала!..
В душе моей опять мятеж —
Бунтует молодая сила...
Кипит в размытых лунках снег
И прожигает тротуары.
И юность, радуясь весне,
Уже настроила гитары...
Синеют сопки. Даль ясна.
Над Ангарою всплески чаек.
Идет по городу весна,
В ладонях солнышко качая.

ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ

Весна хмельной неожиданной страстью
Вдруг ворвалась в людскую кровь,—
И стала бедствием, напастью —
Нас опьянившая любовь...
Мальчишки, ошалев от счастья,
Пускают в небо голубей.
И даже частые ненастья —
Не портят радости моей...
С зарей проснувшись, жаворонок
Весенней радостной порой
Зальется песнею спросонок
Над лучезарной Ангарой.
Ее подхватят птичьи трели,
Нарушив будничный уют.
...Нам вновь, как звонкие свирели,
Ручьи до полночи поют.

ВЕСНОЮ

А воздух весенний так пахнет цветами,
Березовым соком, сиренью, дождями,
И медом душистым, и хвойным настоем,
Землей, разомлевшей под солнечным зноем.
...Улыбками красен, нарядами женщин —
Весь воздух весною любовью просвечен...
Он звонок от смеха и разноголосья —
В нем зреют веселого счастья колосья.

УВИДЕВ ВАС, Я СЕРДЦЕМ ОБМИРАЮ...

Скучаю я по Вам, моя Голуба!
По солнцу в синем поднебесье глаз.
Как целовать я жаждал Ваши губы!
Как ждал любви я трепетной от Вас!..
При виде Вас я сердцем обмираю
От светлых чувств восторга и любви.
Моя любовь сродни безумству мая,
Как дар весенний в этом «селяви»...
Вы так юны и хороши собою.
От злых наветов Вас хранит Господь.
Он одарил Вас дивною судьбою.
Вам душу дал и трепетную плоть...
...С мечтой о Вас встречаю я рассветы.
Ночами мне Вы грезитесь во сне...
Мои стихи и нежные сонеты —
Они о нас, — о Вас и обо мне.
...И пусть Ваш смех серебряный растаял
В разлуке стал он тише и бледней.
Но незабвенным он в душе оставил
Восторг любви и память светлых дней.

* * *

Ты, сама того не ведая,
Стала светом для меня
Над заботами и бедами
В вечной сутолоке дня...
Небо синее качается
В камышах твоих ресниц.
Может, жизнь тебя нечаянно
Увела с моих страниц?..
Ты похожа на Аленушку
В ярком шалевом платке.
...Интересно, чья ж ты жenuшка
С перстнем солнца на руке?

* * *

Белый смерч завьюжил над дворами,
Рыкнул в окна — и пошел гулять.
Месяц май уже не за горами, —
А в Сибирь зима пришла опять...
За окошком, побелев от злости,
Воет вьюга, ветры голоса.
Неуютно дома... Может, в гости
Нас с женой сегодня пригласят?

Людмила Козлова

(г. Бийск, Алтайский край)

ИЗ КНИГИ «СТРАННИЦА ВОЙНЫ»

* * *

Поднимешься до света — ни с чего,
Или увидев сон какой-то вещий.
Далекий ген программы кочевой
Цветущей степью, духом травным плещет,
Зовет в дорогу. Выглянешь в окно —
Пустынный город в проблеске фонарном.
И, кажется, завалены давно
Пути кочевий мусором базарным.

Асфальт, как панцирь, тесен и жесток,
И все мертво в бетонной серой гамме.
И лишь собака, сбросив поводок,
Все носится и носится кругами.

ПАМЯТИ СЫНА

Мы видели с тобой один и тот же сон,
На плато, в горные отроги
Был ветром каждый вознесен,
Где долгий бег в пустыне без дороги
Нас должен был соединить.
Небрежно нить ручья в ущелье бросил Велес.
Хотелось пить,
Ты помнишь, пить хотелось.
Но я тебя любила, так любила,
Что ты взлетел к высоким облакам —
Откуда брал ручей свое начало.
А я, полет боясь остановить,
Вдруг замолчала.
И вот одна. Карминовый закат
Пустынным скатом всплыл над перевалом.

* * *

Ты мне не позвонишь, не позвонишь
Оттуда.

Я не забуду голос твой,
Не спутаю с чужою вязью нот.
Но не уходит ожиданье чуда.
Не виновата в этом — Бог дает.
И к прошлому возврата нет, я знаю,
Но жду его,
Как мать ребенка ждет.
Горит костер и память жжет.
Так незаметно, тихо, странно
Разлука в омут смотрится. Ноябрь.
День роковой.
Осеннее молчанье, словно рана,
И желто-горькое — прощай.

* * *

Первая буря гудит — вестница холода.
Сорваны, перемолоты листья последние.
Голые корни. Голые ветви.
Где ты? Где ты, где ты?
Ветер яростный, день распластанный,
Где ты, ясный мой, мой единственный?
Не поверю, что сердце выстыло,
Жаром-холодом бьет неистово,
Словно током в пять тысяч вольт. Жаль —
немного в мире истинно —
Кольт серебряной пулей выстрелит,
Да Любовь отведет печаль.

* * *

Он попал...
Он попал под машину времени —
Неудачно попал, и вот — травмирован.
Вмятина саднит на темени,
Плачет душа его сирая,
Страшная.
Жив он, но эта победа пиррова —
Так, ничего не значащая отмашка.
Последняя вышла из строя рубашка,
Ноги босы, а главное, паспорт потерян.
Которому был он все время верен.
И вот — нет любимого документа.
А два мента уже пристально ждут.
Кажется, это — последний редут.

АССОЛЬ

Взявшись за руки в футболках полосатых,
Словно бы из тех годов тридцатых,
Шествует задумчивая пара.
И не то, чтоб имя Фелицата

Показалось вычурным и старым,
Просто их любовь прошла когда-то.
Говорит он тихо: «Фелицата!»,
Но не скрыть существенный изъян —
Вечным сном стареющего ската
Фелицата чует океан.
Растворяясь в сумраке Каперны,
Притворяясь впадинами дна,
Незаметно, медленно, но верно,
Покидает милого она.

* * *

Хороша «Корола» —
вместительна и респектабельна.
Четверо мальчиков, смеясь,
подбегают к дверце.
Словно ларец табельный,
Словно сердце сезама,
Она вскрывается, и вот они
на экзамен едут.
Но только один из них
Проекзаменован и пропущен
Туда — в эту долгую, долгую жизнь.
Это его папа —
Владелец «Королы»,
а заодно и короны банкира.
Трое мальчиков — будут лишними,
Даже если каждый из них умен.
Их давно вожделеет все тот же Ирод.
Вишни падают. Осень.
Желтый... Нет — золотой сон.

* * *

Говорят — времена всегда трудные,
Говорят, времена не выбирают.
А что выбирать,
если — всегда одно и то же.
Времена не трудные — нудные,
Противные, вязкие, как пластилин.
Но если задуматься,
то пластилину — всяк господин.
Попробуем вылепить себе счастье,
На солнце рассветное похожее.
Время — так, пустое слово расхожее.
Нет никакого времени.
А счастье — вот оно,
Бьет в окно лучами горячими.
Встречайте его,
Тогда и поймете, что это значит.

ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Погасли окна, лишь пролеты лестниц —
Ступени в небо — свечками стоят.
Сегодня звездопад, кудесниц ночь,
А проще — ведьм, летающих созданий.
А между зданьями провалы черных дыр.
Смотри, мой друг, не упади в тот тесный мир.
Меня там нет, ты не смотри туда,
Не верь магнитным линиям, мой милый.
Они устремлены, но в никуда —
В провалы черной силы, просто в смерть.
Тебе повторно умереть нельзя,
шагая в измерение кривое —
Я помню все —
Улыбку и глаза,
Сияние твое живое.

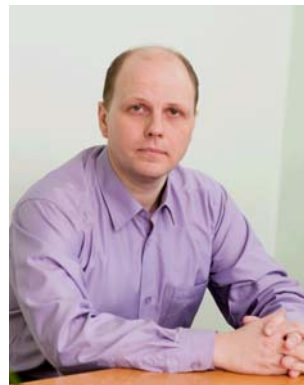
ПРОШЛОЕ

Я помню о том, что в теснинах гранита
Сокрыта когда-то гудевшая жизнь.
Слоями уложено прошлое в камень.
То давнее время вошло васильками.
Я глажу руками, как пламя костров,
Их синие звезды
Сквозь толщу столетий,
Сквозь сон катастроф.

Александр Конопля

(п. Буди, Харьковская область, Украина)

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ *

Триптих

Родился в поселке Буди (Харьковская область). Окончил физико-технический факультет Харьковского государственного политехнического университета. Работает инженером-конструктором в АО «Турбоатом». Автор шести поэтических сборников. Лауреат литературных премий имени Владимира Сосюры и Михаила Матусовского. Член Межрегионального союза писателей, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Творческой ассоциации литераторов «Слобожанщина», а также Международного клуба православных литераторов «Омилия».

1

Тишина идет по снегу.
Ночь морозна и ясна.
Яркий месяц смотрит с неба
В душу каждого окна.

Звезды, радость не скрывая,
Ждут далекую звезду
И, восторженно мерцают,
Разговор легко ведут.

Нарядились в шубы хаты,
Уплывает ввысь дымок,
И стоит, зимой объятый,
Близ Диканьки хуторок.

2

Черт шkodливый снег бросает,
Подметает бородой,
За бок сам себя щипает,
На Солохин глядя дом.

Уместив в кармане месяц,
Разбудив метелей рой,

* По мотивам повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». К 210-летию со дня рождения великого русского писателя.

Черт коварный полон мести,
Скачет, вертится юлой.

Как пройти сквозь эту темень?
Как пройти сквозь эту мглу?
Даже звезды улетели,
Сев на ведьмину метлу.

Только скоро праздник светлый!
Скоро праздник Рождества!
Путь отыщется заветный,
И придут любви слова.

3

Вновь гудят громко хлопцы,
И девичий слышен смех,
Вновь на небе месяц ловкий
Светит весело для всех.

Наступает час колядок
И святого торжества,
Час, когда душе отрадно
И кружится голова.

Щедры потчуют поющих,
Наполняются мешки.
Сатана оседлан злющий.
Ждут приема казаки.

И летит кузнец Вакула
Сквозь пространство и века,
Чтоб любимая обула
Два чудесных башмачка.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

«БОЛЬНОЙ СЧИТАЕТ СЕБЯ ПОЭТОМ...»

О творчестве Вениамина Блаженного*

1

Завершающим аккордом его потрясающе мучительной жизни, как и у любого другого человека, стала Смерть. Но именно Смерть с большой буквы, слово, которое поэт всегда, наравне со словом Бог, писал именно так. Два этих понятия были существом и сутью всего творчества Блаженного, из-за них он был обречен на заведомое непечатанье и безвестность, именно их только и считал достойными своего пера. О смерти заговорил с самых первых своих, еще юношеских, стихов, уже в неполные двадцать четыре года начал называть себя в них стариком, с Богом окончательно «сошелся», если можно так выразиться, на

закате жизни, когда в семьдесят пять лет принял крещение... И было бы, несмотря на кажущуюся кошунственность этих слов, удивительно несправедливым, если бы кончина поэта, всем своим творчеством символизировавшего «приготовление к небесам», оказалась лишь тихим и благодостным уходом в мир иной... Нет, он, казалось, и смерть был приговорен вкушать ужасающую, как отнюдь не случайно прожил всю жизнь с безногой женой — и это тоже частица его поэтической судьбы. Как слепота Гомера или глухота Бетховена...

Клавдия Тимофеевна, та красавица-казачка, некогда напрочь разорвавшая все связи с родными, восставшими против ее брака с полунцим странноватым евреем по фамилии Айзенштадт, все эти годы была ему и женой, и нянькой, и секретарем, и защитницей от всех невзгод. Инвалид первой группы, потерявшая ногу на войне, она так никогда и не сумела возвратиться к своей первоначальной профессии медика и провела всю свою трудовую жизнь в инвалидном бюро за печатной машинкой... Когда ее разбил инсульт, поэт окончательно утратил всякий интерес к существованию, даже не вышел на улицу вслед за гробом жены. Не от бессердечия, разумеется, — просто это было выше его истаявших сил. Он и до этого уже лет пятнадцать не выходил из дому по болезни, а тут окончательно впал в беспамятство, пережив свою страдальницу-супругу всего на двенадцать дней и завершив свою брнную связь с этим миром в социальном отделении одной из городских клиник. В свидетельстве о смерти

* В Белоруссии учреждена литературная премия им. Вениамина Блаженного, лауреатами которой являются и представители «Приокских зорь» — главный редактор журнала и его заместитель Яков Шафран.

записали, что случилось это тридцать первого июля 1999 года. Хотя находившиеся рядом люди утверждают, что умер Вениамин Михайлович на день раньше, тридцатого. Просто в соцотделении тоже своя статистика, кого-то в этот день уже записали в покойники, а за двоих сразу могло и нагореть от начальства...

2

Если развернуть личное дело поэта Вениамина Блаженного, которое хранилось в Союзе писателей (после того, как Союз белорусских писателей разделился, сейчас вообще не известно, куда задевались эти бесценные страницы), нетрудно обнаружить любопытные вещи. Например, узнать, что в писательскую организацию его приняли... в семьдесят лет, спустя четыре с лишним десятилетия после того, как стихи Блаженного заметил сам Борис Пастернак, в доме которого юный нищелюб, как он сам себя называл, был достаточно частым гостем в конце сороковых годов. Интересно, что даже тогда голоса членов Правления СП разделились поровну — десять «за» и десять — «против». И только выступление мудрого Янки Брыля спасло Правление от позднейшего позора — Блаженного в СП приняли. Чтобы, как выяснилось впоследствии, забыть о его существовании на долгие годы.

Впрочем, к тому времени в его творческом багаже была уже книга стихов «Возвращение к душе», изданная при активнейшем содействии Арсения Тарковского не где-нибудь, а в лучшем издательстве страны «Советском писателе», были публикации в «Новом мире», «Знамени», «Дружбе народов», других авторитетнейших изданиях. Был и тощий минский сборничек «Слух сердца», ожидавший своей встречи с читателем долгие десятилетия. Косвенно о перипетиях борьбы за этот сборник свидетельствует хранящаяся в личном архиве автора этих строк копия «внутренней» рецензии, которую написал для издательства один известный поэт. Копию эту мне некогда подарил сам Вениамин Михайлович. Вот что там говорится, например, о стихотворении, посвященном С. Есенину: «Разве укладывается Сергей Александрович — великий русский поэт и человек трагической судьбы в эту убогую мещанскую схему? И какую нужно иметь наглость, чтобы сравнивать свои безграмотные стишата с бессмертными творениями гения!..»

Прошло всего несколько лет и московский журнал «Вопросы литературы» посвятил анализу творчества В. Блаженного объемистое, в полсотни журнальных страниц, исследование, следом «Литературная газета» причислила его к когорте наиболее ярких поэтов двадцатого столетия, а его стихи попали в составленную Евгением Евтушенко уникальную антологию «Строфы века»...

3

Потрясающая вещь — при всей своей внешней мрачности стихи Вениамина Блаженного на удивление светлые и жизнеутверждающие. Как, например, удивительное стихотворение о Моцарте, который «играет в саду на кларнете»:

*Играет в саду ли, играет в аду ли,
Играет в раю ли — какое мне дело,
Когда, словно пух тополиный в июле,
Куда-то в зенит поднимается тело.*

И чем больше невзгод выпадало на долю этого сына щетинщика из местечка Копысь, что на Витебщине, тем чище становился его поэтический голос — чище, не-

смотря на все тяготы жизни. А их было предостаточно — семья щетинщика Михла Айзенштадта была одной из самых бедных в местечке. И когда отец прослышал, что едва подросший странноватый мальчик пишет еще и стихи, то грустно произнес: «Значит, по нищим на всю жизнь пойдет...». И он действительно «пошел по нищим» — и тогда, когда совсем мальчонкой торговал на витебских перекрестках «сельтерской» водичкой, а местные фотографы бесплатно снимали его в обмен на согласие украсить снимком этого кудрявого, ангелоподобного ребенка свои витрины. И тогда, когда учительствовал во время войны в далекой Горьковской области, где единственной отрадой была забытая Богом библиотека, с книгами А. Белого, Ф. Сологуба, Т. Манна, и он долгими месяцами переписывал эти книги своим бисерным почерком. И тогда, когда возвратился в родную Белоруссию — выше должностей, чем переплетчик или оформитель в инвалидной артели, поэт не занимал никогда. Да и какое там оформительство — штамповал через трафарет буквы «М» и «Ж» для известных заведений... И тогда, когда медики надолго заталкивали его в психушку. С якобы вялотекущей шизофренией. Причем, в качестве симптомов заболевания в истории болезни черным по белому красовалось: «Больной считает себя поэтом...»

Некогда Б. Пастернак протянул ему стопку купюр, рублей четырехста, несметное по тем временам богатство: «Не ходите, ради Бога, голодным, берите, это не последнее...» — «Я не могу есть на деньги Пастернака», — ответил поэт, но купюры взял. Так они и пролежали у него всю жизнь в одном из шекспировских томов. Как дорогая реликвия...

Прожив в Минске почти пять десятилетий, поэт не переставал повторять, что этот город так и не стал родным для него. «Разве назовет заключенный родным место, где его держали в тюрьме?» — не раз произносил поэт, остро переживавший свою оторванность от общего литературного процесса. Хотя оторванность эта была во многих отношениях мнимой. Да и вообще, можно ли изолировать от литературы человека, которому сам Тарковский в одном из писем написал, что не знает, как бы дальше жила и творила Марина Цветаева, имея она возможность прочесть стихи Блаженного? Думается, что подобное попросту невозможно. И уж если текущий литературный процесс практически не оказывал влияния на поэтику Блаженного, то обратная связь очевидна — Блаженный, несмотря на всю свою изолированность, сам влиял, причем, весьма значительно, на литературную жизнь. Никому не следуя, никому не подражая, не имея учеников и последователей, он, тем не менее, сумел не только обнаружить, но и занять весьма заметную нишу в русской поэзии. Нишу, без которой поэзию представить уже невозможно.

Время прижизненных восторгов, сочетавшихся с прижизненным же замалчиванием, равно как и время посмертных покаяний, минуло. Сегодня можно попробовать спокойно разобраться — что же это за феномен такой — поэт Вениамин Айзенштадт, получивший псевдонимы вначале Блаженных, а затем и Блаженный от людей, вроде бы искренне стремившихся помочь поэту познакомить мир со своим словом, оставив в тени фамилию. Как будто можно отделить одно от другого...

Люди, доселе писавшие о поэзии Блаженного, изучали, пусть и скрупулезно, творчество Вениамина Михайловича по его книгам. По сборнику избранных стихов «Сораспятье», например, который увидел свет в одном из негосударственных издательств благодаря активной гражданской позиции известного певца Юрия Шевчука и его товарищей. По сборнику «Стихотворения», выпущенному в Москве незадолго до кончины автора. Блистательная россыпь поэтических сокровищ, особенно во второй книге, составленной с удивительным вкусом. Но в книги эти вошла лишь малая часть из написанного В. Блаженным, одно лишь рукописное наследие которого составляет свыше двадцати толстых, исписанных бисерным почерком, общих тетрадей. И это

только стихи. А ведь есть еще и рассказы, и дневники, и просто философские рассуждения.

Безусловно, все эти материалы еще только ждут своего исследователя. Как условно и то, что лишь изучив все написанное пером этого человека можно делать окончательные выводы о масштабах его дарования.

Тематически Вениамин Блаженный, безусловно, достаточно узок — Бог, Смерть, Женщина, родители, «братья наши меньшие», о которых также написано немало стихов. Вот, пожалуй, и все. Когда я однажды сказал поэту, что создается впечатление, будто он всю жизнь пишет одно бесконечное стихотворение, которое затем просто делит на части, он, подумав, согласился. Попросив, правда, задуматься над уровнем лучших «кусочков». Тут крыть было нечем — очень многие вещи, это действительно вершина, причем такая, выше которой подняться практически невозможно:

*И шепнул мне Господь, чтобы боле не ведал я страха,
Чтобы божьей защитой считал я и гибель свою,
Не над гробом моим запоет исступленная птаха —
Исступленною птахой над гробом я сам запою!..*

Поэт ушел в небытие, так и не получив надлежащего размаху своего дарования признания у себя дома, так и не получив никакой моральной, не говоря уже о материальной, компенсации за десятилетия литературных мытарств. Но с удивительным чувством внутренней свободы, обретенной личной духовной истины, о которой другие, куда более внешне благополучные литераторы не могут и мечтать. Ушел (к своему простецкому, совсем не церковному, Богу), оставив нас решать проблему — гений ли он?

*Анатолий Аврутин,
главный редактор журнала «Новая Немига литературная»,
почетный член Союза писателей Беларуси и Союза
русскоязычных писателей Болгарии, лауреат всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова*

ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ

* * *

...Я так и не пойму, что значит быть известным.
Известны ль облака? Известна ли гроза?
Так почему и мне по тем стезям небесным,
Слезами изойдя, свой путь пройти нельзя?

Лесного соловья не кличут Евтушенко,
Не издают рулад в миллионном тираже,
Но все же соловей рифмует задушевно,
Чтоб в песне дать остыть взволнованной душе.

Зачем же мне стихи предать людской огласке?
«Ах, вот оно о чем!» «Ах, это неспроста!»
Пусть люди на меня взирают без опаски,
Я, в сущности, Аким, к тому же простота.

Я сроду не имел в запасе корки хлеба,
Мне нудный разговор житейский — не с руки...
Я из породы тех, кто сеял в землю... небо
И жил, «шалтай-болтай», как в поле сорняки.

Впритирку к облакам, живу, не зная толка:
Дождем ли расшибусь, истаю ль в синеве...
И долго ль буду жить, иль буду жить недолго —
Об этом не грустит, не помнит соловей.

А слава... Но нигде — ни в чашах, ни в дубравах,
Ни в рощах, ни в полях, ни в зарослях болот
Я, право, не встречал такой пичуги — слава.
...Должно быть, этот вид пернатых не поет.

* * *

Сколько лет нам, Господь?.. Век за веком с тобой мы стареем...
Помню, как на рассвете, на въезде в Иерусалим,
Я беседовал долго со странствующим иудеем,
А потом оказалось — беседовал с Богом самим.

Это было давно — я тогда был подростком безусым,
Был простым пастухом и овец по нагориям пас,
И таким мне казалось прекрасным лицо Иисуса,
Что не мог отвести от него я восторженных глаз.

А потом до меня доходили тревожные вести,
Что распят мой Господь, обучавший весь мир доброте,
Но из мертвых воскрес — и опять во Вселенной мы вместе,
Те же камни и тропы, и овцы на взгорьях все те.

Вот и стали мы оба с тобой, мой Господь, стариками,
Мы познали судьбу, мы в гробу побывали не раз
И устало садимся на тот же пастушеский камень,
И с тебя не свожу я, как прежде, восторженных глаз.

РОДОСЛОВНАЯ

Отец мой — Михл Айзенштадт — был всех глупей в местечке.
Он утверждал, что есть душа у волка и овечки.

Он утверждал, что есть душа у комара и мухи.
И не спеша он надевал потрепанные брюки.

Когда еврею в поле жаль подбитого галчонка,
Ему лавчонка не нужна, зачем ему лавчонка?..

И мой отец не торговал — не путал счета в сдаче...
Он черный хлеб свой добывал трудом рабочей клячи.

— О, эта черная страда бесценных хлебных крошек!..
...Отец стоит в углу двора и робко кормит кошек.

И незаметно он ногой выделяет танец.
И на него взирает гой, веселый оборванец.

— «Ах, Мишка — "Михеле дер нар" — какой же ты убогий!»
Отец имел особый дар быть избранным у Бога.

Отец имел во всех делах одну примету — совесть.

.....

...Вот так она и родилась, моя святая повесть.

* * *

Душа, проснувшись, не узнает дома,
Родимого земного шалаша,
И побредет, своим путем влекома...
Зачем ей дом, когда она — душа?

И все в пути бредя необратимом
Просторами небесной колеи,
Возьмет душа мое земное имя
И горести безмерные мои.

Возьмет не все их, но с собой в дорогу
Возьмет душа неодолимый путь,
Где шаг за шагом я молился Богу
И шаг за шагом изнывал от пут.

Какой-то свет таинственный прольется
На повороте времени крутом.
Но цепь предвечная не разомкнется
Ни на юдольном свете, ни на том.

* * *

Какое мне дело — я мальчик, и только...

Дм. Петровский

Какое мне дело — живой или мертвый
Со мною поет в этом дружном дуэте,
Уже разложил я волшебные ноты,
А Моцарт играет в саду на кларнете.

Играет в саду ли, играет в аду ли,
Играет в раю ли — какое мне дело,
Когда, словно пух тополиный в июле,
Куда-то в зенит поднимается тело.

Когда становлюсь я летающим пухом,
Прошитым иголками знойного света,
И слушаю, слушаю трепетным ухом
Мелодию непреходящего лета.

И Моцарта слушают даже пичуги,
И робко посвистывают в отдаленье,
И вдруг замолкают в сладчайшем испуге,
В сладчайшем испуге, в сладчайшем томленьи...

БЛАЖЕННЫЙ

Как мужик с топором, побреду я по божьему небу.
А зачем мне топор? А затем, чтобы бес не упер
Благодати моей — сатане-куманьку на потребу...
Вот зачем, мужику, вот зачем, старику, мне топор!

Проберется бочком да состроит умильную рожу:
Я-де тоже святой, я-де тоже добра захотел...
Вот тогда-то его я топориком и огорошу —
По мужицкой своей, по святейшей своей простоте.

Не добра ты хотел, а вселенского скотского блуда,
Чтоб смердел сатана, чтобы имя святилось его,
Чтоб казался Христом казначей сатанинский — Иуда,
Чтобы рыжих иуд разнеслась сатанинская вонь...

А еще ты хотел, чтобы кланялись все понемногу
Незаметно, тишком — куманьку твоему сатане,
И уж так получалось, что молишься Господу-Богу,
А на деле — псалом запеваешь распутной жене...

Сокрушу тебя враз, изрублю топором, укокошу,
Чтобы в ад ты исчез и в аду по старинке издох,
Чтобы дух-искуситель Христовых небес не тревожил,
Коли бес, так уж бес, коли Бог — так воистину Бог...

ДУРДОМ

...Тогда мне рваный выдали халат
И записали имя Айзенштадта.
Я сразу стал похож на арестанта.
А впрочем я и был им — арестант.

Окно в решетке, двери на ключе,
Убогость койки и убогий разум...
Свирепость отчужденная врачей,
Свирепость санитарок яроглазых.

Расталкивая шваброй и ведром
Понурых, словно обреченных казни,
Они на нас обрушивали гром
Своей исконной бабьей неприязни.

Обед с нехваткой места за столом...
Но удавалось сбоку примоститься,
А кто и стоя — этаким столбом —
Ладони обжигал горячей миской.

И каждый был и лишний, и ничей...
Мы были сыты — с голоду не пухли:
С капустой обмороженной щи
Казались блюдом королевской кухни.

«Налопались?.. Теперь айда во двор...»
Я пер, как все, зачем-то шагом скорым...
— О, Боже, как ужасен твой простор,
Темничным огороженный забором!..

ГОГОЛЬ

Дм. Мережковскому

Что за страшная ночь: мертвяки да рогатые черти...
Зашвырнут на рога да и в ад напрямиком понесут...
Ох, и прав был монах — приучить себя надобно к смерти...
Переполнила скверна земная скудельный сосуд...

Третьи сутки во рту ни зерна, ни росинки; однако
Был великий соблазн, аж колючий по телу озноб...
Предлагал чернослив сатана, искушитель, собака!..
Да еще уверял, что знакомый приходский де поп!..

Я попа-то приходского помню, каков он мужчина,
Убелен сединою, неспешен, хотя и нестар...
А у этого — вон: загорелась от гнева личина,
Изо рта повалил в потолок желтопламенный пар.

А потом обернулся в лохматого пса и залаял!
Я стоял на коленях, крестился резвей и резвей:
— Упаси мя, Господь, от соблазна, раба Николая!..
— Сбереги мою душу, отец мой духовный, Матвей!..

...А когда прохрипели часы окаянные полночь,
Накренился вдруг пол и поплыл на манер корабля,
Завопила вокруг ненасытная адская сволочь,
Стало небо пылать, зашаталась твердыня-земля.

Я стоял, как философ Хома: ни живой и ни мертвый...
Ну как веки поднимет и взором пронзит меня Вий?..
А потом поглядел в потолок: чьи-то руки простерты,
Чьи-то длани сошли, оградили в Господней любви...

Третьи сутки пощусь... Третьи сутки во рту ни росинки...
Почему мне под утро пригрезилась старая мать?..
Помолись обо мне, не жалея материнской слезинки...
Сочинял твой сынок, сочинял, да и спятил с ума...

* * *

Вот женщина — она встревожена,
Что мужичонка захудалый
Не воздаст ей как положено,
А ей нужны дворцы и залы,
И лесть и грубая, и тонкая,
И даже царская корона,
Чтоб утверждать над мужичонкою
Свою гордыню непреклонно.

Вот женщина — она купается
И не таит своей отваги,
И все ей, грешнице, прощается,
Она ведь тоже вся из влаги,—
Текуче лоно плодоносное,
Текучи груди — два потока,
И все течет, и все уносится,
И все прекрасно и жестоко...

Вот женщина — она доверчиво
Стоит, как вечности порука...
Вселенная ведь тоже женщина
И, стало быть, ее подруга.
Она расчесывает волосы
И вся трепещет, как мембрана,
И вся, как вечность и как молодость,
Творит и гибнет неустанно.

* * *

В калошах на босу ногу,
В засаленном картузе
Отец торопился к Богу
На встречу былых друзей.

И чтобы найти дорожку
В неведомых небесах,—
С собой прихватил он кошку,
Окликнул в дороге пса...

А кошка была худою,
Едва волочился пес,
И грязною бороною
Отец утирал свой нос.

Робел он, робел немало,
И слезы тайком лились,—
Напутственными громами
Его провожала высь...

Процессия никудышных
Застыла у божьих врат...
И глянул тогда Всевышний,
И вещей потупил взгляд.

— Михозл,— сказал Он тихо,—
Ко мне ты пришел не зря...
Ты столько изведаль лиха,
Что светишься, как заря.

Ты столько изведаль бедствий,
Тщедушный Мой богатырь...
Позволь же и Мне согреться
В лучах твоей доброты.

Позволь же и Мне с сумою
Брести за тобой, как слепцу,
А ты называйся Мною —
Величье тебе к лицу...

* * *

У женщин не стареют голоса,—
Или с тобой одной такое чудо?...
Откуда этот голос?... Ниоткуда.
Но почему он свежий, как роса?

Мы столько лет не виделись с тобой,
Что впору говорить не о разлуке —
О смерти... Но растут из смерти звуки,
И даже звук становится судьбой...

ДЕВОЧКА

Та девочка,— а я ей был смешон,—
Ходила, как мальчишка, в грубых гетрах.
Она дружила с ветром и с мячом,
И с веслами, и с теннисной ракеткой.

И странно: столько лет и столько зим —
Событья, перемены, годы, лица,—
А девочка мерещится вблизи,
А девочка хохочет и резвится...

Она стоит, откинувшись слегка,
Беспечная, у сетки волейбольной,

И сквозь нее проходят облака,
Проходят дни и годы, и века...
Ей хоть бы что — ни холодно, ни больно.

БЛАЖЕННЫЙ

Все равно меня Бог в этом мире бездомном отыщет,
Даже если забьют мне в могилу осиновый кол...
Не увидите вы, как Спаситель бредет по кладбищу,
Не увидите, как обнимает могильный Он холм.

— О, Господь, ты пришел слишком поздно, а кажется — рано,
Как я ждал Тебя, как истомился в дороге земной...
Понемногу землей заживилась смертельная рана,
Понемногу и сам становлюсь я могильной землей.

Ничего не сберег я, Господь, этой горькою ночью,
Все досталось моей непутевой подруге — беде...
Но в лохмотьях души я сберег Тебе сердца комочек,
Золотишко мое, то, что я утаил от людей.

...Били в душу мою так, что даже на вздох не осталось,
У живых на виду я стоял, и постыл, и разут...
Ну а все-таки я утаил для Тебя эту малость,
Золотишко мое, неразменную эту слезу.

...Ах, Господь, ах, дружок, Ты, как я, неприкаянный нищий,
Даже обликом схож и давно уж по-нищему мертв...
Вот и будет вдвоем веселей нам, дружкам, на кладбище,
Там, где крест от слезы — от Твоей, от моей ли — намок.

Вот и будет вдвоем веселее поэту и Богу...
Что за чудо — поэт, что за чудо — замызганный Бог...
На кладбище в ночи обнимаются двое убогих,
Не поймешь по приметам, а кто же тут больше убог.

* * *

Я всего лишь душа, а душе быть положено нищей
И оглядываться, не бредет ли за нею костлявая тень,
И положено ей ночевать на забытом кладбище,
Паутинкою тонкою где-то висеть на кресте...

Я всего лишь душа, а душа это только свобода,
Та свобода, которая бродит с дорожной клюкой и сумой
И грозит небесам императорским жезлом юрода —
Почему оно, небо, как пес, увязалось за мной?..

* * *

Разыщите меня, как иголку, пропавшую в сене,
Разыщите меня — колосок на осенней стерне,—

Разыщите меня — и я вам обещаю спасенье:
Будет Богом спасен тот, кто руки протянет ко мне!..

Разыщите меня потому, что я вешее слово,
Потому, что я вечности рвущаяся строка,
И еще потому, что стезя меня мучит Христова,
Разыщите меня — нищebroда, слепца, старика...

Я не так уж и слеп, чтобы вас не увидеть, когда вы
Забредете в шалаш, где прикрыта дерюгою боль
И где спрячу от вас я сияние раны кровавой,—
Я боюсь — я боюсь, что в руках ваших ласковых — соль...

* * *

Этот странный любовный недуг,
Когда женщина, вовсе чужая,
Самой близкою кажется вдруг —
И лицо полыхает от жара...

Как же мог я ее упустить,
Как я мог прозевать это чудо?..
Но ведь вся она — миг во плоти
И бог весть появилась откуда...

Я не видел таких никогда,
Словно мне на ладони упала
Замечтавшаяся звезда,
Неземного осколок металла...

Но она не бездушный металл,
А телесная жгучая тайна..
Я ее полстолетья искал,
А другой ее любит случайно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДУШЕ

Где б ни был ты, в толпе или в глуши,
Погрыз ли в дрызгах грешного расчета,
Тебя пронзит звериный крик души,
Стучащей, словно нищенка, в ворота.

Ты жил, уйти от вечности спеша,
Греша в своей беспамятной дороге..
И вот она — стоит твоя душа
У смерти на затоптанном пороге.

* * *

Беспризорные вещи умерших людей,
Те, что пахнут, как пылью, тоской,
Попадают к старьевщику или в музей
И на свалке гниют городской...

Беспризорные вещи, что помнят живых,
Их движенья, привычки, тела...
Сколько время им ран нанесло ножевых —
И прикончило из-за угла...

Беспризорный халат, беспризорный жилет
На краю одиноком стола,
Беспризорная трубка — и пыль на столе,
И — шепоткою — пепел, зола...

Беспризорные вещи как вестники бед,
Их молчание, их серизна...
Что-то грозное есть в их бездомной судьбе,
Что-то вешнее, ждущее нас.

* * *

Я к Богу подойду на расстояние плача,
Но есть мышинный плач и есть рыданье льва,
И если для Христа я что-либо да значу, —
Он обретет, мой плач, библейские права...

Я к Богу подойду в самозабвенье стона,
Я подойду к Нему, как разъяренный слон,
Весь в шрамах грозových смятения и урона, —
Я подойду к Нему, как разъяренный стон...

Но есть и тишина такой вселенской муки,
Как будто вся душа горит в ее огне, —
И эта тишина заламывает руки,
Когда ничто, ничто ей не грозит извне.

* * *

Я мог бы и тогда сказать вам простодушно:
«Не трогайте меня», когда еще был мал
И улетал в зенит стезей своей воздушной,
Куда меня поток воздушный поднимал.

Я мог бы и тогда сказать вам всем строптиво:
«Не трогайте меня, сумеете обуздать
Всегдашнюю свою дотошную ретивость
И дайте мне свой срок до срока отстрадать...»

Я мог бы и тогда все высказать упреки,
Но со своей тоской томился в немоте:
«О, Боже, — как с Тобой вдвоем мы одиноки, —
Не те мы в небесах и на земле не те...»

* * *

Я больше не буду с сумой побираться
И прятать за пазухой крылья нелепо,
Пора мне поближе к себе перебраться,
Пора мне вернуться в Господнее небо.

Пора мне на небо ступить осторожно,
Пора мне коснуться лазури устами...
Пускай мое сердце забьется тревожно,—
Я вновь на пороге своих испытаний.

И в небе разбуженного восторга
Шепну я, пришлец, обливаясь слезами:
— Ах, вот она, Бог мой, та черствая корка,
Что я для Тебя сберегал в мирозданье!..

* * *

Опять я нарушил какую-то заповедь Божью,
Иначе бы я не молился вечерней звезде,
Иначе бы мне не пришлось с неприкаянной дрожью
Бродить по безлюдью, скитаться неведомо где.
Опять я в душе не услышал Господнее слово,
Господнее слово меня обошло стороной,
И я в глухоту и в безмолвие слепо закован,
Всевышняя милость сегодня побрезгала мной.
Господь, Твое имя наполнило воздухом детство
И крест Твой вселенский — моих утолнение плеч,
И мне никуда от Твоих откровений не деться,
И даже в молчанье слышна Твоя вещая речь.

* * *

Я не просто пришел и уйду,
Я возник из себя не случайно,
Я себя созерцал, как звезду,
А звезда — это Божия тайна.
А звезда — это тайна небес,
Тайна вечности животворящей,
И порой затмевался мой блеск,
А порой разгорался все ярче...
Но я был бы совсем одинок,
Потерял во Вселенной дорогу,
Если б мне не сопутствовал Бог,
Возвращал к правоте и истоку.
И я понял, откуда огонь:
Это Кто-то с отвагой святою
Положил мне на сердце ладонь —
И оно запылало звездой...

* * *

Когда бы так заплакать радостно,
Чтобы слеза моя запела
И, пребывая каплей в радуге,
Светилось маленькое тело.
Чтобы слеза моя горчайшая
Была кому-то исцеленьем,
Была кому-то сладкой чашею
И долгой муки утоленьем.
Когда бы так заплакать бедственно,
Чтобы смешались в этом плаче
Земные вздохи и небесные,
Следы молений и палачеств.
Заплакать с тайною надеждою,
Что Бог услышит эти звуки —
И сыну слабому и грешному
Протянет ласковые руки...

СТИХИ УХОДА

Больше жизни любивший волшебную птицу — свободу,
Ту, которая мне примерещилась как-то во сне,
Одному научился я гордому шагу — уходу,
Ухожу, ухожу, не желайте хорошего мне.

Ухожу от бесед на желудок спокойный и сытый,
Где обширные плечи подсчитывают барыши...
Там, где каждый кивок осторожно и точно рассчитан,
Не страшит меня гром — шепоток ваш торгоший страшит.

Ухожу равнодушно от ваших возвышенных истин,
Корифеи искусства, мазурики средней руки,
Как похабный товар, продающие лиры и кисти,
У замызганных стоек считающие медяки.

Ухожу и от вас — продавщицы роскошного тела,
Мастерицы борщей и дарительницы услад,
На потребу мужей запустившие ревностно в дело
И капусту, и лук, и петрушку, и ляжки, и зад.

Ах, как вы дорожите подсчетом, почетом, покоем —
Скупердяи-юнцы и трясущиеся старички...
Я родился изгоем и прожил по-волчьи изгоем,
Ничего мне не надо из вашей поганой руки.

Не простит мне земля моей волчьей повадки сутулой,
Не простит мне гордыни домашний разбуженный скот...
Охромевшие версты меня загоняют под дула,
И ружейный загон — мой последний из жизни уход.

Только ветер да воля моей верховодили долей,
Ни о чем не жалею — я жил, как хотелось душе,
Как дожди и как снег, я шатался с рассвета по полю,
Грозовые раскаты застряли в оврагах ушей.

Но не волк я, не зверь — никого я не тронул укусом;
Побродивший полвека по верстам и вехам судьбы,
Я собакам и кошкам казался дружком-Иисусом,
Каждой твари забитой я другом неназванным был.

...Если буду в раю и Господь мне покажется глупым
Или слишком скупым, или, может, смешным стариком,—
Я, голодный, как пес, откажусь и от райского супа —
Не такой это суп — этот рай — и Господь не такой!..

И уйду я из неба — престольного Божьего града,
Как ушел от земли и как из дому как-то ушел...
Ухожу от всего... Ничего, ничего мне не надо...
Ах, как нищей душе на просторе вздохнуть хорошо!..

Михаил Майоров
(г. Тула)

**ЧААДАЕВЫ, НЕПЕНИНЫ, ТОЛСТЫЕ —
«СУМАСШЕДШАЯ» ГОРДОСТЬ ЗЕМЛИ ТУЛЬСКОЙ**

*«Если вы есть — будьте первыми,
Первыми, кем бы вы ни были...»*

Р. И. Рождественский

Потомки рода Чаадаевых покоятся на тульском Всехсвятском кладбище. Они — из тульских дворян, и об этом никто не знает...

Патриот в настоящем, не извращенном довлеющей военной идеологией значении, — это не тот, кто расхваливает все родненькое и взамен того, чтоб превратить «черненьких» (выражение М. Горького) в «беленьких», делает вид, что любит «черненьких». Патриот — не тот, кто прославляет отечество по поводу и без, а тот, кто не страшится истин.

Патриоты в России чаще происходили из приезжих («выезжих») родов, чем от сохи. Потому что «выезжие» много повидали, у них накопилось больше опыта, поэтому они заметно отличались от тех, что выцарапали себе дворянство аферами и способом Максим-Петровича. Они наследовали от предков работу мысли, энергетику, а итогом стала определяющая роль в развитии культуры и производства. В данном случае я говорю о трех династиях, связанных принадлежностью к тульской земле, родством, знакомствами. Это Чаадаевы, Непенины и графская ветвь рода Толстых.

«В “Родословной книге князей и дворян российских и выезжих”, называемой также “Бархатной книгой”, записано: “Чаадаевы. Выехали из Литвы. Название получили от одного из потомков выехавшего и прозывавшегося Чаадай, но почему, неизвестно”. В поколенной росписи дворян Чаадаевых родоначальником назван “Левкей прозвище Суббота”...» [1, с. 5]. Прапрадед декабриста, публициста-философа Петра Яковлевича Чаадаева (27.5(7.6).1794—14(26).4.1856), Иван Артемьевич Чаадаев всю жизнь старался расширять владения, и в результате они от наследственных деревень Арзамасского уезда куда только не протянулись, вплоть до Тульской губернии. Но тут есть загвоздка. В 2002 я консультировался в Московском дворянском собрании, где же именно располагались имения Чаадаевых «у нас», и услышал лишь: «Да, Чаадаевы были тульскими помещиками, но все надо уточнять, а ушедшее в историю землевладение сегодня никого не интересует». Это правда. В последние годы тульскую культурную «элиту» охватил усадебный эпатаж, написали три тяжелых (во всех смыслах) тома, и ничего нового в них нет. По истории помещиков обратиться не к кому. Современные кропатели диссертаций помешались на войне, а девятнадцатый век лег в могилу вместе с Н. Я. Эйдельманом.

Если отправляться, как и следует, от слова, от имени и не спрашивать историков, 90 % которых не интересует семантика, то любой филолог засомневается в этой литовской привязке. Слабой зацепкой может показаться лишь удвоенное «а» (Чаадаев), но это ближе к эстонскому языку, а выходцев из Эстонии я что-то даже в самых похабных, заказных родословных изводах не вижу. Везде Литва, а литовский язык — чуть ли не славянский санскрит. Кто им владеет, тот разберется в основах восточно-

славянской этимологии. Так что ангажированные писарчуки — составители всяких «Бархатных книг» — пусть себе спокойно вертятся в аду за сотворенные лжесвидетельства, а мы будем апеллировать исключительно к ученому миру. Интуиция подтвердила мои предположения после обращения к трудам академика С. Б. Веселовского, весьма, кстати, скромного человека, всегда опасавшегося кумиризации и чужой, и собственной. Природа, помимо исторического, дала ему языковое чутье, это редчайший случай для историков, а паче того — археологов. От позиции «Чаадаев» Степан Борисович немедленно отсылает читателя к Чегодаевым (вот это и радует логикой): «Чегодай (Чеадай, Чаадай, Чеодай) Василий Васильевич Матвеев, вторая половина XV в.; ср. недалеко от Муроме его вотчина — село Чегодаево; от него — Чегодаевы, позже Чеадаевы и Чаадаевы <...>. Чегодай — собственное имя (татар.); русская форма — Джагатай [Ср. Чагадаев]» [2]. Вот как: Джагатай! Полная Литва, безбрежная и безусловная (как чуть далее то же будет с Толстыми). Следовательно, не зря «Бархатную книгу» как «шедевр» русского источниковедения до сих пор никому неохота переиздавать.

Борис Генрихович (на титулах: Б.-О.) Унбегаун в главе «Фамилии тюркского происхождения» тоже вложил лепту о Чаадаевых с использованием транскрипции: «Чаада́ев, Чада́ев, Чегода́ев < Çayataj, тюркский племенной союз, названный по второму сыну Чингиз-Хана < çayataj 'белесый' >» [3]. Это ближе к Веселовскому, а значит, и к истине, ибо основано на лингвоанализе.

Если здесь же не забывать и о татарских князьях Чегодаевых (которых за неимением доказательств невозможно притянуть к роду Чаадаевых), то они, по меньшей мере, в языковом отношении имеют право соседствовать с нашими героями в филологических изысканиях как жители Руси с 1524 [4], то есть на век позже лица, указанного Веселовским. Причем татарские князья ведут происхождение «от князя Хозяна Чегодаева, сына Саканского (Соканского)» [Там же]. Из этой династии Анна Яковлевна Чегодаева, бывшая за Феодосием Ивановичем Ахматовым, приходилась родной бабкой Анне Егоровне Мотовиловой, которая обвенчалась с полицмейстером Эразмом Ивановичем Стоговым и стала бабкой Анны Андреевны Ахматовой. Вот куда ведут генеалогические тоннели. Только неясно, имела ли отношение А. Я. Чегодаева к этому поволжскому княжескому роду.

И в заключение этимологической темы добавим соображения еще двух отечественных исследователей. В них, несмотря на частичное дублирование уже приведенных версий, есть любопытные дополнения, но главное для настоящего контекста — упоминание Тулы (общий курсив опушу вследствие внутреннего): «**ЧААДАЕВ**. Чегодаев. Отчество от нецерковного мужского личного имени Чегодай, в русском произношении также и Чаадай: в г. Невеле <Вот откуда Литва-то! — М. М.> воевода Чаадай Спешнев (1633); помещик Чегодай Ожерельев (1507). Имя монгольского происхождения, его носил один из сыновей Чингисхана, он получил во владение огромную территорию, население которой называли чегодаи (фонетический вариант — чагатаи), само имя из этнонима. Фамилия существует в Воронеже, Калуге, Туле, Владимире, а в форме Чадаев — в Рязани, Орле (и области) [5]. Сильнейшим подтверждением хождения формы Чадаев является наличие ее на табличках уже упомянутых могил на Всехсвятском: там проставлено «Чадаевы».

И второе. Вновь-таки с отсылкой от «Чаадаева» к «Чегодаеву» (также снимаю общий курсив): «**ЧЕГОДАЕВ**. Чегодай — из тюркского имени Чагатай (от названия племени). Так звали, в частности, второго сына Чингисхана. Фамилия Чегодаев иногда изменялась в Чаадаев, Чадаев» [6]. Таким образом, все ученые солидарны в последовательной связи двух основных вариантов: Чегодаевы → Чаадаевы. Единственная оговорка, которую я позволю себе сделать исходя из сопоставлений и историче-

ских реалий, требует не во всем доверять этим авторам, так как во многих других случаях замечаются нелепые, буквально народные, сказочные толкования.

Переходя от этимологии фамильных прозвищ к личностям, мы вряд ли почувствуем большую разницу между этими темами. Общая генеалогия Чаадаевых только кажется компактной и «легкой». На самом деле она «рваная», с ней толком никто не работал (в этом можно убедиться на примере родства с Непениными). Происхождение от буйных татар (про литовцев больше не надо) дало удивительные плоды. Так называемый сумасшедший философ П. Я. Чаадаев, коего советские дилетанты от словесности объявили прототипом А. А. Чацкого (на самом деле этим прототипом была историческая личность — депутат польского сейма с той же фамилией Чацкий), поневоле «наследовал» участь собственного деда. Родной дядя П. Я. Чаадаева Иван Петрович Чаадаев участвовал в комиссии о составлении нового Уложения (что-то вроде общегосударственного устава, но не конституции в современном значении) и остервенело вместе с историком кн. М. М. Щербатовым защищал там права дворянства, требуя аннулировать петровские законы, «в которых стиралась грань между родовитым и чиновным дворянством» [1, с. 8]. В противовес «здравомыслящему» И. П. Чаадаеву история зафиксировала «сумасшествие» деда Петра Яковлевича — капитана лейб-гвардии Семеновского полка Петра Васильевича Чаадаева (1720—1793). Со ссылкой на записки Екатерины II биограф П. Я. Чаадаева указывает, что П. В. Чаадаев в 1743, после какой-то неудачной ревизии о числе душ, возомнил себя персидским шахом, был насильно помещен в лечебницу и в присутствии Елизаветы Петровны прошел процедуру «изгнания злого духа» столичными попами, но мания величия у него не прошла. Зная, как пишутся подобные «мемуары», как они потом выхолащиваются, а главное, кем используются, я могу утверждать, что для фарса с мнимым сумасшествием Петра Яковлевича Чаадаева при Николае I послужили именно тексты «Фелицы» — один из самых неблагонадежных и провокационных литературных источников. Это заслуга царских спецслужб, которые, в противовес современному, отличались начитанностью. А о том, что даже Екатерина II признавала: «...находились сомневавшиеся в сумасшествии Чаадаева, поскольку во всем остальном Петр Васильевич отличался отменным здравомыслием. Ходили слухи, что он притворялся сумасшедшим...» [там же, с. 6], упоминать было политически невыгодно, и эти ее слова пропускались мимо ушей.

Неблагонадежные Чаадаевы пересеклись родством с мелкопоместными дворянами Непениными и графами Толстыми. О первых почти ничего неизвестно. Отрывочные сведения о Непениных собрали псковские историки, выложив их в Сеть. Но прямая связь боевого офицера, члена Союза благоденствия Андрея Григорьевича Непенина (30.11(11.12).1782, г. Архангельск — 12(24).11.1845, Москва), женатого на Е. Ф. Чаадаевой, с однофамильцами не прослеживается. Поскольку его отец, Григорий Ефимович Непенин (?—1810), который выслужился из солдат до прапорщика, а с декабря 1796 служил коллежским асессором, передал детям право потомственного дворянства, то и Андрей Непенин должен быть так или иначе родственником хотя бы тем же псковским Непениным. Матерью А. Г. Непенина была архангельская купеческая дочь Ульяна Никифоровна, р. Зыкова (?—1832), а собственных детей у него не было. Жена Непенина — тульская дворянка Екатерина Федоровна Чаадаева (7(18).11.1793—23.6(5.7).1869) [7]. Ее братья — Николай Федорович Чаадаев (1782—1816), Михаил Федорович Чаадаев (1789—?), лейтенант Алексей Федорович Чаадаев и Владимир Федорович Чаадаев — чернские помещики (с. Селезневка и с. Успенское, Бобрики тож) и крапивенские (сельцо Михайловское); сестра — Павла Федоровна Чаадаева, замужем за купцом Иваном Афанасиевичем Амосовым. Ни об одном из этих лиц неизвестно более того, что сказано здесь.

В родословной Чаадаевых встречаются два Федора — Федор Васильевич (?—1731) и Федор Петрович (1750—1777), родной дядя «басманного философа» (прозвище П. Я. Чадаева). Но даже если возникает соблазн вообразить этого второго Федора тестем А. Г. Непенина, это вызовет определенные сомнения, ибо в таком случае жена Непенина никак не может являться его дочерью. А третьего Федора нет, поэтому связь и рвется.

Обращаясь к тем же источникам теперь уже за фамилией Непенины, мы ее в этом варианте не находим ни у кого, разве что Веселовский упоминает похожие формы «Непея, Непеин». По своей географии они, действительно, близки к северу, если помнить, что Андрей Григорьевич происходил из Архангельска. У Веселовского: «**Непея, Непенин**: Непея Григорьевич Вологжанин, в посольстве в Англию, 1556 г.; Рудак <...> вотчинник, середина XV в., Кострома» [8]. Позднейшее внедрение «н» в фамилию Непеин вполне возможно. Таким образом, ситуация с этой фамилией намного темнее, чем с Чаадаевыми.

К сожалению, А. Г. Непенин не оставил литературного наследства, да и вообще его род больше связан с военными деятелями (в Сети все есть). И портрет его пока не найден (а может, и не был написан). Но, вплетаясь в паутину дворянского родства, узнаем, что друг В. Ф. Раевского («В чем заключались же вольнодумные мнения, кои старался распространять майор Раевский и за допущение коих в полку вы подверглись наказаниям? — На вольнодумные разговоры майора Раевского с офицерами доносили юнкера в Кишиневе <...> в дивизионной квартире; почему и были офицеры допрашиваны поодиночке корпусным командиром Сабанеевым, и что они показывали, мне неизвестно» [9]), блестящий полковник, герой Отечественной войны, кавалер боевых орденов и Золотой шпаги с надписями Андрей Григорьевич Непенин — едва заметный, но обязательный элемент в диадеме тульской просопографии. С июля 1826 по декабрь 1835 он жил в имении В. Ф. Чаадаева в Локне Крапивенского у. Тульской губ. [7] и помогал упомянутому шурина по хозяйству. Не возникает сомнений, что, доживи он до крестьянских реформ, присоединился бы к энергичному М. М. Нарышкину, который у себя в Высоком начал земельные преобразования еще до Александровских указов. Но с 26 января 1842 Непенин добился права жить в Москве, где через три года какая-то неуказанная хворь свела его в могилу при Покровском монастыре. Туда же затем положили его вдову, но с началом 1920-х дворянские и купеческие захоронения стали мишенями комсомолии, сиречь грабителей, так что могилы Непениных были, судя по всему, разрыты, ограблены и затерялись. Основным мотивом причисления Непенина к неблагонадежным стало всего лишь знакомство с Раевским и какое-то странное, скорее, номинальное участие в Союзе благоденствия. Меня (М. В. Майорова) абсолютно не интересуют конъюнктура и смена политических симпатий, которыми нас прессингуют СМИ. Боязнью декабристов страдают темнейшие, самые невежественные элементы общества, люмпены либо просто трусы (ударение — на выбор читателя). Они точно так же опасаются и сторонятся ученых, необычных художников, архитекторов, диссидентов. На улицах в последние годы появились провокационные «патриотические» плакаты «Забыть — значит предать!», относящиеся исключительно к избранному периоду истории — всем известно какому, а именно тому, который удобен политическим спекулянтам. Но такие же попытки забыть лучших людей девятнадцатого века едва ли не приветствуются. По меньшей мере, не пресекаются. Но эту подлую эпоху мы как-нибудь переждем. Биографические справки обо всех участниках оппозиции 1820-х, связанных с тульским краем, вошли в новое издание [10], а исследования будут продолжаться, невзирая на то, что тема истинного и ложного патриотизма давно убрана из школьной программы.

Вернемся к началу статьи и оттолкнемся вновь от Чаадаевых. Предки иной раз

оказываются знакомыми нам больше, чем потомки. Прадед философа Василий Иванович Чаадаев (1715—25.3(5.4).1756) был женат на княжне Анастасии Ивановне Волконской (?—1735), а их сын Петр Васильевич — на графине Марии Ивановне Толстой (6(17).1.1720—4(15).1.1743) Ее отец ни за что пострадал при Петре II: был сослан на север вместе с отцом своим графом Петром Андреевичем Толстым. Это кратковременный министр юстиции (1711) граф Иван Петрович Толстой (1685—7(18).6.1728). Он умер в подземном каземате в полной тьме от голода и холода, но до отъезда успел жениться и оставить сына (графа Андрея по прозвищу «Большое гнездо»), от которого пошло огромное потомство, включая трех самых известных писателей — графов Толстых. Все они, таким образом, отдаленные потомки Чаадаевых. Стоит ли удивляться, что при таком родстве к этой линии Толстых принадлежали самые знаменитые мыслители, оппозиционеры, «отпавшие от святой церкви», а позже — офицеры Белого движения, эмигранты, герои Второй мировой войны и участники «Сопротивления»? Мало того что в каждом текла частица чаадаевской татарской крови, так ведь большинство этих людей тесно связано с тульским краем, о чем знают далеко не все.

Вся литература о происхождении Толстых отталкивается от их же челобитной, на основе которой первый граф Толстой (Петр Андреевич) 30 августа 1725 удостоился диплома: «...прародитель именован <орфография современная.— М. М.> Гендрих, происшедший из древней благородной и знатной фамилии из Германии, в лето 1532...» и т. д. [11]. Все это чепуха, стоящая внимания разве что подавляющего большинства населения. Ученый мир к большинству не относится, а поэтому никем не опровергнутая ложь всяких «Бархатных книг» и позднейших вставок в них (в том числе в «Никоновскую летопись» насчет даты рождения Тулы) в угоду временщикам считается истиной, которую, скажем просто, неохота разоблачать. Царский генеалог и беллетрист П. Н. Петров не побоялся указать довольно опасное для русской знати восточное происхождение Толстых [12], ибо пресловутый оним Индрис идентичен географическому термину Тенгри (им плотно занимался ориенталист Э. М. Мурзаев [13]). Специально для ответа на вопрос о Толстых Петр Николаевич Петров уделит время медиевистике и разгромил на корню все рассказы об их фламандском происхождении. Он не побоялся самого графа Льва Николаевича, который живо интересовался графами Фламандскими. Да что там Льва? Петров опубликовал свою версию в эпоху всесилия «министра народного помрачения» (Щедрин) графа Дмитрия Андреевича Толстого, и тот... промолчал. Зато много позже нелепую фламандскую теорию возродили кое-какие современные искатели приключений, чтоб за казенный счет побывать в Европах, и с их подачи европейский вариант легко утвердился.

Вот так на тульской земле переплелось родство лучших сынов отечества, не понятых этим отечеством: декабристов, философов, яснополянского бунтаря... Одно дело — демонстрировать оружейный оплот для батюшки-царя, иное — скрывать и прятать бессмертный духовный антипод всем этим официальным «оплотам».

Источники:

1. Б. Н. Тарасов. Чаадаев.— М.: Мол. Гвардия, 1990.— (ЖЗЛ).
2. С. Б. Веселовский. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии.— М.: Наука, 1979.— С. 348.
3. Б.-О. Унбегаун. Русские фамилии / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Б. А. Успенского.— Изд. 2-е, испр.— М.: Изд. группа «Прогресс», 1995.— С. 293.
4. Князя Чегодаевы (Чагадаевы) // Дворянские роды Российской империи: Т. III: Князя / Под ред. С. В. Думина.— М.: Ликоминвест, 1996.— С. 194—196.
5. В. А. Никонов. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий.— М.: «Школа-Пресс», 1993.— С. 153.

6. Ю. А. Федосюк. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь.— 3-е изд., испр. и доп.— М.: Русские словари, 1996.— С. 243.
7. Декабристы: биографический справочник / Изд. подг. С. В. Мироненко; под общ. ред. академика М. В. Нечкиной.— М.: Наука, 1988.— С. 128.
8. С. Б. Веселовский. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии.— М.: Наука, 1979.— С. 218.
9. Дело А. Г. Непенина // Восстание декабристов: Документы. Том XX: Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии / Под ред. члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова.— М.: «РОССПЭН», 2001.— С. 205—213.
10. Тульский биографический словарь: новая реальность / Гл. ред. и сост. М. В. Майоров: [В 4 т.].— М.: «Минувшее», 2016—2018.
11. М. В. Майоров. Индрис / Тенгри /Леонтий (ониматологическая версия) // Ономастика. Лингвокраеведение. Методика: Межвузовский сборник научных трудов (к 60-летию Т. В. Майоровой).— Тула: ООО «Астеля Плюс», 2007.— С. 36.
12. П. Н. Петров. История родов русского дворянства: В 2 кн. Кн. 2.— М.: Современник; Лексика, 1991.— С. 157—166.
13. Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов.— Изд. 2-е, перераб. и доп.: В 2-х т. Т. 2: Справочник.— М.: Картгеоцентр—Геодиздат, 1999.— С. 241—242.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена Оленич
(г. Тула)

ТУЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ: ОТ ЗДАНИЯ К ЗДАНИЮ. ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ К 100-летию Художественно-исторического музея в Туле

Оленич Елена Ивановна, родилась в 1963 году в Воронеже. В 1984 году закончила Тульское областное музыкальное училище им. А. С. Даргомыжского по специальности «Теория и история музыки». Работает в ТОХМ с 1988 года. В 1992 году закончила Санкт-Петербургский Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, искусствовед. Заведующая отделом западноевропейского и русского искусства.

В столетней истории музея есть периоды, о которых мало что известно. И чем дальше мы уходим по дороге жизни, тем меньше свидетелей давних событий остается. Но, к счастью, сохранились документы, которые помогают восстановить отдельные страницы музейной истории и отдать дань памяти старшим поколениям сотрудников, а новым — дать знания об их славных делах.

В Государственном архиве Тульской области мы обнаружили ряд документов, проливающих свет на ранее не известную страницу в судьбе музея, а именно на историю поиска подходящего здания, который бы стал домом для его коллекций, сотрудников и зрителей. Это довольно долгий период времени — 1939—1964 годы. Но, прежде чем об этом рассказать, вспомним общеизвестные факты.

В мае 1919 года в Доме Карла Маркса, рядом в Одоевской башней Тульского кремля, открылся Тульский художественно-исторический музей. С 1924 года он располагался в Доме офицеров (Коммунаров (ныне проспект Ленина), 50). В 1927 году произошло преобразование учреждения в краеведческий музей с художественным отделом. А в 1932 году

краеведческий музей переехал в особняк XVIII века на улице Советской, 68 и с тех пор располагается в этом здании. Художественный же отдел музея так и остался в Доме офицеров.

Событие, открывшее новую страницу в истории музея, произошло 14 июня 1939 года, когда Оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Тульской области на своем заседании постановил «Обязать Тульское Областное Управление по делам

искусств создать из художественных отделов в Туле и Калуге самостоятельные художественные музеи (в Туле — Областной художественный музей, в Калуге — городской художественный музей)»¹. С 1937 года до лета 1944 года Калуга являлась районным центром Тульской области. Исторический документ был обнаружен в Государственном архиве ТО в ходе исследовательской работы.

6 октября 1939 года состоялось открытие Тульского областного художественного музея, занявшего только четыре верхних зала в левом крыле здания Дома офицеров. Музейное собрание тогда составляло чуть более 2200 единиц хранения и разумеется планировалось его увеличение в будущем.

В пятом пункте указанного документа значится: «В связи с планом закупок художественных произведений и дальнейшим расширением художественных музеев обязать тульский и калужский городские советы совместно с Тул. Обл. Управлением по делам искусств разработать вопрос о предоставлении лучшего и большего помещения для художественных музеев в 1940 году».

Как видим, в 1940 году органам исполнительной власти предписывалось предоставить тульскому художественному музею другое помещение, а может быть и целое здание, подходящее для нужд музейной деятельности — создания экспозиции, хранения коллекций, проведения выставок и осуществления просветительской деятельности. Имеющихся у музея площадей для всего этого было явно недостаточно. И работа по поиску здания проводилась, но сколь она была затяжной и многотрудной дают представление архивные материалы, впервые пролившие свет на жизнь музея в период с 1941 по 1953 годы.

В ГАТО хранится Справка, к сожалению, не датированная, но сведения, содержащиеся в ней, позволяют отнести документ к началу 1952 года. Там читаем, что «в начале 1941 года решением Тульских городских организаций художественному музею было передано здание бывшего костела на углу ул. Л. Толстого и ул. Коммунаров»². Речь идет о католическом храме Святых апостолов Петра и Павла, находившемся поблизости от Коммунаров, 50. Далее мы узнаем, что здание предполагалось реконструировать, для чего был составлен проект, по которому следовало сделать «пристройку длиной 8 метров по ширине существующего здания и надстройку в высоту 3 метров по существующему карнизу, а также устройство водяного отопления и устройство освещения зала второго этажа верхним светом». Этот проект не осуществился по причине начавшейся Великой Отечественной войны в июне 1941 года.

Музейные фонды на время войны подверглись консервации и эвакуации. В альбомах, посвященных Тульскому областному художественному музею, изданных в разные годы, во вступительных статьях сообщается, что «в дни Великой Отечественной войны, когда враг был у окраин города, наиболее ценные экспонаты были вывезены в Сибирь»³.

Уточнить место эвакуации музейных фондов помогли другие документы из областного архива. Так, в письме от 1.08.1947 года, направленном «в ОБКОМ ВКП (б), Представителю ЦК ВКП (б) тов. Киселеву» директором и хранителем Тульского Об-

ластного художественного музея Н. М. Барвинским, содержится информация о том, что «в связи с войной в 1941 г. экспонаты были перенесены и законсервированы в подвальном помещении Дома Офицеров, занимающем 218 кв.м. Частично экспонаты, особенно ценные, в частности, живопись, были эвакуированы в гор. Уральск, совместно с ценностями Калужского и Поленовского музеев...»⁴. В другом документе от 16.01.1953 года Н. М. Барвинский пишет: «Во время Великой Отечественной войны коллекции музея были эвакуированы в г. Уральск и в 1944 г. возвращены в Тулу...»⁵.

Итак, документы дают нам сведения о точном месте эвакуации музейных ценностей — это Уральск, крупнейший город Западного Казахстана, расположенный на реке Урал. Основанный еще в 17 веке Яицкий городок был центром восстания под предводительством Емельяна Пугачева, а после его подавления Екатерина Великая повелела переименовать город в Уральск. С городом связаны имена А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого, русских императоров и многих других известных людей русской истории и культуры.

О том, с чем пришлось столкнуться художественному музею после войны, дает представление еще один документ, в котором говорится: «После окончания Великой Отечественной войны руководство Дома Офицеров, не считаясь с тем, что огромные государственные ценности, имеющие большое воспитательное значение, будут недоступны для обозрения трудящихся, не возвратило прежнее помещение с большим светом, необходимой для экспозиции высотой и устроила в нем сперва буфет, а впоследствии гардероб, лишив музей возможности продолжать работу в нормальных условиях»⁶.

Следует, однако, вернуться к документу 1947 года, составленному Николаем Михайловичем Барвинским, возглавившим музей в послевоенный период и оставшимся его руководителем до октября 1957 года. В этом развернутом документе содержится большое количество интереснейших сведений о жизни музея в сложное послевоенное время и о том, какие усилия прилагались коллективом и руководством музея для возобновления его работы в те годы. В частности, говорится, что «ни консервация, ни эвакуация не повлияли на количественный состав ценностей, а наоборот экспонатов увеличилось за счет собирательской деятельности музея на 85 экспонатов»⁷, и на 1.07.1947 года коллекция насчитывала 2300 единиц хранения. Вместе с тем сообщалось, что показывать коллекцию зрителям не представлялось возможным из-за отсутствия помещения. Коллектив музея вынужден был ограничить работу наблюдением за сохранностью ценностей, делая для этого все возможное в имевшихся тяжелых условиях непригодного хранения. Важнейшей была планомерная работа над реставрацией картин. «По плану на период 1946—1950 гг. должно было быть отреставрировано 113 полотен. К 1/VII-47 г. реставрировано 75 % пятилетнего плана, причем практика доставки картин в Москву (Государственные Художественные Реставрационные Мастерские при Комитете СССР, Ордынка 34) частично изменена путем приглашения реставраторов в музей...»⁸. Именно в музее были отреставрированы картины цикла «Двенадцать месяцев» итальянской школы живописи. В этот же период был передан на реставрацию и плафон В. А. Серова «Феб Лучезарный».

Открытие музея после войны затягивалось. Между тем общественность города «с тревогой и сердечностью ждала момента разрешения вопроса об открытии музея». И Барвинский Н. М. пишет: «...как бы не разрешился вопрос с открытием Художественного Музея в смысле срока, ныне занимаемое помещение необходимо признать хорошим по пригодности для этих целей и (оно) не должно быть возвращено Дому Офицеров по крайней мере до того времени, пока не будет городом построено здание, без которого наличие ценностей в настоящее время и расширение музея в дальнейшем, при будущем росте г. Тулы невозможно»⁹.

Исходя из документа, возможно предположить, что в начале 1947 года было принято «Решение Бюро Обкома ВКП (б) о подготовке Облисполкомом помещения под музей, ныне занимаемое книгохранилищем...». Здание книгохранилища областной библиотеки располагалось в Шурдуковском переулке, дом 4. Сам переулок пересекал квартал от Детского универмага на улице Советской до площади Челюскинцев, и находились там большей частью складские помещения. Весь этот старый квартал с рядом интересных построек был полностью снесен в начале 1980-х годов при строительстве здания областной администрации.

Барвинский пишет, что под художественный музей отводились два зала книгохранилища размером около 320 кв. м и что, по его мнению, обеспечивало цели экспозиции только на 25—30 %, при этом не предоставляя никаких перспектив к росту музея в последующее время. А перспективы, какими их описывал Николай Михайлович, обещали быть впечатляющими. Так «к предполагаемому рождению Тульского Художественного Музея подготовлен целый ряд подарков со стороны музеев Ленинграда, Москвы, Госфондов и даже частных лиц, что должно увеличить нынешние запасы минимум на 50 %, существует намерение о превращении Тульского Художественного Музея в один из филиалов Третьяковской галереи»¹⁰. Вместе с тем «настоящие условия, в которых находится музей, лишают его возможности не только стать доступным для познания ценнейших образцов прошлой культуры, но и лишают возможности настоящее пополнение музея Советским изобразительным искусством, так как широчайшие возможности, открытые в настоящее время нашей Партией и Правительством для пополнения музея работами наших современников не осуществимы в условиях консервации. — «Открывайте музей, и мы дадим Вам пополнение самыми лучшими образцами Советского изо-искусства. Ни средств, ни экспонатов из запасных фондов Государства не будет выдано до момента открытия»¹¹. Вот так — строго и однозначно.

Сам Барвинский прекрасно понимал всю сложность ситуации и то, что «через 2

месяца тяжесть положения еще усугубится, так как Государственные Реставрационные мастерские закончат к 30-летию Великой Октябрьской Революции реставрацию 7-ми больших полотен (2,5×2), которые после реставрации будут уже на подрамниках и их некуда будет внести, они не поместятся в хранилище, оставлять же их готовыми в реставрации, значит лишиться навсегда, так как сейчас искусствоведы и весь художественный актив Москвы и Ленинграда следят за процессом реставрации и поговаривают о замене их другими, что совершенно недопустимо»¹².

Николай Михайлович, осознавая, что «по-видимому, г. Тула в настоящее время не может сделать больше того, что есть, то есть выделить здание книгохранилища», изложил по пунктам план необходимых действий, из которых становится очевидным насколько неподходящим для музея являлось это помещение. Помимо выселения частных жильцов и вывода Райвоенкомата предлагалось, «имея в виду непригодность нового помещения музея в смысле отопления, просить Облисполком о выделении им через Тульский Вентиляторный завод 4-х переносных печей, с целью регулировать температуру и сэкономить тепло до 50 %». Далее — «запросить не позднее лета 1948 г. асфальтирование Шурдукова переулка, в этом же году осветить его 4-мя большими фонарями». И, наконец, «поставить вопрос перед МВД об установлении дневного и ночного милиционных постов»¹³.

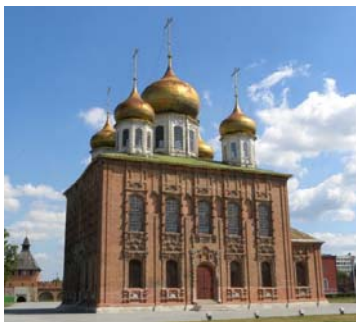
Судя по всему, работы в Шурдуковском переулке так и не были доведены до конца, так как в документе начала 1952 года, содержатся следующие сведения: «В Туле имеется Художественный музей с постоянной экспозицией большой ценности, но он в течение 11 лет находится на консервации. Музею при отсутствии постоянно-го здания с большим трудом удается проводить выставки, пользуясь залами Дома Офицеров, Дома Народного творчества, Драмтеатра на правах аренды, совершенно не приспособленных для означенной цели...». И далее: «Хранилище в Доме Офицеров заполнено до последних пределов. Отодвигающийся срок открытия музея создаст угрозу передачи ценностей в один из городов СССР»¹⁴.

Из письма на имя Председателя областного совета депутатов трудящихся тов. Барчукова И. М. 1953 года, в котором Н. М. Барвинский предпринимает очередную попытку «достучаться» до власти, становится известно еще об одном здании, предлагавшемся художественному музею. «В 1948 г. после обследования вопроса о музее комиссией ЦК партии, решением Облисполкома было передано здание по ул. Пирогова, № 20, освоенное

в течение 2-х лет капитальным ремонтом (из которых 10 месяцев ушли на выселение учреждений Гор. Прокуратуры Центрального р-на, Горводстроя, Общежития изолятора МВД для беспризорных и др.) По освобождении 2 и 3 этажей в здании был начат капитальный ремонт, были установлены 2 новых котла для отопления, произведена перепланировка, покрыта крыша новым железом, полы заменены паркетом, изготовлены новые двери, на что израсходовано 287 т.р...»¹⁵. Это здание вполне могло оказаться тем домом, в котором музеем жилось бы хорошо. К тому же возможно было продумывать развитие музея в этом старом квартале в центре города. Но история с этим зданием закончилась драматически, так как «дом № 20 по ул. Пирогова 20-го августа 1950 г. Художественный музей был вынужден передать ГОРОНО под 15-ю женскую среднюю школу»¹⁶. В настоящее время в здании располагается 2 учебный корпус Педагогического колледжа № 1.

Среди предлагаемых Художественному музею в 1950—51 годах зданий были и церкви, находящиеся под охраной как памятники архитектуры: Успенский собор в Кремле, ротонда Петра и Павла по ул. Ленина и храм Николы Зарецкого. К счастью, специальная комиссия из авторитетных лиц, назначенная Тульским областным отделом по делам искусств, пришла к выводу, что все эти объекты не могут быть использованы из-за большой затраты средств, и невозможности расширения их в будущем. Поиски дома для музея продолжались.

В завершении вышеуказанного письма за подписями начальника Тульского областного отдела по делам искусств А. Филимонова и директора музея излагается просьба: «Учитывая, что решение вопроса о помещении для музея не может в дальнейшем оставаться не разрешенным... вынести решение о выделении следующих объектов для устройства в них постоянной экспозиции и устройства периодических выставок — бывшего общежития парткурсов (уг. Ул. Коммунаров и Колхозной ул.) и для устройства выставок — церковь Никиты, ныне находящуюся в аренде Механического института»¹⁷.

В начале 1953 года коллекция музея все еще оставалась законсервированной в полуподвальном помещении Дома офицеров. Работы по проектированию и строительству для тульского областного художественного музея специального здания начались в 1954 году. Автором проекта стал тульский архитектор Павел Михайлович Зайцев (1927—2005). Процесс этот длился еще целое десятилетие, и только в начале ноября 1964 года состоялось открытие музея теперь уже в своем доме — в новом здании на площади Искусств, рядом с Центральным парком.

Примечания:

Материал был представлен на научных конференциях «Тула ушедшего века» (Тула, 08-09.12.2016) и «Научно-исследовательская работа в ИКХМ» (Тула, 30.01.2018).

¹ ГУ ГАТО. Ф. Р-3024. Оп. 1. Д.158. ЛЛ. 22-23.

² ГУ ГАТО. Ф.2700. Оп. 1. Д.150. Л.10.

³ Тульский областной художественный музей. Л., 1983. С. 6; Тульский областной художественный музей. М., 1991. С. 6; Тульский музей изобразительных искусств. Тула, 1998. С. 6.

⁴ ГУ ГАТО. Ф. 2700. Оп. 1. Д.124. ЛЛ. 227-235.

⁵ ГУ ГАТО. Ф. 2700. Оп. 1. Д.163. Л.2 об.

⁶ ГУ ГАТО. Ф.2700. Оп.1. Д.163. ЛЛ. 9-10.

⁷⁻¹³ ГУ ГАТО. Ф. 2700. Оп. 1. Д.124. ЛЛ. 227-235.

¹⁴ ГУ ГАТО. Ф.2700. Оп. 1. Д.150. ЛЛ.10.

¹⁵⁻¹⁷ ГУ ГАТО. Ф.2700. Оп. 1. Д. 163. ЛЛ. 9-10.

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

МЫ ВЕРИМ ТВЕРДО...

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Продолжаем знакомить российского читателя с Кувейтом.

...если не в наличие в настоящее время героев кувейтского спорта, то, по крайней мере, в то, что они вполне могут вскоре появиться.

Какие виды спорта развиваются в Кувейте? Прежде всего, те, которые мы, русские, скорее всего, назвали бы прикладными. Здесь много дорогих спортивных автомобилей, мотоциклов, и ночами улицы столицы эмирата оглашаются ревом моторов участников несанкционированных «покатушек».

Под стук того же мотора либо под парусом любят кувейтцы выходить в море. Радуют себя морскими прогулками, рыбной ловлей, а молодежь отчаянно гоняет на гидроциклах.

Юноши (а теперь все чаще и девушки), которые не признают традиционного арабского одеяния и рискуют выходить в свет в модненьких легкомысленных нарядах, выставляют напоказ накаченные мышцы в соблазнительных для противоположного пола местах — следовательно, частенько посещают тренажерные залы.

Относить ли все это к спорту? Пусть судят читатели. По поводу конного спорта сомнений, разумеется, никаких. Но для арабов, издавна известных лошадиников, и это больше, чем просто спорт. Широко развит на Аравийском полуострове, если позволительно по аналогии со спортом конным построить неологизм, *верблюженный спорт*. В этом отношении тоже ясность абсолютная.

Но вот с недавних пор стали культивировать на берегах Персидского залива экзотические для местных жителей зимние виды спорта. После прошедших у нас на Сахалине соревнований «Дети Азии-2019» об этом факте заговорили во всем мире.

Завершившиеся Первые зимние международные спортивные игры «Дети Азии» показали, что интерес к соревнованиям велик. В самый восточный российский регион прибыли делегации из множества азиатских стран, в том числе и из Кувейта, который справедливо считается одним из самых жарких регионов планеты. Казалось бы, какие уж кувейтцам зимние игры! И тем не менее...

Дело в том, что, например, каток-то в столичном Эль-Кувейте есть. С искусственным льдом, разумеется. Введен в эксплуатацию достаточно давно, сразу после войны с Ираком. И воспринимался он, скорее, как аттракцион, чем как полноценное спортивное сооружение. Взяв напрокат коньки, на ледовую арену выкатывались, прежде всего, гости из-за рубежа, те, кто с детства приучен расекать сталью перешедшую в твердое агрегатное состояние воду. А местные жители с удовольствием наблюдали за катанием из уютных кафе, расположившихся за толстыми стеклянными перегородками, где было тепло, светло. И мухи не кусают, как говорится.

Ныне же арабская молодежь все увереннее выходит на ледовые площадки по всему миру. Для нас звучит странно: дети раскаленных песчаных пустынь «коньками звучно режут лед». Но факт остается фактом. Например, Дубай уже давно предлагает отдыхающим не только пляжи и шопинг, но и горные лыжи. В одном из крупнейших торговых комплексов этого города развлечений, такого арабского, я бы сказал, «халяльного» Лас-Вегаса, можно поиграть в снежки, съехать по склону на лыжах, потешить себя тюбингом.

У подножия известного дубайского небоскреба «Бурдж-Халифа» (граждане АОЭ с уверенностью заявляют — самого высокого в мире) среди множества роскошных «брендовых» магазинов вдруг натыкаешься на каток. Арабы в традиционных одеждах и многочисленные туристы со всего света в интернациональных шортиках-маечках и резиновых тапочках на босу ногу с любопытством спешат к хоккейной коробке: чего? чего там? А там... Нет-нет, не пустует лед! Много на нем тинейджеров — ярких, спортивных, дерзких. Каких только «финтов» не покажут зевакам явно красующиеся молодые люди! «Дорожки» шагов, прыжки, акробатические трюки... И благодарные зрители часами не отходят как от бортика в вестибюле торгового центра, так и от стеклянных ограждений на верхних этажах, поскольку смотровые площадки обустроены галереями на высоте нескольких десятков метров. А арабчата часами (деньги и на аренду льда, и на фирменную экипировку есть!) оттачивают мастерство — любо-дорого смотреть. Не удивлюсь, если вскоре акробатика на коньках станет олимпийским видом спорта, а выражение «арабское золото» в добавок к музыкальной получит еще и спортивную семантику.

И вот теперь, как и в предыдущих своих заметках о странах Персидского залива, приглашу читателя за неприязнительной вроде бы бытовой зарисовкой увидеть тенденцию, разглядеть каркасные дуги динамичного современного мира. Ведь арабские конькобежцы только на первый взгляд окажутся экзотикой на уровне шаржа, таким импрессионным оксюмороном. А если рассудить здраво, то поймешь, что видишь перед собой первые ростки будущего.

В XIX веке прогрессисты базаровского типа гордо заявили: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». XX век удивил (и не всех приятно) примерами творчества означенного работника. Засучив рукава, он принялся ремесленничать в своей мастерской. На пустом месте за считанные годы возникали новые города, от центра до окраины спроектированные человеком. Прежде поселения веками «прорастали» из почвы народной жизни и чрезвычайно медленно нагуливали плоть окраин, потихонечку клубились в окружающее пространство годовыми кольцами своих крепостных стен, рвов, валов.

А в прошлом столетии человек понял, что не может ждать милостей от матушки-природы, а то загнется с голоду. Понял и перевел экономику на фабричные рельсы. Нужен нам налаженный процесс общественного питания — пожалуйста: произведенное на фабриках-хлевах, фабриках-курятниках и фабриках-огородах продовольствие аппетитно поглощалось на фабриках-кухнях. Нужен нам город со столичными, финансовыми, промышленными функциями — строим город.

«Венец творения» с размахом хозяйничал на своей планете: учился управлять климатом, поворачивать стоки великих рек... Но мастерская есть мастерская! В мастерской всегда душно и копотно. Обязательно под ногами у вас окажутся опилки, по углам валяются забракованные изделия, чернеют лужи пролитого машинного масла... Деятели культуры пытались предостеречь: «Не царь природы человек — сыночек он ее младшенький». Не слушал чумазный работник в потном энтузиазме своего труда деятелей культуры, а все творил и творил вторую природу.

Сегодня, в XXI веке, человечество (по большому счету, уже все) живет в ней — во второй природе, а не на лоне того дикого естества, где селилось изначально. По-

тому климат для нас не имеет решающего значения. И вот зимние олимпиады проводят в субтропиках, а в песчаной пустыне Аравийского полуострова тренируются конькобежцы...

После эпохи форсированной работы над второй природой мы вступили в эпоху создания «третьей природы», замахнувшись уже на самую сущность человека, вживляя в его организм электронные чипы и биопротезы. Тут не спор природы с культурой, тут не вопросы евгеники — тут уже пахнет гомункулом. Точнее — смердит, как в лаборатории средневекового алхимика. Или, может быть, напротив, — благоухает, словно в эдемских садах Демиурга?..

Впрочем, пора подвести черту под примерным конспектом размышлений русского литератора, наблюдающего за пируэтными спортсменами на льду катка в крупнейшем торговом центре города Дубая. Кто его поймет, русского литератора: что такое ему пришло в голову... Похоже, вокруг, в разноязычной празднично разряженной толпе покупателей, увлеченно обходящих бутики, никого не волнуют его размышления.

А может быть, и напрасно он переживает, с тревогой вглядываясь во все резче проступающие очертания всемирного человекизма? Здесь, в столице мирового общества потребления, где изобилие и роскошь сделаны обязательным фоном бытия, так хочется поверить в малодушную сказочку под названием «Бабло победит зло»! Ведь в здравом размышлении приходишь к выводу: такие города, как Дубай, создаются с целью двойной: не только дать оборот колоссальным денежным средствам, но и убедить как можно большее количество землян в неизбежности и единственности избранного глобалистами пути к красивой витрине планетарного супермаркета. И вообще — куда его, русского литератора, качнуло: от зимних видов спорта к светлому/мрачному (нужное подчеркнуть) будущему. Любовался бы себе фигуристами да попивал колу из картонного стаканчика!

А полюбоваться есть чем! Не только в своих странах арабские спортсмены все смелее заявляют о себе. Вот на XXIX Всемирную зимнюю универсиаду к нам в Сибирь, в Красноярск, приехала фигуристка из ОАЭ Захра Лари. Ее называют «принцессой льда в хиджабе». Это первая гражданка Абу-Даби, завоевавшая право выступать на международных соревнованиях. Благодаря Захре ОАЭ оказались первой ближневосточной страной, ставшей постоянным членом Международного союза конькобежцев.

Мало того: в Объединенных Арабских Эмиратах уже всерьез говорят о создании хоккейной команды, способной показывать результаты на мировом уровне. Вообще говоря, Хоккейная лига ОАЭ была основана еще десять лет назад. Первая игра эмиратских хоккеистов состоялась 7 октября 2009 года между командами Dubai Mighty Camels и Abu Dhabi Scorpions на ледовой арене Абу-Даби, расположенной в спортивном комплексе Зайед Спорт Сити.

А сегодня речь уже идет о том, чтобы к 2020 году хоккейный клуб из Эмиратов начал выступления в Континентальной хоккейной лиге. По крайней мере, об этом заявляет российский бизнесмен Владимир Бурдун, который недавно возглавил хоккейную лигу ОАЭ.

Г-н Бурдун всерьез мечтает о развитии хоккея на Ближнем Востоке и в Средней Азии, о том, что на международной арене в будущем активно проявят себя команды из Узбекистана, Туркменистана, Грузии, о том, что эмиратский клуб окажется магнитом для молодых амбициозных игроков из России и других европейских стран.

Что ж, сегодня такое не кажется бредом перегревшегося на солнце пустыни метателя. «Третья природа» легко придает черты реальности самым причудливым миражам.

Однако для начала арабским хоккеистам (нет, увольте, но звучит это пока еще комично!) необходимо проделать большую работу. И не только спортивную. Надо

привлечь опытных тренеров, набрать достаточное количество приличных игроков, возможно, заманить звезд мирового хоккея (хотя бы и клонящихся к закату).

Повторюсь: в XXI веке это вполне реально. Деньги на развитие спорта (как и на многие другие социальные проекты) правительствами стран Персидского залива выделяются весьма щедро. Молодые хоккеисты, оказавшись в ОАЭ, ни в чем не будут чувствовать себя ущемленными: тренируйся, побеждай в турнирах, получай премиальные, отдыхай и развлекайся по своему усмотрению (сегодня эмираты Дубай и Абу-Даби — вполне космополитичные государства, в которых местный колорит выглядит не более чем соусом к так хорошо нам всем знакомому глобалистскому блюду).

И многие европейские спортсмены поддерживают идею создания арабского клуба. Иные готовы играть в нем, а другие, не собираясь менять форму привычных цветов, с удовольствием предвкушают, как в разгар зимы полетят на матч в солнечную страну, омываемую теплым морем, знаменитую своими шикарными отелями и пляжами.

Но кроме классных игроков, создаваемой арабской хоккейной команде, которая претендовала бы на конкурентоспособность в мировом масштабе, потребуется, конечно, и достойная площадка. Пока стадиона премиум-класса нет, но об этом думают, помнят, предпринимают практические шаги для исправления ситуации. В текущем году ожидается открытие соответствующей всем требованиям КХЛ, ВХЛ и МХЛ ледовой арены в Абу-Даби.

А в следующем году, скорее всего, начнутся переговоры об участии команды из ОАЭ в играх КХЛ. В Абу-Даби уверены, что их ледовая дружина достойно сразится с лучшими европейскими и азиатскими клубами за Кубок Гагарина. И в таком случае произойдет настоящий прорыв. Это выведет хоккей в Эмиратах на международный уровень. Так что можем начинать заранее готовить себя к тому, что в скором будущем любимые нашим народом ледовые арены украсятся не только привычными флагами России, Белоруссии, Казахстана, Китая, Латвии, Словакии и Финляндии, но и стягом ОАЭ. Будем готовиться, чтобы не испытать культурный шок.

А вот теперь время вернуться к тому, с чего начали. К хоккеистам из Государства Кувейт и зимним состязаниям «Дети Азии». На них произошло нечто невероятное. Первым матчем для юных кувейтян стала встреча с русскими сверстниками из Дальневосточного федерального округа. Результат матча, мягко говоря, удивил: 60:0 в пользу спортсменов ДФО. Болельщики и спортивная общественность недоумевали. В чем дело? Не удалось арабским атлетам настроиться на игру? Продолжается период акклиматизации?

На следующей игре против команды Сибирского федерального округа юношеская сборная из Кувейта потерпела поражение со счетом 0:77. Еще одна встреча (с сахалинской сборной) окончилась с результатом 0:28. Может быть, по каким-то загадочным причинам кувейтские хоккеисты не могут играть именно против русских?

Но вот идет матч со сборной Японии. Спортсмены из Страны восходящего солнца забрасывают в ворота арабской ледовой дружины 54 безответные шайбы...

На турнире «Дети Азии» кувейтская юношеская сборная по хоккею установила своеобразный антирекорд — в ее воротах за 4 игры побывало 219 шайб, самим же им ни разу не удалось поразить ворота противника.

Но против всех ожиданий игроки сборной Кувейта по хоккею стали любимцами сахалинской публики. На каждой их игре присутствовали преданные болельщики с ободряющими плакатами, не смолкали поддерживающие «кричалки». В социальных сетях фанаты запустили масштабный хэштег #gokuwait со словами поддержки.

На официальном сайте Первых зимних международных спортивных игр размещен такой текст: «Если через год или два спросить, чем вам запомнились первые зимние «Дети Азии», думаю, любой ответит: «Игра хоккейной сборной Кувейта».

Довольно странное заявление. Но его причина очень проста. Именно ледовая дружина из этой жаркой страны покорила сердца фанатов».

После завершения последнего матча кувейтских хоккеистов игроки сахалинской команды по бенди подарили арабским сверстникам свою амуницию, чтобы на берегах Персидского залива развивался не только классический хоккей, но и разновидность этой игры с мячом. Несмотря на скромные результаты в турнирной таблице в финале игр «Дети Азии» организаторы состязаний сочли возможным наградить сборную Кувейта медалями. И сделано это было под бурные аплодисменты зрителей.

Да и кто посмеет бросить камень в кувейтян? Известно, что подготовка к турниру началась для них всего за месяц до выезда на игры. А снег и лед в натуре (в первой нашей любимой природе) они увидели, только прилетев на Сахалин. А вот для развития хоккея в своей стране они сделали многое. По крайней мере, среди юных хоккеистов своего региона они теперь самые опытные.

Никто не откажет юным арабским хоккеистам в уважении, поскольку они проявили качества настоящих атлетов: великую преданность своему виду спорта, неуклонное стремление к победе, умение учиться у более сильных соперников. И, разумеется, кувейтцы лишний раз подтвердили неофициальную олимпийскую заповедь — главное не победа, а участие. Поэтому, я уверен, несли флаг своей маленькой страны с гордостью: и на церемонии открытия зимних игр, и на церемонии их завершения.

В этом залог будущих побед. Ведь, если оглянуться назад, может припомниться пьедестал почета, который на состязаниях различного уровня заслуженно занимали кувейтские команды.

Было, было такое, хотя это и прошлое дело, да и заслуга в этом не столько местных спортсменов, сколько приглашенных тренеров. Выдающихся тренеров. Советского еще производства. Так, в начале девяностых в Кувейт прилетел на работу В.В. Лобановский. Не буду перечислять многочисленные регалии выдающегося деятеля спорта — одного его громкого имени для футбольных болельщиков из СССР достаточно.

Да, карьера Валерия Васильевича в кувейтский период его биографии катилась к завершению, да, сборная, которую он принял, не шла ни в какое сравнение с командами звезд советского футбола. Но ведь трудился Лобановский. Честно и напряженно трудился, как учили. И вывел-таки в 1994 году сборную эмирата на бронзу в Азиатских играх. Я помню тот день. Кувейт тогда взорвался радостными криками, гудками автомобилей. Украшенные национальными флагами машины парализовали движение на широких автомагистралях. Всенародный праздник. Спонтанное и искренне ликование. Наверняка, воспоминания о той охватившей всю страну радости во многом движут современными кувейтскими атлетами и их наставниками, стремящимися повторить, а может быть, и превзойти успех предшественников.

Другое достижение кувейтской сборной в мировом спорте тоже связано с работой во второй половине девяностых годов в этом нефтедобывающем эмирате советского тренера — А. Н. Евтушенко. Возможно, его имя для поклонников ручного мяча не менее звучно, чем для футбольных фанатов имя В. В. Лобановского. Да и для кувейтян его заслуги не менее значимы: именно он привел команду страны по гандболу к победе на чемпионате Азии, открыв тем самым своим подопечным дорогу на Олимпиаду 1996 года. Успех заметный, бесспорный для страны с населением, насчитывавшим в ту пору немногим более 1,6 млн. чел. и не имевшей еще опыта выступлений на соревнованиях подобного уровня.

В Государстве Кувейт и в настоящее время трудится немало тренеров из республик бывшего Советского Союза: России, Белоруссии, Узбекистана... Правда, запрос со стороны кувейтского общества на спортивные достижения, как представляется, существенно изменился по сравнению с началом девяностых годов прошлого века.

Если тогда здесь явно прослеживалось стремление высокими спортивными достижениями привлечь к себе внимание мировой общественности, то ныне упор сделан на развитие массового спорта, скорее, даже физкультуры.

Это настоятельное требование времени для страны, в которой год от года растет процент граждан с избыточным весом (и проблема эта существенно «молодеет», воспроизводя все новые и новые поколения малоподвижных кувейтян), в которой с тревогой регистрируют рост больных с таким грозным диагнозом, как сахарный диабет. Безусловно, в данной ситуации актуальнее приобщать к спорту широкие массы, а не гнаться за медалями высокой пробы в международных соревнованиях. Правительство Кувейта это понимает, и движется в нужном направлении. В Эль-Кувейте большое количество современных благоустроенных стадионов, в скверах и парках можно увидеть тренажеры, беговые и велосипедные дорожки. Регулярно проходят марафонские забеги и велопробеги для всех желающих (кстати сказать, с весьма солидным призовым фондом). Да и широкое привлечение в страну упомянутых тренеров по плаванию, фехтованию, единоборствам — тоже мера, регулируемая государством.

Кстати сказать, с упомянутой выше Захрой Лари, гражданкой ОАЭ, занимается российская фигуристка Александра Ивлева, перешедшая на тренерскую работу. И вот что интересно: в ту пору, когда Александра еще выступала на международных соревнованиях, маленькая Захра была одной из ее верных болельщиц. Ну а в настоящее время «принцесса льда в хиджабе» мотивирует на новые достижения пример наших выдающихся фигуристок Евгении Медведевой и Алины Загитовой. Их драматичное противостояние, за которым с интересом следят в мире, арабская спортсменка комментирует так: «Здоровая конкуренция всегда идет только на пользу, даже если за пределами катка эти люди кажутся хорошими друзьями. Иначе у тебя просто не будет стимула выкладываться на полную. Поэтому я считаю, что они подталкивают друг друга вперед».

Впрочем, болельщикам прекрасно известно, на чьей стороне предпочтения самой Захры. Евгению Медведеву она давно и откровенно называет одним из своих кумиров. Вот и сейчас г-жа Лари говорит: «Я симпатизирую обеим, но стиль Евгении мне ближе. Мне кажется, в ее выступлениях, в ее хореографии чувствуется большая страсть». И кто знает, может быть уже недалек тот день, когда осуществится давняя мечта арабской принцессы льда, и она выступит вместе с Медведевой на крупном международном турнире.

Итак, от увлечения, от мечты путь спортсмена лежит к самому высокому пьедесталу почета. По-другому в спорте не бывает! Но ведь за последние годы сложилась такая ситуация, когда одному спортсмену (или команде, даже сборной) к пьедесталу и близко подойти не дадут. В современном большом спорте не обойтись без мощного юридического и организационного сопровождения. Не знаю, пришло ли осознание данного факта к нашим отечественным чиновникам, ответственным за развитие физкультуры и спорта, но в Кувейте сложившееся положение вещей четко понимают.

И не только понимают, но и делают все, чтобы их маленькая страна активно участвовала в финансировании крупных международных спортивных мероприятий, а представители Кувейта (который, при всем уважении, великой спортивной державой не назовешь) весомо, значимо и на постоянной основе присутствовали в органах управления мировым спортом.

Пример? Пожалуйста. Совсем недавно, 5 марта текущего года, в столице Таиланда Бангкоке прошла 38-я Генеральная Ассамблея Олимпийского Совета Азии (ОСА). Единогласным решением членами Олимпийского совета Азии Президентом ОСА на 4-летний срок вновь избран кувейтский шейх Ахмад Аль-Фахад Аль-Сабах. Напомню, что род Сабахов — правящая династия в Кувейте, бессменные руководи-

тели этой страны. Только эта семья выдвигает претендентов на посты эмира и наследного принца своего государства. Думается, других комментариев к тому, как кувейтцы относятся к вопросам поддержки спорта, не потребуется.

А вот фигура шейха Ахмада примечательна. На ней стоит остановиться подробнее. Выпускник Кувейтского университета (факультет политических наук) и Национальной военной академии, майор, бизнесмен. Увлекался стрельбой, футболом, гандболом. Основатель Федерации парусного и гребного спорта Кувейта. Президент национальных федераций гандбола, футбола, стрельбы, академической гребли. Президент Национального олимпийского комитета Кувейта, глава Олимпийского совета Азии, член Исполкома и президент Ассоциации национальных олимпийских комитетов, президент Панарабской федерации парусного спорта, вице-президент Арабской спортивной конфедерации, вице-президент союзов арабских стран по гребле и футболу, член МОК, член комиссии «Спорт для всех», комиссии по олимпийскому образованию, член комитета «МОК-2000», член комиссии Олимпийской солидарности. Не правда ли, трудно представить себе что-либо красноречивее, чем одно только бесстрастное перечисления всех этих титулов? Поэтому вновь скажу: более комментировать нечего.

Если только добавить еще один штрих к портрету шейха, подчеркивающий его связь с нашей страной. 23 августа 2015 шейх Ахмад Аль-Фахад Аль-Сабах за значительный вклад в развитие детско-юношеского спорта, за личное влияние на установление политики мира и сотрудничества между странами и регионами получил звание Почетного профессора Северо-Восточного федерального университета. На церемонии вручения мантии Почетного профессора на расширенном заседании Ученого совета СВФУ г-н Аль-Сабах сказал: «Для меня большая честь получить почетный титул одного из десяти федеральных университетов России. Я получал множество разных титулов, занимал официальные посты, но самой близкой сферой для меня остается спорт».

А значит (см. начало этой статьи), мы верим твердо...

Кувейтский шейх Ахмад Аль-Фахад Аль-Сабах вновь возглавил Олимпийский Совет Азии

Хоккейная лига Объединенных Арабских Эмиратов: «Уж лучше вы к нам...»

Вратарю хоккейной сборной Кувейта на международных играх «Дети Азии» пришлось, пожалуй, труднее всех...

Кувейтские хоккеисты в России нашли не только болельщиков, но и друзей

Захра Лари из Абу-Даби — «Принцесса льда в хиджабе»

Райнгольд Шульц
(г. Гисен, Германия)

Райнгольд Шульц (псевдоним: папа Шульц) родился 1 ноября 1949 года в Сыктывкаре — столице Коми АССР, в семье высланных житомирских немцев-колонистов. Служил в ВВС. Окончил Сыктывкарский государственный университет, экономист. Работал в аэрофлоте — Коми управление гражданской авиации. В 1991 г. с семьей переехал в ФРГ. Член литературного общества писателей «Немцы из России». Пишет стихи, историческую прозу, юмористические рассказы, анекдоты, христианские и житейские истории, репортажи, публицистику и сказки. Автор более 20 книг, более 1300 публикаций, не считая Интернета. Лауреат многих литературных конкурсов, в том числе многократно международного конкурса «Золотое перо Руси»

(Мнение редакции не во всем совпадает с утверждениями автора)

ОБРАЗЦОВО ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ

Посмотрев документальный фильм «Поселок на костях», в который раз хочу здесь повториться и довести до каждого суровую правду прошлого и тех мест, куда сослали моих родителей, где я родился и жил, где лежат в земле мои молодые родственники. Царство им всем небесное и земля пусть им будет пухом! В почетном карауле стоят над ними немые, преданные, плакучие березки!

С 1932 по 1956 год население Коми АССР неестественно увеличилось в 5 раз. Движение, как правило, было в основном в одну сторону, на Север! Назад вырвались немногие.

Сюда ссылали русских, украинцев, немцев, поляков, эстонцев, латышей, литовцев, афганцев, иранцев, корейцев, китайцев. Всех этих людей, с поражением в правах, без права переписки, называли врагами народа, а точнее было бы назвать, врагами антинародного государства.

Они в неволе, в неведении, как рабы трудились под землей в заполярной Воркуте, в лесах Печоры и Инты, в Ухте, в Усть-Вымьлаге, и других местах Гулаговской России.

Под каждой шпалой железной дороги Котлас — Воркута лежат два замученных человека. Многим знаком суровый Коми край. Там же, в тайге, ишачили трудовармейцы, отторгнутые властью российские немцы-великомученики.

Спецлагерь НКВД ЛокчимЛаг должен был быть образцово-показательный объектом и расположился в глухом лесу вдоль таежной речки Аджерон.

С 1938 по 1948 год в лагере содержалось 26 000 человек. Только в лагерном управлении было полторы тысячи управленцев.

В дремучем лесу стояли низкие деревянные бараки, в бараках по бокам были двухэтажные деревянные нары. Посередине стояли сделанные из 200-литровых железных бочек — печки буржуйки, названные так за прожорливость. Они не держали тепла и их надо было топить беспрестанно и круглосуточно.

Заключенные в основном трудились для лесной промышленности. У самого Полярного круга в приказном порядке их также заставляли выращивать перец, огурцы, арбузы. За каждым посаженным арбузом был назначен ответственный заключенный с соответствующими выводами. Некоторые там работали даже в кандалах.

В лагере была своя тюрьма, в тюрьме — камеры, карцер и даже расстрельная камера. Был там и свой «Кремль», так назывался дом-лагерного начальника. У обреченных людей не было ничего личного, они не принадлежали сами себе. Все во имя светлой цели!

Работающему человеку давали ненатуральный хлеб с примесью картошки и жмыха — 600 г в сутки и две кружки теплой воды.

Заключенных мучили охрана, голод, холод, болезни, унижение, неведение, комары, клопы, вошки, мошки, мыши, крысы, тараканы и непосильный каторжный труд на лесоповалах.

Известен случай, когда в наказание за невыполненную норму выработки, после окончания рабочего дня, тридцать заключенных в сильный мороз заставили стоять на льду, в том числе и женщин. Потом в лазарете им всем без исключения ампутировали ноги. После этого все они поумирали в неволе.

Особенно тяжело там было женщинам, на которых лагерное начальство смотрело как на товар и разменную монету. Стукачество было обычным делом. Даже у стен были уши! Руководство знало все!

В лучшем случае провинившихся начальник лагеря запрягал в телегу и доходяги катали его по лагерю.

Даже бывшие военнопленные не могли вспомнить таких издевательств у своих врагов, а тут свои.... В тюрьме тяжело первые десять лет, потом привыкаешь — была такая лагерная поговорка.

Случались в неволе и отчаянные мятежи. Бунтовали урки, политические, малолетки, верующие, национальные группы.

У погибшего от озверевших бунтовщиков участкового милиционера в желудке нашли его партбилет, который перед смертью заставили его съесть его бывшие подопечные. Были случаи, когда провинившихся заключенных в лесу ставили на муравейник или живьем сжигали на кострах.

ГУЛАГ — это террористическое государство в государстве. Во время большого террора никто не вел подсчет умерших, их просто увозили в лес и заполняли заранее приготовленную яму, потом закапывали и начинали заполнять новую яму. Так были созданы бескрайние братские могилы. Над безымянными могилами нет братских крестов, и вдовы на них не рыдают. Нет там и каких либо записей. Нет человека, нет проблем! Не будет о нем памяти.

Но грибники в лесу, вместо грибов, до сих пор находят там всплывшие из-под земли белые человеческие кости.

В конце сроков, в тех местах появлялись уже расконвоированные и вольнопоселенцы, которым нельзя было возвращаться домой, в семью, на большую землю.

Потомки бывших невольников и потомки их охранников постепенно составили основное население тех таежных спецпоселков, в том числе и поселка Аджером, столицы образцового ЛокчимЛага.

Уже в 60 годы, после полета Гагарина к звездам, на земле, по субботам, в клубе, там пропагандировалась передовая советская культура, проводились лекции, выступала художественная самодеятельность, показывали кино, бывали танцы, а после танцев всегда были массовые драки.

Когда в воскресенье любопытные приходили туда посмотреть, то на 100 метров вокруг клуба все выглядело как на поле битвы жестокой, внутринародной, гражданской войны. Весь снег был вытоптан и все в крови. Нередки были огнестрельные убийства и поножовщина. Ссылные «власовцы» и другие в отместку за свою поломанную судьбу жгли бараки.

Фронтовики тоже собирались вместе, чтобы отвести свою больную душу, и всех посторонних, особенно детей, выгоняли из помещения.

Они разливали водку по полному граненому стакану, по-гусарски, стоя, как профессиональные фарисеи, поднимали тост: За Сталина, За Родину, За тех, кого нет с нами! Потом повторяли по второму и третьему кругу: За Сталина, За Родину, За тех, кто не дожил! Они повторяли это, как мантру, пока не напивались.

Потом, кто мог, уходил домой, кто не мог, оставался, падал лицом в тарелку, сильно и зло стучал кулаком по столу и отчаянно ругался невероятным матом. Потом, озираясь по сторонам, тихо, сквозь зубы, чтобы никто не слышал, изрыгал сплошные, страшные проклятия, которое всегда заканчивалось одним ненавистным словом: Йоська!!!

Такова была политика государства и отношение к ней советских людей. Только что, стоя, они образцово-показательно прославляли вождя, а потом от искреннего сердца, искалеченная судьбой душа отчаянно его проклинала.

Сейчас новое поколение не знает правды, наивно верит в патриотические сказки.

А государство свой секрет не выдает, все архивы закрыты, засекречены и говорят, вся документация скоропостижно ликвидируется.

Но прошлое, как заноза, торчит в памяти стариков и не дает очевидцам спокойно спать.

По ночам правда горькими слезами вытекает из их мученических глаз наружу, и это говорит о многом.

Эти слезы надо видеть, понимать, знать их причину, помнить обо всех, кому оборвали жизнь.

В жизни бывают минуты, когда в глазах нет больше слез, а в сердце их целое море.

Попробуйте ощутить в себе чувства этих людей....

Всегда помните об этом!

ОБЪЕДИНЕНИЕ

*«Der Ossi ist schlau und stellt sich dumm,
beim Wessi ist es andersrum»*

«Пролетарии всех стран — соединяйтесь!» И объединились две страны в одно государство. Германия стала единой, и я снова устроился на работу. Западная фирма купила восточную. Ушлый шеф, чтобы меньше платить, закрепил меня за экс ГДРэровской фирмой, и пришлось мне ездить под Хемниц, в Ольбернау, на границу Чехии, за 420 км в один конец. В воскресенье вечером выезжал, в пятницу после работы спешил домой. Одну ночь дома и опять в дорогу. Жил там экономно, почти всухомятку, на 20 ДМ в неделю. Жил в маленькой служебной комнатке, где, кроме

кровати, был только стул и мои книги. На обед успевал в Чехию съездить и съесть тарелку отличного горячего супа за 1 ДМ. Терпел, лишь бы дома детям и жене хватало, чтоб не знали нужды ни в чем, о себе не думал, я не в счет. Два года туда-сюда маячил, как маятник. Всякое было. В ГДР люди попроще, свои какие-то, товарищи. С Нобернтом Хлостой мы сошлись с ходу. Он был начитанный, интересный собеседник и охотно наполнял мой информационный вакуум о новой жизни.

«Ну! доволен ты этой, новой жизнью? Западная марка теперь лежит в твоём кармане. Пробила таки она Берлинскую стену?» — спрашивал его я. «Да, знаешь, не все так вышло, как мечтали и обещали или как в газетах пишут. Знали б мы, как это вышло, в 3 раза выше бы ту стену построили. Красиво для глаз, спору нет, но в душе грабеж произошел, пусто там стало. Исчезла стабильность, уверенность, взаимопомощь, бескорыстие, дружба, чувство товарищества. В одну ночь все господами стали, а товарищей больше ни у кого нет! Работал я раньше механиком в нашем городке, в дорожно-строительном участке. Строили и ремонтировали местные дороги. Летом делали насыпи, клали асфальт, зимой обеспечивали безопасность движения. Но вдруг пришла приватизация и в наши ворота. Кругом реформы, в стране — оптимизм. Собрал нас бывший шеф и спросил: «Что делать будем? Есть два варианта. Первый всем войти в долю, влезть в долги, взять кредит в банке и в складчину выкупить предприятие, став акционерами. Затем самим искать заказчиков и отрабатывать долги. Есть второй вариант. В городской мрии объявился богатый дядя с Запада, который хочет купить нас вместе с фирмой. Обещает обеспечить передовой западной техникой и технологией, научить работать эффективно, по-новому. И будем мы в красивых комбинезонах зарабатывать бешеные деньги, проводить отпуска на Гавайях и Малерке. Границы исчезли, свобода кругом для тех, у кого деньги есть. Наши мужики решили, чем в долги влезать, лучше у дяди работать, и проголосовали единогласно за второй вариант. Городское начальство собрало собрание, и представили западного немца — фирмача и богатого дядю. Посмотреть на него, послушать его планы и узнать о своем будущем пришли все и даже с семьями. Дядя говорил красиво. Он сказал, что наша дорожная техника ему не нужна и продаст он ее нам же по дешевке. Всех рабочих на полгода распускает в отпуска. Арбайтсамт оплатит безработных. Его же люди выбросят старые станки и оборудование на шрот, затем привезут и смонтируют новейшую технику и тогда — милости просим всех обратно. Мы же, не получавшие свои отпуска несколько лет, были рады такому предложению: полгода отпуск и даже оплачиваемый. Дорожную технику раскупили на другой день: Автогрейдер — 100 ДМ, бульдозер — 150 ДМ, я тоже мультикару купил за 80 ДМ. Прапорщиков русских налетело, все легковушки раскупили и домой своим ходом покатили. Цены то смешные, «Волга» — 300 ДМ, «Трабант» — 50 и т.д. В конце недели во всех дворах не развернуться было, асфальтоукладчики и те скупили, впервые цены по карману стали. Радовались, что господами стали. В течение полгода изредка захаживали на работу, чтобы подивиться новой технике, но там все оборудование сорвали с фундаментов, разворотили и бросили. Никто не появлялся, все травой заросло. От своей купленной, никому теперь не нужной техники, не знаем, как избавиться, только место занимает. Нахватали, не подумав. По истечении обещанного срока все стали беспокоиться бездействием, волноваться, теребить нашу мерию. Наконец объявили о новом собрании. Приехал с Запада наш «богатый дядя» и заявил, что его специалисты просчитали и решили, что нерентабельно восстанавливать дорожный участок. Чтобы выполнить этот объем работ, приедет с Запада передвижная механизированная колонна на две недели и выполнит всю работу. Так что, извините! И остались мы все никому не нужные, без работы и дальше, спать уже не могли. Ловко же этот «дядя», надежда наша, убрал конкуренцию с дороги. И не поймешь, то

ли продуманный обман, то ли новые условия, диктуемые жизнью. К началу сезона приехали в наш городок западные дорожники и стали класть у наших домов асфальт. Мы все высыпали на улицу посмотреть, как нашу работу по-новому другие делают. Много нас, безработных, там собралось, но мы чуда не увидели, почти также все, как и мы делали. А западные решили выразить нам свое превосходство и презрение к нам. Стали подковыривать; что стоите руки в брюки? Работать не умеете? Все до ручки довели, страну развалили и теперь к ним присосались?! А они, бедные, побросали дома, свои семьи и теплые дома, вынуждены теперь за тридевять земель класть нам асфальт под нашими окнами, чтоб мы в грязи не погрязли и еще платить нам налог солидарности из своей зарплаты. От такой наглости наши нервы не вытерпели:

— Мы вас сюда не звали, сами всю жизнь все делали, и работали не хуже вас, а по вашей милости стоим на обочине, потому что вы нас обманули, наш хлеб и нашу работу отобрали и еще попрекаете! И пошли в ход кулаки с обеих сторон. До крови бились, пока полиция не растаскала всех по разным углам. До сих пор в ту сторону дуемся. Много таких историй случилось, могу рассказать. Так было. И сейчас еще бывает, если придет к нам в бюро западный немец с каким-то предложениями, то ему сразу на дверь указывают, чтобы с той стороны закрыл. И такую школу прошли. Человек никто, все решают деньги. Сейчас этот процесс еще дальше пошел. Капитал течет за границу. Там рабочая сила совсем дешевая, хотя работы полно. И трудятся люди за гроши, чтоб содержать все увеличивающую армию немецких безработных. Перекос такой может опрокинуть экономику, как корабль в море. Пора бы задуматься кое-кому над этим и начать решать проблемы.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ: ТРИУМФ ИЛИ КОЛЛАПС?

Состояние современной русской словесности литераторами и читателями оценивается сегодня прямо противоположно. Дмитрий Бак считает, что «нынешняя русская литература — разные жанры по-разному — переживает период расцвета».

Владимир Бондаренко тоже не теряет оптимизма. В своих выступлениях он называет десятка два имен из числа «новых реалистов» и утверждает, что именно они в самом ближайшем будущем составят гордость русской литературы. Он пишет: «...писатели с молодой энергией ухватили настроения, царящие в самом обществе... у них есть величие замысла, есть длинная идея...». И далее, обращаясь к верховной власти: «Не нравятся народные мстители в литературе, неохота читать про безрадостную жизнь вымирающей провинции, наблюдайте за тем, как из искры приморских партизан будет разгораться пламя народного сопротивления». Не упоминая А. М. Горького, Владимир Бондаренко как бы примеряет героев Захара Прилепина, Сергея Шаргунова, Александра Терехова и других «сорокалетних» с образом Павла Власова из романа «Мать».

Однако подавляющее большинство литераторов настроено иначе. Недавно высказался по этому вопросу и Виктор Лихоносов: «И тоска еще бывает такая нестерпимая по воображаемой, возможной литературе...»

Алла Латынина как-то с горечью сказала: «У меня нет аргументов, чтобы убедить людей читать современную русскую литературу».

Игорь Золотусский в одной из своих статей признается, что, когда он от хрестоматийной литературы обращается к литературе современной, то прямо физически чувствует, как начинает заболеть.

Вячеслав Лютый не особо восторгается современной русской литературой, но верит в ее будущее: «...глухой ропот народа и отчетливое слово писателя должны нарастать и приобретать оттенки бури в тисках терпения... литература в России вполне может превратиться в поле, на котором собирают свой урожай бесчисленные клоны Улицкой — Сорокина — Быкова — Рубиной — Акунина — Донцовой...».

И уж совсем пессимистично настроена Светлана Замлелова: «Печально, что критики не хотят замечать: современная русская литература похожа на разбитый горшок, склеить который едва ли возможно».

Капиталистическая действительность существенно ожесточила нравы. Деформировалось сознание не только читателей, но и тех, кто взялся за перо. А философ

В. Розанов еще сто лет назад написал: «Души в вас нет, господа: и не выходит литературы».

Часто можно услышать (или прочитать), что, мол, наша литература находится в таком же положении, как в других капиталистических странах. Это не совсем так, а иной раз и совсем не так. Например, литературная жизнь современной Японии отличается от нашей интенсивностью и большим разнообразием. В стране издается более двухсот журналов, ежегодно присуждается свыше ста литературных премий за новые произведения. А у нас год только начался, а уже единственный толстый журнал поэзии «Арион» приказал долго жить. Дышат на ладан еще десяток литературных журналов.

Или вот другой факт. В Швеции на каждые десять тысяч человек есть книжный магазин, в Москве один магазин на 450 тысяч. Про сельскую местность говорить уже не приходится.

Самое печальное, что из русской литературы уходит главный герой любого времени — человек труда. Если и мелькнет где-то на заднем плане, то всего лишь как питательная среда для китов капитала.

Значительная часть современной российской литературы перестала быть учебником жизни. Чему могут научить романы с такими, например, названиями: «Анна Каренина, самка», «Сперматозоиды», «Нано и порно», и т. п. Видимо, авторы книг и издатели считают, что обложка — самая увлекательная часть книги.

Словесность, а не религия, философия или наука формировали национальный тип сознания, манеру мыслить и чувствовать. К сожалению, сегодняшней власти национальный тип сознания не нужен. Им необходим другой тип: тот, кто голосует за глобализм, неумное потребление, вседозволенность и не протестует против олигархического капитала. Не хочет наша власть прислушиваться к голосу наших лучших писателей, не понимая, что среди них могут быть и пророки. Владимир Личутин настаивает: «Сидящие же у власти должны твердо уяснить себе, что без национального русского сознания им не устоять в трудные годы, что сулятся в стране в самом близком времени».

В школьную программу (Русская литература 20 века, часть 2) внесли изучение творчества Александра Солженицына, но, излагая его биографию, авторы учебника умышленно умолчали, что, проживая в США, «классик» публично призывал к атомной бомбардировке СССР. И как же противно после этого читать в учебнике такие строки: «Сейчас очевидно, что писатель был искренне озабочен в 1990 г. (как озабочен и сейчас) тем, чтобы страна получила «полную свободу хозяйственного или культурного дыхания», ...а земля с ее чудесным, благословенным даром плодоносить не попала в руки анонимных спекулянтов»...

Что же такая государственная политика внушает нашим писателям? Понятно что. Охаивайте свою Родину, призывайте ее врагов к атомной бомбардировке России,— и, даже если вы не получите Нобелевской премии, не горюйте: вам президент нашей страны подарит шикарную усадьбу, гарантируем также миллионные тиражи ваших книг... А после вашей кончины (это даже не обсуждается) в школах заставим детей изучать ваши «шедевры», ну и, конечно, же поставим вам памятники. Так что дерзайте!

Смесь глупости с властью обладает большой разрушительной силой.

Прошло уже тридцать лет как полную свободу получили «прогульщики соцреализма», но и они, как ни пыжились, не создали литературных шедевров.

Бесцензурное пространство сбilo многих литераторов с пути. Кто-то свернул на тропу постмодернизма и окончательно увяз в этом болоте. Кто-то, обуреваемый болезненной жадью новаторства, стал осваивать другие литературные маршруты, но путеводитель оказался тарабарщиной. Но многие из заблудившихся не признают

своих ошибок и продолжают экспериментировать. Вот и приходится нам читать, например, у Всеволода Некрасова такую околесицу:

*Я помню чудное мгновенье
Невы державное течение
Люблю тебя Петра творенье
Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье.*

Глоток свободы лишь усиливает жажду. И когда горят свободой, не думают, что делать с будущей золой.

Некоторые писатели сломя голову кинулись в православную тематику. В их произведениях нередко происходит чудо, граничащее, по мнению священников, с кощунством. Но от этих религиозных кульбитов в современной русской литературе чуда пока не наблюдается.

Еще одна болящая «мозоль» современной русской литературы: наплыв нецензурной лексики. Некоторые известные в стране люди с маниакальным упорством утверждают, что мат — это часть нашей языковой культуры. Нет, господа и товарищи! Мат — это часть нашего бескультурья. Если в анекдотах эта лексика иногда как-то еще приемлема, то в художественной литературе категорически нет. Ни один литератор не должен забывать, что, кроме всего прочего, его текст выполняет еще и воспитательную функцию. Не зря же наши классики не использовали в своих произведениях нецензурную брань. А у нас, вручая награды Виктору Пелевину, Захару Прилепину, Владимиру Сорокину и другим живым «классикам», учредители и спонсоры литературных премий фактически принимают активное участие в легализации ненормативной лексики.

И очень жаль, что такой авторитетный литературный критик как Владимир Бондаренко, часто отмечая в своих статьях положительные моменты в книгах Эдуарда Лимонова, стыдливо умалчивает о нецензурной брани этого неординарного писателя.

Мат как художественно-изобразительное средство — это предельно примитивный и даже мерзкий прием. И сама жизнь показывает, где его место: в среде с крайне низким уровнем интеллекта (алкоголики, бомжи, уголовники и т. п.).

Очень точно подметил Аркадий Давидович: «Культура — это умение материться без мата». А известный американский психиатр Франкл Виктор еще в 1975 году в одной из своих лекций сказал: «И не говорите мне, что мы должны безоговорочно соблюдать и отстаивать принцип свободы слова... Одной свободы мало. Свобода без ответственности может переродиться в произвол... рядом со статуей Свободы надо бы воздвигнуть Статую Ответственности».

Так и хочется воскликнуть: «С кем вы, мастера культуры?! С матом? Или с «великим, могучим, правдивым и свободным русским языком»?».

«Ведущие» литературные журналы, которые когда-то были флагманами отечественной литературы, влечат жалкое существование, потому что настоящей литературы в них становится все меньше и меньше. Главные редакторы уже как Киса Воробьянинов униженно протягивают руку и просят у государственных чиновников взять их на содержание, но при этом забывают, какие функции обязана выполнять журналка.

И как удачно кто-то съязвил, «Новый мир» надо переименовать в «Старый мир», «Знамя» — в «Флагшток», «Наш современник» — в «Их современник», а «Юность» — в «Старость».

Уже не Александр Сергеевич Пушкин, а телящик — наше все. Многие россияне включают его рано утром и выключают вечером, уже лежа в постели. Телевидение стало наркотиком для тех, кто не научился и не хочет научиться думать. Кто из литераторов часто мелькает на экране, тот получает немалые деньги и порцию мнимой славы. А некоторые даже умудряются вести передачи: Быков, Волгин, Архангельский, Прилепин...

Институт критиков снизился до уровня ПТУ. Крайне редко можно встретить глубокий анализ, все больше куцые тезисы, «украшенные» хвалебными эпитетами. Кроме того, критики вымирают как когда-то мамонты, а те, кто еще живы, существуют чаще всего на взятки-подачки издательств. И читатель получает некачественный продукт, а владельцы издательств довольно ухмыляются и потирают ручонки.

Много раз читал, как литераторы жалуются на то, что им не дают престижных премий. Что им можно посоветовать? Только одно: руководствоваться словами Марциала: «Хвалят их, а читают меня».

Владимир Личутин в статье «Писатель и власть» подчеркнул: «...судьба писательского ордена — сражаться за дух своего народа». И в этом бою можно победить в одном случае: взяв на вооружение все богатство русского языка, создать незабываемые яркие образы. И, уходя от литературных штампов, призвать на помощь свои новые художественно-изобразительные средства. Однако не надо забывать, что не все новое бывает удачным. Давно я прочитал у Юрия Кузнецова вот эти строки:

*Который день душа ждала ответа,
Но дверь открылась от порыва ветра.
Ты женщина — а это ветер вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой — топил на море корабли.*

Перечитывал эти строки неоднократно и хочется прочесть их снова, чтобы еще раз обдумать сказанное выдающимся поэтом и в который раз получить эстетическое удовольствие.

А прочитаешь у него же «Я пил из черепа отца...» — и хочется убежать от этой метафоры как можно дальше. Ничего не поделаешь, совершенство не бывает окончательным.

Казалось бы, проводится масса всевозможных литературных мероприятий: семинары с молодыми писателями, литературные ярмарки, научные конференции, встречи с читателями... Но сколько бы ни проводили «круглых столов», современная русская литература пока остается «под столом» мировой литературы. Ни у наших читателей, ни за границей она не пользуется успехом.

Когда всматриваешься в современную литературную жизнь, то, выражаясь словами В. Г. Белинского, «окружающая действительность вопиет». И невольно задаешься вопросом. Сможет ли такая литературная жизнь обеспечить русской литературе бессмертие?

Будем надеяться на лучшее, но здесь таится другая опасность: посеешь надежду — пожнешь разочарование.

НУЖНА ЛИ НАШЕМУ ГОСУДАРСТВУ ЛИТЕРАТУРА?

В 1917 году, когда в нашей стране свершилась революция, Россия была весьма развитой страной в плане литературы и искусства. Однако это было искусство для немногих, для образованного сословия; 85—90 % населения не умели даже читать и писать.

Советская власть успешно и в сжатые сроки осуществила культурную революцию. В. И. Ленин писал, что искусство обязано быть понятно «массам и любимо ими». Оно должно объединять чувство, мысли и волю этих масс, подымать их». Это современная русская литература не способна решить эту задачу, а в то время эта цель была достигнута.

Сегодня все чаще и громче раздаются голоса, что современная русская литература переживает острейший кризис, и это обстоятельство вынуждает задаться вопросом: в

чем причины такого положения дел? И невольно заставляет обратить наши взоры к опыту наших предшественников, в том числе и к методу социалистического реализма, который был взят на вооружение при создании произведений литературы и искусства.

Абрам Терц (Синявский) в своей брошюре «Что такое социалистический реализм?» (1957 г.) отрицает этот метод как политическую несуразицу и заканчивает свою работу словами: «Мы не знаем, куда идти, но, поняв, что делать нечего, начинаем думать, строить догадки, предполагать. Может быть, мы придумаем что-нибудь удивительное. Но это уже не будет социалистический реализм». Литературные потомки Андрея Синявского действительно удивили своими «придумками», вот только восторга от них читатели пока так и не испытали.

Рамки соцреализма были весьма размыты («требуется правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии»), что позволило относительно комфортно чувствовать себя в литературе подавляющему большинству писателей; даже таким «нестандартным», как В. Каверин, Л. Леонов, К. Паустовский, М. Зощенко, А. Платонов и другим.

Утверждать, что социалистическая система только и занималась тем, что душила писателей, значит, уклоняться от правды. Рамки свободы творчества были сформулированы в приветствии ЦК КПСС 2 съезду советских писателей (1954 г.): «Недопустимо приукрашивание действительности и замалчивание противоречий и трудностей роста с одной стороны и надуманные конфликты, искаженное и клеветническое изображение советских людей и общества — с другой». Делегатам было предложено самостоятельно конкретизировать эти положения. И на съезде разгорелась нешуточная дискуссия, на которой звучали нелицеприятные оценки творчества даже таких писателей, как М. Шолохов, К. Симонов и других кандидатов в классики. А нам продолжают внушать, что не было никакой свободы творчества.

Английский критик Дж. Гуддон (и было немало сторонников его точки зрения) утверждал, что соцреализм «рассматривает художника в качестве слуги государства». Так оно в действительности и было. Литераторы выполняли своего рода госзаказ. Если подходить к этому вопросу иначе, есть только два варианта. Рассматривать государство в качестве слуги художника, но такой «сюжет» невозможен даже в сказке. И последний вариант: государство не обращает на писателей никакого внимания. Это как раз то, что происходит в нашей стране в последние тридцать лет. Но разве такой подход способствует развитию русской литературы? Жизнь показала, что ответ на этот вопрос отрицательный.

За первые тридцать лет советской власти в нашей литературе появились М. Шолохов, В. Маяковский, А. Толстой, А. Твардовский... А кто из современных писателей вырос за последние тридцать лет до уровня перечисленных классиков? Убедительного ответа на этот вопрос пока никто не может дать.

Даже те, кто огульно охаивают изображение жизни в рамках соцреализма, неизбежно приходят к выводу, который сформулировал Ю. Боров в своем учебнике «Эстетика»: «Относительно мягкий, стабильный и социально озабоченный режим брежневского типа (тоталитаризм с почти человеческим лицом) сменился коррумпированной нестабильной махровой демократией (олигархия с почти криминальным лицом), озабоченной разделом и переделом общественной собственности, а не судьбой народа и государства».

Русскую литературу сегодняшнего дня создают писатели, которые трудятся на общественных началах, то есть в порядке общественной нагрузки или самодеятельности (профессии «писатель» в России уже давно нет). Вот мы и получаем художественную литературу в основном на уровне «художественной самодеятельности». Разве можно себе представить, что, создавая, например, баллистические ракеты или космические корабли, люди работали на общественных началах? Нет, конечно.

Труд поэта, прозаика, драматурга, литературного критика — это самый сложный вид деятельности. Подавляющее число современных писателей — это люди наиболее совестливые, влюбленные в русскую литературу, для которых Художественное Слово — не пустой звук. Писательство сегодня — это образ жизни бедняка и каторжный труд, но вот что удивительно: количество посвятивших себя литературному творчеству не уменьшается, а увеличивается. Не зря у Станислава Золотцева есть такие строки:

*Почти нагая, почти босая,
Не перестанет сквозь кровь и слезы,
Себя спасая и мир спасая,
Писать Россия стихи и прозу.*

Даже талантливые литераторы, дабы сохранить свои тексты, вынуждены на свои кровные издавать книги тиражом 100—200 экз., следуя примеру Николая Глазкова, написавшего:

*Лучшему поэту нет пути:
Всюду рамки конъюнктур и дат,
Чтоб несправедливость обойти,
Я придумал «Самсебяиздат».*

У нашего правительства, которое в первую очередь отстаивает интересы олигархов, никогда не найдется денег для писателей. Никогда! Ибо в писатели в основном идут люди с обостренным чувством справедливости, думающие о своем народе, страдающие вместе с ним.

Хорошо известно, что любая экономическая структура государства, являясь базисом, выстраивает свою политическую надстройку, к которой относится в том числе и литература. Правительство находит деньги только для тех продажных деятелей СМИ и литераторов, которые формируют по любому вопросу «нужное» общественное мнение, исходя из того, что дешевле сформировать общественное мнение, чем считаться с ним. Кураторы идеологической работы не гнушаются ничем. Озвучивают ложь, рассчитывая на то, что газетные утки способны продолжить плавание в сознании обывателей. Нередко говорят правду, например, о коррупции, но думающим людям понятно, что выносят сор из избы лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза трудящимся.

Поэт Леонид Григорьян создал такой образ рядового гражданина новой России:

*Обреченный метаться впотьмах,
Обходиться изглоданной коркой,
Уловлять шелестенье бумаг,
Быть поскребышем, карлой, шестеркой,
Безответным объектом вора,
Сиротой посреди мирозданья...
Это ты, это он, это я,
Это мы накануне восстанья...*

Подобные мысли и в стихах, и в прозе, и в критике высказывают многие литераторы. И наше государство будет платить им за подобное творчество?

Да никогда в жизни; до тех пор, пока существует диктат Золотого Тельца.

Наше буржуазное государство олигархического типа находит деньги только для тех, кто прославляет именно такую форму правления и очерняет советское прошлое. Поэтому находятся деньги и на памятник Солженицину, и на рекламу, и на издание книг писателей-антисоветчиков.

Вот лишь один пример. Много произносится восторженных эпитетов платными либеральными критиками о поэзии Иосифа Бродского. Они рассуждают об «инстру-

ментовке и пластике его стиха», о «новых способах фиксации и утверждения реальности». Как уникальное достоинство выставляется его «композиционная неуравновешенность и лексико-грамматическая невнятица» и т. п. Поэзию Нобелевского лауреата активно пропагандировали действительно талантливые чтецы Михаил Козаков и Константин Райкин. Но как бы и кто бы ни пыжился, а народ России не обманешь: не принял он поэзию Иосифа Бродского. У стихов Есенина, Высоцкого, Евтушенко есть массовый читатель, их строки цитируют в разговорах, песни на их стихи поют, — а у Бродского ничего этого нет.

Уже четверть века государство находит деньги для всех, кто активно участвует в работе над переформатированием сознания и извращением художественного вкуса широких масс. Для этого уже десятки лет с утра до позднего вечера на телеэкране мелькают голые задницы, пропагандируются низкопробные зарубежные кинофильмы, звучит примитивный юмор «ниже пояса»... Находятся деньги и для литературных «гельманов», а их число все растет и растет.

Российский телеведущий Дмитрий Киселев построил в Крыму виллу за 200 миллионов рублей. Для таких деятелей, как он, государство, без всякого сомнения, деньги изыщет, даже если для этого придется поднять пенсионный возраст, повысить цены на продукты питания, ЖКХ, бензин и т. п. А с какой настойчивостью изобретаются новые налоги для трудящихся! Скоро, видимо, и для полетов во сне, потребуется покупать лицензию.

Чтобы до конца не обозлить пишущую братию, наша центральная, а кое-где и местная власть иногда бросают им кости: то несколько литературных премий, стипендий, то подкинут денег для «поддержки штанов» редакторам (в основном либеральных изданий), а то и «Годик литературы» объявят...

Американец Уоррен Баффетт потратил на благотворительность миллиарды своих долларов. «Российского Баффетта» днем с огнем не сыщешь; и даже если мы его и увидим, то это произойдет, скорее всего, только во сне. Казалось бы, есть Потанин и Дерипаска. Они — основные собственники «Норникеля» (одной из крупнейших в мире компаний по производству драгоценных и цветных металлов). Уж денег-то у них столько, что можно было бы издать книги всех без исключения талантливых российских писателей. Но говорят, что деньги наших олигархов регулярно убегают в оффшоры, где и прячутся. Может быть, именно там писатели получают материальную поддержку? И, глядишь, через энное количество лет в нашем литературоведении появится новый термин — «оффшорная русская литература»? Как говорил Станиславский: «Не верю!».

К какому же выводу мы пришли? Литературная жизнь в России в последнюю четверть века, конечно, не удалась; но могло быть и хуже.

Если смотреть шире, ясно одно: движению вперед нередко мешает политическая платформа, а локомотив Истории требует капитального ремонта и замены машиниста.

УБЫЮТ ЛИ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

Война Запада против России набирает обороты не только на экономическом, но и на идеологическом фронте. И в эту борьбу вовлекаются все новые и новые материальные и людские ресурсы. Враги уже давно поняли, что расчленить Россию можно только в том случае, если пятая колонна внутри нашей страны откроет второй фронт. И распад СССР подтвердил, что они выбрали единственно верную тактику.

Предателей в верхних эшелонах власти всегда можно найти. Но будет ли снова молчать народ, когда новые горбачевы и ельцины начнут расчленять уже саму Россию? Вот это — главный вопрос! Сегодня — вряд ли возможен такой сценарий. А чтобы народ промолчал завтра, нужно самым активным и всесторонним образом

продолжить работу по переформатированию его сознания. Денно и ночью внушать нашим гражданам, что прошлое и настоящее России мерзопакостно и что «светлое будущее» возможно при одном условии: если народ возьмет на вооружение «общечеловеческие ценности». Ну, а что из себя представляют эти «ценности», мы наблюдаем уже больше четверти века.

Одна из важнейших задач противника на идеологическом фронте — подорвать веру в героическое прошлое нашего народа, переписать Историю и обесценить русское Художественное Слово. Внушить гражданам, и прежде всего молодежи (она — будущее страны), что не было ничего значительного ни в советской литературе, ни в русской литературе девятнадцатого века. К решению этой задачи подключают не только представителей пятой колонны, но и тех, сознание которых уже «пошатнулось», и они попали в разряд «заблуждающихся». И порой уже трудно разобрать, кто находится рядом с тобой: враг России или всего лишь клонувший на «наживку» нашего противника? Сегодня заблуждающиеся опасны: заблуждения с годами вырастают в непроходимые дебри.

Пример этого мы можем видеть сейчас на Украине. Целенаправленное промывание мозгов подрастающему поколению уже дало там свои плоды.

Да и в других странах ближнего и дальнего зарубежья можно наблюдать нечто похожее. Вот только Россия, несмотря на все усилия псевдолибералов и псевдопатриотов, пока держится. И в этом немалая заслуга российской литературы, которая столетиями пыталась сохранить в читателях самые чистые и светлые чувства. А потому, чтобы уничтожить Россию, следует в первую очередь разделаться с российской культурой вообще и с российской литературой в частности. И попытки в этом направлении не прекращаются с девяностых годов. Примеров достаточно и в театральной деятельности, и в кинематографии, и в телевизионных проектах. Немало публичных людей, кто сознательно, кто по недомыслию, старательно забрасывают комочками грязи то, что наш народ привык считать национальным достоянием.

К примеру, небезызвестный Дмитрий Быков весьма преуспел в охаивании русской литературы. В книге «Советская литература. Краткий курс» он отводит каждому писателю главу, в которой высказывает свое видение творчества того или иного писателя или поэта.

Например, такой его пассаж: «Горький одержим безобразным. Именно благодаря этой особенности... он и завоевал читателя... Это-то отсутствие нравственных тормозов — и, более того, отрицание человеческой морали... чувствовалось в Горьком с самого начала».

Антон Павлович Чехов, по мнению Быкова, тоже отвратителен: «Чехов отчасти напоминает своего Лопухина, сына крепостного (как и он сам), который скупил вишневым сад русской литературы лишь для того, чтобы его вырубить».

Не восхитила Быкова и поэзия Сергея Есенина: «Мандельштаму до есенинского культа также далеко, как Есенину до мандельштамовского таланта; да что там — Блоку, талантливый эпигоном которого Есенин был с деревенского своего начала и до творческого конца».

Литературный талант М. А. Шолохова Быков частично признал, но по-своему истолковал «Тихий Дон». И это не удивительно. У Быкова было лишь два варианта. Объявить Михаила Шолохова бездарем — но это уж слишком! И он пошел по другому пути: весь его комментарий к роману сводится к тому, что «Тихий Дон» — произведение антисоветское. Поэтому свои рассуждения о романе он заканчивает фразой: «Патриоты, откажитесь от Шолохова. Он — не ваш».

В своей книге Быков периодически касается истории советского государства. О И. В. Сталине он пишет: «Сегодня иногда встречаешь суждения о том, что Сталин... был менеджером модернизации, благодаря которому мы провели величайшую индустриальную революцию».

стриализацию и т. д. Между тем никакой модернизации Сталин не проводил — он ее угробил».

Похвалы удостоился Леонид Леонов, но, видимо, потому, что Быков причислил его к скрытым антисоветчикам. И в качестве доказательства по-своему прокомментировал его философско-мистический роман «Пирамида».

Быков уделяет внимание тем литераторам, которые (или родственники которых) в той или иной степени пострадали от советской власти. Так, мы можем прочитать главу о творчестве Варлама Шаламова, Исаака Бабеля, Юрия Домбровского, Веры Пановой, Василия Аксенова и других.

Поразительно, но в книге Быкова нет глав, посвященных Владимиру Маяковскому, Алексею Толстому, Константину Симонову, Константину Паустовскому, Юрию Бондареву, Василию Быкову, Чингизу Айтматову, Виктору Астафьеву, Евгению Евтушенку, Валентину Распутину, Василию Гроссману и многим другим литераторам, которые составляют гордость советской литературы. Но зато есть многостраничные главы, в которых анализируется творчество Александра Шарова, Николая Шпанова, Федора Парфенова и других писателей и поэтов, творчество которых никак нельзя назвать значимым.

Быков расхваливает на все лады постмодернистские изыски и кульбиты Виктора Пелевина. Но мы-то понимаем, почему он это делает. Как сказал один умный человек, «если попытаться одним словом определить состояние человеческой души в эпоху нынешнего «глобализма», то это слово будет ползучим, безжалостным и пластающим: смысложизнеутрата». Привести российский народ к подобному состоянию — давнее желание так называемой западной цивилизации.

Характерно для позиции Дмитрия Быкова и такое заявление: «В русской литературе 70-х годов 20 века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданическому лицемерию. Это направление, окопавшееся в журнале «Наш современник» и во многом определившее интеллектуальный пейзаж позднесоветской эпохи, получило название «деревенщики»».

Как тут не вспомнить слова Юрия Бондарева: «Наша свобода — это свобода плевать в свое прошлое, настоящее и будущее, в святое, неприкосновенное, чистое».

В политическом болоте каждая лягушка мечтает стать вождем. Совсем недавно Д. Быков публично заявил, что намерен написать о предателе генерале Андрее Власове книгу, в которой будет отображен его подвиг. И ведь напишет, энергии и эрудиции ему не занимать. И получит какую-нибудь очередную престижную литературную премию. Рецензенты дружно похвалят очередной «шедевр», и каждый из них положит в карман свои тридцать сребреников.

А наши дети и внуки будут читать эту мерзость. Они ведь не знают, что о советской власти Валентин Курбатов, выражая мнение наших лучших писателей, сказал: «И называть этот период только «совковым» можно только от духовной слепоты и лени ума... мы не привились к прежней советской традиции, к лучшему и живому в ней. И это было национальное предательство».

Был упомянут лишь один небольшой кусочек из обширного полотна борьбы с российским самосознанием. Думающие читатели (а другие эти строки и не прочтут) легко дополнят картину своими примерами.

Надо смотреть правде в глаза: попытки убить русскую литературу будут все настойчивее и изощреннее. Время не ждет. Нужно что-то предпринимать для более активного противодействия этим попыткам.

Бороться с непреодолимыми обстоятельствами можно только созданием новых возможностей.

Вадимир Трусов

(г. Мончегорск, Мурманская обл.)

КРИТИКА ЧИСТОГО ЧУВСТВА?

(о романе Алексея Яшина «Женщина в человеинике»)*

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

А ведь можно с порога, основываясь лишь на названии романа и о нем порассуждав, эффектно закрыть тему. Нет, в самом деле, словосочетание-то почти магическое, ибо о чем или о ком мы беремся рассуждать? Что или кого исследовать? Правильно, женщину в современном глобальном мире сиречь человеинике, как его определил блистательный А. А. Зиновьев. Но, господа мои, речь по-прежнему идет о женщине, а из этого неизбежно следует, что таковая самой собой и остается, поскольку в противном случае должна меняться и терминология. Женщина, а равно, во имя гендерной справедливости, и мужчина, утратившие свои определяющие качества, превращаются в существа, требующие иного наименования. Ну, разве леопард, утративший свои кошачьи признаки, останется леопардом? А танк, лишившись торсионов в ходовой части и прочих характерных особенностей? Да в конце концов мы с вами, утратившие способность мыслить, разве останемся людьми? И уж если мы сохраняем определение «женщина», то она и остается именно женщиной, прежде всего матерью и залогом продолжения жизни человеческой, хоть в человеинике, хоть в чайнике, хоть в космосе. Все. Тема исчерпана, а роман почитаем на досуге от скуки потому, что романы А. А. Яшина вообще увлекательны и оригинальны (поклон в сторону автора), и далее займемся более сложными узлами мировых противоречий, требующими разрешения. Так?

Так, да не так. И если облик человечества нынешнего по сравнению даже с совсем недавним, лет тридцати тому, разительно изменился, то уж такое сложное и многообразное явление, как женщина, непременно должно претерпеть некие, и возможно, весьма существенные метаморфозы. Хрестоматийно до банальщины? Наверное. Однако же автор, как и положено здравому, зрелому и уважающему себя литератору, не собирается почтеннейшую публику развлекать и веселить. Он предлагает читателю рассудить-подумать и в конце концов кое-что в данном направлении для себя определить сколь возможно конкретнее. Сразу следует заметить, что «Женщина в человеинике» вполне логично продолжает предыдущий роман А. А. Яшина «Задуманные беседы об умозамещении», пусть не явно напрямую, но все-таки наглядно и объяснимо. И еще одна деталь: каждое поколение склонно придавать всему, с ним происходящему, оттенок исключительности, неповторимости, и поэтому нам с вами,

* Алексей Яшин. Женщина в человеинике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. — М.: «Московский Парнас», 2018. — 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). — В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

воленс-ноленс, может казаться, что глобализация и обусловленные ею общественные и личностные процессы, характеризующие наше малопривлекательное и неромантическое время, столь значительны, что «все бывшее» по сравнению с ними — полная ерунда и мелочевка. Так вот, господа мои, не стоит обольщаться на сей счет, масштабных событий в социальном и прочих исторических аспектах всегда хватало, и на наш век их «выше крыши», и потомкам достанется с лихвой. Поэтому относится к роману нужно вдумчиво и спокойно, он, слава Создателю, не несет в себе ничего сенсационного и сногшибательного. Просто автор разобраться пытается, а что вообще из себя сегодня представляет наш прекрасный и, условно говоря, слабый пол?! И такой ли уж слабый?! И насколько все-таки еще прекрасный?!.

Автор — человек и литератор весьма и весьма искушенный, поэтому и не тратит время на пустые, из воздуха ли выхваченные, из пальца ли, пардон, извлеченные, умозаключения. Он прежде всего, как и положено художнику, рисует картины нынешней действительности, изображает конкретные, во много очень характерные типажы героинь нашего времени, предоставляя читателям право делать собственные выводы. И то верно, ведь нашему вниманию представлено художественное произведение, хоть и не чуждое философских инспираций. Очень показательно, что начинается повествование с увлекательного экскурса в городскую историю, а также в летопись конкретного городского района, где и бытует главная героиня романа, а также ее семья и прочие персонажи. То есть с самого начала задается канва повествования, если угодно, вмещающий ландшафт, без коего и действующие лица вводить было бы некуда. А читать об этом, на мой взгляд, всегда интересно и познавательно, особенно если, как в нашем случае, написано сие со знанием дела, достаточно подробно и в меру иронично. И настрой соответствующий у читателя формируется, он точно проходит некую и своеобразную подготовку к освоению основного содержания романа, по конструкции на самом деле очень непростого.

Бесспорно, что корневые, глубинные свойства и качества человеческой личности инвариантны, и по сути своей за много тысячелетий человек, в общем-то, не изменился. Все побудительные к действию причины, желания, помыслы, слабости и достоинства были, есть и будут незыблемыми. Но...средства воплощения оных как раз меняются, и разительно, а следовательно и стереотипы поведения претерпевают значительные метаморфозы, а равно критерии и методика оценки процессов и явлений в мире ближнем и дальнем происходящих. Оттого и человек становится со временем на себя прежнего не похожим до такой, порой, степени, что лишь диву даваться остается и руками разводить. Однако же и в одинаково жестких предлагаемых обстоятельствах конкретные люди ведут себя по-разному. Оттого существенно разнятся и персонажи романа, стараясь, впрочем, оставаться женщинами, конечно же так, как каждая сие понимает.

Автор, естественно, не смог бы, даже при всем желании и не подвергаемом сомнению даровании, дать читателю полный спектр характеров и типажей современных женщин. Да и задачу свою, как мне думается, он видел не в этом. Напротив, выписав более или менее четко три таковых плюс добавив несколько довольно схематичных или эпизодических, он предлагает нам поискать иные, возможно, обобщить результаты поисков и додумать остальное самим. Такой подход уже является признаком истинного профессионала, мастера большой прозы, не втискивающего читателя в жесткие рамки собственных умозаключений, и относится к явным достоинствам рассматриваемого произведения.

Итак, в центре повествования находится Елизавета Васильевна Соколенкова, по сути — главная героиня, представитель обширной и славной семьи, специалист по психологии, что само по себе подразумевает определенную интеллигентность, при

все при этом, жестко выражаясь, по социальному статусу мать-одиночка, в иной системе отсчета свободная женщина с приличной квартирой в элитном доме. Завидная партия для зрелого мужчины с положением? Возможно — да, возможно — нет. Но сразу скажу, что эта женщина мне более остальных в романе импонирует своей сдержанной, хоть и во многом вынужденной независимостью и неизменным стремлением к душевной чистоте, насколько данное качество вообще возможно в реальном мире. Вдобавок ко всему Елизавета Васильевна видит необычные сны, продолжая конечно же традицию всем известной Веры Павловны (толковать эти видения читатель вполне может самостоятельно), а еще ведет дневник особого рода, пытаясь в сокровенных записях систематизировать свойства женской натуры, в том числе в важнейших для жизни, чего уж скрывать, отношениях с противоположным полом. Роман и выстроен на перемежении конкретной событийности, сегодняшней и былой, с аналитическими дневниковыми выкладками, что, признаюсь, не всегда, по-моему, помогает целостному восприятию произведения. Причина тут проста, конкретика действий излагается автором динамично, легко, интересно и иронично, прочтение увлекает, втягивает в коллизии фабулы, и вдруг «тормозится», если угодно, довольно сухими порой сентенциями на заданную тему, на что аз грешный не раз искренне досадовал. Однако подкупает искренность Елизаветы Васильевны, хоть и далеко не со всеми ее выкладками можно согласиться.

Ну, а что же иные дамы, иные характеры, типажи? Мне показалось, что тут автор прибегает к некоторой антитезе по отношению к главной героине. Конечно, в любом подобном описании присутствуют условности и допущения, но вот особых симпатий ни Вера Тимофеевна, ни Светлана Анатольевна, ни прочие, упоминающиеся в романе женские образы, пусть и нарисованные отдельными штрихами, как-то не вызывают. Один дорожный рассказ Веры Тимофеевны о фрагментах своей жизни и в семье, и вне оной, чего стоит. Налицо неприкрытое приспособленчество, сиречь служебный роман с «выгодой», лицемерие и вместе с тем плохо скрываемое пренебрежение по отношению к мужу, которого она вдобавок еще и заразила нечаянно, а по сути непонимание: зачем все это происходит?! Нет, автор несколько не стремится осуждать кого-либо, тут нет никакого намека на дидактику, но... Факт остается фактом: жизнь этой женщины едва ли вообще задалась и впоследствии вряд ли изменится. Тускло все вокруг, пусть и внешне благополучно, пусть со стороны может показаться, что Вера Тимофеевна преуспевает во всем, только никто не сможет ответить на вопрос, а в чем же конкретно? Жить лишь расчетом, резон, разумом, без души, без сердца... Разве это жизнь? Едва ли... А вот соседка и подруга Елизаветы, местная светская львица Светлана Анатольевна, тоже приспособившись, только с наибольшей выгодой, к современным реалиям, являет собой совершенно иной вид приспособленчества, на порядок, а то и несколько выше, нежели у ее случайной знакомой по больничной палате, Веры Тимофеевны. Светлана — дама не просто обеспеченная, но по местным меркам богатая, и «дружит только с мужчинами моложе ее самой». Впрочем, все ее рассуждения об отношениях полов и сущности женщин и мужчин чаще всего сводятся к довольно циничным афоризмам, очень традиционным, и отнюдь не оригинальным. Создается впечатление, что светская мадам хорохорится нарочно, чтобы не видеть и не слышать правды, которую от себя едва ли скроешь. В чем она состоит, эта правда? Да все в том же, что и всегда, читайте роман и делайте выводы.

Замечу, что и действующие лица отдельных эпизодов (которые вполне можно назвать новеллами, вкрапленными в основное повествование) тоже «не блещут» особыми достоинствами. Их поведение определяется «пятью чувствами и тремя вождениями». А как иначе, могут меня спросить. Или вы, почтенный, не так живете? А давайте-ка определимся, что дело не во мне и не в вас, и вообще ни в ком.

И дело не в том, как живем, а в том, как следовало бы жить. Да, и аз грешный не монах, всякое бывало, не собираюсь я скатываться в ханжеские нравоучения; а по сравнению с нравами римлян времен краха империи все описанные мимолетные приключения персонажей романа сродни, как говаривал великий комбинатор, «невинной детской игре в крысу», но... Но есть некие табу, которые, скажем, я и мои товарищи, воспитанные, кстати, в дворовых командах, не нарушили до сей поры. Например, жена друга, как бы ты к ней не относился, для тебя не более, чем сестра, и спать с ней, особенно на следующий день после свадьбы – грех практически смертный для обоих. Ведь вопрос встает неотвратимо, а что, собственно дальше, и как теперь со всем этим жить? И ей, с изначально «рогатым» мужем, и ему, испоганившему дружбу, если она вообще существовала. Да и удар по башке сковородкой, в другом эпизоде, как способ возвращения в семью мужа, гуляющего налево, воспринимается точно в кривом зеркале, вызывая скорее досаду, чем смех. Во всяком случае никого из участников коллизии он положительно не характеризует. Напрашивается реплика из популярной комедии: «Как же вы с мужем-то живете? Это же сплошные именины души и сердца!». Возможно, подобные картинки автору нужны, дабы неявно, но убедительно показать, мол, человек современный «болеет» теми же нравственными хворями, как и его предшественники, и далекие, и близкие. Однако же далеко не все, отнюдь не все. Опять-таки, еще одна зарисовка — любовь на лестничной площадке под влиянием «паров» выпитого «а-ля горнист» портвейна. Знаем, проходили и такое в пору юности туманной. Не от хорошей жизни проходили, приткнуться было некуда. Это скорее нечто атавистическое, если вообще не постоянно присутствующее в любом времени «приключение», ни хорошее, ни плохое, просто оно есть и все.

Эти сценки, конечно, из жизни, ничего не придумано. Важно еще и то, что роман, при определенной мозаичности не распадается на отдельные части, байки, побасенки. Красная нить видится повсюду, исследование места, роли и сущности женщины в современном «человечнике» идет своим чередом, и если читатель сконцентрируется на данном вопросе с самого начала, ни одна страница романа не останется вне темы. Спорные моменты? Конечно, они присутствуют. Но разве автор призывает нас во всем с ним соглашаться? Нашему вниманию предлагается интересный и вполне обоснованный взгляд на конкретную проблему. И сие по-настоящему ценно.

Вообще, по прочтении «Женщины в человечнике», у меня возникло двойственное чувство. С одной стороны как-то все не очень обнадеживающе, даже удручающе обстоит с современной женщиной, а заодно и с мужчиной конечно же, и еще неизвестно с кем хуже (а возможно даже известно. Надеюсь, что расшифровки не требуются). С другой, все-таки автор исподволь подводит читателя к тому, что как бы не менялись наш мир и образ жизни, вечные ценности все равно восторжествуют, и женщина останется и матерью, и женой, и верным другом, продолжательницей бытия, если, конечно, мужчина сохранит свои истинные и лучшие качества. Да, современная реальность стремительна, жестока, порой неумолима, и зачастую ставит перед нами вопросы, казалось бы, неразрешимые. А извечная женская доля с поправкой на «сегодня» становится еще сложнее, и необходимость выбора направления самореализации может навсегда сбить с толку и заставить пойти ложным путем, непоправимо изломав жизнь и судьбу. Но мне кажется, что автор верит в лучшее, в прекрасное, оставляя женщине способность и возможность во все времена быть для нас идеалом, то есть объектом того чистого и спасительного чувства, что зовется любовью.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

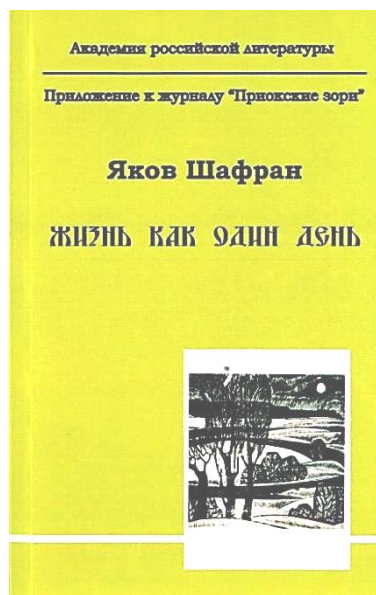
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2019.— № 2.
2. *Общеписательская* литературная газета.— 2019.— №№ 1—4.
3. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2019.— №№ 1, 2 (в обоих номерах опубликованы материалы Алексея Яшина).
4. *Николай Макаров*. Знаменитые десантники 106-й Тульской.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2019.— 79 с.
5. *Николай Макаров*. Женщины-медики Тулы на войне: краткий биографический справочник.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2019.— 106 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Алексей Яшин*. Женщина в челоуейнике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Николай Лесков*. Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе.— Тула: ООО «Аквариус», 2018.— 60 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Подарочное нумерованное издание, вручаемое лауреатам всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.
3. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 8.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2018.— 330 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Тульская сторонка*: Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, пьесы для фортепиано, стихи, статьи и рецензии. Вып. 4.— Тула: Изд-во Аквариус, 2019.— 100 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Яков Шафран*. Так чувствует сердце: публицистика разных лет.— М.: «Новые Витражи», 2019.— 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматуриу;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классиче-

ской русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори»» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2019-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

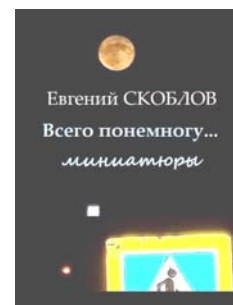
В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

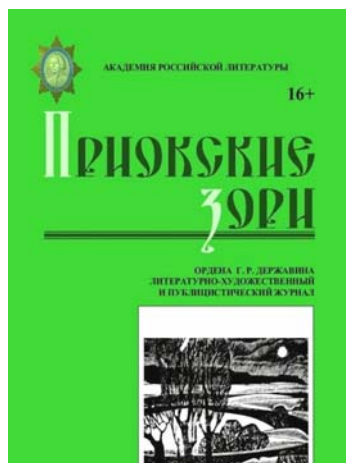
Уважаемые друзья, коллеги!
В рубрике «ТВОРЧЕСТВО АВТОРОВ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию обзор новой книги члена редколлегии «Приокских зорь», члена Академии российской литературы прозаика Евгения СКОБЛОВА «ВСЕГО ПОНЕМОГУ...», миниатюры, — М.: 2019.

В книгу включены миниатюры и афоризмы из сборников «Семь дней в Хмельницком» (Симферополь: «ДОЛЯ», 2008), «Каланча и лягушки» (Москва, Твор-248

ческий центр «Содружество», 2014) и работы, написанные в период с 2015 по 2018 годы, объединенные в сборник «Знаки и люди». Также миниатюры Евгения публиковались в периодических литературных печатных и интернет-изданиях, среди которых: коллективный сборник «Новые Лица Современной Российской Литературы 2012» (STELLA, Германия, 2012. Международная гильдия писателей — International Guild of Writer — Internationale Schriftstellergilde, 2012), подборка на сайте Литературного объединения «ЛАДОГА» (г. Лобня), сборник миниатюр в болгарском издании — литературной газете «Литературен свят» (в переводе на болгарский язык Татьяны ЛЮБЕНОВОЙ) и некоторых других.

Евгений СКОБЛОВ — прозаик, член МГО Союза писателей России, Академии российской литературы. Автор шестнадцати книг прозы крупных и малых форм. Участник более семидесяти российских и зарубежных периодических литературных изданий. Лауреат литературных премий имени А. П. Чехова, имени М. Ю. Лермонтова, дипломант нескольких конкурсов «ЛУЧШАЯ КНИГА» Московской городской организации Союза писателей России.

***Информационное письмо «Приокских зорь»
№ 3 от 17 февраля 2019 года***

Уважаемые авторы журнала «Приокские зори»!

Сообщаем, что в составе редколлегии журнала произошли изменения: подал в отставку зав. отделом поэзии Владимир Вадимович Резцов — по причине занятости на основной работе. Руководство журнала искренне благодарит Владимира Вадимовича за многолетний квалифицированный труд. Далее он остается в редколлегии в качестве ее члена.

По проведенному нами открытому интернет-конкурсу на освободившуюся вакантную должность новым зав. отделом поэзии утвержден известный поэт и организатор русского литературного процесса Николай Николаевич Тимохин (г. Семипалатинск, Казахстан) — начиная с № 1, 2019 «ПЗ». То есть теперь все

поэтические предложения в журнал просьба слать Николаю Николаевичу по адресу: timohin63@yandex.kz. Для высылки материалов для <возможного> опубликования в журнале просьба руководствоваться — в части объема <на «выбор» — материалы не рассматриваются> и оформления — «Правилами оформления» (см. на нашем сайте <http://www.pz.tula.ru>, № 4, 2018 «ПЗ», стр. 306). Пользуясь случаем, напоминаем: № 3, 2019 «ПЗ» будет посвящен 85-летию создания Союза писателей СССР. Принимаем материалы по теме этого Юбилея. ...А для № 4, 2019 «ПЗ» принимаются материалы к юбилеям М. Ю. Лермонтова, Я. П. Полонского (200 лет!), Зинаиды Гиппиус и Оскара Уайльда.

Редакция «Приокских зорь»

21 февраля в «Книжной лавке писателя» на Кузнецком мосту, в теплой, дружеской обстановке прошла презентация книг президента Академии российской литературы – Бориса Константиновича Рябухина. Автор представил две свои изданные книги: «Крымская «Венера» (роман) и «Любовиада» (Стихотворения). Поздравить автора с выходом новых произведений пришли его коллеги и друзья. Прозвучало много стихов и песен. От всей души еще раз **поздравляем** Бориса Константиновича с прекрасными работами и желаем новых творческих успехов.

Информационная служба АРЛ

Популярное среди писателей и музыкантов тульское издательство «Аквариус» (бывшее «Гриф», на ул. Октябрьской 81-А) порадовало очередным, четвертым, выпуском музыкально-литературного альманаха «Тульская сторона». В нем представлено творчество авторов из Алексина, Донского, Ефремова, Каменского района, Новомосковска, Одоева, Плавска, Тулы, Черни, Щекино. Заглавная статья альманаха посвящена тульскому Лицею искусств, хорошо известному за пределами города и области, впервые публикуется также Гимн этого учебного заведения.

Особенно приятно то, что администрация лицея поддерживает Объединение тульских композиторов — Отчетный концерт нашей организации вот уже в пятый раз прошел на сцене лицея.

Петр Алешкин поделился публикацией:

Сегодня, 15 марта, Юрию Бондареву исполнилось 95 лет!

Я издавал его девяти томное собрание сочинений. Один и тот же писательский съезд, состоявшийся еще в СССР, избрал его Председателем Союза писателей России, а меня секретарем Правления. Четыре года мне посчастливилось встречаться с ним частенько, работать на секретариатах и пленумах. При нем я учредил Премию имени

Льва Толстого, стал ее Председателем жюри. Юрий Бондарев стал четвертым Лауреатом премии после Валентина Распутина, Василия Белова и Леонида Леонова. Приходилось мне бывать у него дома, много беседовать за рюмкой чая. Разговоры с ним я, к сожалению, не записывал, а вот Александр Арцибашев записал кучу кассет, бывая у него дома. Саша умер пять лет назад. Где теперь эти кассеты. Целы ли? Юрий Бондарев

самый большой русский писатель в мире из ныне живущих на земле! С юбилеем Вас, Юрий Васильевич! Дай Бог Вам встретить свое столетие в здравии и в дальнейших творческих поисках! Ждем Ваших новых произведений!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕСАНТ В ДНР

С 3 по 6 апреля с. г. в Донецкой Народной Республике находился «Литературный десант» Российского книжного союза и Союза писателей России. В составе делегации, кроме управляющего, вице-президента РКС, секретаря СП России Л. Л. Палько, председателя СП России Н. Ф. Иванова, заместителя председателя СП России С. Н. Дмитриева, писателя, лауреата премии правительства РФ в области литературы и искусства С. Ю. Рыбаса находились заслуженная артистка РФ Л. В. Мальцева и народный артист России Ю. В. Назаров.

Посещение ДНР началось с Саур-Могилы, где в 1943 году шли ожесточенные бои с немецко-фашистскими оккупантами, а в 2014-ом — с последователями фашистской идеологии на Украине. Как подчеркнул донецкий писатель В. Русанов, Донбасс — это единственное место в Европе, где в XXI веке людей убивают за родной язык. Русский язык. И писатели России, артисты не могли не поклониться этой героической высоте, олицетворяющей сталинградский Мамаев курган. Тем более, на Донбассе 2019 год наперекор всему объявлен Годом русского языка!

Сама поездка деятелей культуры Российской Федерации в ДНР — это даже не столько гуманитарная акция, показывающая народу Донбасса, что культурные связи между нашими странами крепнут, сколько движение души. Российский книжный союз согласовал с Министерством культуры ДНР саму поездку, издательство «Вече» собрало 5360 книг историко-патриотической направленности на 1.5 млн рублей (50 тематических серий, около 500 названий). Причем книги решено было передать адресно — в конкретные библиотеки Макеевки. Они и были распределены — по 200, 300 штук, в зависимости от количества читателей в них и технических возможностей помещений.

Передача состоялась в Доме искусств имени А. А. Ханжонкова города Макеевки с вручением именных сертификатов заведующим библиотек на передаваемые книги. Л. Л. Палько зачитал приветствие жителям героического края от Президента РКС С. В. Степашина, выразил особую признательность и.о. главы администрации г. Макеевки Валерию Ляховцу и начальнику отдела культуры администрации г. Макеевки Виктории Соколовой за проделанную кропотливую работу, вручив им медали Книжного союза. Так же были вручены почетные знаки, грамоты, благодарности и дипломы Российского книжного союза «За верное и преданное служение книге» представителям макеевской интеллигенции: библиотекарям и учителям словесности, поэтам и писателям, общественным деятелям.

Дни пребывания в Республике были предельно насыщены. Совместно с заместителем министра культуры ДНР Верой Крохмалюк писатели и артисты из России посетили музеи, встретились с коллективом редакции газеты «Макеевский рабочий», где уроженец Макеевки С. Рыбас заверил журналистов, что изыщет возможность оцифровать в Ленинской библиотеке все номера газеты. В свою очередь главный редактор Наталия Леонидовна Хрусталева выразила готовность открыть литературную страничку для поэтов России, которые пишут о событиях на Донбассе. Гости дали обширные интервью на республиканском телевидении, провели большую пресс-конференцию в Донецкой республиканской библиотеке имени Н. Крупской. Во время творческой встречи с интеллигенцией города председатель СП России Николай Иванов вручил членские билеты нового образца донбасцам Ф. Березину, В. Русанову, А. Ревякиной и И. Горбань, состоящих на учете в Союзе писателей России.

Встретились гости с председателем Народного Совета ДНР Владимиром Бидевкой и заместителем командующего Оперативным командованием, полковником Э. А. Басуриным. Руководители ДНР, говоря о возможных сценариях развития ситуации в регионе, озабоченно говорили и о том, чтобы своими действиями и принимаемыми решениями не навредить России, не усугубить ситуацию вокруг нее.

Поклонились российские писатели и артисты памятнику легендарному донбасцу И. Кобзону, возложили скорбные цветы на месте гибели главы ДНР А. Захарченко. В краеведческом музее, восстановленном после попадания снарядов, прошла встреча с донецким кузнецом Виктором Михалевым, который неустанно выковывает розы из осколков снарядов, которыми обстреливают Республику.

Настоящим праздником для жителей города стала концертная программа в исполнении Людмилы Мальцевой и Юрия Назарова в Республиканском академическом Театре юного зрителя. Горячие аплодисменты и искренние слова благодарности от зрителей говорили о том, как соскучились в Республике по встречам с артистами. И как все же мало их едет в ДНР и ЛНР. Опасаются санкций? Но неужели тугие кошельки от зарубежных гонораров важнее пустоты души?

В ходе поездки родилась идея создать книгу «Сто великих людей Донбасса», которую напишут сами жители республики. Л. Л. Палько заверил министерство культуры ДНР, что к осени будет сформирована новая партия книг для передачи в библиотеки — на этот раз исключительно детских. Тогда состоится и новая встреча писателей и артистов с жителями непокоренного края.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Поэт Анатолий Аврутин, лауреат многих международных, национальных и всероссийских литературных премий и постоянный автор журнала «Приокские зори» награжден орденом Франциска Скорины!

25 февраля 2019 года Белорусское телеграфное агентство БЕЛТА сообщило, что государственных наград Беларуси удостоены 143 представителя различных сфер деятельности. Соответствующий указ 24 февраля подписал глава государства Александр Лукашенко.

В списке награжденных единственным удостоенным Орденом Франциска Скорины указан главный редактор журнала «Новая Немига литературная» Анатолий Аврутин.

Указ

Президента Республики Беларусь

25 лютага 2019 г.

№ 90

г.Мінск

Аб узнагароджанні

За шматгадовую плённую працу, узорнае выкананне службовых абавязкаў, выключную адвагу і мужнасць, праяўленыя ў барацьбе са злачыннасцю, пры выратаванні людзей у час пажару і ліквідацыі надзвычайных сітуацый, значны асабісты ўклад у забеспячэнне законнасці і правапарадку, рэалізацыю бюджэтна-фінансавай і падатковай палітыкі, развіццё машынабудавання, хімічнай прамысловасці, чыгуначнага транспарту і грамадзянскай авіяцыі, заслугі ў галіне будаўніцтва, гандлю, сацыяльнай абароны насельніцтва, аховы здароўя, навукі, адукацыі і культуры:

1. Узнагародзіць:

ордэнам Францыска Скарыны

Аўруціна
Анатоля Юр'евіча

— галоўнага рэдактара часопіса "Новая Немига
литературная", члена праўлення грамадскага
аб'яднання "Саюз пісьмэннікаў Беларусі"

В 2009 году Анатолий Юрьевич был награжден медалью Франциска Скорины за вклад в развитие белорусской культуры. И вот сейчас, когда единственному журналу русской литературы в Республике Беларусь «Новая Немига литературная» исполнилось 20 лет, его основатель и бессменный редактор удостоен самой высокой государственной награды для творческих профессий.

Орден Франциска
Скорины

Анатолий Аврутин — выдающийся современный русский поэт, один из самых плодовитых и именитых в Республике Беларусь. В республике и за рубежом издано несколько десятков книг и сборников его стихов, сотни и сотни публикаций в литературных журналах по всему миру. Аврутин — лауреат, пожалуй, всех самых престижных премий русской литературы.

Анатолий Юрьевич всегда в центре общественно-литературной жизни, являясь членом правления Союза писателей Беларуси. Он также щедрый товарищ и учитель для молодых литературных дарований. На протяжении 20 лет, являясь редактором литературного журнала, он всячески помогает становлению молодых писателей и поэтов. <...> Анатолий Юрьевич составил Антологию западнорусской поэзии, которую по данным счетчика сайта прочло почти миллион посетителей.

Редакция сайта «Западная Русь»

Редакция журнала «Приокские зори» от всей души поздравляет Анатолия Аврутина, члена редколлегии журнала, с высокой наградой и желает ему дальнейших успехов на общественном и литературном фронтах!

**Поэту Владимиру Корнилову присвоено звание
Лауреат литературной премии «Лучший автор альманаха
ЛИТЕРАТУРНАЯ КАНАДА — 2018»!**

Владимир Корнилов является лауреатом всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, учрежденной журналом «Приокские зори», за 2018-й год и нашим постоянным автором.

**Члену редколлегии журнала «Приокские зори» и нашему
постоянному автору Николаю Макарову вручена очередная награда**

19 февраля 2019 года в колонном зале Дворянского собрания на торжественном собрании, посвященном 30-летию вывода советских войск из Афганистана, члену Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, Николаю Макарову губернатор Тульской области Дюмин А. Г. вручил медаль «Трудовая доблесть» 3-й степени (Указ Губернатора Тульской области от 08.08.2018).

Вячеславу Ивановичу Ботю — 90 лет!

Журнал «Приокские зори» поздравляет Вячеслава Ивановича!

Благодаря его активной жизненной позиции в Туле, Белеве, Богородицке, Ефремове, Ясногорске, Алексине, Веневе, Новом Осковске и Черни открылись краеведческие музеи. Без его участия не обходится почти ни одно издание, рассказывающее об истории Тульского края и его сегодняшнем дне, о замечательных людях, будь то путеводитель «Тула. Памятники истории и культуры», сборник «Гордость земли тульской» или тульская «Книга памяти».

Наши самые лучшие пожелания юбиляру!

**НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ**

12 апреля в Туле вышла в свет книга члена Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков МГО СПР, зам. главного редактора — ответственного секретаря «Приокских зорь» Якова Наумовича Шафрана «Так чувствует сердце: публицистика разных лет» (Шафран Я. Н. Так чувствует сердце: публицистика разных лет. — М. : «Новые Витражи», 2019. — 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В сборник вошли философские размышления, статьи о вере, гражданской тематике и по вопросам городской жизни, воспоминания, литературная публицистика, отзывы и рецензии на книги прозаиков и поэтов, статьи, посвященные

Великой Отечественной войне и героической обороне Тулы и Москвы. В книге семь разделов: «Да будет так!», «Главный выбор», «Ближние наши», «Городские мотивы», «Героической обороне Тулы и Москвы», «Работают люди во имя России» и «Пространство любви», в которые вошли шестьдесят произведений. Нравственность, любовь к родному городу — малой родине автора — и к природе средней полосы России, любовь к большой Родине и истинный, глубокий патриотизм, верность памяти воинов ВОВ, отстаивших страну в годы, когда решался вопрос о ее дальнейшем существовании, равнодушие к социальным вопросам и сорадование культурным и творческим успехам людей — вот основа и наполнение книги, которая, без сомнения, будет интересна и полезна читателю.

Дополнительным тиражом в Туле вышла книга «Сказки о Белозере» члена Союза писателей России, Российского союза ветеранов Афганистана, редколлегии журнала «Приокские зори» Макарова Николая Алексеевича (Николай Макаров. М15 Сказки о Белозере: сказки-притчи / под ред. А. А. Яшина. Тула: Изд-во ТулГУ, 2019. 104 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)).

Сказки-притчи Н. А. Макарова — это, по его же словам, «не совсем сказки и даже не сказки, не совсем для детей и даже совсем не для детей». Через их героя Белозера, живущего в лесной избушке рядом с родником живой воды, автор рассказывает читателю о древних славянских верованиях, о народной мудрости, о здоровье и здравии, о знании и труде, о семье и воспитании и о многом другом, что, на его взгляд, является важным, первостепенным в жизни.

Страницы книги пронизаны любовью к России, преданностью стране и своему народу, любовью к русскому слову, познанием его глубинной сущности, стремлением передать эти смыслы читателям.

НАМ ПИШУТ

Белла Верникова

Поэт, эссеист, художник, историк литературы, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме, член Союза писателей Израиля.

ХРОНПАС — ХРОНИКА ВРЕМЕНИ

Выступление на творческом вечере Ефима Гаммера в Иерусалимском Общинном доме 30 января 2019 г.

Прозу Ефима Гаммера отличает жанровое разнообразие, что мы видим и в двух его книгах, вышедших в 2018 г. в России с авторской графикой на обложках и с рисунками автора.

О художнике Ефиме Гаммере говорят авторские обложки книг и изданная в России в 2017 г. издательством Беркхауз, г. Пятигорск, его книга цветной графики из цикла «Иерусалимские фантазии», отмеченная дипломом лауреата международного конкурса «Образ книги» (Москва, 2018) в номинации «Авторская книга».

Об активном участии Ефима Гаммера в современном литературном процессе, кроме его книг и многочисленных публикаций, свидетельствуют номинации и награды актуальных литературных премий, среди них — Бунинская премия, серебряная медаль, Москва, 2008 г.; премия «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007; премия «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году он стал лауреатом (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го меж-

дународного конкурса имени Алексея Толстого. В 2015 году — дипломантом Германского международного конкурса «Лучшая книга года». Диплома удостоена документальная повесть «В прицеле — свастика», выпущенная рижским издательством «Лиесма» в далеком 1974 году.

Повесть «В прицеле — свастика» и военные повести Ефима Гаммера из книги «Осужденный на жизнь» вошли в его новую книгу «Приемные дети войны», изданную в московском издательстве «Вече» в 2017 г.

Ефим Гаммер печатается в «Литературной газете» и в литературных журналах России, Израиля, США, Латвии, Украины, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Дании, Финляндии и других стран.

НАШИ УТРАТЫ

Четвертого апреля ушла из жизни одна из лучших представительниц литературной жизни не только Алтайского края, не только Российской Федерации, но и ближнего и дальнего зарубежья, главный редактор литературного, художественно-публицистического издания «Огни над Бией» — Людмила Максимовна Козлова.

Являясь членом Союза писателей России, она щедро раздавала свет своего поэтического таланта молодым, начинающим авторам, и многие, теперь уже известные поэты и прозаики, нашли свой неповторимый творческий путь с ее легкой руки.

На 71-м году ушла из жизни Людмила Максимовна Козлова (Кузнецова) — поэт, прозаик, редактор. Член Союза писателей России с 1994 года. Людмила Максимовна Козлова (Кузнецова) родилась 16 июля 1948 в городе Никольске Вологодской области. Детство и школьные годы прошли на Алтае. В 1971 году окончила Томский государственный университет и аспирантуру. Успешно защитила диссертацию — кандидат наук. Стихи и проза публиковались в центральных журналах «Литературная учеба», «Студенческий меридиан», «Наш современник», альманахе «Поэзия», «Акаде-

мья Поэзии», в журналах «Новая юность», «Новый берег» — № 28, 2010 г. (Дания), в журнале искусства и критики «Клаузура» — вып. 2, 2011 г., в журналах: «Алтай», «Барнаул», «Бийск», «Август», «Парус», «Бийский вестник», «Огни над Бией», «Приокские зори», в альманахе «Ковчег», в антологии «Писатели Алтая» (тт. 1 и 2), в антологии поэтов Сибири, во многих изданиях Общественно-благотворительного Фонда «Возрождение Тобольска», в энциклопедии, изданной к 300-летию г. Бийска, и за рубежом (США, Канада, Дания, Украина, Белоруссия, Венгрия). Отдельными изданиями в Барнауле, Бийске и за рубежом вышли более тридцати книг. Лауреат краевых литературных премий им. В. М. Шукшина (1991 г.), им. Л. С. Мерзликина (2003 г.) и премии Славянского общества в номинации «Литература» (2005 г.). Лауреат Международного литературного конкурса им. Сергея Михалкова (2008 г.) — за рукопись сказок для детей. Победитель краевого литературного конкурса на издание литературных произведений (губернаторский конкурс) — 2009 и 2015 г. Лауреат премии Алтайского края в области литературы (2010 г.), победитель краевого литературного конкурса фантастики (2012 г.). Лауреат Международного литературного конкурса «Лучшая книга года» — 2014 в номинации «Фантастика» (Берлин, Германия) и финалист в номинации «Остросюжетная проза» — 2017 год (Берлин — Франкфурт). Награждена специальным Дипломом Берлинского литературного института им. А. П. Чехова за развитие культурных связей с Германией. Руководитель и издатель проектов для молодых писателей — книжной серии «Блиц», 2002—2005 гг. (издано 15 книг молодых авторов г. Бийска), основатель и издатель литературного художественно-публицистического журнала Бийского отделения СП России «Огни над Бией» — издается в течение пятнадцати лет и по настоящее время. В 1994 году принята в Союз писателей СССР — ныне Союз писателей России. С 2016 года — член Всемирной Корпорации писателей (ВКП), директор регионального отделения ВКП на Алтае.

*Николай Тимохин,
член Союза журналистов России,
член Союза писателей России,
г. Семпалатинск, Казахстан*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом);
2) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

5) для стихотворений заголовки (названия) выравнивать по центру, шрифт — полужирный. Сам текст выравнивать по ширине с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный.

6) общий объем представленного материала — не более 5 стандартных страниц формата А4 (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал — единичный). Для поэз объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

2. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле и в файле с фотографией. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом); Размер фотографии — 4×5 см.

2) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5. Поля страницы — слева 2 см, справа 2 см. Таких параметров абзаца и страницы — шрифтом обычным придерживаться и далее.

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии, представленной и отдельно.

1. Фотографию выслать отдельным файлом (кроме той, что помещена рядом с текстом).

2. Пропорции должны быть в соотношении 5:4.

3. Фотография по пояс, изображение лица занимает не менее 30 % площади рисунка.

4. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

5. Фотография должна быть резкая, выполненная с хорошим разрешением, фотоаппаратом не менее 5 МПс.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадия Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: timohtin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов

Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов

Компьютерный набор: авторы

Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

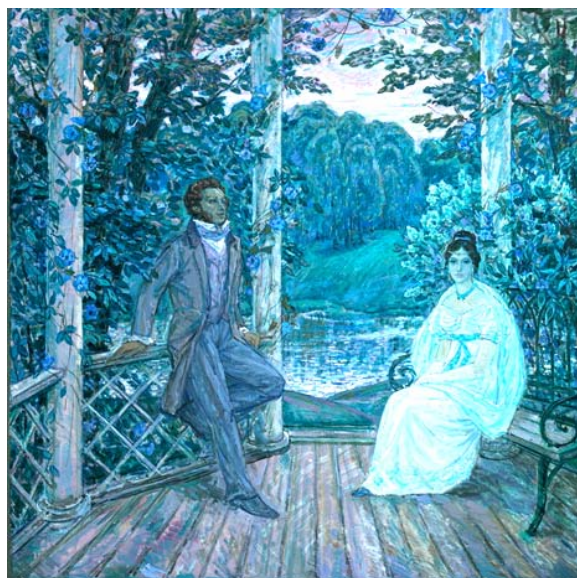
Дата выхода в свет 05.06.2019
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА
ОБРАЗ ПОЭТА СКВОЗЬ ВРЕМЯ**
Из собрания Тульского областного художественного музея

*Моисеенко Е. Е. (1916—1988). Натюрморт с рисунком А. С. Пушкина. 1976 г.
Картон, масло. 140×150*

*Павлишак И. А. (1923—1995). Пушкин в Полотняном заводе. 2-я половина XX в.
Холст, масло. 134×134*

**К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА
ОБРАЗ ПОЭТА СКВОЗЬ ВРЕМЯ**
Из собрания Тульского областного художественного музея

Теребенев А. И. (1815–1859). А. С. Пушкин. 1837 г. Чугун, литье. В. 45

Аникушин М.К. (1917–1997). А. С. Пушкин. Модель скульптуры для МГУ. 1952 г. Гипс тонированный. 190×79×60

Самылов С. Н. (род. 1936). А. С. Пушкин. 1988 г. Камень. 64×23×15

Семенов С. С. (1932–2012). Портрет А. С. Пушкина. 1997 г. Мрамор. 45×35×35